ГУКОВСКИЙ и ТРАХТЕНБЕРГ

КРАТКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. И. КУШНЕР

ДОПУЩЕНО ГУС'ом

ИЗД-ВО КОМ. У-ТА им Я. М. СВЕРДЛОВА
МОСКВА - 1930

ГУКОВСКИЙ А. И. и ТРАХТЕНБЕРГ О. В.

КРАТКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Под редакцией П. И. КУШНЕРА

с 80 рисунками

IV-е СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОПУЩЕНО ГУС-ом в качестве учебного пособия для рабфаков, школ взрослых повышенного типа и Техникумов

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Я. М. СВЕРДЛОВА МОСКВА — 1930

Отпечатано в Тверской
Гостипографии имени
Карла Маркса.
Главлит № А—63078.
Тираж 5.000. Зак. № 2683.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее 4-е, в сравнении со 2-м изданием, издание выходит в исправленном виде и с некоторыми дополнениями.

Значительно расширен отдел о феодализме. Добавлено „Заключение", посвященное вопросу о внекапиталистическом пути развития. В остальных главах исправлены отдельные погрешности и сделаны незначительные исправления и дополнения.

Распределение глав между авторами осталось прежним.

А. И. Гуковским написано „Введение", главы: „Родовое общество", „Феодализм", „Город в феодальную эпоху", „Политический строй и идеология в эпоху торгового капитала" и „Переход к эпохе промышленного капитала", а также „Заключение".

О. В. Трахтенбергом написаны главы: „Первобытное общество", „Торговля и промышленность эпохи торгового капитала" и „Сельско-хозяйственный строй и крестьянские движения эпохи торгового капитала".

I. ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Общая характеристика истории развития общественных форм.

Наш Союз—единственная в мире страна строящегося социализма. За ее границами раскинулись страны капитализма: наши соседи и вместе с тем злейшие враги. Мы должны очень внимательно присматриваться к жизни капиталистического мира. Чтобы победить врага, его надо прежде всего изучить.

Есть специальная наука, изучающая законы капиталистического общества. Это политическая экономия. Она вскрывает внутренний механизм—колеса, винтики и пружины—капитализма. Но политическая экономия изучает только сложившийся капиталистический строй. Между тем это неизвечная форма общественных отношений. До нее существовали другие формы. Если мы не будем интересоваться докапиталистическими отношениями и тем, какими путями сложился капитализм, нам не понять причин, ведущих этот строй к неизбежной гибели. „История развития общественных форм“ выполняет эту предварительную задачу ознакомления с путями происхождения капитализма. Она рассказывает, как человечество пришло к капитализму, какие отношения существовали перед тем и почему различные общественные отношения приходили на смену одно другому.

Отличие курса от других исторических наук.

Хотя наш предмет содержит в своем названии слово „история“, но все же он существенно отличается от исторических наук в обычном смысле этого слова. Таких исторических наук или, вернее, всевозможных ответвлений единой науки истории существует неопределенно-большое количество. Каждое из них ограничивает себя кругом тех или иных вопросов (история классовой борьбы, история религии, история литературы,

история профессионального движения, история сельскохозяйственной техники и т. д. и т. п.), каким-нибудь отрезком времени (во время Парижской коммуны, в течение XIX века, после Октябрьской революции и т. д.) и, наконец, известными географическими границами (Германия, Азия, Московский уезд, РСФСР и т. д.).

Коротко говоря, всякая история занимается изучением той или иной темы, ограничивая себя географическими и хронологическими *) рамками.

Вот, к примеру, названия некоторых ответвлений истории: „История классовой борьбы в Западной Европе в XIX веке", „История послевоенного профессионального движения во Франции", „История крепостного хозяйства в России в XVIII веке" и т. д.

Из всех этих примеров видно, что история всегда повествует об отдельных, вполне определенных (конкретных) явлениях и событиях.

Иначе обстоит дело с „Историей развития общественных форм". У этой науки свои пути научной работы. Она пользуется материалом, доставляемым различными отделами истории. Собирает и внимательно изучает множество исторических примеров. В каждом отдельном случае она старается подметить общие черты, которые повторяются в целом ряде отдельных случаев. Затем она эти общие черты соединяет воедино и говорит уже не об отдельных явлениях, а о типах явлений. Так, рассмотрев целый ряд исторических примеров классовой борьбы в эпоху господства торгового капитала, история развития общественных форм делает вывод, что во всех этих примерах есть кое-что общее. Везде в это время можно наблюдать, что эксплоатация крестьян увеличивается, что крестьянство протестует против ухудшения своего положения путем восстаний, что мелкие землевладельцы—дворяне—борются с крупными из-за земли и т. д. История развития общественных форм подмечает все эти общие черты и приходит к выводу, что в эпоху господства торгового капитала всегда имеет место определенный тип классовой борьбы. Поэтому наша наука говорит уже не об истории классовой борьбы в эпоху господства торгового капитала России или

*) „Хронология" значит летосчисление, исчисление времени.

Франции, а вообще о классовой борьбе эпохи торгового капитала. Таким же путем говорится о типах государственной власти или о формах семьи в ту или иную эпоху, о технике, о науке на известной ступени развития общества и т. д.

Итак, „История развития общественных форм" обладает несколько своеобразным методом (способом) научной работы, который отличает ее от настоящих исторических наук и в то же время сближает с другой наукой, называемой „социологией" *).

Социология.

Дословно „социология" означает „наука об обществе". Человеческое общество—чрезвычайно сложная организация. В нем беспрестанно происходит множество разнообразнейших явлений. Борются друг с другом различные классы, производится бесконечное множество разных продуктов, появляются новые литературные произведения, образуются политические партии и различные союзы, завязываются брачные и семейные связи, издаются законы, ведутся войны...

Постоянное, многократное наблюдение за всеми этими проявлениями жизни человеческого общества показывает, что они совершаются в известной зависимости друг от друга, что в них нет места для случайностей, но все обусловлено известной закономерностью.

Социология и занимается изучением этой закономерности в жизни человеческого общества.

Эту науку можно сравнить с другой наукой—с физиологией, которая изучает законы жизни не человеческого общества, но человеческого организма. Обе эти науки, каждая в своей области, стремятся установить причинную связь между различными явлениями. Наблюдая два каких-нибудь процесса, они выясняют, какой из них является причиной, а какой следствием. Физиология, например, установила, что течение крови по кровеносным сосудам происходит до тех пор, пока работает сердце, или что испарения пота, покрывающего кожу, понижают ее температуру. Таковы законы физиологические.

---

*) Все слова, кончающиеся слогом „логия", означают обыкновенно наименования наук: зоология, физиология, социология, биология и т. д. Слог „логия" происходит от греческого слова „логос", что значит „слово" или „наука".

Социология, в свою очередь, устанавливает ряд законов о жизни человеческого общества. Так, например, установлено, что образование общественных классов неизбежно приводит к классовой борьбе; что появление государственной власти тесно связано с классовым строением общества и т. д.

Подобные выводы, основанные на изучении истории многих народов в разные времена, называются социологическими законами.

„Базис и надстройки". Прежде, чем говорить о причинной связи между различными явлениями в жизни человеческого общества, социология распределяет все бесконечное разнообразие отдельных явлений на несколько групп. Социологи-марксисты устанавливают 5 таких групп: 1) производительные силы, 2) производственные отношения, 3) политический строй, 4) общественная психология и 5) идеология.

Первые две группы относят к экономическому „базису" (основе), вторые три—к „надстройкам".

Изобразим схематически все эти группы:

Надстройки.	V. Идеология.
	IV. Общественная психология.
	III. Политический строй.
Экономический базис (хозяйство).	II. Экономические отношения.
	I. Состояние производительных сил.

А теперь поясним кратко, что означает каждый ряд нашей схемы, и посмотрим, в какой зависимости между собой находятся все эти ряды.

Производительные силы. Под производительными силами понимают, прежде всего, рабочую силу и средства производства. Средства производства—это орудия труда: инструменты, машины, станки, различные приспособления и материалы, которыми пользуется человек. Пользование средствами производства требует не только наличия рабочей силы, но и определенной ее квалификации, трудовых навыков, то-есть уменья людей использовать материальные возможности, имеющиеся в их распо-

ряжении. Мало владеть хорошими машинами, нужно уметь ими пользоваться. Одинаково низкой будет техника тех крестьянских хозяйств, которые не обладают тракторами, и тех, у которых тракторы хотя и имеются, но не действуют, так как крестьяне не умеют ими пользоваться. В период империалистической войны и потом, особенно во время гражданской, техника нашей страны падала не только потому, что изнашивались и разрушались фабрики, заводы и железнодорожный транспорт, но и потому, что распылялась квалифицированная рабочая сила.

Большое влияние на производительные силы оказывают и природные условия. Климат, почва, ископаемые богатства, близость к морю—все это отражается на „уровне производительных сил“. Прекрасные сельскохозяйственные орудия и самые опытные рабочие будут бессильны наладить сельское хозяйство на крайнем севере, где холод препятствует выращиванию злаков; нельзя добывать нефть там, где нет ее месторождений, и т. д.

Производственные отношения.

Под экономическими или производственными отношениями понимают те отношения людей друг к другу, в которые они вступают в процессе производства. Только в сказках возможна жизнь совершенно одинокого человека на необитаемом острове. В действительности люди всегда живут в обществе, то-есть большими или меньшими группами. Это может быть небольшая орда в 50—60 человек или государство с многомиллионным населением. Трудовая деятельность людей связывает их друг с другом множеством нитей. Это и есть производственные или экономические отношения. Сюда надо отнести разные виды собственности, разные формы разделения труда между всевозможными специальностями и профессиями: например, отношения (во время работы) между мастером и рабочим, между кузнецом и молотобойцем, заготовщиком и сапожником, и т. д. Сюда же войдут отношения между заказчиком и ремесленником, между торговцем и покупателем—словом, отношения обмена. Сюда же следует причислить все классовые отношения: отношения между капиталистом и рабочим, крестьянином и помещиком, и т. д.

Все производственные отношения даже примерно нельзя перечислить—так они многочисленны и разнообразны.

Характер всех этих видов экономических отношений зависит от степени развития производительных сил, которыми располагает общество. Первобытные люди имели столь незначительные производительные силы, что не могли соединяться в группы, превышающие несколько десятков человек. Их трудовые навыки, их орудия труда были столь плохи и грубы, что не могло быть ни разделения труда, ни обмена. И наоборот, в капиталистическом обществе экономические отношения людей необычайно сложны, потому что производительные силы этого общества достигли громадного развития. При помощи торговли капитализм связывает самые отдаленные концы земного шара. Жители Китая, например, находятся в экономических отношениях с любым европейцем или американцем, покупающим китайский чай; жители Австралии пользуются множеством европейских товаров, и так далее без конца...

Политический строй.

До сих пор речь шла о тех явлениях, которые мы условились называть „экономическим базисом". В зависимости от него и в первую очередь от классовой структуры так или иначе складывается политический строй общества—это „надстройка" первого порядка. Политический строй наиболее ярко представлен организацией государственной власти.

Примером зависимости политического строя от экономического „базиса" может служить государственный строй тех стран, в которых господствуют капиталистические классовые отношения, где существует, иными словами, капиталистическое хозяйство. Здесь все находится на службе у капиталистов: администрация, суды, печать, армия, полиция, церковь—все это покорные слуги правящего там класса.

Общественная психология и идеология.

Перейдем теперь в верхние этажи нашего здания—в область общественной психологии и идеологии. Что понимают под *идеологией*? Сюда входят: всевозможные науки, искусство, религия, философия. Все это более или менее законченные *системы*, отдельные частицы которых в той или иной степени строго прилажены друг к другу. От идеологии надо отличать то, что называют „общественной психологией". Тов. Бухарин так поясняет это различие:

„Наука—это связанные, прилаженные друг к другу систематизированные мысли, стройными рядами

обнимающие какой-либо предмет познания. Искусство— это система ощущений, чувств, образов. Мораль—это внутренне-убедительные правила поведения, опять-таки более или менее строго прилаженные друг к другу. То же можно сказать и о многих других идеологиях. Но в общественной жизни мы наблюдаем громаднейшую область непродуманного, несистематизированного, где вовсе не обязательно сведены концы с концами. Возьмите так называемое „обыденное мышление" о каком-нибудь предмете в противоположность „научному" мышлению. Первое—это обрывки некоторых сведений, беспорядочные, разбросанные мысли, тут будет масса противоречий, непродуманностей, странностей. Все это должно быть обработано, взято под критическую лупу, проверено, освобождено от противоречий,—только тогда мы получим переход к науке. Но ведь обычно и живут „обыденным"... Существует масса вот этаких несистематизированных элементов: обрывочных мыслей, чувств и желаний в области отношений людей друг к другу, вкусов, приемов мыслить, непродуманных, „полусознательных", смутных представлений о „хорошем", о „дурном", о „справедливом" и „несправедливом", „красивом" и „безобразном"; жизненных бытовых привычек и взглядов; устремлений и идей относительно хода общественной жизни, чувств радости или печали, недовольства и гнева, жажды борьбы или беспросветного отчаяния, разнообразнейших оценок и смутных надежд и идеалов... Вот эти явления в их общественном масштабе и называются общественной психологией. Отличие общественной (или, как говорят иначе, „коллективной" либо „социальной") психологии от идеологии заключается, как мы видим, в степени систематизации. Идеология-это „систематизированные сгустки общественной психологии".

Связь „базиса" с „надстройками".

Идеология пристроилась высоко под самой крышей нашего здания, но, в конечном счете, и она опирается на фундамент—на производительные силы общества. Эта связь между идеологией и производительными силами распознается не всегда одинаково легко, но иногда она прямо бросается в глаза. Возьмем, к примеру,

развитие науки. Она всегда стояла в тесной зависимости от потребностей экономической жизни: астрономия возникла из потребности ориентироваться в море и в степи по звездам, из потребности в точном делении времени: химия появилась на почве роста промышленного производства, в особенности—горного дела; география возникла в результате расширения торговли, и т. д.

То же можно сказать и относительно других областей идеологии.

Повторим кратко, к чему сводится в конечном счете зависимость между всеми этажами нашего здания.

В основе всех изменений в жизни человеческого общества лежит уровень развития производительных сил. В зависимости от него находятся производственные или экономические отношения. Обе эти группы явлений образуют так называемый „экономический базис“ (основу) в отличие от остальных групп явлений, называемых „надстройками“. Социально-политический строй обусловливается состоянием экономического базиса. Совокупность же свойств экономического базиса и социально-политического строя обусловливают тот или иной характер общественной психологии и идеологии.

В одном из писем Маркса мы находим такую формулировку этой зависимости „надстроек“ от „базиса“:

> „Возьмите определенную степень развития производительных сил людей,—и у вас будет определенная форма обмена и потребления. Возьмите определенную степень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов—словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество,—и вы получите определенные политические отношения, которые являются официальным выражением гражданского общества“. (Письмо Маркса к П. В. Анненкову).

Такова связь между различными явлениями в жизни общества. Но эта связь может быть установлена лишь в конечном счете. Далеко не всегда можно проследить непосредственную зависимость того или иного явления идеологического порядка от влияния экономического базиса.

Кроме того надо иметь в виду, что идеология и политический строй („надстройки"), обусловливаемые тем или иным состоянием производительных сил и экономических отношений, в свою очередь, оказывают влияние на этот „базис".

Вот разительный пример: теория ленинизма (область идеологии) и диктатура пролетариата (область политического строя) резко изменили не только классовые взаимоотношения страны, но оказывают могучее влияние и на рост ее производительных сил.

Таково взаимодействие базиса и надстроек.

Подготовленные предшествующим изменением экономического базиса надстройки сами, в свою очередь, влияют на дальнейшее развитие базиса. Политический советский строй и торжество идей ленинизма—возникшие в результате предшествовавшего хозяйственного уклада жизни, в результате определенного взаимоотношения классовых сил—создают новый хозяйственный уклад и новые классовые соотношения.

Итак, в основе всех явлений общественной жизни лежит экономический строй общества: производительные силы и производственные (экономические) отношения.

Таков основной закон общества.

Этапы общественного развития (формации).

Внимательное изучение современного общественного строя, а также изучение всего того, что нам известно о прошлом человечества, убеждает нас, что в развитии общества было несколько этапов. Каждый из этапов или „ступеней развития" характеризуется прежде всего своеобразным экономическим и политическим строем. Затем—каждая из этих ступеней развития отличается от другой и характером своих идеологий.

Если сличить этапы развития экономического строя с этапами развития политического строя или идеологий, то оказывается, что каждая ступень в экономике неизбежно связана с вполне определенными формами политического строя и идеологии. Поэтому, зная состояние производительных сил и экономические отношения какого-нибудь народа, можно, более или менее безошибочно, предсказать, какая у него должна быть социально-политическая организация. Например, зная, что где-нибудь имеется машинная техника и капиталистические классовые отношения (это означает,

что буржуазия господствует над пролетариатом), можно утверждать, что там же существует сложный механизм капиталистического государства.

Рассуждая таким образом и всякий раз беря за основу экономическое состояние общества, социология разбила различные типы общественной организации на следующие ступени или „формации“:

1. Первобытное общество.
2. Родовой строй.
3. Феодализм.
4. Капиталистический строй.
5. Социализм и коммунизм.

В нашем курсе „Истории развития общественных форм“ изучаются не все перечисленные общественные ступени, но лишь первые три и начальный этап в развитии капитализма, именуемый эпохой господства торгового капитала.

Здесь нецелесообразно давать подробную характеристику перечисленных ступеней, так как этому будет посвящен весь дальнейший курс. Поэтому ограничиваемся одним их перечислением.

Условный характер ступеней.

Говоря об этапах развития общества, всегда надо помнить, что распределение различных ступеней человеческой культуры на несколько определенных типовых эпох *) производится с большим „округлением“ материала.

Пожалуй, только о самом первобытном состоянии общества можно говорить как о чистой форме, совершенно лишенной элементов других укладов (ступеней) общественной жизни. Во всех же остальных случаях, когда упоминается та или иная эпоха, всегда имеется в виду, что свойства данной эпохи только преобладают, но что на ряду с ними можно обнаружить достаточное количество частиц, сохранившихся от предыдущих уже отживших эпох (ступеней), а также и таких, которые являются зародышами следующего более высокого состояния общества.

Возьмем, например, СССР. В целом наша страна переживает период социалистического строительства,

*) Каждая ступень длилась у определенного народа большее или меньшее количество времени, поэтому такие ступени можно назвать „социологическими эпохами“ или просто „эпохами“.

Удельный вес элементов социалистического характера преобладает в общей системе народного хозяйства, но на ряду с ними сохраняется еще много более примитивных форм хозяйства. Пестрота форм нашего хозяйства была в свое время отмечена тов. Лениным. Он писал по этому поводу: „... не всякий... размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса“.

Перечислим эти элементы:

1. Патриархальное, то-есть в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство;

2. Мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3. Частно-хозяйственный капитализм;

4. Государственный капитализм;

5. Социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом“. (Ленин— т. XVIII, ч. I, стр. 188).

Особое многообразие хозяйственных форм, наблюдающихся в СССР, об'ясняется и тем, что в России до революции капитализм был слабо развит и тем, что мы переживаем сейчас эпоху *переходную* от капитализма к социализму. Но если взять страну с более чистой формой хозяйства, страну, допустим, капиталистическую в роде Англии или Франции, то и в ней всегда можно обнаружить некоторые элементы хозяйства, сохранившиеся от более ранних периодов.

Сказанное относится не только к настоящему времени, но и к прошлому. Нельзя, например, указать ни одной страны, которая пережила бы эпоху феодализма в подлинной, стопроцентной чистоте. Всегда в период феодализма можно было заметить кое-что от прошлых родовых отношений и от будущих торгово-капиталистических.

Поэтому, говоря, например, что во Франции феодальный строй существовал с IX по XII в., никто не думает, что IX и XII века—это какие-то грани, *за пределами* которых нет ничего феодального и *в пределах* которых был чистейший феодальный строй, не знающий ничего не феодального.

Повторяем—не приходится говорить о совершенно чистых эпохах. Называя ту или иную эпоху, мы делаем это условно, имея в виду, что элементы данной эпохи лишь преобладают в жизни общества.

Надо иметь в виду и еще одно обстоятельство.

Перечисленные ступени развития—это лишь общее направление, по которому идет человечество. Однако, далеко не все народы проходят этот путь с одинаковой скоростью: этим только и об'ясняется, что в настоящее время на земном шаре можно найти у разных народов почти все ступени общественного развития (за исключением первобытной), хотя все народы имеют одинаковую древность. В своем развитии некоторые народы отстали, а кое-кто повернул и вспять.

Надо только отметить, что чем выше уровень развития производительных сил, которыми располагает общество, тем быстрее темп его дальнейшего развития. Первобытное состояние длилось сотни тысяч лет, феодализм господствовал чаще всего несколько столетий, период промышленного капитализма нигде не задерживался на много больше, чем на одно столетие, уступая место господству финансового капитала, а этот последний, не успев утвердиться, шатается и готов рухнуть, чтобы расчистить путь социалистическому строю. И только социалистическая, а потом коммунистическая организация общества окажутся гораздо более устойчивыми. В них не будет места классовой борьбе. Человечество освободится от этой борьбы и сможет всю свою энергию направить на покорение сил природы. Движение со все ускоряющимся темпом пойдет тогда по одному только этому пути.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 1 *).

Приведите несколько названий исторических наук. Как ограничивает себя всякая историческая наука? Что такое социология? Чем она

*) Проверочные вопросы будут нами приводиться в конце каждого параграфа. Ответы на эти вопросы должны выявить самому учащемуся степень усвоения фактического материала, содержащегося в данном параграфе. Часть вопросов представляют собою простейшие упражнения в роде подбора новых примеров и т. п. Кроме того, в конце каждой главы будут поставлены контрольные вопросы итогового характера. Касаясь наиболее важных, узловых моментов, эти вопросы потребуют от учащегося внимательного и критического изучения всей темы, которая разрабатывается в данной главе.

В конце каждой главы мы также будем давать перечень дополнительной литературы с указанием степени трудности книг. Совсем не требуется прочтения всех книг упомянутых в этих перечнях, тем более,

отличается от истории? Что называют социологическими законами? Какие явления общественной жизни образуют „производительные силы общества“? Что такое производственные или экономические отношения? Приведите примеры таких отношений. Что входит в группу явлений, именуемых политическим строем? Что такое общественная психология? Чем она отличается от идеологии? Приведите примеры каких-нибудь идеологий. Какие группы явлений образуют „экономический базис“ и „надстройки“? В каком отношении находятся „базис“ и „надстройки“? Оказывают ли „надстройки“ какое-нибудь влияние на „базис“? Что понимают под „этапами“ общественного развития? Перечислите основные ступени развития общества. В каком смысле говорят об „условном характере“ этих ступеней? От чего зависит быстрота развития общества? Почему можно думать, что социализм и коммунизм окажутся более устойчивыми ступенями развития чем капитализм?

§ 2. Источники.

Откуда история развития общественных форм берет материал для характеристики той или иной ступени развития общества? Каковы, иными словами, источники этой науки?

Таких источников несколько, при чем для каждой ступени приходится пользоваться по преимуществу то одной, то другой вспомогательной наукой. Один источник нашего курса мы уже знаем: это различные исторические науки. Но мы пользуемся и другими вспомогательными науками. Вот главнейшие из них: этнология (или этнография), археология, геология, палеонтология и языковедение.

История.

Выше было достаточно сказано для характеристики исторических наук. Здесь только добавим, что история пользуется почти исключительно письменными источниками и уже по одному этому обрекает себя на знакомство с очень небольшим промежутком времени, если сравнивать его со всем прошлым человечества. В своем месте мы увидим, что время существования человеческой жизни на земле измеряется сотнями тысяч лет, между тем как для истории доступны изучению всего лишь несколько последних тысячелетий.

Все же, что было до этих последних тысячелетий— выпадает из поля зрения истории. (Это дает основание

что иногда в перечни будут включаться для одного и того же вопроса по несколько названий приблизительно равноценных книг. Это делается для того, чтобы при невозможности разыскать одну какую-нибудь книгу ее можно было бы заменить другой.

называть период времени, недоступный историческому изучению,—„до-историческим периодом“). Таким образом, широко пользуясь историческим материалом для характеристики высоких ступеней общественного развития, социология ничего не может взять от истории для суждения о первобытном состоянии и довольно мало—о родовом строе. Здесь социологи прибегают к другим вспомогательным наукам.

Этнология. Дословно „Этнология“ значит наука о народностях. (Это название переводят на русский язык как „народоведение“). (См. карту № 1 на стр. 24—25).

Этнология занимается изучением жизни различных современных народностей, но не всех народностей, а лишь „примитивных“, т.-е. таких, которые еще не достигли стадии капиталистического развития. Этнология дает огромный и очень ценный фактический материал социологам, но характер этого материала таков, что ограничиться им одним для социологии невозможно. Дело в том, что сейчас не существует ни одной человеческой группы, которая могла бы быть отнесена к ступени первобытного общества. Прежде всего, современные климатические и природные условия совсем не те, в каких жили за много десятков и даже сотен тысяч лет до нашего времени первобытные люди. Одно это не позволяет отожествлять современные самые „дикие“ народности с первобытным обществом. Затем не следует забывать, что уже давно не существует человеческих групп, которые не сталкивались бы с более культурными народностями и не подвергались бы воздействию с их стороны, утрачивая самобытность своей жизни. Наконец, даже самые отсталые современные „дикари“ имеют в общем довольно сложную общественную организацию, не допускающую мысли, что они находятся на ступени первобытного существования.

Итак, для изучения первобытного общества данных этнологии не достаточно.

Гораздо больше этнология может дать для характеристики более высоких ступеней общества, для родового и феодального строя. В настоящее время есть много народностей, не вышедших еще из феодального или родового строя. Так, в довольно чистых формах родового строя живут туземцы Сев. Азии и Южн. Америки (индейцы). Многое от родового строя сохранилось у киргизов средне-азиатских

степей и у горцев Кавказа и некоторых других местностей.

Феодальный строй можно наблюдать во многих его проявлениях у абиссинцев и у туземцев многих тихоокеанских островов.



Рис. 1. Негры племени макараки, мужчина и женщина (Африка).

Но и эти более высокие общественные формации (феодальный и родовой строй) не могут быть изучены только на основании одной этнологии. Здесь надо повторить сказанное выше—об отсутствии в настоящее время совершенно изолированных человеческих групп и о неизбежном

влиянии, которому подвергаются отсталые народности со стороны своих более высоко развитых соседей.

Поэтому социолог вынужден дополнять данные этнологии свидетельствами истории и лишь по совокупности этих показаний рисовать картину феодального и родового общества. Еще в меньшей степени можно положиться на современные наблюдения над торгово-капиталистическими отношениями, т. к. они теперь обыкновенно насквозь пропитаны влиянием более высоких форм капитализма. (Это относится к таким странам, как Китай или Персия, где сохранилось много элементов торгового капитализма, но где в то же время очень велики влияния наиболее развитых капиталистических стран Зап. Европы и Сев. Америки).

При изучении этой эпохи (торгового капитализма) социология еще в большей степени должна прибегать к прошлому (к истории), чем к настоящему.

Пережитки. Впрочем, есть возможность многое почерпнуть и из наблюдения над современностью, даже в тех случаях, когда в обществе вполне установились высокоразвитые капиталистические или еще выше их стоящие отношения (эпохи переходной к социализму). Здесь имеется в виду изучение так называемых „пережитков“. Как мы знаем, человеческие воззрения, нравы, обычаи складываются под влиянием экономического строя. Изменения в экономическом укладе создают новые воззрения, новые нравы, но происходит это далеко не сразу. Нередко при новых экономических условиях жизни сохраняются всевозможные воззрения и обычаи, сложившиеся в период прежних, уже успевших исчезнуть, экономических условий. Вот эти-то „отставшие“ верования, обычаи, воззрения и называются „пережитками“. Изучение их может порою оказать очень важные услуги социологии.

Сейчас мы не станем приводить большого количества примеров пережитков, так как к ссылкам на пережитки придется неоднократно прибегать на протяжении всего курса. Чтобы дать общее представление о том, что понимают под пережитками, ограничимся одним примером. Возьмем обычай погребения покойников. До наших дней здесь сохраняются пережитки глубочайшей древности, самых примитивных религиозных представлений.

Покойника из комнаты всегда выносят обязательно ногами вперед. Есть все основания предполагать, что это когда-то делалось из страха перед покойником, из предосторожности, чтобы покойник не нашел обратной дороги домой. В древние времена для этой же цели тело выносили иногда необычным путем: например, разбирали пол и спускали покойника из верхнего этажа в нижний. Так, по преданию, был погребен древний русский князь Владимир. Вероятно, тот же страх перед покойником привел и к другому обычаю—закрывать глаза покойнику, чтобы он не мог высматривать, кого бы ему утащить из живых.



Рис. 2. Внешний вид пещеры Кеслерлох (восточный вход) (по Гейерзи).

Подобных примеров можно было бы привести великое множество и в разных местах нашего курса нам придется пользоваться „пережитками“, чтобы при их помощи понять общественный быт и идеологию прошлых эпох.

Археология.

Мы уже видели, что в наиболее плохих условиях, в смысле скудности источников, находится первобытная эпоха. История о ней ничего не может сказать, этнология говорит очень скупо и с достоверностью далеко не достаточной.

Значительное восполнение пробела в источниках для суждения о ранних ступенях жизни общества достигается

благодаря науке „археологии“ (дословно—„наука о древнем“). Археология занимается изучением материальных остатков жизни древнейших людей. Она исследует сохранившиеся орудия труда, утварь, украшения, кости человека и животных, окаменелые остатки пищи и т. д. Все эти материальные остатки человеческого существования противостоят разрушительной силе времени иногда в течение колоссального количества лет,—если они находились не на поверхности земли, а под более или менее толстым земляным покровом который предохранял их от воздействия солнца, ветра, дождя и других разрушительных влияний.

В большинстве случаев все археологические находки были сделаны случайно при разрытии почвы для каких-либо строительных или технических надобностей (прокладка всевозможных трубопроводов, поиски и извлечение минеральных богатств, закладка фундамента для строений и т. д.). Однако, за последнее время все чаще и чаще начинают производить специальные планомерные раскопки в местах, где, по известным соображениям, можно ждать обнаружения следов жизни древних людей.

Особенно плодотворными оказывались раскопки в пещерах, которые служили в былые времена убежищами наших предков. Такие пещеры часто можно наблюдать в горных породах, легко поддающихся воздействию воды. Вот, например, одна из пещер, образовавшаяся в небольшом гребне известняка—пещера Кеслерлох. Она имеет поверхность около 200 кв. метров. В ней были произведены раскопки, которые дали довольно интересные результаты. На разной глубине в слоях глины оказались остатки очагов, множество кремневых орудий, обломки этих орудий, кости некоторых животных. Здесь в разное время (раскопки производились три раза) нашли около 30 тысяч кремневых изделий. Очевидно в пещере жили люди очень долгое время. Чем глубже лежали найденные орудия в земле, тем грубее они были сделаны. Это приходится об'яснить большим возрастом этих находок. А вот другая пещера под названием Офнет. (См. 3 и 4 рис. на стр. 23).

Раскопки, произведенные в этой пещере обнаружили целый ряд слоев.

1-й слой снизу—состоял из выветрившихся камней; он был совершенно без остатков человека или животных.

2-й слой—доломитовый песок с костями мамонта

и сибирского носорога, на которых были следы зубов гиены.

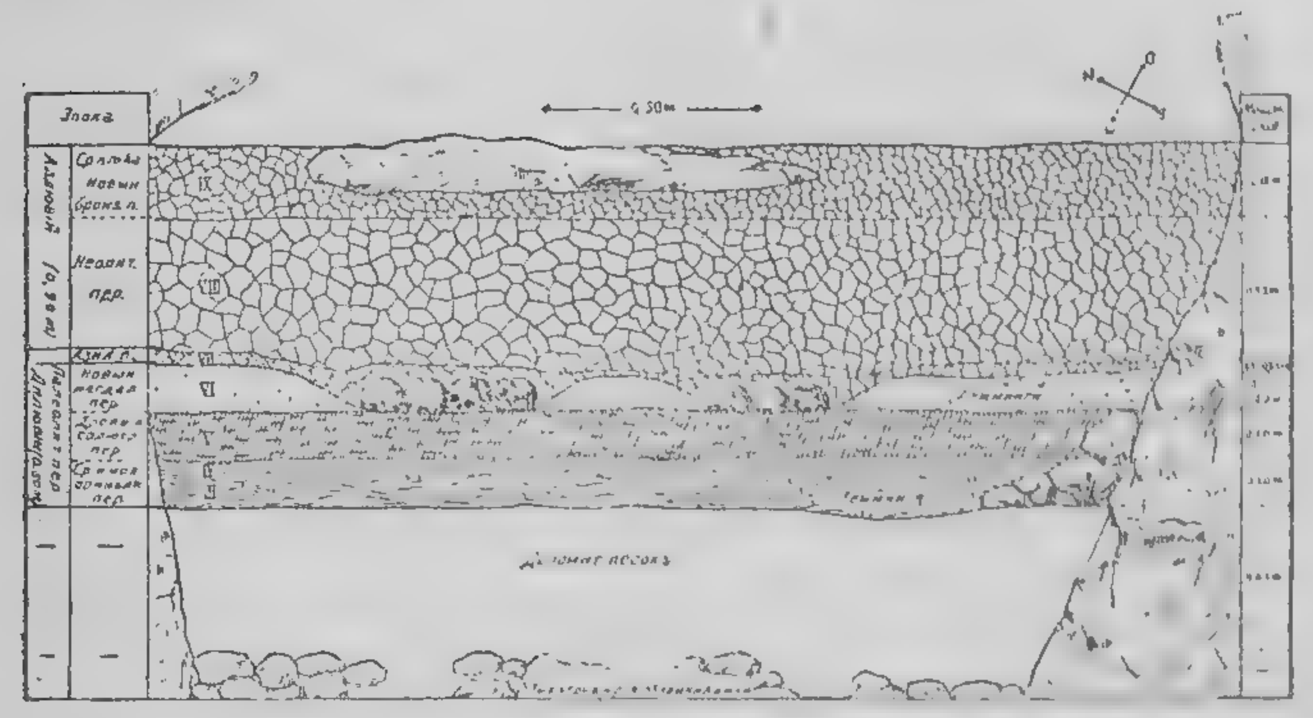


Рис. 3. Напластование слоев в пещере Офнет (Бавария).

Рис. 4. Небольшое «гнездо черепов» в пещере Офнет, в Баварии.

3-й и 4-й слои—сохранили каменные орудия: простые резцы, скребки, наконечники копий. Здесь же найдено и очень большое количество костей животных: различных

КАРТА ТУЗЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВСЕХ СТРАН



Карта № 1.

пород: грызунов, диких лошадей, гиен, попадаются кости пещерного льва. Следы мамонта и северного оленя редки.

5-й слой—содержит приблизительно те же следы животных, но зато многочисленные орудия человека гораздо лучше выделаны и разнообразнее, чем в 3-м и 4-м слоях.

В 6-м слое исчезают кости крупных четвероногих (мамонта и носорога) и крупных хищников (гиены и льва). Орудия труда еще более совершенны.

В тонком 7-м слое, кроме костей животных и хорошо выделанных шлифованных каменных орудий и различных украшений, содержатся две круглые могилы, служившие для погребения черепов. В одной нашли 27, а в другой 6, помещенных в охру (краску) и обращенных на запад черепов.

В 8-м слое найдены многочисленные сосуды из глины, наконечники стрел, шлифованный топор; остатки домашних животных.

Наконец в 9-м слое содержатся различные изделия, сделанные из бронзы.

От образования первого слоя до образования девятого прошло очень много времени. Раскопки этих слоев показывают, как менялись техника, окружающие человека животные, а значит и климат; как разнообразились пища человека, его быт (погребения) и т. д. В данном случае раскопки дали исключительно богатый материал, другие раскопки дают обыкновенно гораздо меньше, но в целом археология доставляет в высшей степени ценные сведения.

Наибольшее количество археологических раскопок сделано пока в юго-западной и западной Европе. Об'ясняется это, конечно, не тем, что именно здесь по преимуществу жили древние люди, а тем, что индустриальная и густо населенная Европа успела больше всего раскопать свою почву. Имеет большое значение и то, что в Западной Европе сосредоточено наибольшее число научных археологических учреждений, тщательно следящих за всякой возможностью пополнить свои археологические коллекции.

Археология, конечно, не только собирает, но и систематизирует и внимательно и всесторонне исследует свои находки. Научная ценность материалов археологии очень велика. Эта наука одна владеет подлинными и прямыми показаниями свидетелей самой отдаленной поры жизни человека.

Почти все наши сведения о первобытном состоянии человека даны археологией. Она же дает массу материала и для более высоких общественных форм: о родовом строе, о феодальном и даже о торгово-капиталистическом, особенно если речь идет об отдаленной древности. (Высокие культуры древности: Египет, Вавилон, так называемый „Античный мир“ и др.).

Впрочем, и у археологии есть свои слабые места.

Долговечность остатков материальной культуры всецело зависит от прочности вещества, из которого сделаны предметы. Камень, металл сохраняется хорошо, дерево гораздо хуже. Кости людей и животных тоже способны сохраняться довольно хорошо, другие же части организма сохраняются на сколько-нибудь долгий срок только в исключительно редких случаях, при особо благоприятных условиях (например, в таких пластах земли, которые, благодаря своим химическим свойствам, производят своего рода консервирование целого организма или его частей *). В результате такой неравномерности, археология обладает материалом очень односторонним. Археологи знают, например, всевозможные виды каменных и металлических орудий и изделий. Такие орудия в большом количестве можно видеть в любом археологическом музее. Зато деревянных орудий первобытного человека в музеях не найти, хотя здравый смысл и целый ряд косвенных показаний говорят за то, что дерево, как материал, было знакомо первобытному человеку не хуже камня.

Есть у археологии еще одно слабое место.

Мало найти какое-нибудь орудие и изучить все его свойства. Необходимо еще определить, хотя бы приблизительно, возраст находки. По внешнему виду находки в большинстве случаев сделать это почти невозможно, так как в благоприятных условиях вещь, сделанная из камня, меняется очень медленно и выглядит почти одинаково, „имея от роду“ и 10, и 100, и 1.000, и даже 10.000 и более лет. Справиться с этой задачей—определить возраст своих находок—сама археология бессильна. На помощь ей приходят другие вспомогательные науки: геология и палеонтология, которые

---

*) Отсюда случаи находок „мощей“, которые особенно часть в известковых породах.

могут сказать кое-что о возрасте находок (по пластам земли, где они были обнаружены).

Геология. Это—наука о земле. Она всесторонне изучает нашу планету и, между прочим, пытается воссоздать ее историю. Особыми способами геологи могут установить возраст различных пластов земной поверхности. Они обращают внимание и на глубину залегания изучаемой породы и на ее строение. В большинстве случаев, чем больше глубина залегания пласта, тем он старше. Но очень часто, в силу горообразовательных процессов, извержений или разрушения верхних пластов, древнейшие пласты земли оказывались наверху земной поверхности. В таких случаях о возрасте породы приходится судить только на основании ее строения.

В подавляющем большинстве случаев геология может дать лишь очень приблизительное представление о возрасте. Промежутки времени, устанавливаемые геологией, отнюдь нельзя исчислять годами, веками или даже тысячелетиями, а только сотнями тысяч лет... Это относится в большинстве случаев даже к современному геологическому периоду. Всякого рода перемены в строении нашей планеты совершаются, с точки зрения обычного представления о времени, бесконечно медленно. Поэтому речь может идти не столько о возрасте в обычном смысле этого слова, сколько о последовательности геологических событий.

Однако, в отдельных, довольно редких, случаях геолог может более или менее точно указать возраст какого-нибудь земного пласта. Например, возраст пласта илистых отложений на определенной глубине. Здесь возможна большая точность, так как процесс образования илистых отложений протекает, с геологической точки зрения, очень быстро. Можно измерить, какой слой ила отлагается течением реки в один год, и на основании этого легко вычислить, сколько лет прошло со времени отложения рассматриваемого слоя на исследуемой глубине. Но это очень редкий случай. Обыкновенно геологи бессильны дать точные хронологические указания и прибегают к округлениям, чрезвычайно грубым, с обычной точки зрения.

Палеонтология. На ряду с геологией надо упомянуть палеонтологию. Она изучает органический мир прошлых эпох, всевозможные вымершие породы животных

и растений. Материал для своих исследований палеонтолог находит заключенным в различных горных породах, образующих верхние части земной поверхности. Это остатки давно исчезнувших организмов, сохранившиеся в течение длинного ряда веков. Остатки как бы окаменели. Их так потому и называют „о к а м е н е л о с т и“. От животных в виде окаменелостей сохраняются лишь твердые частицы их тела— скелеты, раковины. Мягкие ткани после смерти животного быстро сгнивают и лишь в исключительно редких случаях,



Рис. 5. Чучело мамонта, отчасти реконструированное [illegible], в том положении, в каком животное было найдено на берегу реки Березовки (Сибирь). (Зоологический музей Академии Наук СССР).

при особо благоприятных внешних условиях, они консервируются и сохраняются на ряду с обычными окаменелостями. К таким случаям надо отнести находки насекомых в янтаре или целых трупов давно вымерших млекопитающих животных в вечно мерзлой почве северных стран.

Так, например, в мерзлой почве сибирских тундр несколько раз были найдены целые трупы мамонтов *).

---

*) Мамонт несколько похож на слона, но больше его размерами (свыше 4 метров в длину и 3 в ширину). Отличительный признак— громадные загнутые бивни длиною до 4 метров (вес около 6 пудов).

Но подобные случаи все же очень редки.

Лучше животных уцелели растительные остатки. Зачастую растения сохранили в толще пород земной поверхности все детали строения своих организмов. (См. рис. 6 на стр. 31).

Палеонтология тщательно изучила всевозможные окаменелости животных и остаки растений и, систематизируя их, распределила на целый ряд групп, последовательно сменявших друг друга, начиная от самых низких до наиболее высокоразвитых. Этим распределением на группы пользуется геология, чтобы установить сравнительный возраст различных пластов земной поверхности. Большинство верхних пластов изобилует всевозможными следами и остатками растений и животных. Наличие в данном пласте тех или иных окаменелостей является ключем для установления геологических периодов. Чем проще по своей структуре породы животных и растений какого-нибудь пласта—тем он древнее.

Упрощая очень сложное деление различных геологических пород на разные системы, эпохи, периоды и отделы, можно воспользоваться следующей сводной таблицей:

Эпохи.	Наиболе типичные высшие животные—позвоночные.
I. Архейская (древнейшая)	Не сохранилось никаких остатков животных.
II. Первичная	Рыбы. Лабиринтодонты *).
III. Вторичная	Ящерицы. Динозавры **). Птице-ящеры. Птицы.
IV. Третичная	Млекопитающие.
V. Четвертичная	Человек.

В этой таблице каждая геологическая эпоха, за исключением древнейшей, не имеющей остатков животных, харак-

*) Лабиринтодонты—крупные ископаемые „амфибии“ (земноводные). Свое название получили от сложной структуры зубов (дословно „лабиринтодонт“ значит „сложнозубый“). Размер лабиринтодонтов достигал 1.25 м. в длину.

**) Динозавры—крупнейшие ископаемые пресмыкающиеся (ящеры). Главной областью их распространения служила С. Америка. По форме и величине тела динозавры были весьма разнообразны. Обычно длина их равнялась от 8 до 15 метров, но бывали гиганты в 20 и 40 метров в длину. Динозавры самые крупные из земных животных, когда-либо населяющих землю.



Рис. 6. Отпечатки ископаемых растений. 1. Понтийский рододендр. 2. Земляника и вишня. 3. Карликовый самшит. 4. Плоды клена-явора. 5. Сосна и тисс.

теризуется своеобразной фауной *), при чем в таблицу для упрощения введены указания только на позвоночных животных, хотя фактически палеонтология при установлении периодов учитывает также следы животных беспозвоночных. В таблице указаны высшие породы свойственные каждой эпохе. Наша геологическая современность— четвертичная эпоха. В ней указывается на человека, конечно, не как на единственного, но как на наиболее высоко развитого представителя фауны.

Что же дают геология и палеонтология нашему предмету? При помощи этих наук можно определить древность тех или других археологических находок—а это оказывается очень важным для суждения о времени, когда человечество находилось на определенной ступени своего общественного развития.

Языковедение (Лингвистика). Языковедение всесторонне изучает человеческую речь и законы ее развития.

Различают несколько отделов языковедения: общее учение о языке — говорит об общих законах развития речи; сематика (или семасиология)—изучает значение слов в его историческом развитии; грамматика—изучает формы отдельных слов (так наз. морфология) и различных словесных сочетаний (синтаксис); фонетика—т.-е. наука о звуках речи.

Долгое время в науке о языке господствовала старая так называемая индо-европейская школа. Она сделала очень много в смысле собирания колоссального фактического материала, но эта школа изучала язык формально, без связи с различными сторонами общественной жизни. Сейчас на смену идет новая школа языковедения, основоположником которой является советский ученый академик Н. Я. Марр. Это так называемая яфетическая теория. Она теснейшим образом связывает учение о языке с историей материальной культуры (с хозяйством и с экономикой) и с историей различных общественных формаций; она дает материалистическое об'яснение всем явлениям в жизни языка.

Теперь языковедение приобретает для социологии огромное значение.

Как меняется словесное обозначение какой-либо вещи или какого-нибудь действия у различных народностей на той или иной стадии их общественного развития? Как отражается на структуре речи переход от одной общественной формации к другой? Как отражается на развитии речи классовая перестройка внутри той или иной общественной группы?

Ответы на подобные вопросы могут дать социологии очень много ценных указаний. Когда молчат все другие вспомогательные науки или

---

*) „Фауной“ называется совокупность животных форм, свойственных данной местности или геологическому периоду.

когда социолог стоит перед неразрешимыми проблемами,—языковедение дает ему руководящий материал.

Таковы источники, которыми приходится пользоваться социологам. Каждая, из перечисленных выше вспомогательных наук имеет свои преимущества и свои слабые места, но все вместе они дают возможность понять, какими путями складывалась жизнь современных народов и народов далекого прошлого.

—

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 2.

Какими вспомогательными науками пользуется социология? Какой период времени называют доисторическим? Чем занимается этнология? Какие ступени развития общества изучает эта наука? Почему социология не может ограничиться одними этнологическими данными? Что называют „пережитками"? В чем заключается их научное значение? Перечислите известные вам примеры пережитков. Чем занимается наука археология? В чем слабые и сильные места этой науки? Почему в западной Европе добывается особенно много археологических находок? Как определяется возраст археологических находок? В каких случаях социологии прибегают к помощи науки геологии? Какими способами геологии определяют возраст различных пластов земли? Как точно определяется этот возраст? Чем занимается наука палеонтология? В каких случаях социологии пользуются данными палеонтологии? Какие Вам известны геологические периоды? Чем характеризуется каждый из этих периодов?

§ 3. Значение курса.

Выше указывалось на большое теоретическое значение нашего курса: он может дать очень много для усвоения методов (способов) научной марксистской мысли. В условиях нашей советской жизни знакомство с историей развития общественных форм должно иметь и не меньшее практическое значение. Нам приходится строить социализм в стране с исключительно пестрым укладом народной жизни. Растянувшись на протяжении $^{1}/_{6}$ земной поверхности, СССР включает в себе разнообразные формы общественного строя и, в том числе, чрезвычайно отсталые. Ленин не раз отмечал эту отсталость значительной части нашего Союза.

„Посмотрите, писал он, на карту Р. С. Ф. С. Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска,

к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка—вернее: десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?“ *).

Как приступить к делу строительства социализма в такой обстановке? Можно ли с одинаковыми мероприятиями итти в индустриальные районы РСФСР в крупные пролетарские центры в роде Москвы, Ленинграда, Свердловска или Иваново-Вознесенска и к мелким народностям Памира или даже Кавказа: к каким-нибудь хевсурам, не знающим оконного стекла и не имеющим представления о грамотности?

— Конечно, нельзя! Приходится приспособливаться к обстановке, в разных случаях прибегать то к одним, то к другим мероприятиям. Приходится считаться со множеством вреднейших обычаев, которые во многих местах пустили глубочайшие корни. Взять хотя бы обычай покупать жен, распространенный у многих народностей, обычай платить за жену ее родителям выкуп—так называемый калым. Как мешает этот прочно укоренившийся обычай делу раскрепощения женщины! Или обычай кровной мести, когда за убийство родственники мстят убийством же,—обычай уносящий напрасно множество жизней, причиняющий огромный материальный ущерб. Вспомним дальше колоссальный вред религиозного дурмана, от которого страдают многие и многие миллионы не только среди отсталых народностей окраин, но и в центральных губерниях нашего Союза. Ведь религиозный дурман в огромной степени тормозит культурную работу, особенно в деревне. Или, наконец, всевозможные предрассудки и суеверия. И они очень часто сильно мешают осуществлять различные нововведения в области сельского хозяйства или народного здравоохранения. Всех случаев,

*) Ленин—т. XVIII, 3 ч. I, стр. 221.

когда наследие прошлого мешает строить новое, не перечислить.

Первое условие для преодоления всего этого—знание многообразия укладов жизни, тех путей, по которым формировались эти уклады. В этом вопросе может оказать немалую пользу „История развития общественных форм“. Она изучает смену укладов и их сущность, распознает всевозможные пережитки старых общественных отношений, выясняет причины и условия их жизненности.

В этом практическое значение нашего курса.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 3.

В чем заключается теоретическое значение нашего Курса? Каково его практическое значение? Что говорил Ленин о значении пережитков старых укладов жизни? Почему в нашем Союзе изучение отсталых форм общественной жизни имеет особо большое значение?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕЙ ГЛАВЕ.

1. Какова связь между „надстройками“ и „базисом“?

2. Почему социология не может ограничиться данными одной истории, а вынуждена прибегнуть к помощи других вспомогательных наук?

3. Вспомните известные вам пережитки старого, мешающие строительству социализма.

ДОБАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Для первого параграфа в порядке дополнительного чтения можно воспользоваться книгами по историческому материализму. Порекомендуем книгу Б. Фингерт и М. Ширвинд—«Краткий учебник исторического материализма», изд. 4 или 5. Это один из наиболее популярных учебников по историческому материализму. Кроме того, по вопросу о производительных силах и производственных отношениях можно воспользоваться книгой Орарского—«Основные вопросы марксистской социологии». Изд. «Прибой». Последняя книга требует известной подготовки. Лучше обратиться к ней по изучении всего нашего курса.

Для второго параграфа популярной литературы, касающейся всех затронутых в параграфе вопросов, не имеется. По отдельным же вопросам литература будет указываться в следующих главах.

II. ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО

§ 4. От животного к человеку.

„Возраст“ человека.

Мы все знаем, что человек отличается от других животных целым рядом своеобразных особенностей. Каждый, вероятно, без труда сможет их перечислить. Но дело в том, что человек **не всегда** обладал этими особенностями: было время, когда он был таким же животным, как, например, человекообразные обезьяны (шимпанзе, горилла и др.). Возникают вопросы: 1) **когда** обезьяна (вернее, близкое к ней животное) превратилась в человека? 2) Какая из особенностей человека является решающей, или иначе, где **грань** между человеком и животным?

Конечно, превращение животного в человека случилось не сразу, и здесь был свой длительный **период перехода**. Мы не будем следить сейчас за этим процессом очеловеченья животного,—подробности которого вы узнаете из соответственного раздела курса биологии,—ответим лишь на наш первый вопрос.

Определение возраста геологических слоев (пластов земли), в которых найдены какие-нибудь останки животного, дает нам указание на древность этих останков. И вот, останки **промежуточного** между человеком и обезьяной **существа** (так называемого „питекантропа“) найдены в слоях, которым приблизительно около 500 тысяч лет.—Надо подчеркнуть, что все подобного рода сроки **крайне приблизительны** и определения разных ученых разнятся друг от друга порою на сотню тысяч лет.

Части же скелетов „настоящих“ людей ученые отыскали в слоях, возраст которых определяется примерно в 300 тысяч лет. Но и эти „настоящие“ люди еще во многом отличались от типа современного человека. Разновидность таких людей, очень схожая по строению своих костей с типом современного человека, обнаружена лишь в слоях земли, которым не более 70—100 тысяч лет.

В эпоху, о которой мы сейчас говорили,—от 500 до 20 тысяч лет назад,—большая часть Европы, Азии и Сев. Америки переживала так называемый „ледниковый период“. Вследствие не вполне установленных причин, наступило резкое похолодание климата. Лед „наступал“ с севера или спускался с высоких гор и покрывал собою



Рис. 7. Скелет человека и гориллы.

значительную территорию этих стран света. Впрочем, в течение этого времени бывали эпохи и временного потепления климата и обратного „отступления“ ледников; такие сравнительно теплые эпохи назывались „межледниковыми“. Европа знала три таких „межледниковья“ и четыре наступления льда.

В эпохи оледенения местности средней Европы, непосредственно не занятые льдом, представляли собой

тундру, покрытую мхом и лишайником и лишь кое-где прорезанную жалким кустарником и карликовым лесом. *Межледниковья* характеризовались распространением мощной *лесной* растительности. Ледниковый период знал множество таких животных, которые или совсем вымерли, к настоящему времени, или переселились из Европы в другие страны света, или, наконец, на крайний север. Достаточно назвать из числа вымерших: мамонта, огромнейшего (2½ метра вышиной) пещерного медведя, такого же льва, гигантского носорога и др. На юг переселились—лев, леопард, гиена и др.; на крайний север—песец, северный олень и т. д.

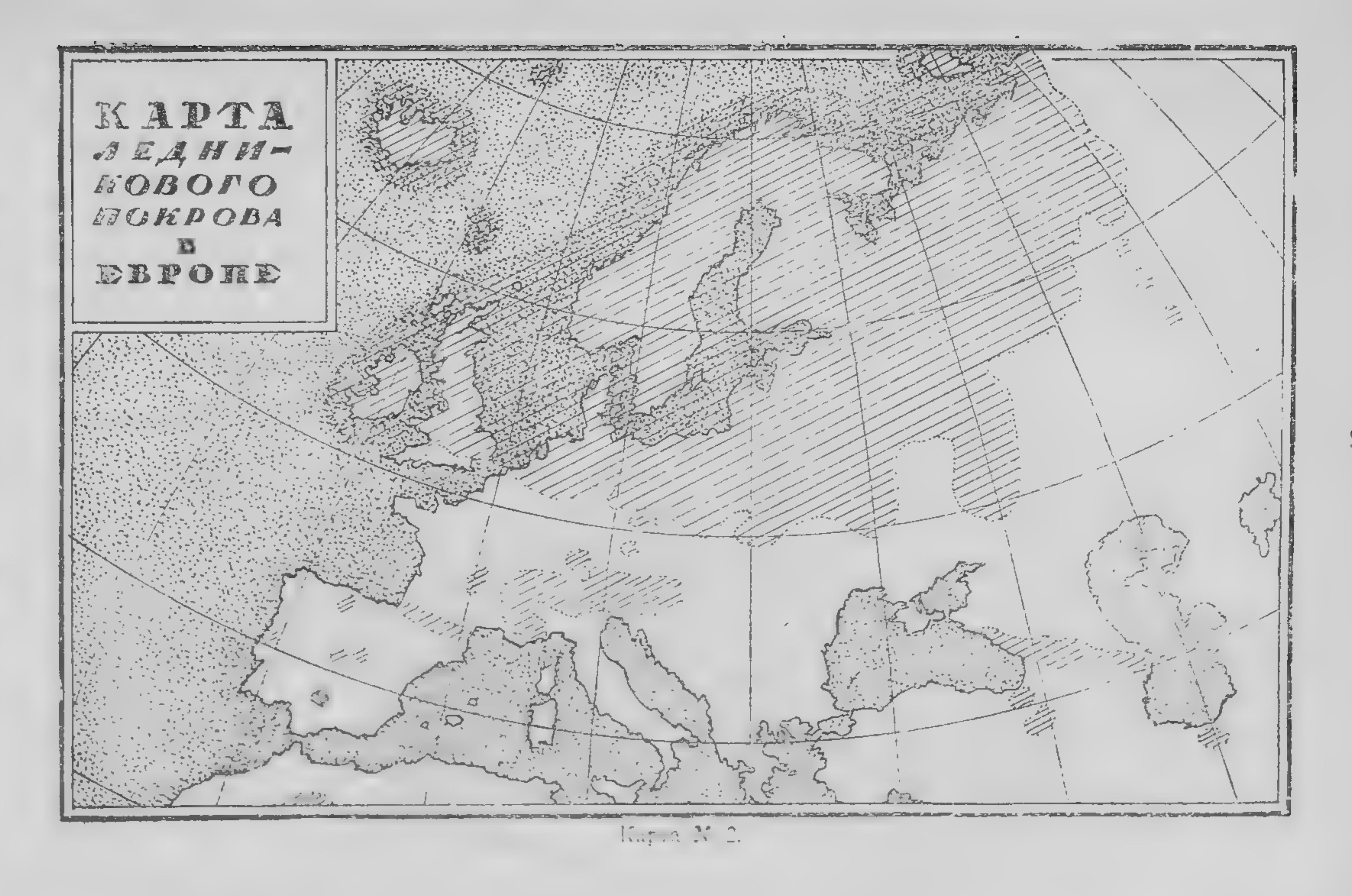
Таковы были природные условия той эпохи, к которой относят происхождение человека.

Грань между человеком и животными.

Ответим теперь вкратце на второй вопрос. Решающим отличием человека от других животных является его *трудовая деятельность*.

Отношение животного к окружающей его природе—*пассивное; животное приспособляется к природе*, в тысячах поколений *изменяя свой организм* или его части („защитная" окраска насекомых и т. п.). Отношение человека к природе совсем иное, оно—*активно-трудовое*; люди в своем коллективном труде сами приспособляют природу к своим нуждам, а не приспособляются к ней, как животные, и поэтому люди мало-по-малу *покоряют природу* себе. Животное, перейдя к водному образу жизни, получает перепонку между пальцами лап (напр., утки)—человек строит лодку и вырезает весло; животное, попадая в холодный климат, в ряде поколений получает более густую шерсть (напр., мамонт)—человек же изготовляет себе более теплую одежду...

Но труд немыслим без соответствующих орудий, хотя бы самых простых—камня, палки. Ни у одного животного мы не встречаем *постоянного и планомерного* употребления орудий труда. Тем более мы не видим у них уменья *изготовлять* такие орудия. И то, и другое преимущественные отличия человека от остальных животных. Только благодаря этим отличиям человек и смог от приспособления к природе перейти к ее покорению, от изменений своего организма перейти к улучшению искусственных орудий. В основе развития и успехов человеческого общества



Карта № 2.

лежит постепенное совершенствование орудий труда и других технических средств, а вовсе не изменение самого человеческого организма.

Итак, изготовление искусственных орудий труда и их планомерное использование в процессе совместной трудовой деятельности,— вот коренное отличие человека от всех других животных.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 4-му.

Какие особенности отличают человека от животного? Сразу ли появился современный тип человека? Какие „промежуточные формы" вы знаете? Сколько времени тому назад появилась та или иная форма? Сколько „наступлений" ледников пережила Европа? Чем отличается отношение к природе человека от отношения животного? Каковы необходимые элементы всякой трудовой деятельности? В чем, таким образом, существеннейшее отличие человека от животных?

§ 5. Первобытные люди.

„Каменный век".

Древнейшую эпоху в жизни человечества принято называть „каменным веком". Характер орудий труда—в данном случае господство орудий, сделанных из камня,—определяет собой характер всей эпохи.

Конечно, кроме камня древнейшие люди употребляли для своих орудий и другие материалы: прежде всего дерево, затем рог и кость. Однако каменные орудия имели важнейшее значение, были основными для человека. Кроме того, они и сохранились наилучшим образом, тогда как, например, деревянные орудия, давно сгнили и рассыпались от лежания в земле.

По типам понемногу совершенствующихся орудий „каменный век" делится на ряд эпох, из которых мы с вами остановимся лишь на главнейших: 1) эпохе „древнего камня" (по гречески—„палеолита") и 2) эпохе „нового камня" („неолита"). Первая продолжается до конца ледникового периода, вторая начинается в послеледниковые времена,—примерно, 20 тысяч лет назад.

Люди времен древнего камня.

Перенесемся мысленно за полторы или две сотни тысяч лет назад на равнины и холмы средней или южной Европы.

Перед нами небольшая группа первобытных людей в двадцать—тридцать человек. Это первобытная „орда"— нечто в роде человеческого стада, которое переходит на новое место. На месте, где люди прожили месяца два, совершенно истощались запасы пищи: становилось мало дичи и с'едобных растений и кореньев. Конечно, если бы у людей были более совершенные орудия труда, они могли бы более полно использовать все богатства каждой местности и дольше оставаться в одном районе, пока же этого не было, первобытникам приходилось в поисках пищи постоянно бродить с места на место, нигде долго не засиживаясь.

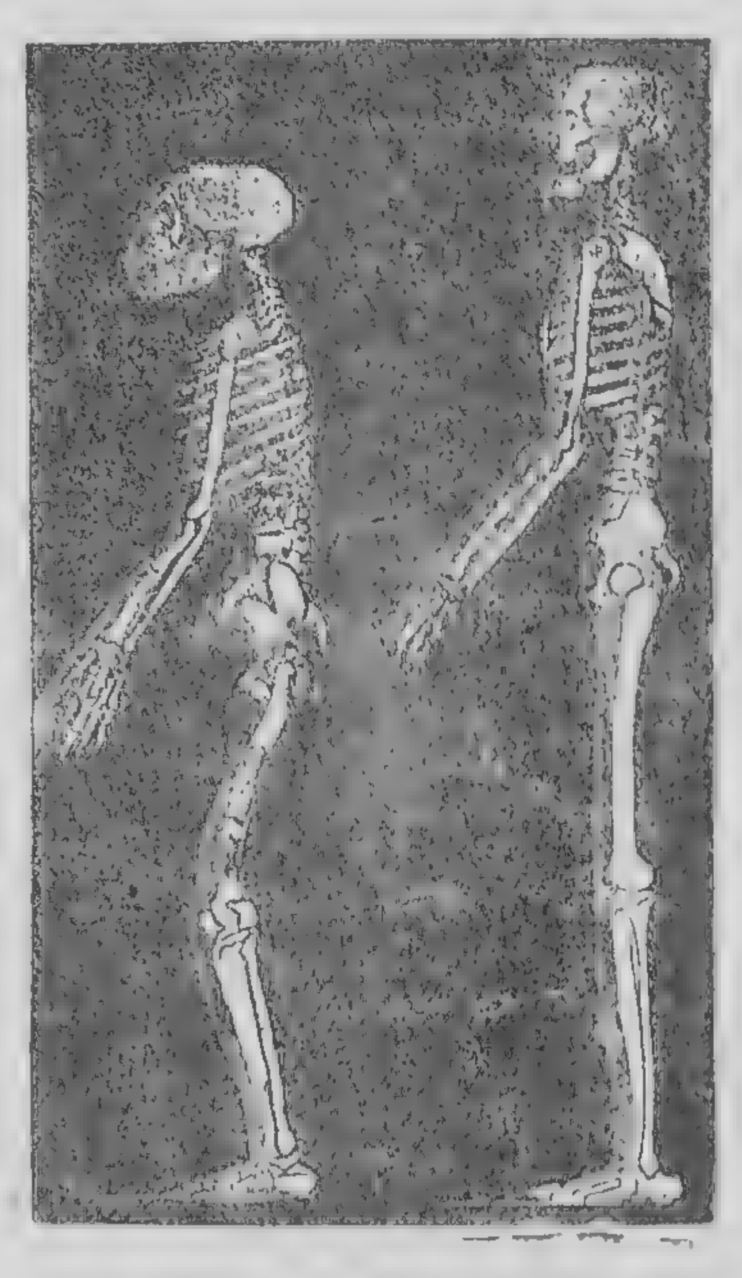


Рис. 8. Скелет первобытного человека и австралийца.

Собирание всего с'едобного, было одним из основных промыслов; при этом „с'едобным" они считали и многое такое, от чего современный „цивилизованный" человек отвернулся бы с брезгливостью. И личинки насекомых, и полевые мыши, и грибы „поганки", и даже свежий помет животных, не говоря уже о трупах павших зверей,— все шло в пищу. Понятия „испорченного" для них не существовало. Но одного собирания было недостаточно: на ряду с ним была и охота.

Несовершенство средств труда и отсутствие всяких технических приспособлений делали охоту мелкой, неорганизованной. Она ограничивалась в большинстве случаев сравнительно небольшими животными. На крупных же охотились обычно лишь тогда, когда имели дело с отсталыми,

больными или ранеными животными. Результаты такой „малой“ охоты были, конечно, невелики и весьма ненадежны. Поэтому и человек то был сыт, поймав дичь и наевшись ею доотвалу,—а то и голодал по целым неделям. Запасов пищи делать еще не умели...

Но вернемся к нашей орде и всмотримся в людей, ее составляющих. Мы увидим людей ниже среднего роста, очень коренастых, с большими головами, почти сплошь заросшими волосами, с очень низкими покатыми лбами и какими-то сплошными выдающимися вперед валиками над бровями. Лбы были скошены и не развиты, но зато у людей были тяжелые, мощные нижние челюсти, почти лишенные подбородков. Верхние же челюсти были косо выдвинуты вперед. Первобытники не могли еще держаться так прямо, как современные люди: они шли несколько согнувшись и наклонившись вперед. Многое еще в их лицах и фигурах напоминало обезьяноподобных предков.



Рис. 9. Реконструированная (восстановленная) голова первобытного человека.

Человек был вооружен, но чем? В одной из своих несоразмерно длинных рук он держал дубину, в кулаке другой был зажат треугольный тяжелый камень, грубо отточенный на конце и с боков. На его плечи была накинута звериная шкура... Другой одежды люди еще не знали, равно как не знали и никакой утвари, никаких хозяйственных принадлежностей.

Но неужели при их вечном „бродяжничестве“ им приходилось каждый раз строить себе новое жилище? Конечно, нет и по очень простой причине: они вообще не строили еще никаких жилищ. Или они укрывались в кустарниках, или в густой листве деревьев, или, наконец, в пещерах. Это было самое лучшее для них жилье: сравнительно тепло и безопасно. Защита же от холода была одной из их

важнейших забот. Для защиты от своих хищных врагов, люди раскладывали у входа в пещеры костры, которых боялись дикие звери. Враги у человека тех времен были грозные; здесь были, как мы уже знаем, звери невиданных сейчас размеров и силы: и огромный „пещерный“ лев, и свирепый серый медведь, и гигантский носорог, и колоссальный мамонт.

Костер, пугавший хищников, служил для человека и очагом. Специальной утвари, как уже сказано, не было, и мясо жарили прямо на камнях. О том, что оно подгорало при этом или оставалось сырым,—мало заботились. Не брезговали и человеческим мясом захваченного в плен сочлена чужой орды. Вообще „чужой“ в те времена было равнозначуще понятию „враг“. В период голодовок практиковались убийства своих же стариков, детей и больных и в таком случае иногда, вероятно, не пренебрегали и их мясом.

И мясная, и растительная пища были одинаково в ходу: все дело сводилось к тому, что удачнее шло в данный момент: охота или собирание.

Слабость производительных сил

С л а б и б е д е н б ы л ч е л о в е к, у б о г а и н е н а д е ж н а б ы л а е г о ж и з н ь. Но чем объясняется эта беспомощность и ненадежность? С л а б о с т ь ю е г о х о з я й с т в а, н е п р о и з в о д и т е л ь н о с т ь ю е г о п р о м ы с л о в.

Грубо обработанные камень и палка составляли весь „арсенал“ первобытного человека. А такими примитивными орудиями много не наработаешь. Накопление хозяйственного опыта шло также крайне медленно. Надо, добавить, что членораздельная речь—это могучее средство общения людей и передачи из поколения в поколение их трудового опыта—была еще крайне неразвита. Письменности, разумеется, не было и в помине.

В связи со слабостью хозяйства стояла и крайняя малочисленность человеческих стай (орд). Первобытная охота и собирание были настолько малопроизводительными занятиями, что на одной квадратной миле земли, при средних природных условиях умеренного пояса, едва ли могло прокормиться более десятка—полутора десятков человек. Сколько-нибудь значительная группа людей должна была бы раскинуться на такое пространство, что поддержание

общественной связи стало бы делом прямо невозможным. Здесь еще надо припомнить полное отсутствие дорог, упряжных и верховых животных.

Современный человек работая производит гораздо больше тех или иных продуктов, чем ему нужно для его собственного, личного потребления. Иначе говоря, он производит больший или меньший „прибавочный продукт“. Движение вперед и расширение производства возможно лишь при накоплении таких избытков производства. Как велик „прибавочный продукт“ современного человека, может показать следующий пример: рабочий на современных гигантских фермах дальнего Запада, Америки, производит в течение одного дня столько пшеницы, сколько ему нужно для прокормления в течение всего года (12 пуд. 30 фун.!).

В хозяйстве человека каменного века такой избыточный или прибавочный продукт вовсе отсутствовал или был крайне незначителен. Все, что мог наработать человек, он использовал сразу на свои нужды, остатка так и не получалось.

Отсутствие или незначительность прибавочного продукта об‘ясняет убогость и ненадежность жизни дикаря.

Техника.

На технике первобытного человека, в виду ее важности для общественной жизни, надо остановиться особо.

Орудие, предназначенное для той или иной трудовой деятельности, или оружие, предназначенное для войны или охоты,—еще не различались между собой.

Материалами для изготовления орудий, оружия были, как мы уже знаем, камень и дерево.

Простейшим и распространеннейшим деревянным орудием была простая, заостренная с одного конца палка. Эта палка или кол служила для самых различных надобностей.

Прежде всего она была копьем, употреблявшимся как для удара, так и для метания на расстояние. Конец копЪя обтесывался острым камнем и обычно обжигался на огне для твердости; позже стали приспосабливать к концу копья наконечник из острого камня, кости или раковины.

Тот же кол служил и „копательной палкой“, которой первобытный человек выкапывал корни, растения, всякие с‘едобные личинки и тому подобное.

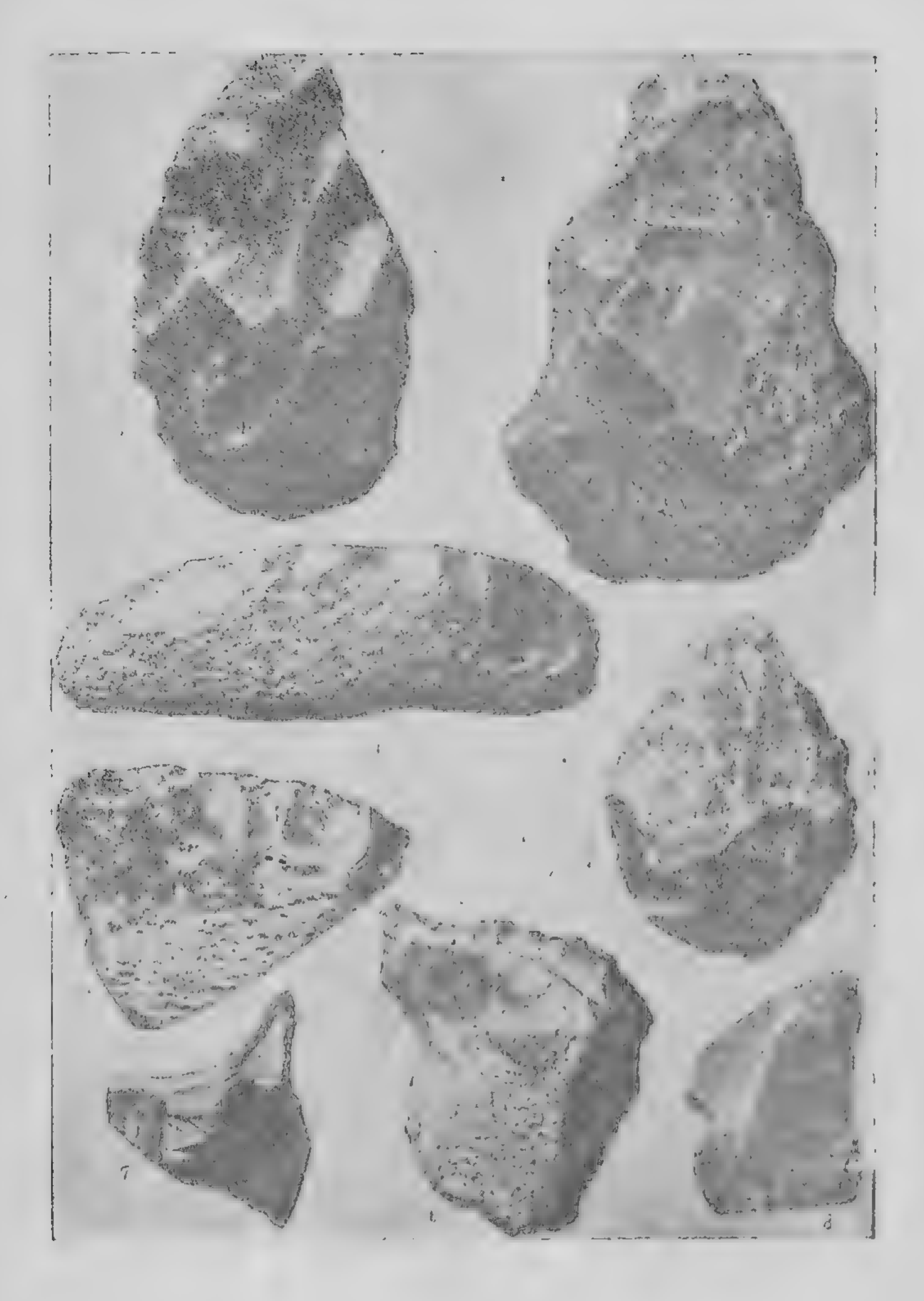


Рис. 10. Каменные орудия древнейших эпох.

Употреблялась и тяжелая тупая палка—дубина, которой также пользовались и вблизи, и на расстоянии.

Отнюдь не надо думать, что техника первобытного человека, а с нею и его хозяйство в целом, и образ жизни, и общественное устройство, и даже сам наружный облик, что все это оставалось неизменным и неподвижным во все время „каменного века". Наоборот, в первобытном хозяйстве и обществе можно отличать целый ряд изменившихся ступеней—эпох. Крайне медленно, но в общем неуклонно, шло развитие общественных производительных сил,—развитие, которое влекло за собой и все остальное. „Воздействуя на природу вне его, человек изменяет и свою собственную природу". (Маркс). В длительном трудовом процессе меняется как самый физический тип человека, так и его общественные отношения, именно во взаимодействии этих отношений и техники и находится основа всего развития. Мы постараемся кратко познакомить вас с одной из эпох этого развития, весьма типичной и характерной для всего этого времени. Рассматривать же по очереди своеобразные отличия всех этих ступеней для нас представляется нецелесообразным. Поэтому остановимся бегло лишь на самой основе первобытного прогресса (движения вперед) производительных сил, на последовательном совершенствовании каменной техники.

Ступени каменной техники.

Первым типом каменных орудий были так называемые „эолиты" (по-русски—„заря камня"). Это были небольшие камни, более или менее удобные для руки и от самой природы естественно приспособленные в качестве орудий. Эолитов не изготовляли, их находили готовыми и лишь несколько улучшали (заостряли и т. п.) путем грубой оббивки другим камнем. В дальнейшем главное значение приобретает искусственная обработка камня тем или иным способом.

Первым таким способом было обтесывание, посредством которого изготовлялось главнейшее орудие того времени—„ручной ударник" или „ручной топор", который употребляли держа прямо в руке: рукояток тогда еще не было. Этот „топор" представлял собой миндалевидный клин, заостренный с одного конца и закругленный с другого. Он служил для самых различных надобностей. Кроме него были еще грубые лезвия и скребки для очистки



Рис. 11. Каменные орудия более позднего типа

звериных шкур. Все эти орудия делались преимущественно из кремня, так как эту породу камня легче всего обработать.

Следующим этапом была сколотая техника. Ее отличие от тесаной лучше всего понять из сравнения колки дров с тесанием кола. При тесании кола обломки и стружки являются бросовым материалом, тогда как при колке отрубленные от большого бревна куски—поленья—и являются как раз целью всей работы. Из отколотых от большого камня кусков первобытными людьми делались всевозможные орудия, более тонкие и острые, чем тесаные.

Более поздней, более совершенной была так называемая „отжимная“ техника, при которой поверхность камня выравнивалась и вообще обрабатывалась путем надавливания особым каменным или костяным стержнем-„отжимником“, посредством которого отделялся в нужном месте тот или иной осколок. При этом по отжимнику приходилось еще обычно ударять чем-нибудь сверху—ладонью или поленом.

Последней и высшей ступенью каменной техники,—о которой у нас будет особый разговор,—была шлифовка каменных орудий.

Одновременно с улучшением обработки орудий идет и появление их новых форм и типов.

К середине эпохи отжимной техники с каменными орудиями начинают успешно конкурировать изделия из кости и рога. Расцвета эта новая техника, оттеснившая даже каменную, достигает на грани неолита („век нового камня“, шлифованных орудий). Гарпуны для ловли крупной рыбы, костяные иглы с просверленным ушком, шила, долота, наконечники для стрел,—всем этим обогатила новая техника производительные силы первобытного общества.

Огонь. Мы несколько раз говорили об огне, которым пользовался для разных целей первобытный человек. Начало использования огня человеком относится примерно к эпохе третьего оледенения. Но при этом не надо путать простого использования огня, в готовом виде полученного от природы, с уменьем его зажигать по своему желанию. Добыть огонь с какого-нибудь зажженного молнией или лавой пожарища и затем просто поддерживать его, это—одно дело; зажечь же его самому—совсем другая

и гораздо более трудная задача, с которой человек справился лишь много позже.

Вот почему при всех переходах с места на место орда со всем тщанием перетаскивала с собою тлеющую головешку, которую все время и „подкармливали“ сухими листьями, опилками, мхом и другим подобным, подходящим материалом. Если бы огонь погас, то и орда бы, вероятно, погибла, так как зажечь нового огня люди бы не сумели, просуществовать же без него тоже было невозможно.

Всем этим об'ясняется и „обожествление“ „неугасимого огня“, которое, в виде ряда пережитков, сохранилось вплоть до настоящего времени.

В самом центре древнего Рима стоял храм богини Весты, где находился государственный очаг с „вечным“ огнем, поддерживавшимся особыми „девами-весталками“ напоминавшими позднейших монахинь. В католической и православной церкви старый „вечный“ огонь священного очага превратился в „неугасимую лампаду“. У католиков ее тушат в страстную субботу и заново зажигает священник с помощью искр, добытых из стального огнива и кремня (но не спичками!). Затем при посредстве гигантской свечи (сменившей первобытный тлеющий древесный ствол) этот новый огонь передается всем свечам церкви. Интересный пример пережитков первобытных навыков в современных суевериях!

Первобытная орда.

Называя первобытное общение „ордой“, мы тем самым хотим подчеркнуть его неорганизованный, стадный характер. В орде, в этой безличной, сплошной массе, еще много от звериной стаи. Но есть, конечно, уже и новые, чисто человеческие особенности.

Численность орды не превышала нескольких десятков человек, не подразделенных еще на семьи. Определенной брачной и семейной организации первобытное общество не знало.

Мать ухаживала за ребенком, пока он был еще совсем беспомощен, а затем дети смешивались со всем остальным молодняком. Понятия же о т ц о в с т в а совсем не существовало.

Орды поначалу были совершенно независимы друг от друга и не поддерживали между собою каких-либо отношений. Определенных вождей в таких группах, как общее

правило, не было. Все мужчины, способные носить оружие были и воинами. Вообще подразделения орды были крайне примитивны. Но и эти подразделения относятся к более позднему времени; о самых же первых формах орды мы не имеем положительных данных.

Орда делилась по возрасту и по полу.—Возрастных групп вначале было две: 1) „отцов“ и „матерей“, т.-е. всех взрослых (мужчин и женщин)—с одной стороны, и 2) всех несовершеннолетних, „детей“—с другой. Позднее прибавилась еще третья группа—стариков. Так сложились три возрастные группы (о которых мы судим по примеру современных наиболее отсталых племен):

1) слой малолетних—продолжается у мужского пола обыкновенно до появления бороды, а у девушек до года после первого наступления менструаций;

2) слой взрослых—продолжается до достижения 40—45 лет мужчиной и 35—женщиной;

3) слой стариков: т.-е. тех, кто перешел означенный выше возраст.

Переход из младшего в старшее поколение происходил при совершении множества церемоний и обрядов (напр., „обрезание“ и т. п.), нередко весьма длительных и мучительных.

Какое же значение имело подобное подразделение орды на возрастные группы? Прежде всего, регулирующее половые отношения.

Вместе с окончательным оформлением всех этих групп, начались и „запреты“ половых сношений. Первым явилось запрещение половых сношений между „матерями“ и „детьми“, впоследствии „отцами“ и „детьми“, и так дальше. В конце-концов, свобода сношений осталась лишь внутри возрастных групп, но не между ними. Относительно причины появления подобных запретов существует много предположений, но ни одно из них нельзя признать до-конца обоснованным и исчерпывающим.

Женщина, связанная детьми, не может далеко отходить от стоянки и, вообще, регулярно заниматься охотой. Наоборот, ей сподручно собирательство всякого рода. И вот, по половому признаку происходит распадение всего первобытного хозяйства на два основных промысла: 1) охоту, которой занимаются мужчины и 2) собирание готового, которое находится в женских руках.

Здесь было бы неправильно говорить о „разделении труда“; это было бы не разделение, а обособление двух самостоятельных хозяйств: мужского—охотничьего и женского—собирательного. Лишь в то время, когда один из промыслов почему-либо замирал (напр., так сильно развивалась охота, что собирание делалось излишним), намечалось об'единение мужского и женского хозяйств. При этом мужчина являлся добытчиком пищи, женщина же изготовляла ее, поддерживала огонь и тому подобное.

В орде, конечно, не могло быть и речи об „имущественном неравенстве“ или о „частной собственности“. Не было никаких законов, никаких „прав“ и хотя оружие и орудия труда принадлежали отдельным лицам, из этого не получалось еще никаких прав собственности, так как орудия труда очень быстро портились или ломались и заменялись новыми. Земледелием первобытные люди не занимались и вели чисто бродяжнический образ жизни; поэтому интереса в закреплении прав на землю они также не имели. Отсутствие „прибавочного продукта“ и запасов делало невозможным какое-либо накопление, а значит, и неравенство.

По признакам отсутствия частной собственности и общественного неравенства, отсутствия классового расслоения и политической власти первобытное общество иногда приравнивают к грядущему коммунистическому. Однако такое сопоставление отнюдь не должно затушевывать и всего различия между плановым, основанным на высочайшей технике и теснейше организованном сотрудничестве—коммунизмом и жалкой, примитивной и неорганизованной ордой. Добавим к этому: враждебность одной орды по отношению к другой, а также отрыв мужского труда от женского... Значительно большее количество коммунистических элементов мы найдем в более высоком родовом типе общества.

Последний вопрос: насколько был распространен географически—„каменный век“? Ограничивался ли он одной средней Европой, или население и других местностей и стран света переживало, в свое время, подобную ступень развития?

Ответ затрудняется тем обстоятельством, что в одних странах было произведено огромное количество раскопок и там, естественно, были сделаны богатейшие находки, в

других же местах—раскопок, а значит, и находок было очень мало, что совершенно еще не равносильно слабому распространению там первобытного человека.

Так или иначе, мы вправе принять для всего земного шара (не только Европы, но и Азии, Африки, Америки, Австралии) древне-каменную ступень культуры. Правда, в некоторых местах (Америки, Африки, Австралии) она отделена от нас не десятками тысячелетий, а сотней,—а то и меньше,—лет. Но об этом в § 7-м...

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 5.

Как (и почему так) называется древнейший период жизни человечества? На какие основные эпохи он делится? К какому времени относятся эти эпохи? Как выглядел первобытный человек? Каковы были главные промыслы первобытника? Какой образ жизни (оседлый или нет и т. п.) он вел? Какова была его одежда, утварь и жилище? Чем питались эти люди? Что такое производительные силы (сравни первую лекцию)? Каков был их характер в первобытную эпоху? Что такое „прибавочный продукт“ и был ли он в первобытном хозяйстве? Развивалась ли в эпоху „древнего камня“ техника? Из каких материалов изготовлялись самые первые орудия? Каковы главные орудия, сделанные из дерева? Назовите основные ступени развития каменной техники. Умел ли первобытный человек зажигать огонь? С каких он пор пользовался огнем? Для чего человеку служил огонь (подберите все наши разбросанные указания)? Разгадку каких современных суеверий мы находим в условиях первобытной жизни? Не прибавите ли вы еще примеров? Почему первобытное общение мы называем „ордой“? Были ли в ней семьи и определенные брачные отношения? По каким признакам делилась орда? Сколько (и какие) было возрастных групп? Каковы были „запреты“ половых сношений в такой орде? Какое различие существовало между мужским и женским хозяйством? Было ли это разделение труда? Было ли „имущественное“ неравенство в первобытной орде? Была ли „частная собственность“?

§ 6. Переход к производящему хозяйству.

О присваивающем хозяйстве. Вкратце описанное нами, наиболее первобытное хозяйство было хозяйством присваивающим, а не производящим.

Первобытный человек использовал готовые, естественные „дары природы“: он ловил дичь и рыбу, которых он не разводил, и породы, которых не улучшал, собирал дико растущие коренья и зерна, которых не сажал и за которыми

не ухаживал. Он лишь присваивал то, что производила природа сама по себе, но еще ничего не улучшал в ней, ничего не производил искусственно и наново. Даже одежда, которой он пользовался, представляла собой не сработанную им самим ткань, а найденную почти-что в готовом виде и лишь грубо приспособленную им звериную шкуру. То же касается и всякой утвари и сосудов. Если они и были, то в виде скорлупы крупных орехов и прочих естественных вместилищ. Изготовлять же глиняную посуду еще не умели.

Очевидно, что находясь на ступени присваивающего хозяйства, человек еще не очень далеко ушел от животных, и господство его над природой было крайне незначительным. Положение меняется, и начинает развиваться действительная власть человека над природой лишь с переходом его к хозяйству производящему (земледелию, животноводству, обрабатывающей промышленности).

Появление прибавочного продукта (избытка над непосредственным потреблением), большая устойчивость хозяйства (более постоянная и равномерная обеспеченность человека продуктами питания), изменения в бродячем образе жизни, разделение труда, увеличение и усложнение общественных групп,—все это явилось результатом такого перехода.

Здесь на первом плане стоят: начатки искусственного возделывания растений (земледелие) и начало приручения и разведения животных (скотоводство).

И то и другое совершалось одновременно и в связи с общим под'емом производительных сил, пережитым человечеством в эпоху „нового камня", т.-е. после конца ледникового периода (в Европе—за 20—10 тысяч лет до нашего времени).

Улучшение орудий труда

Свое название (нового камня или „неолита") вся эта эпоха получила от нового вида каменных орудий, которые стали обрабатываться в то время посредством шлифовки их поверхности мокрым песком. Такие шлифованные орудия были несравненно более совершенными, удобными и целесообразными, чем грубые орудия, изготовленные старыми способами. Топоры, между прочим, насаживаются уже на рукоятку.

Улучшенные неолитические орудия позволили перейти к более разносторонней и совершенной обработке

дерева, например: к рубке больших деревьев, выдалбливанию их для лодки, просверливанию, пилке и тому подобному.

В связи со всем этим возник ряд новых орудий для рыбной ловли и охоты.

Мы только-что упомянули о лодке. Сначала человек научился плавать прямо на древесном стволе, гребя ногами; затем появилось весло, а ствол стали обтесывать спереди для лучшаго хода. Еще позже дошли до выдалбливания ствола и, наконец, постройки челнока из древесной коры.

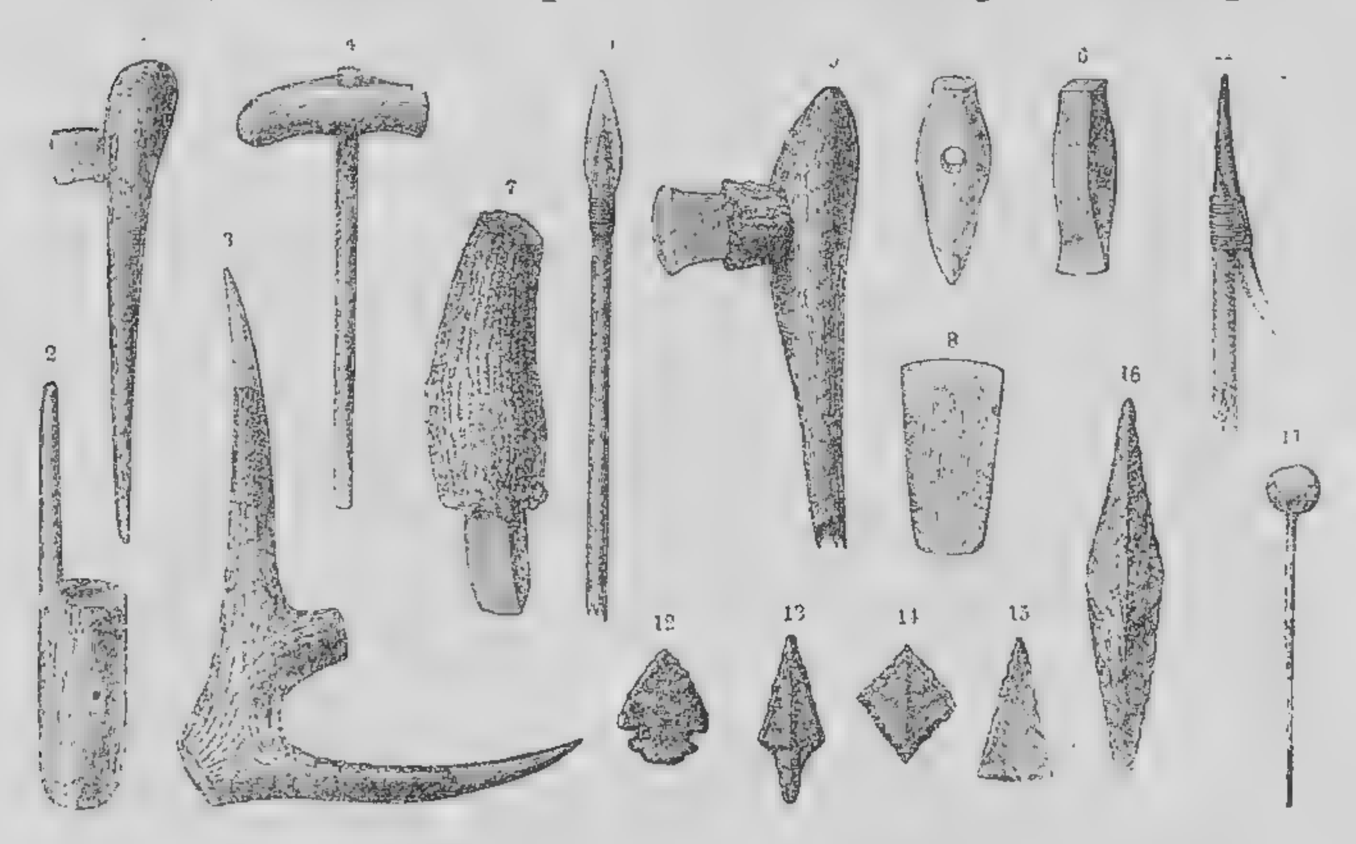


Рис. 12. Орудия и оружие каменного века из швейцарских свайных построек: 1) топор, 2) колотушка, 3) мотыка из оленьего рога, 4, 5 и 6) молоты и топоры, 7, 8) каменные долота, 9) каменная мотыка в оправе из оленьего рога и дерева, 10) наконечник пики, 11) наконечник стрелы, 12, 13, 14, 15) каменные наконечники стрел, 16) наконечник копья, 17) костяная игла.

Такие лодки имеются у многих современных отсталых народов.

Не менее важное значение имело изготовление из кости рыболовных крючков, а также плетение сетей.

Благодаря изобретению важного охотничьего оружия, позволявшего поражать животное на большом расстоянии, значительно улучшилась сама техника охоты. Мы говорим о луке и стрелах. (По мнению некоторых ученых, это изобретение относится к несколько более ранней эпохе, т.-е. к концу палеолита).

Самостоятельное добывание огня.

Еще важнее было то, что человек в эпоху неолита научился самостоятельно добывать огонь. Умея добыть огонь по своему желанию, он мог уже не бояться всяких случайностей, грозивших погасить тщательно поддерживаемый им „неугасимый огонь".

Каким же образом добывал огонь первобытный человек? На это дают нам ответ наблюдения над современными отсталыми племенами.

Наиболее распространен у них способ сверления. Для этого имеются особые деревянные „зажигательные сверла", которыми сверлят специально подложенный кусок дерева, пока, нагревшись от трения, не воспламенится получающаяся при сверлении деревянная „мука". Имеется очень много постепенно усовершенствованных типов таких сверл.

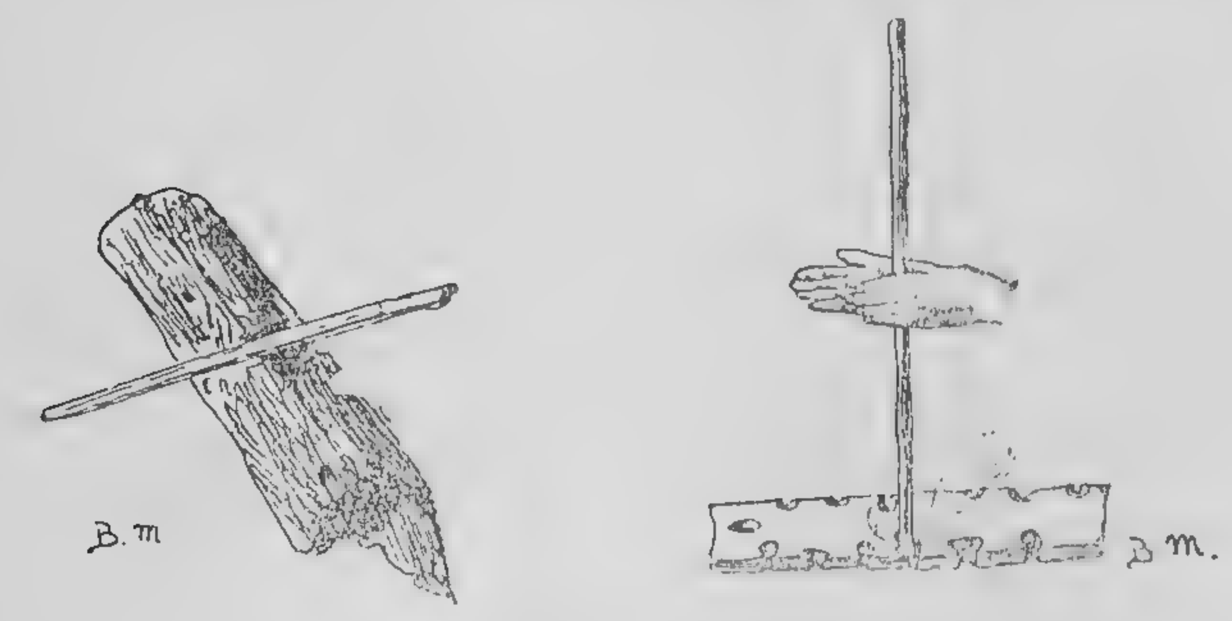


Рис. 13. Снаряды для добывания огня.

На том же принципе получения тонких деревянных опилок и воспламенения их путем трения одного куска дерева о другой основаны и другие менее распространенные способы добывания огня. К ним надо причислить: получение огня путем „огневого плуга" и „зажигательной пилы". При работе этими снарядами сверление заменяется равномерным трением или пилкой.

Еще реже встречается (для нас же более знакомый) способ высекания искры путем удара одного камня о другой и воспламенения от этих искр какого-нибудь трута — сухого мха или листьев, тех же опилок и проч.

Не стоит распространяться,—насколько это ясно каждому,—какое огромное значение для техники и вообще

для всей жизни человека имело это открытие. Это был резкий скачок на пути завоевания природы человеком. Не будь этого шага,—превращения механической энергии (трения или удара) в теплоту,—не было бы и следующего, не менее важного, превращения теплоты в механическую энергию (паровая машина)...

Промыслы эпохи неолита. В связи с улучшением техники изменяются старые и появляются новые промыслы.

Охота, благодаря луку и стрелам, а также приручению собаки (об этом дальше), получает более развитой и организованный характер. „Малая“, неорганизованная охота на мелких зверей, в которой принимало участие небольшое число людей, сменяется охотой, организованной в массовом масштабе, с загоном крупного зверья. Подобная „большая“ охота, естественно, более надежна и приносит большую добычу.

Рыболовные снасти и лодки двинули вперед и развитие рыболовства, которое местами, при благоприятных природных условиях, нередко становится основным промыслом людей.

В связи с совершенствованием охоты и рыболовства, соответственно теряет в своем значении собирание готового.

Еще существеннее появление новых промыслов,—перечислим важнейшие.

Развивается постройка жилищ, которые порою достигают значительной сложности и относительного (вспомним пещеры и кустарники) совершенства. Таковы, например, постройки, возводимые на сваях, вбитых во дно озер и других водных бассейнов. (См. рис. 14 на стр. 57).

Стены жилищ нередко обмазывались глиной. Позднее глиной стали обмазывать плетеные корзины, превращая их таким образом в сосуды для хранения жидкости. Выжигание плетения в таких обмазанных корзинах приводит к изготовлению глиняной посуды и к возникновению гончарного дела.

Мы только-что упомянули о плетении корзин. Действительно, всякого рода плетение из гибких ветвей, травы и лыка начинает распространяться в то время. Таким способом изготовляют корзины, цыновки, плетенки, сети и даже одежду. Возникает также изготовление всякой утвари и других хозяйственных принадлежностей из коры деревьев. В дальнейшем из всяческих плетений вырабатывается

ткачество. На месте более поздних свайных построек найдены остатки первобытных принадлежностей для тканья и даже самих тканей. Наиболее распространенным материалом служил, вероятно, лен. Найдены гребни из связанных вместе, заостренных бараньих и бычачьих ребер, на которых расчесывали лен. Сохранились и деревянные веретена для сучения ниток.

Некоторые ученые доказывают существование и даже описывают простейший тип ткацкого станка, который, несомненно, уже появился в то время. На таком станке ткались



Рис. 14. Свайные постройки.

и редкие гладкие ткани и узорчато-крестчатые, из которых изготовлялась одежда людей позднее неолита. Иголку (костяную) и нитку или бичевку люди знали уже давно.

Так в те древнейшие времена возникали зачатки **промышленности, обрабатывающей** то или иное готовое от природы сырье.

Возникновение земледелия.

Как мы уже несколько раз упоминали, ко временам неолита относится и важнейший шаг человека на пути к производящему хозяйству; возникновение земледелия и скотоводства.

Земледелие возникло, несомненно, как прямое **продолжение собирания** различных с'едобных зерен, клубней и плодов.

Пока мужчина охотился, женщина постоянно возилась с собиранием зерен и кореньев, с их хранением и приготовлением из них пищи. Вот из такого-то богатого трудового опыта женщины и возникло земледелие, первоначально бывшее вспомогательной отраслью женского „собирательного“ хозяйства. При этом земледелие, в нашем смысле, возникло далеко не сразу; на пути к нему можно насчитать целый ряд переходных моментов.

Началось, вероятно, с простой охраны (огораживанья и проч.) более богатых естественных полей. От такого охранения было уже недалеко и до посева. Женщине сотни раз приходилось просыпать зерна или случайно втаптывать в землю различные клубни. Через известное время эти случайно посеянные семена давали всходы. Наблюдая их, женщина, мало-по-малу приходила к пониманию того что если нарочно просыпать зерна или зарыть клубни в землю, то из них вырастет нужное для нее растение. Так возник сознательный посев, обходившийся, однако, без предварительной обработки почвы. Семена бросались и просто втаптывались ногою в необработанную землю.

Следующим шагом было возделывание почвы. И здесь путь был подготовлен собиранием, при котором женщине приходилось нередко вскапывать землю для добывания тех или иных с'едобных кореньев, личинок насекомых (напр., муравьев) и проч.

При этом главным орудием работницы была заостренная копательная палка („копалка“), которая имеется у всех современных отсталых народов. При работе женщина держит копалку правой рукой за самый нижний конец, и, поочередно то толкая ее в землю, то левой рукой отбрасывая прочь разрыхленную землю, копает с неимоверной быстротой и вырывает порою огромные ямы.

Первоначальная „пахота“ отнюдь не была сложнее такого копания. Она заключалась главным образом в выкапывании ямок, в которые клали семена и которые затем утаптывали ногою. Между прочим, такая работа всегда производилась коллективно, а не в одиночку.

Лишь значительно позже возникла дальнейшая помощь растению в его борьбе за существование, которая достигалась выпалыванием сорняка, поливкой и удобрением.

Начатки скотоводства

При охоте в эпоху неолита человеку стала помогать **собака**, которая и была первым прирученным животным.

Древность приручения собаки доказывается как раскопками первобытных становищ, в которых были найдены ее кости, так и наблюдением над современными „дикарями“.

Дело, повидимому, началось с совместной охоты человека с собакой, в которой она принимала „добровольное“ участие. Затем оказалась обоюдная выгода от такой совместной охоты и проживания вместе: человек подкармливал собаку и защищал ее, она же помогала ему не только в ловле зверей, но и в перетаскивании добычи к месту стоянки.

Приручение собаки еще не было скотоводством. Последнее началось лишь с приручения как мелких—ныне „домашних“—животных (овцы, свиньи), так и крупного рогатого скота.

Некоторые охотничьи племена почти на наших глазах переходят к скотоводству. Таковы, напр., чукчи (Вост. Сибирь), из охотников на оленей совсем превратившиеся в оленеводов. Как же происходит это превращение?

Первобытный охотник на диких коров, бизонов, лошадей, оленей и других подобных животных поневоле передвигался за их крупными стадами. Стадо меняло пастбище, менял стоянку и человек. Он не хотел истребить сразу все стадо, ему было гораздо выгоднее использовать его по мере надобности. Таким образом, у человека оказывалась „живая кладовая“ пищи. Под конец человек стал понимать выгоду охраны „своего“ стада, подыскания для него хороших пастбищ и т. д. Он начинал принимать меры к тому, чтобы стадо не скрылось от него или не ушло в неудобное для человеческого кочевья место. Отсюда уже один шаг до простейшего скотоводства.

Возможно, конечно, что такому сохранению дичи, в виде живого склада пищи, предшествовало приручение отдельных молодых особей той или иной породы, нередко попадавших живьем в руки охотника.

Во всяком случае, мы можем утверждать, что если земледелие выросло из собирания, то **скотоводство развилось из охоты**.

Это подтверждается еще вот чем. Собирание—занятие чисто женское, потому и первоначальным земледельцем была тоже женщина. Охота—промысел мужчины; а первобытное скотоводство? У кафров в Африке женщина отстранена от всех работ, связанных с разведением скота. Ей не позволяют не только задавать корм коровам, но и доить их и даже изготовлять изгороди для их хлевов. То же и у многих других скотоводов, особенно в Африке. Родоначальники же современных европейцев—арийцы—давно перешагнули эту ступень, как доказывает древнее слово duhitar—доильщица, откуда происходит немецкое tochter—дочь; да и само это русское слово (дочь), несомненно, того же корня.

Последствия перехода к производящему хозяйству.

Перечислим вкратце те последствия, которые повлек за собой переход от присваивающего к производящему хозяйству. Появился, хотя и небольшой, прибавочный продукт. Иначе говоря, хозяйство стало более производительным и устойчивым. Этой большой надежности и устойчивости сильно способствовало и возникшее уменье делать запасы продовольствия: сушить или вялить рыбу и мясо и т. д.

Усовершенствование промыслов сказалось в возможности удлинения сроков „оседания“ на одном месте, ибо лучше и полнее можно уже было использовать природное богатство местности.

Вместе с тем, беспорядочное передвижение с места на место, бродячий образ жизни, стало сменяться более плановым переходом из одной местности в другую, кочевою жизнью или даже длительной оседлостью.

Обособление мужского и женского хозяйств сменилось их соединением на основе разделения труда. И то, и другое хозяйство взаимно помогали друг другу, обмениваясь трудовыми услугами и дополняя одно другим. Мужчина при этом оставался по преимуществу охотником, рыболовом, скотоводом и воином. На его же обязанности лежала выделка оружия и орудий труда. Женщина, оставаясь „собирательницей“ и заведующей „домашним хозяйством“ (приготовление пищи и проч.), стала к тому же земледельцем и ткачом, и гончаром.

Одновременно со всем этим усложнялось и строение орды, сильно возросшей, кстати сказать, на основе большей производительности труда. Начатки семейного устройства,

власти вождей, известного общественного разделения труда и т. д.,—вот примеры этого усложнения, о котором более подробно у нас речь будет дальше. Но и так, полагаем, ясно, что все эти общественные перемены стали возможны лишь на почве усложнения и усовершенствования хозяйственной жизни.

Последнее замечание.—Часто, но совершенно неправильно говорят, что человек „додумался" до того или иного изобретения или открытия, например, добывания огня или посева. Это, конечно, неверно. Такие открытия отнюдь не были результатом усиленной умственной работы первобытного человека, к которой, надо сказать, он вообще и не был способен. Как же они происходили?

Мы уже знаем: все такие изобретения и открытия были результатом долгой трудовой практики, в которой человек неизбежно и многократно наталкивался на тот или иной полезный для него результат (воспламенение опилок, полученных при обработке дерева, произрастание просыпанных семян и т. п.). Сначала он не обращал внимания на этот результат, но рано или поздно, подталкиваемый нуждой, он осмысливал его и переходил к сознательному его воспроизведению (устройству специальных снарядов для добывания огня, посеву и т. п.). Не разум, а труд был источником важнейших первобытных изобретений и открытий.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 6.

Что такое присваивающее хозяйство, и чем оно отличается от производящего? Подберите примеры, кроме тех, которые приведены в тексте. Когда совершался переход от первого типа хозяйства ко второму? Почему весь этот период называется „неолитическим"? Как отразились новые орудия на технике человека? Какие перемены пережило рыболовство в эпоху неолита? То же относительно охоты. Какие способы добывания огня вы знаете? Самостоятельно подберите ответы к вопросу о значении открытия огня для человека. Какие новые промыслы появились в эпоху неолита? Какие из новых промыслов имели самое важное значение? Из какого более раннего промысла развилось земледелие? Какие переходные формы оно прошло? Кто был первым земледельцем? Примените предыдущие вопросы по отношению к скотоводству. Каково было земледельческое орудие самого первобытного человека, и как им работали? Перечислите главные последствия перехода от присваивающего хозяйства к начаткам производящего. Одно или два из этих последствий опишите более подробно.

§ 7. Пережитки каменного века в современности.

„Отсталые“ племена.

Десятки тысяч лет, громадный технический и общественный прогресс отделяют нас от конца каменного века. Но везде ли он кончился? Нет ли и посейчас, в эпоху перехода к социализму, каких-нибудь „обломков“ этого давно пережитого времени? Нет ли племен, хотя бы отчасти напоминающих людей каменного века?

Орды, такого типа, как мы описывали во втором параграфе, на земле больше не существует. Это надо определенно подчеркнуть. Однако, сохранились в небольшом числе такие племена, которые приближаются во многом к людям каменного века и у которых сохранилось много пережитков тех времен.

Мы говорим о таких племенах, которые вследствие особо неблагоприятных природных или исторических условий (крайнее бесплодие почвы, отсутствие полезных ископаемых, особо неблагоприятный климат, отсутствие подходящих для приручения животных, утеснение со стороны более сильных соседей и т. п.) на много отстали в своем развитии.

Таковы, к примеру, туземцы центральной Австралии, бушмены южной Африки, карликовые племена центральной Африки и некоторые другие.

Кроме этих „обломков каменного века“ есть еще немало народов, которых европейцы презрительно именуют „дикими“, но которые, на самом деле, зная уже употребление железа, земледелие и скотоводство, очень далеко ушли от первобытности. „Помощь культурных“ капиталистических государств этим племенам выражается по преимуществу в содействии их быстрейшему вырождению и вымиранию.

Кроме спиртных напитков, болезней и пороков, приносимых пришельцами, имеет значение и простое убийство туземцев. Вот характерный в этом отношении отрывок из речи главаря одного из австралийских племен „Верхнего Лебедя“, обращенной к важному английскому колониальному чиновнику:

„Зачем вы, белые люди, приходите на своих кораблях в нашу землю и стреляете бедных людей, которые не понимают вас? Слушай меня! Дикие люди не понимают ваших законов. Каждое живое существо,

которое обитает в стране, и каждый с'едобный корень, растущий в земле, есть достояние всех!.. Когда ребенок начинает владеть копьем, он мечет его во всякое животное, попадающееся ему на пути, а когда он становится мужчиной, его главное занятие—охота... Случается, толпа усталых и голодных людей спускается с холмов и видит странных животных, которых вы называете овцами. Конечно, копья мечут, и пир готов! А вы, белые, тогда идете и стреляете бедных людей!.. То же и с бедными голодными женщинами; они с рождения привыкли выкапывать каждый с'едобный корень, и когда им случится проходить через посев картофеля, то невольно пускаются в ход их копалки... А вы тогда стреляете по женщинам!.."

О быстроте вымирания „дикарей" при „любезной помощи" англичан и других цивилизаторов мы можем судить по такому примеру.—На близком к австралийскому материку острове Тасмания к моменту прибытия белых еще насчитывалось до 8 тысяч туземцев. В 1815 году их было уже 5 тысяч, а в 1860 г... 16 человек. В 1876 году умерла женщина по имени Трукапини, которая была последней тасманийкой на земле...

Наш Союз ведет как-раз противоположную капиталистическим странам политику по отношению к отсталым народностям: он всячески поддерживает их и действительно помогает подняться на более высокую ступень культуры. На нашем крайнем севере и в наиболее глухих местах Сибири строятся культурные базы, школы, медицинские пункты и т. д. Этим делом руководит особый комитет по делам северных народностей, состоящий при Совнаркоме.

Если сравнить перечисленные выше наиболее отсталые племена по их промыслам, технике и общему характеру жизни с первобытными людьми, то они окажутся более всего схожими с людьми, стоявшими на границе между периодами—„древнего" и „нового" камня.

Однако у всех современных „дикарей" есть своя длинная история развития; иногда они являются потомками когда-то более развитых, а затем растерявших свои достижения племен,—они все подвергались воздействию других народов,—и так дальше. Вот почему, повторяем, огульно приравнивать их к первобытным людям, конечно, нельзя.

Это пережитки, частичные обломки каменного века, но отнюдь не точная копия племен того времени.

Австралийцы.

Возьмем, для примера, современных австралийских туземцев, о которых мы уже говорили выше.

В 1890-х годах их было около 60.000, теперь—значительно менее. Техника их еще крайне убога. Все орудия и теперь еще готовятся из дерева, камня, кости и раковин. Каменный топор снабжен уже деревянной рукояткой. Кроме топоров они имеют каменные ножи, дубины, копья с каменным наконечником и долото. Лука и стрел у них еще нет.

Но за то они обладают совершенно оригинальным оружием—бумерангом. Бумеранг—это плоская, заостренная и согнутая под углом деревянная палка, которой, придав ей вращательное движение, на большом расстоянии австралийцы попадают в добычу или врага, и которая имеет свойство вращаться, в случае промаха, обратно к ногам метателя. (См. рис. 15 на стр. 65).

Австралийцам известно уже искусство добывания огня, хотя они прибегают к нему крайне редко и неохотно, предпочитая поддержание „вечного огня“.

Глиняной посуды австралийцы еще не знают, равно как и тканья. Мужчины носят, вместо одежды, лишь волосяные „пояса голода“, туго стягиваемые в нередкие периоды голодовок, да иногда кусок шкуры на плечах. Женщины одеты в фартук, сплетенный из травы. И те и другие любят расписывать свое тело в различные цвета. Вместо жилища они делают себе ширму из коры, для защиты огня от ветра, или низкий шалаш из сучьев и коры. Единственное прирученное животное у них собака—„динго“, которая помогает на охоте.

Охота и собирание всего с'едобного—их главные занятия. Значительно развита также рыбная ловля. Хотя и встречаются кое-где робкие начатки земледелия, но они еще не имеют сколько-нибудь существенного значения. Труд людей еле-еле, да и то ненадежно, обеспечивает людям скудную пищу. Если бы население слишком возросло, то ему бы нечего было есть. Поэтому-то у них практикуется убийство, а иногда и поедание детей и стариков.

Австралийцы живут небольшими группами в 40—60 человек. Каждая из таких групп имеет свое имя (обычно название животного) и отличительный знак. У них уже имеются вожаки групп, опытные старики; так же намечается, хотя и мало определенное, семейное устройство. Члены отдельных, повторяем, неустойчивых и непостоянных, „семей“

держатся вместе при переходах, сообща хозяйствуют. Группы в поисках за пищей бродят каждая в пределах „своей“ области, границу которой они великолепно знают, за которые и сами не выходят и чужих не пускают. Группа человек в 40 „владеет“ нередко пространством в 100 квадр. километров. Несколько таких групп иногда на короткое время собираются вместе, для осуществления более крупных хозяйственных предприятий и празднеств.

Вот характерные отрывки из воспоминаний одного англичанина Беркле, прожившего 32 года в качестве члена одной из австралийских групп. Эти отрывки рисуют бродячий образ жизни австралийцев.



Рис. 15. Австралиец с бумерангом.

„Мы сперва сошлись с племенем Бенгли и пошли в его кормовую область. Каждое племя (группа) обладает своею кормовою областью, которая, по мнению соплеменников, унаследована от предков. Здесь мы построили себе шалаши и набили множество кенгуру (своеобразные животные, водящиеся только в Австралии)... Пробыв в этой кормовой области в течение нескольких месяцев,—сколько—не помню,—мы опять двинулись в путь в новую местность, так как запасы дичи начинали уже истощаться, благодаря нашей непрестанной охоте... На новом месте мы нашли бесчисленное множество лебедей и других диких птиц. Мы построили наши шалаши в некотором расстоянии от другой группы соплеменников, которые пригласили нас посетить их. По истечении первого дня, проведенного в новой местности, пригласившие нас сказали, что они возьмут нас с собой и устроят корроббори (т.-е. празднество с плясками и пением)“... Далее идет описание празднества, закончившегося дракой. „После того мы пошли в одно место, до которого было около 40 миль. Это место находится около озера в 10 миль окружностью. Переход занял несколько дней, так как мы охотились всю дорогу. Мы

наделали сетей из набранной древесной коры и наловили множество раков. Здесь жили мы несколько месяцев в мире и изобилии, а потом пошли к берегам другого озера"...

Собиранием плодов, луковиц, ягод занимаются у них женщины. В то время, как на переходах мужчины спешат вперед и выслеживают дичь, женщины с детьми, не умеющими еще бегать, бродят позади и собирают с'едобные коренья, ягоды, веточки, луковицы и т. п. Все, что им кажется с'едобным: растения, коренья, а также насекомые (муравьи считаются лакомством), ящерицы, птичьи яйца, бросается в кожаный мешок, который они носят с собой; потом все это на месте стоянки с'едается в сыром виде или поджаренным на огне.

Одновременно с заботами женщины, вытекающими из различия полов, женщина, естественно, прежде всего кормит, носит, чистит детей,—идет разделение труда. Мужчина является охотником, приобретателем мясной пищи и воином, женщина оказывается собирательницей растительной пищи, и на ее же обязанности лежит и большая часть несложного, но крайне тяжелого „домашнего хозяйства" австралийцев...

До крайности убога, ненадежна и трудна жизнь и примитивно общественное устройство этих пасынков человеческого рода. Разгадка этого—в примитивности и слабости их производительных сил, этой „основы основ" человеческого общества и его истории.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 7.

Существуют ли сейчас „орды" времен „древнего камня"? Что такое „отсталое племя"? Почему оно отстало? Назовите некоторые из них. К людям какого периода каменного века более всего подходят представители этих племен? Попробуйте самостоятельно подобрать примеры помощи, которую оказывает Советское государство наиболее отсталым народностям (главным образом крайнего Севера). Какова техника австралийцев? Какими промыслами они занимаются? Есть ли у них (и если есть, то какое) разделение труда? Каков образ их жизни? Какова в основном организация их общественной жизни? Чем она отличается от первобытной орды?

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС КО ВСЕЙ ГЛАВЕ.

Можно ли первобытное общество назвать коммунистическим?

ОБЩИЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ВСЕЙ ГЛАВЫ.

Вейле К.—„Элементы человеческой культуры“, „Первобытное общество и его хозяйство“, „Культура бескультурных народов“. Небольшие книжки с весьма живым изложением, преимущественно по этнографическому материалу.

Кунов и Левин-Дорш.—„Первобытная техника“; хорошо составленный марксистский очерк развития первобытной техники, а также жилищ и т. д.

Шурц Г.—„История первобытной культуры“; два тома, (для нас важнее второй). Дает очень много интересного и ценного материала, в особенности по вопросам техники.

Гремяцкий.—„Техника первобытного человека“; популярная брошюра.

Андреев.—„История развития общественных форм“; большая хрестоматия, составленная отчасти по упомянутым уже пособиям (Шурц, Кунов и др.); много разнообразного материала.

Кушнер П.—„Очерк развития общественных форм“; систематическое и очень ясное изложение вопроса о первобытном обществе, можно рекомендовать, как основное пособие.

Никольский В.—„Очерк первобытной культуры“, более трудный, но оригинально и интересно построенный систематический курс.

Кушнер П.—„Первобытное и родовое общество“; хрестоматия, составленная по весьма ценным материалам, из которых многие взяты из жизни отсталых народов, живущих на территории СССР.

Добавочно к § 1.

Энгельс.—„Труд, как фактор эволюции обезьяны в человека“; статья, дающая основные марксистские указания по вопросу „очеловечения“ животного.

Жуков.—„Происхождение человека“.

Анугин.—„О происхождении человека“.

К § 3.

Анугин.—„Открытие огня и способы его добывания“.

К § 4.

Тахтарев.—„Очерки по истории первобытной культуры“; жизнь и общественное устройство австралийцев; обильный материал.

В большинстве указанных книг имеются многочисленные иллюстрации.

III. РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО

§ 8. Хозяйство.

От камня к металлу. В первобытном обществе главнейшим материалом, из которого выделывались орудия труда и оружие, был камень. То был „век камня“. Он продолжался многие тысячи лет, пока на ряду с камнем для выделки оружия и орудий труда не стали пользоваться другим материалом—металлами. „Век камня“ сменился „веком металла“.

Учеными (главным образом археологами) установлено, что обработка металлов имела место в Малой Азии уже 7.000 лет тому назад. В Европе же неизвестны случаи обработки металлов раньше 4.500—5.000 лет тому назад. Все это, конечно, очень приблизительные сроки. Не подлежит никакому сомнению, что переход от обработки камня к обработке металлов совершался далеко не сразу, но с большой постепенностью.

Долгое время человек встречался с металлами, но не знал их огромного преимущества перед камнем: он не знал, что металл способен плавиться. Поэтому металл пытались обрабатывать теми же способами, которые раньше применялись к камню: отбивкой, шлифовкой, сверлением. Такая „холодная“ обработка металла не могла получить широкого применения, так как в большинстве случаев металлическая руда (например, медный блеск, медная руда) такой обработке не поддается. Она крошится и распыляется. И археология, и этнография знают очень мало примеров металлических орудий, выделанных „холодным“ способом. Известно, что индейцы Сев. Америки именно так пользовались самородной медью, встречавшейся на Верхнем Озере, и выковывали из нее разнообразную утварь; подобным же образом эскимосы обрабатывали метеорное железо. Что касается Европы, то здесь совсем нет примеров такой обработки. Это можно об‘яснить тем, что металлы проникли в Европу из

Азии. А в Азии обработка металлов началась гораздо раньше, и к моменту заимствования плавление металлов было давно известно.

Лишь с того времени, когда научились плавить металл и орудия стали выделываться путем литья и „горячей“ ковки, каменные орудия были вытеснены металлическими.

Начало обработки металлов.

Металлы в чистом виде встречаются очень редко. Чаще всего они попадаются в виде соединений с кислородом, серой и фосфором, в виде руд. Сплошь да рядом металл можно выделить из руды путем прокалки руды вместе с древесным углем. Вполне, поэтому, можно предположить, что плавление руды было обнаружено человеком на костре, который огораживался со всех сторон камнями (среди них могла попадаться и руда).

Другие ученые предполагают, что на свойство плавления металлов человека натолкнул распространенный в иных местах способ добычи камня. Когда необходимо было раздробить большой каменный массив, его подогревали пламенем костра и раскаленный камень обливали холодной водой. От резкого охлаждения камень трескался, и его нетрудно уже было наломать в нужном количестве. Если в разрабатываемой каменной породе попадались руды, то от сильного нагрева они начинали плавиться и размягчались.

Медь и бронза.

Первым металлом, который пошел на выделку орудий и утвари, была, вероятно, м е д ь *). По крайней мере, самые древние металлические орудия, найденные археологами, сделаны из меди. Но особенно широкого распространения медные орудия не успели получить. Во многих отношениях они были непрактичны и даже уступали хорошо выделанным каменным.

Медь мягка и легко поддается обработке, но в то же время она быстро притупляется. Зато медь в соединении с оловом, то-есть б р о н з а, чрезвычайно прочна, гораздо лучше отливается в формы, чем чистая медь, и меньше поддается действию ржавчины. От камня же она выгодно отличается

---

*) Археология показывает, что металлы очень рано употреблялись человеком на выделку украшений. Некоторые ученые даже предполагают, что металлами пользовались раньше всего именно для этих целей. Во всяком случае, металлы приобрели решающее значение в жизни человека лишь с того времени, когда ими стали пользоваться для выделки не украшений, а оружия и орудий труда.

вязкостью и большой прочностью. Кроме того, бронза, как и всякий металл, даже изломанная на куски, не пропадает подобно камню. Путем новой отливки она вновь может итти в дело. Поэтому бронзовые орудия получили гораздо более широкое распространение, чем медные. (См. рис. 16 на 71 стр.).

Железо.

Еще позже, вслед за бронзой, стали пользоваться железом. Наиболее древние установленные наукой изделия из железа имеют возраст приблизительно 4.500 лет. Это—железные серпы, выделывавшиеся в Египте. В Европе же железные изделия появились около трех тысяч лет тому назад. С этого времени встречаются довольно часто железное вооружение, некоторая утварь и железные плуги. Еще позже железо вытеснило и медь, и бронзу и повсюду стало главнейшим материалом для выделки вооружения и орудий труда.

Что способствовало столь широкому распространению железа? Отчасти играли роль некоторые технические преимущества. Железо можно не только плавить, но и сваривать. Оно тверже бронзы, а при переработке в сталь делается еще тверже. Впрочем, нельзя забывать и один большой недостаток железа: оно ржавеет гораздо легче, чем бронза. Поэтому, главной причиной повсеместной распространенности обработки железа надо считать не столько технические свойства железа, сколько распространенность самих железных руд. Они встречаются довольно часто, во всяком случае, несравненно чаще, чем олово, которое в Европе, например, добывалось в древности только на Пиренейском полуострове и на Британских островах. А, между тем, олово необходимо для выделки бронзы.

Способы обработки металлов.

Большой интерес представляют способы обработки металлов. Надо сказать, что здесь мы встречаемся с очень высокой техникой. Добыча металлов—дело не особенно сложное. Иногда руды попадаются на поверхности земли. Например, следы древнейших копей в Сибири показывают, что там разрабатывались почти исключительно поверхностные выходы руд. Иногда прибегали к добыче металлов из россыпей *). Иногда, наконец, прибегали

*) Россыпями называют залежи руд и металлов в речных песках или других осадках. При промывке водой металл выделяется без особых затруднений. Таким способом еще и теперь добывается значительная часть золота.

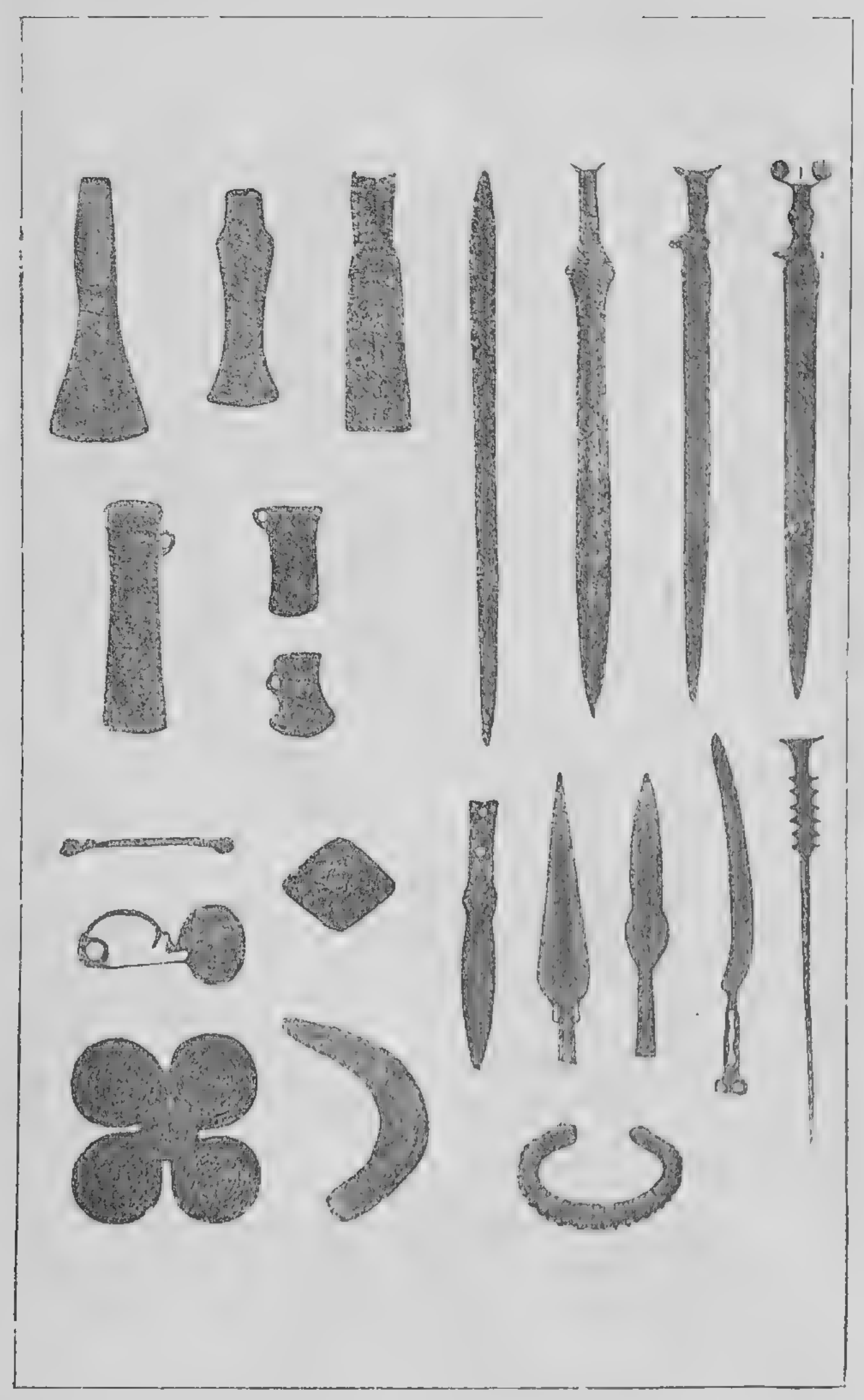


Рис. 16. Бронзовые орудия и оружие.

к рытью шахт, что, впрочем, было уже и раньше знакомо человеку по добыче камня.

Гораздо сложнее обработка металлов в узком смысле этого слова. Особенно это относится к железу, которое требует для своего восстановления из руды довольно высокой температуры. Обыкновенным костром тут не ограничишься, и приходится строить особые плавильные печи. Один путешественник наблюдал у кайянов *) плавильную печь, из описания которой можно получить некоторое представление о технике примитивной обработки железа.

„Обыкновенно,—рассказывает этот путешественник,—во всякой деревне кайянов есть площадь, на которой помещается железоплавильня, в которой участвует вся община. Простая, прикрытая крышей печь состоит из выкопанной в земле ямы, фута в три глубиной и фута в четыре в диаметре. Перед плавкой руде дают проржаветь и измельчают ее. Когда угли в печи разгорятся, насыпают слой приготовленной руды вперемежку со слоями угля. Вентиляция производится десятью или двенадцатью трубами, которые вертикально установлены вокруг печи. Диаметр каждой трубы около семи дюймов, соответственные поршни обернуты сукном или древесной корой. К поршневым стержням приделаны длинные коромысла, которые перекинуты через перекладные крыши кузницы и имеют противовесы на другом конце. Коромысло приводит в движение поршни, отчего образуется непрерывный ток воздуха, который из каждой трубки проходит в печь через глиняное сопло, лежащее под землей и выходящее устьем в печь“.

Во время литья пользуются самыми разнообразными формами. Их изготовляют чаще всего из глины или из мелкого камня, при чем формы делаются из двух половинок, накладывающихся друг на друга. Когда вылитый в форму расплавленный металл остывает и становится твердым, форма снимается и остается только придать окончательную отделку вещи.

Переход от камня к металлу очень сильно изменил весь хозяйственный уклад первобытных людей. Появились новые промыслы, изменились старые—охота и, особенно, скотоводство и земледелие.

Земледелие и скотоводство. Мы уже знаем (см. 2-ю главу), что первобытное земледелие имело лишь подсобный характер, дополняя основные промыслы человека: охоту, рыболовство и собирание растений. Несколько большее значение земледелие приобрело лишь тогда, когда древняя „палка-

---

*) Народность, живущая на острове Борнео.



Рис. 17. Бронзовые и железные изделия из средней Европы.
(Возраст находок около 2.500 лет).

копалка" была заменена примитивным плугом. Он делался из древесного ствола, к которому на конце прикрепляли продолговатый заостренный кусок дерева или камня.

Надо было затратить очень много усилий, чтобы подобным „плугом" разрыхлить землю. Несколько человек тащили его по обрабатываемому участку, при чем кто-нибудь один шел сзади плуга и надавливал на заостренный брус, вгоняя его острие в землю на небольшую глубину. Таким образом получалась борозда. В дальнейшем появилось важное нововведение: замена деревянного или каменного „лезвия" настоящим металлическим. Хотя способ пользования плугом и его конструкция оставались при этом неизменными, металлическое лезвие все же во много раз увеличивало производительность труда. Оно позволяло делать гораздо более глубокую запашку с затратой меньшей рабочей силы, а это, в свою очередь, приводило к значительному



Рис. 18. Ручной плуг. (Схема рисунка).

расширению площади запашки. В большинстве случаев для получения участков, годных для запашки и посева, необходимо было предварительно расчистить их от деревьев, кустарников и сорных растений. В лесных районах на это дело приходилось затрачивать не мало труда. Чаще всего при этом прибегали к выжиганию леса (так иногда и говорят „огневое земледелие"), в результате чего получались участки, свободные от леса и к тому же удобренные золой.

Что сеяли наши предки-земледельцы?

Здесь не приходится давать ответ общий для всех районов. Все зависело от наличия тех или иных сортов дико-растущих растений. В южно-русских степях, например, самым древним злаком было „жито" или просо (пшено), в жарких странах возделывали рис, маис, маниоку и другие коренья.

Пока обработка земли производилась вручную, она редко поднималась на большую высоту. Лишь в отдельных случаях, в виде исключения, развивалось так называемое

„садовое“ или грядковое земледелие, где вся работа идет вручную, без помощи скота, но где, тем не менее, в виду очень тщательного ухода за каждым отдельным растеньицем, собирают огромные урожаи. Такое земледелие широко распространено в Китае. Однако, повторяем, это в общем довольно редкое исключение. В огромном же большинстве случаев земледелие становится на твердые ноги и делается основой хозяйства лишь с того момента, когда начинается использование силы рабочего скота. Земледелие, следовательно, теснейшим образом связывается с другим основным промыслом—со скотоводством.

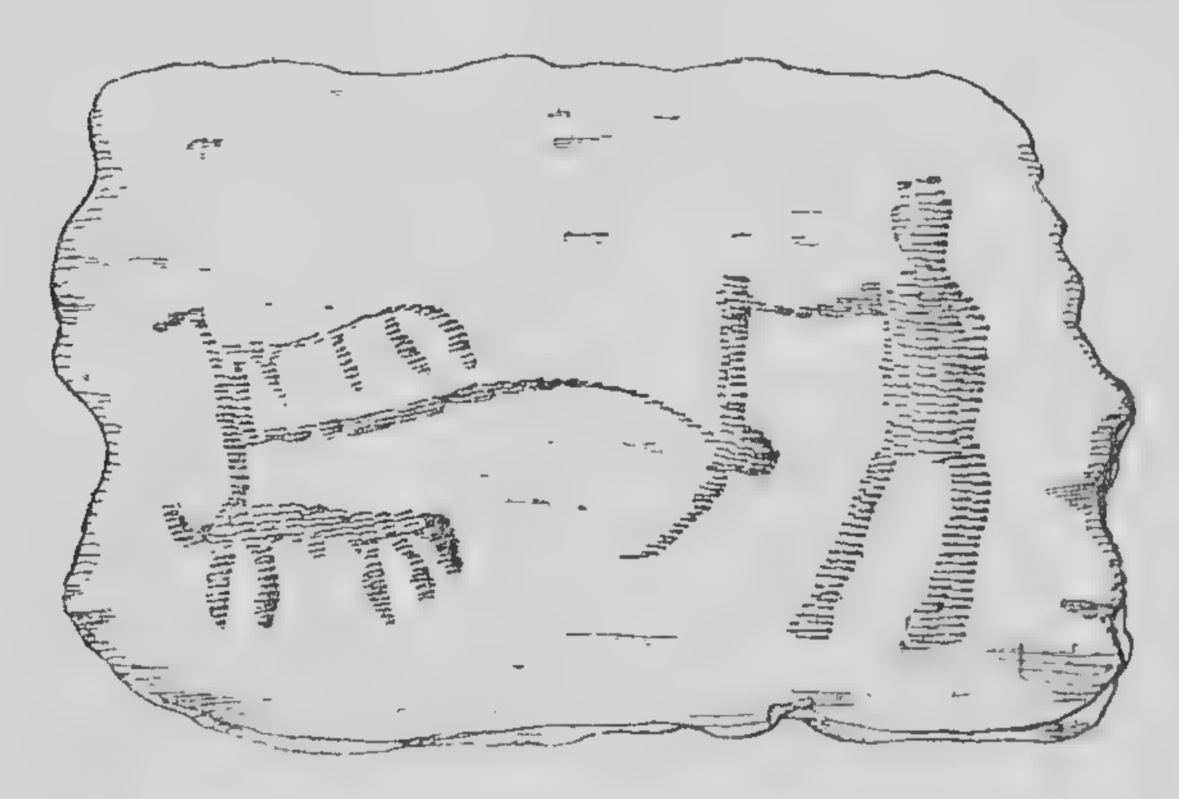


Рис. 19. Древнейшее изображение плуга с запряженным в него животным. (Рисунок на камне в Швеции. Сделан около 3 тысяч лет тому назад).

Приручение животных относится, вероятно, к такой же отдаленной древности, как и зарождение земледелия. Но подобно тому, как земледелие не скоро стало основой хозяйства, так и умение приручать животных не сразу превратилось в скотоводство, способное стать основой хозяйства. По всей вероятности, очень долго человек пользовался стадами прирученных или полуприрученных животных только в качестве мясной пищи. Такое хищническое пользование скотом не на много поднимало уровень производительных сил. Кроме мяса, животное, правда, давало шкуру, рог, кость, но все это мало чем отличало такого „скотовода“

от охотника. Разница была лишь в том, что для охотника много трудностей было связано с поисками зверей и дичи и с ловлей их. Кроме того, охотник на крупного зверя обыкновенно подвергался очень большой опасности. Стадо же прирученных животных всегда было под рукой, и взять из него животных было делом пустяковым. Итак, скотоводство первое время недалеко ушло от охоты.

Совсем иное приходится сказать о скотоводстве, когда оно связано с длительным использованием животных. Здесь сразу скотоводство превращается в неистощимый источник благополучия, который во много раз поднимает производительные силы хозяйства.

Как можно длительно пользоваться прирученными животными?—По-разному. Прежде всего, можно пользоваться рабочей силой животных, применяя ее для передвижения и для других надобностей (особенно в земледелии!). Затем,—и это, пожалуй, самое главное,—можно пользоваться молоком животных. Наконец, известную роль (вероятно, сравнительно очень поздно) играет и стрижка шерсти. Все это не исключает возможности использования попрежнему и мяса животных, и его кожи, рогов и проч. Для всего этого употребляется или часть молодняка—самцы, или павшие животные.

Лишь такое интенсивное (дающее большие хозяйственные выгоды) скотоводство можно поставить на ряду с плужным земледелием. И то, и другое сыграло огромную роль в истории человечества.

Перекочевки и оседлый образ жизни.

В зависимости от природных условий (климат, почва, наличие того или иного животного и растительного мира) человеческие группы переходили к чистому скотоводству или к земледелию, в той или иной степени опирающемуся на скотоводство. А от этого, в свою очередь, зависел весь уклад жизни. Жизнь скотоводов и жизнь земледельцев складывалась по-разному. В дальнейшем мы еще будем сталкиваться с этим различием, здесь же отметим только одну черту.

Первобытные люди жили в бродячем состоянии. Орда переходила с места на место, бродила в поисках пищи. В этих переходах не было никакой системы. Иногда шли очень долго, не находя нигде достаточной пищи, и нигде не останавливались на длительный срок. Иногда,

наталкивались на изобилие пищи и застревали на одном месте на многие дни.

Развитие скотоводства лишь частично изменило этот образ жизни. Стада животных требуют огромного количества пищи. Примитивные скотоводы в течение круглого года держат животных обыкновенно на подножном корму. Трава на пастбищах быстро поедается скотом, и скотоводы, в поисках новых пастбищ, вынуждены то и дело переходить с места на место. Однако, эти переходы существенно отличаются от бродячего образа жизни первобытной орды.



Рис. 20. Перекочевка кара-киргизов.

Скотоводы кочуют, т.-е. регулярно меняют свои становища. Регулярность перекочевок вызывается сменой времен года. Периоды холодные и жаркие, засушливые и дождливые вынуждают скотоводов менять стоянки, переходя иногда довольно большие пространства.

У чукчей-оленеводов в течение года бывает две перекочевки. Весенняя (на лето) начинается в конце апреля, осенняя (на зиму)—в конце сентября. Зимняя стоянка избирается в местах более лесистых, в горах, где склоны, поросшие ягелем, покрыты тонким слоем снега, а летняя—в высоких безлесных местах или близ рек, чтобы избежать насекомых. При перекочевках поезд чукчей состоит из 8—10, а то и более нагруженных саней. Все перевозочные сани

имеют свое определенное место в ряду, который замыкается санями с жердями для жилища.

Постоянные перекочевки накладывают свою печать на весь обиход жизни. Все предметы, изготовляемые кочевниками имеют переносный характер. Даже жилища (шатры или юрты, кибитки) вполне приспособлены к кочевому образу жизни. Остов жилища устраивается из легких шестов, а стены — из шкур, войлоков и тканей (ковров), выделанных из шерсти животных. Подвижное жилище кочевника очень легко разбирается и переносится.

Вот как один путешественник описывает устройство шатра при остановке кочевников на стоянку:



Рис. 21. Юрта киргизов.

„Когда кочевники достигают места стоянки, женщины раскатывают свертки просмоленной ткани, которые наверчены на вьюках животных. После этого они вколачивают в землю колики, втыкают шесты, которые должны поддерживать ломкое здание, привязывают веревки, развертывают маты и ковры, раскладывают подушки и натягивают занавески, которые разделяют шатер на несколько отделений.

На следующее утро, в течение какого-нибудь полчаса, ночное жилище, убежище ночи, снимается, складывается, связывается, и от места стоянки кочевника на пространстве нескольких квадратных метров не остается никаких других следов, кроме кучи пепла и отбросов“.

Такова жизнь современного кочевника.

Иначе складывается жизнь земледельца.

Земледелие приводит к оседлому образу жизни. Однако, переход этот совершается не сразу. Очень долго земледелие уживается с частыми переходами с места на место, так как ведется чрезвычайно хищническим способом, когда почва истощается после одного или в лучшем случае

двух-трех посевов. В таких случаях оседание бывает непрочным,—пока не снимут урожая. После этого участок бросается, и пользующиеся им переходят на новое место. Лишь с утверждением двух-или, особенно, трехполья, что обыкновенно идет рука об-руку с практикой удобрения участка,—наступает полное оседание.

Само собой разумеется, что очень большую роль играет недостаток земель. Пока было много свободной земли, переходить с места на место было не трудно; когда же все оказалось занятым, то волей-неволей приходилось оставаться



Рис. 22. Туркменки за вышивкой ковра.

на раз занятых местах. Это, в свою очередь, стало возможным лишь потому, что к этому времени производительные силы позволяли из года в год кормиться с одного участка.

Разделение труда.

Уже в первобытном обществе мы наблюдали первые признаки разделения труда.

Сначала это было, собственно, не разделение труда, а обособление мужского и женского хозяйства. Потом оно сменилось соединением обоих видов хозяйствования в единое хозяйство, где уже на основе разделения труда мужской и женский труд взаимно друг друга дополнял. При этом мужчина преимущественно оставался

охотником, рыболовом и воином; женщина же продолжала заниматься собирательством, которое постепенно превращалось в земледелие. Она же ведала приготовлением пищи, выделкой тканей и одежды и была хранительницей домашнего очага. Позже, когда охота сменилась скотоводством, этот новый промысел попал также в руки мужчины. И до сих пор некоторые скотоводы не допускают женщин к уходу за скотом. Впрочем, это не означает, что у скотоводов на долю мужчины выпадает главное бремя труда. Наоборот, женщинам скотоводческих народностей приходится трудиться даже больше, чем мужчинам. У калмыков, например, мужчины поят скот да копают и очищают канавы для скота („худыка“); женщины же готовят кизяк („аргасун“), бьют масло, готовят еду, прядут и ткут, шьют и починяют одежду и выполняют множество других работ по дому. В общем, скотовод-мужчина не только меньше работает, но и выбирает себе более легкую работу, да и бытовое положение его неизмеримо выше положения женщины: женщина по сравнению с ним существо бесправное.

Несколько иначе обстоит дело у земледельцев. Пока земледелие было второстепенным, подсобным занятием, оно всецело оставалось в руках женщины. Позже, когда земледелие превратилось в основной промысел, особенно, когда в нем стал применяться труд домашних животных, мужчина тоже втянулся в земледельческую работу, вытесняя постепенно женщину. Однако, сравнительно долго женский труд сохранил свое значение, и именно поэтому положение женщины земледельческих народностей было несколько выше, чем у скотоводов.

Итак, разделение мужского и женского труда — это первая форма разделения труда. С течением времени разделение труда шло еще дальше. Оно было непосредственным результатом усложняющейся техники и появления новых промыслов. Появляется более узкая специализация по профессиям, зарождается, другими словами, ремесло.

Зарождение ремесла.

Предполагают, что первыми ремесленниками делались непригодные к охоте и к войне инвалиды и старики. Обращаясь к единственно доступному им занятию, они приобретают в нем с течением времени значительную сноровку и некоторые специальные приемы. В большинстве случаев, в особую профессию прежде всего

выделяется выделка оружия и различных предметов домашней утвари. Один знаток быта северо-американских туземцев расказывает, что до распространения огнестрельного оружия среди них существовала особая группа людей, которых называли „изготовителями наконечников стрел". Они умели находить нужные породы камня для обработки и всецело посвящали себя этому занятию.

Особенно большую роль в хозяйстве приобретают ремесленники со времени широкого распространения металлической техники. Добыча металлов и особенно их обработка были очень сложным делом и требовали большого навыка. Его можно было достигнуть только, если всецело посвятить себя делу обработки металлов и выделки металлического вооружения, орудий и утвари. Те человеческие группы, которые жили в районах, богатых месторождениями металлов (особенно, редких металлов, в роде олова), раньше всего специализировались на обработке металлов, превращались в своего рода ремесленников этого дела. Затем стали специализироваться в работе над металлическими изделиями отдельные семьи и в тех местах, где не было месторождений металла.

Некоторые ученые даже предполагают, что кузнец-литейщик был первый, самый древний ремесленник. Недаром в немецком языке слово Schmied первоначально означало (как и латинское слово faber) кузнец, а также вообще ремесленник. Позже, когда выделились и другие ремесла, это слово употреблялось в соединениях: Steinschmied Schuhschmied, Tuchschmied, т.-е. каменотесный, сапожный, суконный „кузнец" или ремесленник.

Из сказанного видно, что разделение труда имело место не только внутри обособленных человеческих групп, но и между отдельными группами. Раз так — значит можно говорить о зарождении обмена уже в то время.

Археология вполне подтверждает эти предположения. Бесспорно, что ко времени появления металлических орудий существовал уже обмен, так как ничем иным нельзя объяснить тот факт, что среди археологических находок сплошь да рядом попадаются вещи, которые могли быть сделаны только в районах, очень далеко, иногда на многие тысячи верст, отстоящих от места раскопок *).

---

*) Подробнее о происхождении и развитии обмена речь будет итти в одной из следующих глав.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 8.

Когда появились впервые металлические изделия? Как человек мог узнать, что металлы плавятся? Какими металлами люди пользовались раньше всего? Сразу ли человек приступил к „горячей“ обработке металлов? Каков возраст наиболее древних, известных науке, железных изделий? Почему железные орудия получили наибольшее распространение? Как производилась добыча металлов? Возможно ли было при добыче металлов использовать навыки добычи камня? Сопоставьте достоинства и недостатки меди, бронзы и железа, как материалов для изготовления оружия, орудий труда, утвари и украшений. (Надо использовать замечания, разбросанные в разных местах главы). Каковы были наиболее примитивные земледельческие орудия? Что понимают под выражением „огневое“ земледелие? Какие сорта растений употреблялись первыми земледельцами? Может ли обработка земли „вручную“ давать большие урожаи? С какого времени урожайность значительно повышается? Сразу ли земледелие привело к полному оседанию? Как первоначально пользовались прирученными животными? В чем выражался переход к интенсивному скотоводству? Опишите, как можно использовать прирученных животных при интенсивном ведении скотоводческого хозяйства. В чем отличие бродячего и кочевого образа жизни? Чем обусловливается регулярность перекочевок? Можно ли называть мужской и женский труд первобытной эпохи разделением труда? (Частично надо вспомнить вторую главу). Каковы были первые проявления разделения труда? Когда и как появляется ремесло? Кто были первые ремесленники? Что говорится в настоящей главе об обмене?

§ 9. Общественная организация.

Что такое род?

В первобытную эпоху формой общественной организации являлась орда (см. главу 2-ю). Развившись из стайного кратковременного об‘единения людей, орда к концу первобытной эпохи сложилась в довольно устойчивую группу из нескольких десятков человек. В этой орде не существовало ни родственных, ни семейных подразделений: вместо прямых и боковых степеней родства в орде имелись три возрастные группы (стариков, взрослых и детей). Но с течением времени из более или менее обособленных промыслов мужчин и женщин образовались об‘единенные хозяйства, в которых мужчины и женщины работали совместно па основах разделения труда. Прежнее строение орды (возрастное) оказалось теперь несоответствующим новым хозяйственным связям. И постепенно на смену возрастному делению приходит новая социальная форма—родство,—превратившая орду в род.

Родовые связи.

Члены рода были связаны друг с другом очень прочными узами. Это были, прежде всего, хозяйственные связи. Первоначально все члены рода вели сообща одно общее хозяйство, которое не дробилось на мелкие хозяйственные группы. Когда, скотоводство и земледелие стали превращаться в основные отрасли хозяйства, началось постепенное оседание. Теперь общее родовое хозяйство становилось источником общей собственности на землю (порой и на стадо) или, правильнее говоря, источником нераздельного пользования. На этой основе возникали и новые связи, пускавшие очень глубокие корни в сознании людей. Появлялось общее имя, общий религиозный культ, всевозможные обычаи, касающиеся разных сторон быта и т. д. Огромное значение имело также представление, крепко сидящее в головах членов рода, что они все связаны общими кровными узами, что все они имеют общего предка, связаны общностью происхождения *). Это придавало особую крепость родовым связям, хотя на самом деле члены одного и того же рода совсем не обязательно должны были быть действительными родственниками.

Очень долгое время в науке господствовала теория, которая в полном соответствии с этими легендарными представлениями об общем предке рода считала, что род—это разросшаяся семья, имеющая единого родоначальника. Теперь вполне можно считать, что эта теория ошибочна. „Сородичи“ об'единялись в силу хозяйственных интересов; в состав рода принимались люди и со стороны, если они были полезны для хозяйства,—и уже гораздо позже, через пять-шесть поколений, создавались легенды об общем для всех сородичей предке.

Большая семья.

Итак, родовая организация была, прежде всего, организацией хозяйственной. Члены рода земледельческих народностей совместными усилиями подготовляли

*) Способ счисления родства не у всех народностей одинаков. Первичной системой счисления родства была материнская (так называемый матриархат), когда родственные связи устанавливались по общности происхождения от матери. У примитивных людей это был единственно возможный способ счисления родства, так как не существовало представления об отцовстве; неизвестно было, что отец—виновник рождения детей. В настоящее время матриархат—очень редкое явление. Почти у всех народностей исчисление родства ведется теперь по отцовской линии.

почву для производства посева и совместными же усилиями производили посев. То же можно сказать и о первых скотоводах. У них охрана пастбищ и стад прирученных животных являлась коллективной обязанностью всех членов рода. Обычно это было обязанностью одних мужчин.

Но такое совместное хозяйство было недолговечно. Повышение техники, как земледельческой, так и скотоводческой, привело к распаду рода на мелкие хозяйственные образования. В земледелии большую роль в этом отношении сыграл переход к плужной обработке земли и использование скота в качестве рабочей силы. У скотоводов в отдельных случаях имел значение недостаток земли, пригодной под пастбище, но главную роль играл переход к молочному хозяйству, требующему тщательного ухода за скотом.

Единое доселе родовое хозяйство раздробилось на семейные хозяйственные группы или так называемые „большие семьи". Количество членов такой семейной группы достигало 30—40 или даже более человек, которые сообща занимались земледелием или скотоводством. Членами „большой семьи" являлись обыкновенно родственники: отец, дети, иногда их дяди и племянники, все с женами и детьми. Но очень часто в состав „большой семьи" входили и не родственники: сироты или пришлые. „Большие семьи"—это хозяйственные соединения, получившие повсеместное распространение и обладавшие большой устойчивостью. Есть данные о существовании „большой семьи" в прошлом у кельтов, индусов, греков, германцев, у многих семитических народов (в том числе, у арабов), у чехов, поляков, у русских славян и т. д.

Как пережиток родового строя „большие семьи" продолжают существовать у народов, давно прошедших через эту стадию общественного развития.

Из современных „больших семей" укажем на „задругу", которая распространена у черногорцев и некоторых других славянских племен. „Задруги" широко распространены только лишь в земледельческих местностях. В Славонии, например, встречаются „задруги" в составе до 100 человек. Здесь в „задругу" входит с десяток отдельных семей. Там же, где земли мало или где земледелием заниматься в силу природных условий трудно, там „задруга" встречается реже и число членов ее бывает гораздо меньше, редко превышая 15—20 человек. Члены „задруги" часто живут в одном доме

или в небольших пристройках у главного дома. Эти пристройки обычно приспособлены только для летнего жилья, так что на зиму вся „задруга" собирается в главном доме. Здесь же всегда живет глава „задруги"—это обычно старший в роде. Очень интересны имущественные отношения членов „задруги". По словам одного исследователя, „все задружное имущество составляет собственность не отдельных лиц, даже не общую собственность всего ряда лиц, составляющих в данный момент „задругу", а собственность „задруги" в лице всех ее настоящих, прошедших и будущих членов. Каждое поколение членов „задруги" только пользуется преимуществом: глава „задруги" и ребенок последнего из ее членов имеют равное и неот'емлемое право пользования—не более. Право это дается просто тем, что известное лицо принадлежит к „задруге"; передаваться от одного человека к другому оно не может. Поэтому наследство в задружном имуществе не имеет смысла: член, выходя из „задруги", совершенно теряет всякие права на общее имущество; дети, родившиеся в „задруге", получают право пользования не как наследники своих отцов, а как самостоятельные члены".

„Большую семью" в настоящее время можно наблюдать также у некоторых кавказских народностей, у узбеков Хорезма, у китайцев, албанцев и т. д.

Большие семьи не окончательно утратили родственную связь между собой. Они оставались соединенными также общими хозяйственными интересами. У них были общие лесные угодия, выгоны для скота, водопои. Из отдельных семейных хозяйств создавались об'единения. Такие об'единения обычно называют „родовой общиной" или „родовым союзом". Часто такую родовую общину, расчлененную на „большие семьи" продолжают называть просто „родом". Родовые общины так же, как и „большие семьи", имели широкое распространение. Их можно найти в Черногории под названием „братства", в Дагестане под названием „тохума". В прошлом родовая община („марка") была широко распространена у германцев *), являясь там основой

---

*) Германцы—племена, населявшие в начале нашего летосчисления (тысячи полторы—две лет тому назад) почти всю среднюю часть Европы.

хозяйственного строя. Она известна и древне-русской истории („вервь“).

Родовая организация.

Какова была организация наиболее ранних родовых групп? Современная наука обладает очень немногочисленными данными, чтобы ответить на этот вопрос.

Во всякой родовой организации существуют всевозможные обычаи (традиции), брачные и другие запреты; последние иногда называются общим именем „табу“.

Большинство „табу“ имело экономический характер. Так, очень часто „табу“ подвергаются (на время) различные сорта пищи. Это бывает или накануне больших празднеств, когда хотят сохранить побольше пищи для этих праздников, или перед ожидающейся голодовкой, или в некоторых других случаях. Так предпраздничные „табу“ распространены на островах Полинезии и Меланезии. Путешественники сообщают, что в некоторых местах Новой Гвинеи перед праздником „кена“ налагается „табу“ почти на все с'естное, и главным образом на молодые кокосовые орехи и на бананы. Очень часто „табу“ налагается на корнеплоды перед сбором урожая или на семена перед посевом. Не трудно видеть, что и современные „посты“ являются пережитком подобных запрещений.

Впрочем, установление „табу“ не всегда исходило из чисто хозяйственных целей. Чрезвычайно распространены, например, запреты, связанные с покойником, что можно об'яснить только чувством страха перед покойниками.

Говоря о „табу“, надо, наконец, отметить, что оно часто приобретало характер личных „знаков собственности“. На различных предметах делались определенные знаки, ставились своеобразные примитивные печати, после чего предмет считался „табуированным“, и никто не смел к нему прикасаться. Вероятно, многие орнаменты (узоры), находимые на оружии и орудиях, развелись из этих табуальных отметок.

Первоначальными хранителями всевозможных обычаев и „табу“ были старики, так как они имели, конечно, наибольший опыт. У австралийцев и теперь в каждой орде существует по нескольку стариков, которые следят за выполнением обычаев. Эти же старики, собираясь на совещания, решают и некоторые общие хозяйственные вопросы. Обыкновенно из среды стариков выделяется особый главарь,

отличающийся наибольшим опытом, особой силой, большей сообразительностью.

Собрания старейшин наблюдались в свое время у северо-американских туземцев—„ирокезов“, а у коряков, чукчей и некоторых других народностей нашего Союза они сохранились и до сих пор.

Ошибочно было бы предполагать, что старейшины обладают особой властью. Они такие же слепые исполнители исконных обычаев, как и все рядовые члены орды или рода. То же приходится сказать и относительно главаря там, где этот главарь имеется. Он только „первый между равными“.

Положение начало меняться лишь тогда, когда единая родовая группа стала распадаться на „большие семьи“.

Старшие в этих „семьях“, или как их иногда называли—патриархи *), обладали гораздо большим авторитетом и властью. Часто их власть простиралась на жизнь всех членов рода или членов семьи. По обычаям древнего Рима отец семьи (pater familias) имел над детьми неоспоримое право жизни и смерти (jus vitae et necis). Подобная неограниченная власть главы „большой семьи“ наблюдалась, правда, только в виде исключений, но домочадцы в больших семьях все же считаются с главой очень сильно. „Надо видеть,— рассказывает исследователь быта славянских племен,—главу „задруги“ в кругу его домочадцев, например, перед началом трапезы, когда он окуривает ладаном поочередно всех домашних, благоговейно наклоняющих перед ним свои головы, или когда начинает и оканчивает общую молитву: так и веет от него древним патриархом, жрецом рода. Как истый патриарх, держит он суд и расправу, мирит ссорящихся, наказывает виновных, при чем младшим достаются от него и побои, и удары плетью, распределяет труд между всеми членами „задруги“. Его власть над личностями членов „задруги“ очень обширна, но тем не менее его нельзя вполне назвать деспотом. Над ним стоит сила, которая также гнетет его, как и всех других, низводя личность на степень простого исполнителя своих велений, своего слепого орудия. Эта сила—обычай“.

С распадом рода на „большие семьи“ и с появлением вместе с тем и главарей (старейшин), возглавляющих

---

*) От латинского слова pater, что значит отец.

эти семьи, общие сходки всех старейшин не исчезли окончательно.

Иногда созываются общие сходки всех взрослых членов рода. Эти своеобразные „народные собрания“ собираются в особо важных случаях: измена, военная опасность, крупные конфликты среди членов рода и т. п. На таких сходках не встретить правильного голосования. Предложения, делаемые старейшинами или спорящими сторонами, принимаются или отвергаются криками и возгласами одобрения или порицания. Так в условиях этой „примитивной демократии“ правят родом старейшины.

Главари—старейшины—простирают свое влияние на круг вопросов мирного характера, но на ряду с ними для военного руководства военными делами появляются специальные вожди. В то время, как обязанности старейшин обыкновенно выполняются ими до самой смерти и деятельность их постоянна, военные вожди выбираются на время или, чаще всего, специально для каждого отдельного военного предприятия и, первоначально, не имеют никакой власти в мирное время.

Родовое общество в ту эпоху, когда успели выделиться „большие семьи“, знакомо было и с экономическим неравенством. Внутри семей производство и потребление носило почти коммунистический характер, но сами-те семьи обладали не одинаковыми производственными возможностями: большее или меньшее количество рабочих рук, количество неработоспособных людей в семье и пр. отражались на благосостоянии этих семей самым существенным образом. В некоторых семьях появляется постоянный излишек продуктов, создаются даже некоторые запасы их, все увеличивающиеся; в других же семьях обнаруживается постоянный недостаток самого необходимого. Так появляются богатые и бедные семьи.

Коммунистический характер внутри-хозяйственной жизни „большой семьи“ уживается еще с одним распространенным обычаем, который для родового строя, пожалуй, более характерен, чем „примитивная демократия“. Этот обычай—кровная месть. За убийство кого-либо из сородичей (если это убийство совершено членом другого рода) полагается отмщение—кровь за кровь, при чем мстят в первую голову убийце, но если его нельзя достать, то любому из ближайших

родственников убийцы. О сущности кровной мести будет сказано в конце этой главы подробнее.

Посмотрим теперь, каковы были брачные порядки в эпоху родового строя.

Брак.

В науке имеется предположение, что на заре человечества половые отношения были совершенно беспорядочны, никем не регулировались и не ограничивались. Между каждым мужчиной и каждой женщиной орды совершенно свободно устанавливались мимолетные половые связи. Однако, это состояние очень рано сменилось порядком, при котором половые связи стали ограничиваться некоторыми „запретами“. С этого времени можно говорить о „браке“, т.-е. о существовании более или менее длительных урегулированных половых связей.

Первичной формой брака был так называемый „групповой брак“, т.-е. такой брак, в котором все мужчины какой-либо возрастной группы были мужьями всех женщин той же группы. Эта форма брака господствовала все время, пока хозяйственной организацией людей была орда. Когда единое родовое хозяйство расчленилось на обособленные „большие семьи“, постепенно начали складываться новые формы брака, приближающиеся к парному браку.

Скорее всего парный брак сформировался у земледельческих народов; что же касается скотоводов, то у них широкое распространение получило многоженство. Однако, и при многоженстве, среди нескольких жен одна обычно делается главной. Эта жена руководит всем домашним хозяйством, в то время как остальные ей подчиняются. Многоженство— довольно распространенная форма брака; среди народностей нашего Союза многоженство и поныне имеет место у калмыков, киргизов, туркмен и др.

Кроме многоженства, иногда встречается и многомужество. Но это явление гораздо более редкое, в особенности в настоящее время. Многомужество можно наблюдать у некоторых народов, живущих в горных местностях, в которых количество мужчин больше, чем количество женщин; оно сохранилось кое-где в Индии, где несколько братьев имеют одну жену.

Способ заключения брака в родовом строе бывает двоякий: выкуп (его часто называют „калым“) или похищение. Оба способа обусловливаются экономическими причинами.

Так как сила и богатство хозяйства зависят, прежде всего, от количества рабочих рук, то уход девушки в другую семью причиняет значительный урон хозяйству, тем более, что на девушку смотрят, как на возможную (в будущем) мать новых работников. Выкуп осуществляется в форме уплаты определенного количества голов скота или других ценностей семье невесты.

Иногда выкуп заменяется отработком мужа. Муж в продолжение известного времени работает на семью жены и лишь после этого получает право ее увезти.

Похищение—или „умыкание"—жен неизбежный спутник обычая „выкупать" невесту. Ведь выкуп доступен лишь наиболее богатым, а беднякам оказывается не под силу, и они поневоле вынуждены добывать себе жен „умыканием". Обычай выплаты выкупа за невесту еще и теперь очень широко распространен в Азии, на Кавказе, в Африке, где размер калыма велик. Так, например, у киргизов размеры калыма, в зависимости от богатства семьи невесты, колеблются в пределах, примерно, от 50—60 до 200 баранов или равноценного им количества другого скота.

Происхождение религии.

Скажем теперь несколько слов о происхождении религии. Вопрос о том, как возникли самые первые религиозные представления людей, до сего времени принадлежит к одним из наиболее спорных вопросов нашей науки. Бесспорно лишь одно, что в своем развитии религия вполне зависит от общественно-экономического уклада жизни.

Основа всякой религии—вера и поклонение высшим, сверхъестественным, таинственным силам, господствующим над людьми. Пищу для подобных представлений давал, прежде всего, страх смерти, боязнь мертвецов *). Человеку казалось,

*) Автор, вслед за М. Н. Покровским, считает страх смерти причиной возникновения религиозных представлений. Такое предположение встречает многочисленные возражения: так, например, указывают на то что родственники покойника у примитивных народов часто сохраняют труп в той же хижине, где живут сами, в течение очень долгого времени; что кочевники нередко возят с собой кости от скелетов родственников-покойников, что существует также изредка обычай священного поедания (у некоторых племен австралийцев) трупов наиболее уважаемых людей, и пр. Все эти обычаи противоречат утверждению, будто примитивные народы чувствуют слепой ужас перед покойниками. Во всяком случае споры вокруг этого вопроса еще не закончены, и он остается открытым. (*Редакция*).

что со смертью жизнь не прекращается, но приобретает какую-то новую форму, что после смерти люди продолжают жить жизнью, невидимой для окружающих. Страх смерти связан со страхом покойников. Это отразилось на очень многих погребальных обрядах. Покойников, например, из комнаты выносят обязательно ногами, обращенными к выходу: „иначе покойник легко найдет обратную дорогу в комнату". Часто у покойников переламывают кости ног или связывают ноги и руки: „это тоже может предохранить от непрошенного визита покойника", и т. д.

Представление о загробной жизни превращается в веру в душу. Во сне, в бреду человек то-и-дело видел умерших своих сородичей. Это невольно наталкивало на мысль, что кроме тела в человеке есть еще что-то, что остается после уничтожения трупа. Это вторая невидимая половина человека, его „душа" рисовалась дикарю то в образе насекомого (бабочка, муха, вошь и т. д.), то в образе червя или птицы (например „святой дух" у православных изображается в виде голубя), то в виде маленького человечка.



Рис. 23. Способ погребения у австралийцев (прокопченная мумия из Аделаиды).

„Души" умерших продолжают жить там, где умер сам человек: в лесу, в воде, в горах. Это—„лешие", „водяные", „русалки", „горные духи" и т. д. Такова была первая форма религиозных представлений. Ее обыкновенно называют душеверием или „анимизмом" (от латинского слова animus дух, душа).

В родовую эпоху, особое почитание стало воздаваться душам умерших предков. Появилась вера в то, что старейшины и после смерти могут оказывать покровительство своим родичам. Человеку казалось, что дух предка, как и всякий дух, ведет вполне материальное существование.

Он нуждается в еде, питье, одежде, даже в половом общении. Отсюда всевозможные приношения на могилы предков, жертвы с целью задобрить могущественного духа. Так создавался культ (почитание) предков.

Когда род стал разделяться на семьи, на ряду с обожествлением родовых предков появилось поклонение более мелким семейным богам („домовые“). В то же время соединение соседних родов в союзы родов и в племена (об этом речь будет итти в следующей главе) привело к созданию так называемых „племенных“ богов. Появление „племенных“ богов совпало приблизительно с тем временем, когда земледелие и скотоводство стали основными занятиями человека.



Рис. 24. Скульптурное изображение предка с острова Целебеса, с приспособлением для жертвоприношений.

Скотоводы и, особенно, земледельцы всецело зависят в своей жизни от сил природы. Урожай или неурожай, изобилие корма или полный его недостаток,—все это результат природных условий: влияния солнца, дождя, ветра. Поэтому появляется культ богов-повелителей этих природных стихий. В большинстве случаев оказывалось, что на долю племенных богов выпадало руководство природными силами. Таким образом, культ племенных богов сливался с культом богов природных.

До сих пор шла речь о разных богах, которые, сменяя друг друга, появлялись в представлении людей. Однако, религия *)—это не только вера в каких-нибудь богов, но и поклонение этим богам, попытка человека так или иначе связаться со своими богами. Поклонение богам (культ) это материальная часть религии. Она состоит в жертвоприношениях, в молитвах, в постройке специальных помещений для этих целей, во всевозможных обрядах и т. д. Очень

*) Слово „религия“ происходит от латинского глагола „religare“ что значит „связывать“.

рано сношение с богами попадает в руки особых „специалистов“—посредников, в руки жрецов. Первоначально жрецы не только сносились с богами, но были хранителями всевозможных полезных навыков: они знали свойства полезных растений и других лечебных средств, они помнили всевозможные приметы, связанные с предсказаниями погоды, они были, другими словами, первыми лекарями, ветеринарами и метеорологами.

Но на ряду с этой общественно-полезной стороной их деятельности развивалась и другая сторона, которая в конце-концов свела к нулю все их полезное для общества значение.

Жрецы, будучи посредниками в сношениях с богами, совершали жертвоприношения. В их руках скоплялись всевозможные блага, и они некую толику этих благ стали удерживать для себя. Отсюда стремление закрепить за собой свои материальные преимущества, стремление сделать свою профессию недоступной „простым смертным“. Жрецы замыкаются в касту *) и стремятся удержать своих соплеменников в религиозном подчинении. Жречество, таким образом, становится новым источником неравенства. Жрецы обращаются в группу паразитарную.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 9.

В чем отличие рода от орды? Какие связи существовали между членами рода? Что такое „патриархат“? Почему род распадается на „большие семьи“? Приведите примеры „большой семьи“. Сохранились ли какие-нибудь связи между большими семьями? Вспомните, как называются у различных народов соединения „больших семей“ Приведите примеры известных вам „табу“. Выполняет ли еще кто-нибудь кроме старейшин роль руководителей в родовой группе? Каковы были формы половых сношений на заре человеческого прошлого? Какова была первая форма брака? Что значит „групповой брак“? Почему на ряду с групповым браком начал складываться „парный“? Когда это происходит? Среди каких народов больше всего распространено многоженство? Какие способы заключения брака практикуются в родовом обществе? Что является основой всякой религии? Как у человека складываются первые представления „о душе“? Что такое „анимизм“? Когда анимизм сменяется поклонением предкам? Почему на ряду с поклонением предкам возникает поклонение семейным богам? Что такое племенные боги? Что порождает богов природы? Что понимают под словом „культ“? Какова была первоначальная роль „жрецов“? Всегда ли они были паразитарной группой внутри общества?

---

*) Каста—замкнутая группа людей, не допускающая в свою среду посторонних.

§ 10. Пережитки родового строя.

Устойчивость пережитков родового строя. В настоящее время мало встречается народностей, в чистоте сохранивших родовой уклад жизни. Общение с другими народностями, находящимися на более высоких ступенях развития, налагает свой отпечаток на родовой быт. Но пережитки родовых отношений сохраняются в очень многих местах. Особенно это относится к Советскому Союзу, включающему в себе на своих необ'ятных окраинах многие народности с очень низким уровнем развития. Выше (см. Введение) уже отмечалось, каким большим препятствием для строительства социализма в нашей стране служит культурная отсталость многих наших республик и областей. Сейчас мы приведем несколько примеров, относящихся специально к значению пережитков родовых отношений. Оказывается, что пережитки родовых отношений особенно устойчивы, особенно глубоко вкоренились в жизнь, особенно противостоят новым влияниям.

Родовой уклад жизни, быть может, наиболее застойный из всех известных нам укладов. Из года в год сотни, а иногда и тысячи лет тянется однообразная жизнь. Из поколения в поколения передаются одни и те же приемы работы, одни и те же орудия труда. Обычаи, традиции, привычки—сковывают жизнь. Все новое чаще совсем не приемлется, а если и воспринимается, то неохотно, с большим трудом. Трудно разрушить такой уклад, трудно внести новую струю в эту застывшую жизнь...

Кровная месть. Одним из наиболее типичных явлений эпохи родового строя является обычай кровной мести.

Вот, например, случай из жизни Осетии начала прошлого века. Он взят из одной жалобы жителей Ксанского аула русскому начальству. Жених, мстя родителям невесты за то, что последние допустили увоз их дочери посторонним лицом, нападает ночью на их двор, уводит двух дочерей и угоняет 100 голов скота. Не довольствуясь этим, жених в два различных срока похищает у тех же родителей сперва 30, а затем 50 волов и доводит семью бывшей невесты до совершенного разорения. Тогда родичи невесты убивают его и, опасаясь мести его родственников, покидают свой аул и переселяются на новые места. По прошествии многих лет, примиренные со своими врагами, ксанские абреки возвращаются на старое пепелище; но вскоре следует на них новое нападение со стороны родственников убитого, которые на этот раз двух кладут на месте, одного ранят, а остальных, в числе двадцати четырех с их женами и детьми забирают с собой.

Почвой для возникновения кровной мести являлись экономические условия. Основа родовой организации—общее хозяйство, в котором каждый работник ценится очень высоко. Утрата хозяйством работника слишком близко затрогивает интересы всех остальных членов рода, поэтому они все мстят за смерть сотоварища. Вполне, следовательно, понятно, что если убийцей оказывается один из сородичей, то на его обычай кровной мести не распространяется, так как в данном случае месть привела бы еще к большему урону для всего рода. Обязанность мести лежит на всех членах рода, и они иногда целые годы ждут удобного случая, при чем месть распространяется не только на самого убийцу, но и на его родичей. То обстоятельство, что второе убийство совершается из мести, не избавляет родичей второго убитого от обязанности мстить за новое убийство. Получается длинная цепь убийств, тянущаяся иногда в продолжение десятилетий и кончающаяся или чуть ли не полным истреблением одного из враждующих родов или же примирением. Примирение всегда сопряжено с уплатой штрафа стороне, потерявшей большее количество родичей. Обычно примирение обставлено различными сложными церемониями, способными пролить свет на происхождение обычая кровной мести. У кавказских горцев до сих пор практикуется такой способ прекращения кровной мести: во время обряда примирения убийца подходит к матери убитого и прикасается губами к соскам ее груди. Этим убийца показывает, что он готов заменить матери ее сына. Очевидно, в былые времена убийца мог искупить свою вину, вступив добровольно в семью убитого. Этим он восполнял хозяйственный урон, нанесенный убийством: утрату рабочих рук.

Экономические причины кровной мести сказываются и в том, что с распадом рода на отдельные семейные хозяйства, круг лиц, осуществляющих кровную месть, сокращается до пределов членов „большой семьи".

Обычай кровной мести существовал у всех народов, переживавших эпоху родового строя. И теперь еще кровную месть можно наблюдать на Корсике, в Сардинии, Сицилии, Албании и т. д. В пределах нашего Союза обычай кровной мести сохранился среди кавказских горцев. Несмотря на решительную борьбу Советской власти с этим злом, которая ведется и путем репрессий, и путем

просветительных мероприятий, кровная месть существует и сейчас.

Нет нужды говорить, какой огромный вред наносит этот обычай!

Калым. Заключение брака при помощи „калыма“ (выкупа)—способ наиболее типичный для родового строя. Калым доступен лишь наиболее зажиточной части населения. Для рядового человека калым—полное разорение. Но отрицательное влияние калыма сказывается не только с этой хозяйственной стороны. Калым, принижая женщину до положения вещи, которую можно купить и продать, делает совершенно невозможным раскрепощение женщины. Вполне, поэтому, понятно, что Советская власть самым энергичным образом борется с калымом. Но еще до сего дня у многих скотоводческих народностей калым продолжает существовать, если не в явном, то в скрытом виде У якутов, например, калым был отменен на III всеякутском с'езде в 1925 г. Группа женщин-якуток писала этому с'езду

„Здесь (в Якутии) даже на шестой год существования Советской власти существует калым, как один из видов купли и продажи женщин. III всеякутский с'езд советов должен поставить на повестку дня своих работ отдельным вопросом вопрос об уничтожении калыма, делающего женщину рабой средневекового пережитка“

И калым был отменен. Но еще и теперь то-и-дело приходится слышать, что у якутов выдают девушек замуж за калым. Часть калыма уплачивают скотом, водкой, одеждой. Все такие случаи расследуются, и виновные подвергаются ответственности. Это заставляет якутов прибегать к различным уловкам, например, к „отдариванию“ (скрытая форма калыма). Выдают замуж дочь и получают за это не калым, по „подарок“—быка рублей в 50, лошадь и т. п., при чем о цене „подарка“ договариваются так же, как и о калыме.

Калым еще недавно был вполне „нормальным“ явлением. Вот картинки из недавнего, сравнительно, прошлого киргизов.

Местный киргизский суд, суд „биев“ *) выносил такие решения:

„2 мизана, 1881 года джизакский киргиз Тохтамиш Балаганов заявил жалобу чрезвычайному с'езду биев Кураминского уезда, что киргиз

*) „Суд биев“—это своего рода третейский суд. Решения его для сторон обязательны, но лишь в том случае, если они предварительно согласятся на такой суд.

Джусукумской волости, Бек Назар-Бек Мурадов увез его невесту Узук, дочь киргиза Булатовской волости Молла Мехрибану. Последний показал, что действительно получил от Тохтамиша в калым за свою дочь Узук 170 баранов, 2 лошади, 2 верблюда и свадебного товара на 100 тиллей *); но Бек Назар-Бек Мурадов увез его дочь.

Расспросив их с точностью и сообразив количество калыма, выдаваемого по правилам киргизских богачей за одну невесту, мы нашли, что калым полагается в 8 кобылиц с жеребятами; из них 5 кобылиц с жеребятами (считая 15 баранов за 1 кобылу), 75 баранов в перемежку с козами и ягнятами; кроме этого, выдаются еще 4 лошади и 1 верблюд. Мы оценили: барана в 1 тиллю, следовательно 75 баранов в 75 тиллей, трех кобыл с жеребятами по 8 тиллей за каждую—в 24 тилли, 4 лошади в 30 тиллей и верблюда в 11 тиллей. Итого все имущество, выдаваемое по правилам богачей за одну невесту, мы оценили в 140 тиллей".

Или другое решение:

„По делу киргиза Каркакчинской волости Айбалты Муратова с киргизом аула Карабас-Тугайской волости Исмуратом Мадалеевым о смерти невесты бием Джунаем Кабаевым постановлено: вместо умершей отдать другую, предварительно уплатив за нее следуемый дополнительный калым (Казалинск. уезд, 1870 г.)".

Сейчас суда биев больше не существует, но до сих пор не исчезли все эти обычаи, связанные с калымом.

Мы рассказали о „кровной мести" и „калыме", как о наиболее ярких примерах родовых пережитков. Таких примеров можно было бы привести еще много. Напомним еще о всевозможных религиозных предрассудках и суевериях. Они сложились в период родового строя, но сохранились в очень многих местах, особенно среди крестьянства, и до наших дней. Сколько вреда приносят все эти суеверия! Молебны об урожае вместо агрономических улучшений, обращение к знахарям вместо медицинской помощи, повальное пьянство во время религиозных праздников и т. д., и т. д.

Всего не перечтешь!

Советская власть энергично борется со всевозможными пережитками родового строя. Недавно в уголовный кодекс была внесена специальная глава „о преступлениях, составляющих пережитки родового строя".

Действие новых статей распространяется на автономные республики: Дагестанскую, Крымскую, Башкирскую, Бурято-Монгольскую, Казакскую, Чувашскую, Киргизскую, а также на ряд автономных областей и на национальные меньшинства Сибирского края, Дальневосточного края и др

*) Тилль—золотая монета ценностью в 10 руб.

За принятие имущественного вознаграждения, уплачиваемого убийцей, его родичами или членами рода родичам или роду убитого в качестве выкупа, освобождающего от мести или законного преследования, дополнение предусматривает штраф в размере вознаграждения.

За уклонение членов рода убитого от примирения с убийцей и его родом (в порядке, установленном местным положением о примирительном производстве), а также за препятствование примирению предусмотрено удаление из пределов данной местности (с конфискацией или без конфискации части имущества).

Уплата выкупа за невесту (калыма), произведенная женихом, деньгами, скотом или другим имуществом, либо личным трудом,—влечет за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года.

Принятие выкупа влечет те же меры, с конфискацией выкупа или со штрафом в размере выкупа.

Принуждение женщины ко вступлению в брак против ее воли посредством насилия или угроз, а также похищение ее с той же целью должно влечь за собой лишение свободы на срок до двух лет.

Двоеженство или многоженство должно наказываться принудительными работами на срок до одного года или штрафом до пятисот рублей.

Самовольное взятие скота или другого имущества (баранта) без присвоения его, исключительно с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение за нанесенную обиду или вознаградить за причиненный имущественный ущерб, должно наказываться принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до пятисот рублей, с усилением наказания при наличии вооруженности или при совершении группой вооруженных сородичей.

За нападение на личность, семью, род или племя, или на жилища, организованное при участии большого числа сородичей или соплеменников, по родовой или племенной вражде,—предусматривается лишение свободы на срок до одного года.

Присвоение судебных полномочий вынесением решения по адату (обычаю), в нарушение основ советского права, с использованием зависимости сторон (в связи с отношениями

родового быта), наказывается принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до трехсот рублей.

Действие этих законоположений, надо надеяться, намного ускорит уничтожение вредных пережитков родового строя.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 10.

Почему пережитки родового строя особенно устойчивы? Что такое „кровная месть"? Каковы ее экономические причины? Что такое „калым"? Какое влияние оказывает „калым" на положение женщины?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕЙ ГЛАВЕ.

1) Какими путями проникает в родовое общество экономическое неравенство?

2) Какое значение для строительства социализма имеют пережитки родового строя?

3) Вспомните наблюдавшиеся вами пережитки родового строя в окружающей жизни.

ДОБАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА к 3-й ГЛАВЕ.

Кушнер П. И.—„Очерк развития общественных форм", раздел II: - „Родовое общество".

Андреев Н.—„История развития общественных форм". Книга представляет собою хрестоматию из специальных работ по разным вопросам курса. Ценное пособие. К данной главе относятся отрывки №№ 44—72 и 76—88 (стр. 91—131 и 134—155).

Кушнер П. И.—„Первобытное и родовое общество". Хрестомати.. Раздел II.

Энгель.—„Происхождение семьи, частной собственности и государства". Работа ценна в методологическом отношении, по фактическому материалу частично устарела.

Кунов Г.—„Очерки по истории первобытной культуры".

Тахтарев К.—„Очерки по истории первобытной культуры".

Обе книги относятся и к предыдущей главе. Рассчитаны они для подготовленного читателя.

Ковалевский М.—„Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом".

Ратцель Ф.—„Народоведение" т. I и II. Богато иллюстрированное издание.

Последние две книги имеются только в старых дореволюционных изданиях. Обе ценны только фактическим материалом. Требуют для чтения значительной подготовки. Авторы—не марксисты.

О происхождении брака и семьи.

Кунов Г.—„Происхождение брака и семьи".

Мюллер-Лиэр.—„Форма брака семьи и родства".

О происхождении религии

Кунов Г.—„Возникновение религии и вера в бога".

Плеханов.—„Статьи о религии".

IV. ФЕОДАЛИЗМ

§ 11. Переход к феодальному обществу.

Сельская община.

В предыдущей главе мы уже видели, что в родовом обществе значительно улучшилась техника обработки орудий труда, по сравнению с первобытностью. Они сделались гораздо разнообразнее и совершеннее. Умножились и промыслы людей, а со всем этим возросла и производительность человеческого труда. Вспомним также, что люди научились делать запасы пищи, и что все хозяйство, в конечном счете, сделалось гораздо устойчивее.

Все это создало предпосылки для горοздо более быстрого увеличения прироста населения. Здесь мы можем наблюдать один в высшей степени важный социальный закон: рост производительных сил общества приводит в конечном счете к увеличению прироста населения *).

Увеличение народонаселения приводит к новым, очень существенным последствиям. Отдельные семейные группы соседних родов, ведущие при родовом строе обособленное хозяйство, окраинами своих пахотных участков начинают сливаться. Таким образом, создается новый вид общественной организации выступающей первое время параллельно со старой родовой—образуется с е л ь с к а я или, как ее правильнее можно было бы назвать, с о с е д с к а я о б щ и н а.

*) Довольно большим распространением одно время пользовалась противоположная теория, одним из представителей которой был А. Богданов. По этой теории, не развитие производительных сил вызывает увеличение населения, а, наоборот, увеличение населения и невозможность для него прокормиться (при старом уровне производительных сил) заставляет людей стремиться к повышению этого уровня. С точки зрения этой теории все развитие общества сводится к периодически наступающим кризисам из-за „перенаселения“, которые и толкают человечество по пути развития техники. Основная ошибка этой теории заключается в том, что она следствие принимает за причину.

Занятие земледелием особенно благоприятно для развития сельских общинных отношений. У скотоводов, ведущих кочевой образ жизни, общинный строй наблюдать не приходится. Зато у земледельцев общинное землевладение укореняется зачастую очень прочно. В таких случаях часто не только всевозможные угодия, но и пахотные земли находятся в общинном владении. Такой порядок землепользования особенно распространен в тех местах, где занятие земледелием связано с необходимостью проводки оросительных сооружений. Эти сложные сооружения выполнимы только при совместной общей работе всех семей, населяющих данный околоток. Понятно, что в таких условиях общинные порядки устанавливаются особенно легко. Кое-где они существуют и поныне.

Общинное землевладение можно наблюдать во многих областях северной Индии. Здесь пустоши и угодья находятся в безусловном общинном владении и ни в коем случае не могут подлежать разделу. Пахотная же земля также иногда составляет коллективную собственность. В таких случаях она обыкновенно распределена на участки, которые, как доли коллективной собственности, находятся во временном пользовании отдельных хозяев. В настоящее время этими хозяевами являются лишь представители господствующего класса. Они или сами обрабатывают землю или сдают ее в аренду зависимым группам населения *).

Во многих деревнях северной Индии еще и теперь можно наблюдать общинные порядки даже в организации ремесла. В таких деревнях имеются свои постоянные ремесленники различных специальностей. Здесь можно встретить горшечника, кузнеца, сапожника, плотника, мужика для стирки белья, трубочиста, пастуха, сторожа, цирюльника (который играет также роль примитивного хирурга и исполняет поручения, связанные со сватовством) и т. д. Эти ремесленники живут постоянно в деревне, и их обязанности

*) Англичане—правители Индии—сейчас искусственно поддерживают общинный порядок землевладения, так как он облегчает им сбор налогов. При общинном землевладении всегда существует круговая порука при платеже поземельного налога, который определяется (в общей сумме) со всей общины. Ясно, что взимать налог в такой форме англичанам гораздо удобнее, чем с каждого плательщика в отдельности. В данном случае англичане не ввели новых порядков, но воспользовались остатками старого общественного уклада.

делаются наследственными. Им платят не сдельно *): они работают на каждого деревенского обывателя за определенное ежегодное вознаграждение в форме зерна, денег и разных дополнительных статей дохода. В некоторых округах им дают участки свободной от налога земли, которые (подобно их обязанностям) становятся наследственными.

С появлением новой хозяйственной организации сельской или соседской общины создается и новое руководство общественными делами: на ряду с родовой администрацией возникает сельская. В зависимости от местных условий, сельская администрация устраняет родовую или же совпадает с ней, а иногда обе эти формы существуют до поры до времени параллельно. Эти различные формы соединения можно и теперь наблюдать в Дагестане, где еще не исчезли старые родовые организации „тохум“ и в то же время вполне сложились новые сельские („джемат“ или „магал“).

Появление сельской общины не означает еще изменения старых форм хозяйства, практиковавшихся в родовых группах. Единицей хозяйства попрежнему остается двор или усадьба, более или менее совпадающие с отдельной семьей.

Экономическое расслоение.

Повышение производительности труда было источником новых очень важных явлений. Оно означало возрастание прибавочного продукта, а это, в свою очередь, открывало большие возможности для эксплоатации человека человеком... Рабство, с которым в начале родового строя можно встретится только в виде исключения, становится теперь обычным явлением.

Кого обращали в рабство?

В первую очередь, конечно, рабами делались пленные, захваченные во время военных столкновений, затем рабами же зачастую становились и неисправные должники из числа членов своей же сельской общины. Чтобы уяснить себе последнее обстоятельство, надо учитывать, что возрастание экономической обеспеченности отдельных семейств происходило далеко не равномерно. Появились богатые, с другой стороны—появились и бедные семьи, не располагающие ни

---

*) Лица, заказывающие известную работу, снабжают их материалом или уплачивают за него, изредка дают „подарки“ за работу. Относительно этого могут существовать особые обычаи.

хорошей землей, ни многочисленными рабочими руками. Такие семьи сводили еле-еле концы с концами, не имели почти никаких запасов и при малейшем неурожае, падеже скота или другом каком-либо хозяйственном бедствии окончательно разорялись и уже никак не могли справиться без чужой помощи или, другими словами, без ссуд, за которыми обращались к богачам.

Задолжавшие хозяйства попадали в особенно тяжелое положение, когда не удавалось в срок выплатить ссуды или наросших процентов. В большинстве случаев неисправные должники теряли свободу и попадали в рабское или полурабское состояние, выпужденные отрабатывать свой долг. Применение труда рабов и задолжавшего полусвободного населения позволяет богачам расширять запашку и увеличивать пастбища. Постепенно создавалось земельное неравенство.

Наконец, был и еще один источник особенно быстрого обогащения одних за счет разорения других.

С увеличением плотности населения все чаще и чаще происходили военные столкновения между отдельными общинами. Победители обращали в рабство побежденных, грабили их, угоняли скот, отнимали всевозможные ценности. Кому же доставалась вся военная добыча? Она распределялась не между всеми членами общины, победившей при столкновении, а лишь между теми, которые участвовали в войне, да и то далеко не равномерно. Львиная доля доставалась военачальнику и его ближайшим помощникам.

Постепенно они превращались в своего рода специалистов военного дела. Эта военная группа при удачных военных предприятиях все больше обогащалась и образовывала, в конце-концов, наиболее богатую прослойку внутри общины. Богатство и сила порождали влияние и власть. Военная группа захватила в свои руки все дела и оттеснила на задний план старую сельскую и родовую администрацию.

В обществе все явственнее намечалось расслоение. Закабаление должников, рабство, военный грабеж, —все это приводило к тому, что население расслоилось на несколько основных групп:

1) богатые хозяйства, эксплоатирующие рабский труд;

2) хозяйства, не утратившие своей самостоятельности, но и не применяющие рабского труда;

3) бедные, разорившиеся хозяйства, попавшие в кабальную зависимость за неисправные платежи по ссудам, и

4) рабы.

Частная собственность на землю.

Пока существовали общинные порядки, экономическое расслоение не могло получить особенно большого развития. Оно сглаживалось отсутствием частной собственности на землю. Земля находилась: 1) или в общинном владении и распределялась лишь во временное пользование между отдельными семьями с более или менее частыми переделами, 2) или во владении больших семей, своего рода „семейная собственность“—на такие участки земли, которые были превращены в пашню силами одной семьи.

Положение стало меняться, когда богатеи начали стремиться закрепить за собой землю в полную собственность. Первый шаг в этом отношении сделала все та же наиболее влиятельная и богатая военная группа. Земли, отнятые у соседей во время столкновений, первые закреплялись в частную собственность за военачальником и его дружиной. На ряду со старым общинным землевладением появилось новое,—основанное на праве частной собственности. Начало было положено, и вслед за ним загорелась борьба между старым и новым. Богачи, владеющие рабами, многочисленным скотом и лучшими сельскохозяйственными орудиями, стремятся теперь закрепить за собой на вечные времена те участки земли, которыми они до сих пор пользовались, как члены общины. Это не только предохраняло их от возможности передела земли, но,—и это самое главное,—давало возможность еще больше и крепче закабалить неисправных должников. До сих пор неисправных должников можно было обратить в рабство, но их земли не могли быть отобраны заимодавцем: они считались принадлежащими всей общине или же „большой семье“. Там же, где богачи добивались введения новых порядков и где доли общинной земли закреплялись в полную собственность возделывающих их хозяев, там у неисправного должника можно было отобрать и землю. Ведь она принадлежала теперь не коллективу, а отдельному лицу!

Появление частной собственности на землю было чревато огромными последствиями. Оно разрушило общинные порядки. В то же время частная собственность на землю дала могучий толчок и для расширения экономического неравенства. В конце-концов появилась новая группа людей, неизвестная родовому обществу,—группа крупных землевладельцев.

Было несколько источников образования крупного землевладения. Прежде всего война. Затем переход к кредиторам земель неисправных должников. Не мало земель было, кроме того, просто отнято сильными у более слабых под возможными предлогами. Наконец, зачастую слабые и маломощные хозяева добровольно уступали право собственности на свои земли более сильным соседям, надеясь на их защиту и хозяйственную помощь.

Все эти порядки полностью укоренились позже, когда вполне сложился феодальный строй. В рассматриваемое же нами сейчас переходное время частная собственность на землю только зарождалась.

Племя

Отдельные сельские общины у земледельцев и кочующие группы скотоводов находились в постоянном общении друг с другом. Одинаковые или схожие условия существования, общий язык, одинаковые религиозные культы,—все это способствовало упрочению связей. А военные столкновения с отдаленными группами чуждых культур, совместная защита и совместное же нападение приводили к общей организации.

Такие группы соседних общин, живущие в одинаковых хозяйственных условиях, имеющие общий язык, одинаковые обычаи, религию, и об'единяющиеся во время военных столкновений, называют обыкновенно п л е м е н а м и.

Ничто так не сплачивало племена, как война. Война же выдвигала на первое место военных вождей, власть которых была тем больше, чем больше были военные успехи племени. Зачастую власть вождя простиралась далеко за пределы отдельной общины и охватывала целый ряд соседних родственных племен, об'единявшихся в одном военном предприятии.

Зарождение обмена.

Столкновения между племенами не ограничивались одними военными действиями. Принимая во внимание довольно высокую скотоводческую и земледельческую технику и накопленные богатства (иногда очень

значительные), а также специализацию занятий в зависимости от природных условий, не приходится удивляться, что кроме войны мог иметь место и обмен. Правда, война, грабеж и обмен долгое время мало друг от друга отличались. Трудно было бы сказать, где кончался один вид „общения" и начинался другой, но во всяком случае обмен, бывший раньше очень редким явлением, начинает входить теперь в хозяйственный обиход *).

Первоначальной формой междуплеменного обмена был, вероятно, так называемый „немой торг", встречающийся и поныне у наиболее примитивных народов. Наглядное описание такого „немого торга" имеется у древнего греческого историка Геродота. Он пишет: „Карфагеняне рассказывают, что за геркулесовыми столбами **) есть местность, с жителями которой они торгуют следующим образом: выгружают свои товары, раскладывают их на берегу, затем возвращаются на корабли и разводят большой костер. Жители, заметив дым, приходят к морскому берегу, оставляют золото и затем удаляются. Тогда возвращаются карфагеняне, сличают количество золота с ценой оставленного товара, и если им кажется, что оставленное золото равноценно этому товару, берут золото и удаляются. Если же золото положено в недостаточном количестве, они возвращаются на корабли, оставляя все на месте. Тогда снова приближаются туземцы и добавляют столько золота, чтобы количество его удовлетворило покупателей. Не случалось ни разу, чтобы та или другая сторона поступила нечестно. Карфагеняне не трогают золото, если количество его не соответствует цене товара; туземцы не трогают товара, если их золото не унесено"...

О подобной же молчаливой торговле рассказывают путешественники, наблюдавшие ее у чукчей, эскимосов, цейлонских веддов, у племени Полинезии.

---

*) Обмен возник впервые внутри сельских общин, когда появились ремесленники, работавшие на заказ. С ними-то и обменивались сородичи или соседи своими продуктами и изделиями. Этот обмен был зачатком внутренней торговли. Первоначальная же форма внешней торговли связана с грабежом, войной и лишь впоследствии приобрела более мирный характер.

**) Геркулесовыми столбами назывался в древности, как будто, Гибралтарский пролив, так что местность, о которой писал Геродот, была, вероятно, на западном берегу Африки.

О связи торговли с войной, грабежом, вообще с понятием „врага“ говорит и название купца. Купцы у нас в древности назывались „гости“ (еще и теперь сохранилось выражение „гостиный двор“), а слово „гость“ происходит от латинского слова hostis, что значит враг. Об этом же свидетельствуют и отдельные торговые обычаи, практикующиеся кое-где и поныне. В Нубии (Африка), например, еще теперь можно найти первобытные рынки, на которые жители идут почти как на войну. Эти нубийские рынки устраиваются на границе племенной территории, и жители отправляются на них вооруженными группами в несколько сот человек; группы располагаются лагерями и отряжают лишь несколько человек совершать мену. На самом рынке обоюдный страх обеспечивает добросовестность в заключении сделки, но нередко случается, что, возвращаясь домой, одна из этих вооруженных групп попадает в засаду, устроенную другой с целью отобрать у нее проданные ей только-что товары.

Племенной строй в древней Руси.

Выше шла речь о племенном строе, как о переходной эпохе, через которую проходит путь от родового строя к феодализму. В прошлом русской истории период племенного строя приходится на VI—IX века нашего летосчисления. В это время центром жизни на Руси являлся Приднепровский район, район Киева. Поэтому и говорят о Киевской Руси.

Посмотрим, что представляла собой Русь в то время. Ее природные условия несколько отличались от современных природных условий, в которых живут соответствующие части нашего Союза. Весь восток Европы, от Карпат до Уральских гор, представляет собой равнину, почти совершенно лишенную возвышенностей. Здесь можно различить всего три гряды невысоких гор. Две из них—Среднерусская и Приволжская—идут в направлении с севера на юг, и только третья, самая низкая возвышенность,—Северные Увалы—идет с запада на восток, по водоразделу между бассейнами Северной Двины и Волги. Такое расположение горных цепей открывает всю равнину действию холодных северных и северо-восточных ветров и сглаживает различия в климате, существующие между отдельными частями страны. Незначительная высота гор приводит к тому, что они не являются естественными преградами, которые могли бы разобщать отдельные области. Вся эта громадная равнина, за исключением южной степной части, т.-е. низовьев Днепра, Дона и Волги, была в древности покрыта громадными, непроходимыми лесами, изобиловавшими болотами, озерами, реками и речками. Реки являлись единственными в то время удобными путями сообщения и сближали между собой отдельные части страны. Наиболее известной и удобной дорогой был путь „из варяг в греки“, т.-е. из Балтийского моря в

Черное. Он шел рекой Невой, Ладожским озером, рекой Волховом, озеро Ильмень, рекой Ловатью, затем сухим путем от верховьев Ловати до верхнего течения Днепра (по этому пространству лодки волочили по суше, почему и самое пространство называлось „волоком") и Днепром в Черное море.

В IX веке весь север восточно-европейской равнины, включая и верхнее течение Волги, местами даже до самой Оки, занимали финны. На западе, по течению Немана и Западной Двины жили литовцы. На нижней Волге находились поселения хозар. В степях по нижнему течению Днепра кочевали печенеги, а с XI века—половцы, народы монгольского племени. Наконец, места по водному пути из Балтийского моря в Черное, по притокам Днепра и отчасти по Оке—были заняты славянами. Восточные славяне делились на ряд племен: славяне ильменские—по озеру Ильмень и р. Волхову, с городками Новгородом и Псковом; кривичи—по верховьям Днепра, с городками Смоленском и Полоцком; северяне, жившие на восточном берегу Среднего Днепра и по притокам этой реки с востока и имевшие городки Чернигов и Переяславль; поляне—на западном берегу Днепра, несколько ниже северян, с городом Киевом; наконец, древляне—к западу от полян.

Восточно-славянские племена были независимы только до IX века. В это время они были завоеваны военными бандами норманнов, которые со Скандинавского полуострова передвигались на юг. Одна волна воинов-норманнов распространилась по Западной Европе, подчинив себе современную Англию и северо-запад Франции, другая распространилась на юг, пользуясь уже знакомой нам дорогой „из варяг в греки".

Норманны были типичными представителями „разбойничьей торговли", грабившими в разных частях Европы. На восточно-европейскую равнину их привела погоня за ценными мехами. Сейчас очень трудно установить, к какому времени относятся первые набеги норманнов. Бесспорно лишь то, что в середине IX века они пробирались на самый юг, до Византии, и попутно подчинили себе славянские племена. С этого времени главной добычей и предметом торговли становятся уже не меха, а рабы. Один древний арабский писатель, сталкивавшийся с „руссами" *), пишет, что „они нападают на славян, захватывают их в плен, отвозят в Хазеран и Булгар и продают там".

Когда норманские военные вожди (князья) окончательно осели на завоеванных славянских землях, они продолжали заниматься работорговлей. Рабов они добывали

*) Так называли в те времена норманнов. Отсюда же, вероятно, происходит и название „Россия".

Карта № 3. Направления военно-торговых походов норманнов.



Рис. 25. Норманнские всадники (рисунок на ковре).

уже знакомыми нам способами: обращением в рабство неисправных должников и, главное, военными нападениями на соседей. Погоней за рабами (за „челядинами“) об‘ясняются те нескончаемые „междуусобные“ войны, рассказами о которых наполнены все летописи и другие исторические источники того времени.

Появление на Руси норманнов совпало с большими переменами в хозяйстве славянских племен. До X века их главным занятием были охота, рыболовство, пчеловодство, реже скотоводство; земледелие же было очень примитивно. Приблизительно с конца X века положение начало меняться. В продолжение двух—трех веков земледелие сделало настолько большие успехи, что отодвинуло на задний план старые промыслы населения. Сохранилось не мало свидетельств этого возрастающего влияния земледелия. Одна русская летопись рассказывает, например, о с‘езде князей у Долобского озера в начале XII века. С‘езд происходил весной, и на нем обсуждался вопрос о том, следует ли итти походом на половцев. Одни князья отстаивали необходимость похода, другие доказывали его вред и даже невозможность, но характерно, что обе стороны приводили исключительно лишь те доказательства, которые имели отношение к земледелию. Противники похода ссылались на невозможность оторвать крестьян или смердов от весенней пахоты; сторонники—указывали, что все пропадет, и пашни также, когда придут половцы: они разорят землю и перебьют смердов и их скот.

Успехи земледелия внесли большие изменения в экономические отношения. В восточно-славянских „верьях“ (родовых общинах) не существовало таких общинных порядков, какие наблюдаются в индийской сельской общине. Земля находилась во владении „больших семей“ и только выпасы принадлежали общине. Существовали богатые и бедные семьи в X веке были уже и рабы, князья (военные вожди), их дружинники и простые „смерды“ (крестьяне).

Богатые и сильные князья воспользовались своей властью, чтобы захватить огромные земли в свою частную собственность. Мало того, они получили новый источник порабощения рядового населения. Скотоводством славяне занимались мало, да и там, где занимались, разводили главным образом мелкие породы скота: овец, свиней. Рабочего

скота: волов, лошадей было очень мало. Между тем, переход к земледелию требовал применения рабочего скота. Нужен был различный инвентарь, семена. Всего этого нехватало мелкому хозяину. Особенно сильно он нуждался в рабочем скоте. Богачи же были лошадниками, скотоводами. Недостающее можно было получить в долг у богатого и сильного князя, боярина. К нему идут за ссудой и получают ее, конечно, не даром, а за большие проценты. Мы

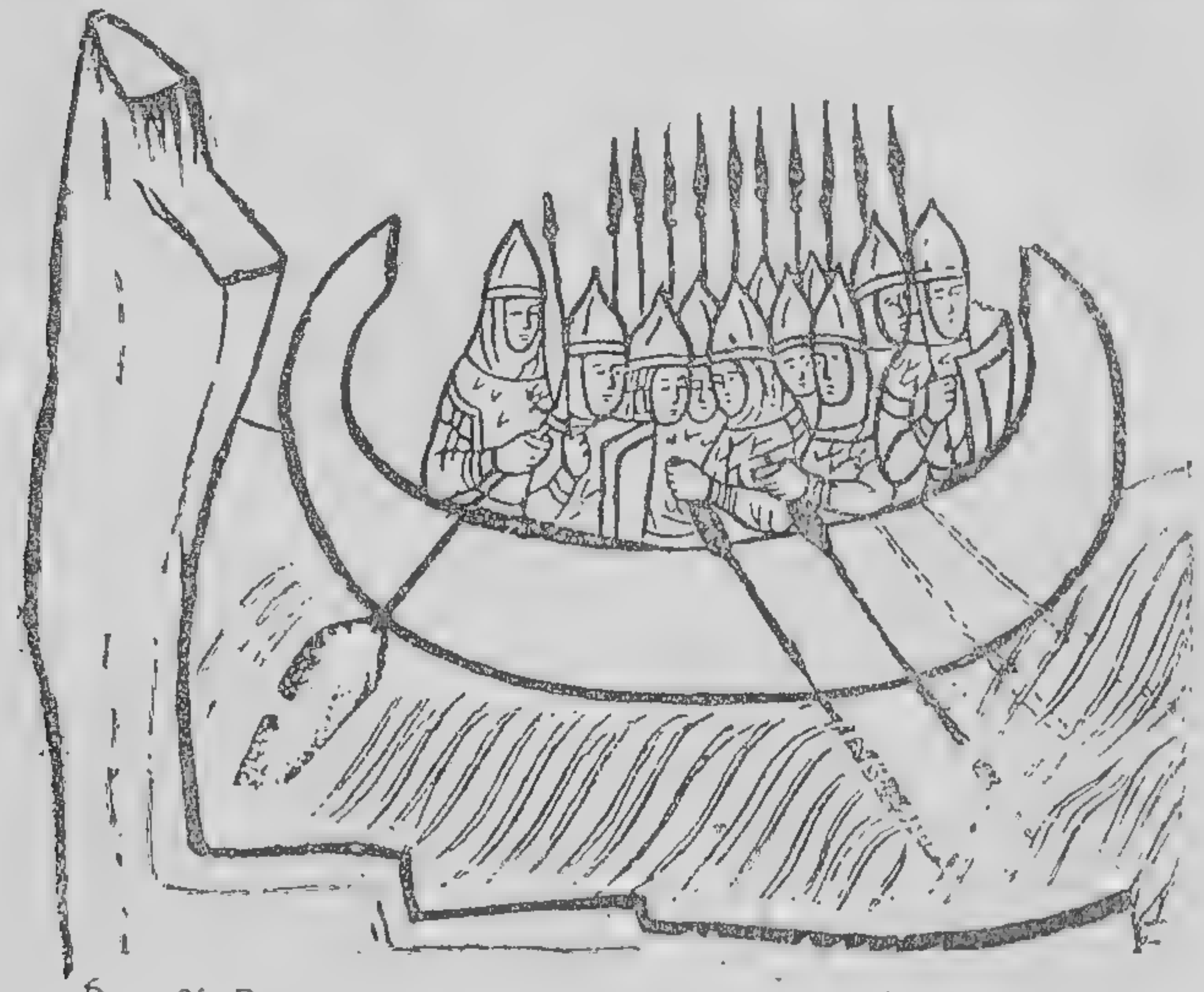


Рис. 26. Русские воины плывут вниз по Днепру (из славянской рукописи X века).

уже знаем, к каким последствиям приводит задолженность населения богатеям: она всегда порождает закабаление должников.

Славяне Киевской Руси впервые познакомились с задолженностью именно при помощи сельскохозяйственных ссуд. Древнейший сборник обычного права Киевской Руси, так называемая „Русская Правда“, содержит в себе очень много статей, доказывающих, что во времена составления этого сборника *) ссуды скотом имели широкое употребление.

*) Наибольшее практическое значение „Русская Правда“ имела в XI—XII веках.

„Закуп“ (так назывался должник, от слова „купа“— ссуда) всегда обязывался возвратить одолженный скот с приплодом, размер которого определялся продолжительностью ссуды и породой скота. Такой своеобразный процент по ссуде не исключение, а обычное явление, широко практиковавшееся не только в Киевской Руси, но и у многих других народностей.

Норманнские князья при помощи вооруженных людей, содержавшихся на их счет, —дружинников—подчинили себе целые области. Население этих областей платило им дань хлебом, скотом, мехами, медом, воском и пр.; князья часть дани употребляли на свои личные нужды и нужды дружинников, а остальное выменивали у греческих купцов на оружие, вина и драгоценные металлы. Для увеличения своих доходов князья прибегали и к работорговле, при чем нередко снаряжали целые экспедиции внутрь страны или походы против народов-соседей, чтобы добыть пленных и продать их в рабство. Конечно, держаться на одних дружинниках власть князей-иноземцев не могла. В этой власти были заинтересованы и местные богатеи („огнищане“—рабовладельцы), оценившие все выгоды такого „управления“. Поэтому они поддерживают князей, „рядятся“ с ними и, под предлогом установления внутреннего „порядка“ и защиты от внешних врагов, приглашают князей „править и володеть“.

Военно-грабительская торговля, которую принесли с собой на Русь норманны, усилила и ускорила процесс экономического расслоения. Возможность закабаления неисправных должников стала теперь особенно заманчивой. Шла бойкая торговля рабами (их называли на Руси „холопами“), и богатый и сильный кредитор всячески стремился продавать не только полных „холопов“, но и полусвободных „закупов“. В „Русской Правде“ мы встречаемся с запрещением продавать „закупов“. Вряд ли это запрещение широко проводилось в жизнь; но во всяком случае самый факт появления такого запрещения в правовом сборнике показывает, что было что запрещать: очевидно, и „закупов“ продавали наряду с холопами.

Все эти новые отношения устанавливались на Руси в результате развития обмена и вместе с успехами земледелия.

Несколько иначе складывались отношения в Западной Европе.

Племенной строй у германцев.

Здесь тоже в свое время можно было наблюдать племенной строй. Почти вся Западная Европа в начале нашего летосчисления была населена многочисленными племенами германцев.

О жизни германцев сохранились довольно подробные рассказы историков древнего Рима, который в то время находился на очень высокой ступени культурного развития, что сделало возможным появление различных наук, и в том числе истории. Один из римских историков, Тацит, оставил между прочим, целое сочинение о германцах. Он писал, что страна германцев „наводит страх своими лесами или отталкивает болотами; для хлебов плодоносна; для древесных плодов неблагоприятна“.

Большое значение в хозяйстве имел скот. Германцы „любят, чтобы его было много, и это единственное и самое приятное их богатство“. Но скот их был „невзрачного вида“. Даже рабочий скот „не имел своей красы и не славился рогами“.

„Благородные металлы“ были мало знакомы германцам. „В золоте и серебре боги им отказали... Можно у них видеть серебряные сосуды, полученные в подарок их послами или князьями, в таком малом почете, как и те, которые лепятся из глины“. Правда, племена германцев, живущие вблизи границ Римской империи, „по причине торговых сношений, ценят золото и серебро, знают и различают некоторые из наших монет, но у живущих внутри страны в употреблении более простой и старинный способ торговли—обмен товаров“...

Относительно общественной организации германцев мы узнаем у Тацита, что „конунгов *) они выбирают по благородству происхождения, герцогов **) по храбрости. И конунги не имеют неограниченной или произвольной власти, и герцоги у них начальники больше по примеру, чем по власти, по уважению, которым они пользуются, если отважны, если они на виду, если они бьются впереди своего войска“...

Власть конунгов и герцогов была ограничена народным собранием. Важные дела обсуждаются „всем народом“ после предварительного выяснения вопроса в более тесном кругу „знатных“. Эти же „знатные“ собираются и для решения менее важных дел. Собрания народа—это

*) Конунг—главный вождь племени, князь.

**) Герцог—предводитель, военачальник рода.

обычное явление, а не исключение, т.-е. по форме еще сохранилась „примитивная демократия“.

Рабский труд в хозяйстве германцев не имел большого значения. У них раб „сам ведет свое хозяйство, управляет своим домом“. Господин „налагает на раба, как на арендатора, известную плату хлебом или скотом, или одеждой, и этим ограничивается повиновение раба“. Возможно, что это были вовсе и не рабы, а задолжавшие люди, в роде славянских „закупов“.

Что касается землевладения германцев, то оно сохранило следы общинной собственности. Пользуясь широкими земельными просторами, „они ежегодно меняют пашни“. Они занимают их попеременно, „соответственно числу земледельцев“, и делят между собой „по степени социального значения лица“.

Так описывает жизнь германцев Тацит. Из его описания мы видим, что в первом веке нашего летосчисления германские племена в значительной степени сохраняли старые родовые отношения. Скудность исторических сведений не дает нам возможности нарисовать полную картину экономической жизни германцев. Отрывочные замечания Тацита о том, что германцы занимают землю попеременно и делят ее „соответственно числу земледельцев“, а также некоторые другие основания позволяют предполагать, что у германцев существовали порядки, сходные со знакомым нам общинным землевладением в северной Индии. Но уже при Таците родовой уклад жизни германских племен подвергался влиянию более развитых экономически соседей (Римского государства). В ближайшие два—три века это влияние еще больше усилилось.

Что это были за соседи?

Почти весь запад и юго-запад Европы, частично центральная Европа, север Африки, Малая Азия,—то-есть весь бассейн Средиземного моря,—в начале нашего летосчисления входил в состав грандиозной торгово-капиталистической империи. Центром ее была современная Италия, и в частности город Рим, откуда и вся империя получила свое название „Римская Империя“.

В своем прошлом Рим пережил и родовой строй и феодальные отношения. В конце старого летосчисления, т.-е. две тысячи с лишним лет тому назад, в Риме стали складываться торгово-капиталистические отношения. К этому времени Рим в результате многочисленных войн успел покорить множество народностей, расселенных на берегах Средиземного моря. Владения Рима простирались на огромные территории, обращенные в колонии. Между различными областями этой обширной территории установились оживленные меновые отношения. Распространилось денежное обращение. Отовсюду в столицу империи стекались всевозможные богатства и, главное, колоссальное количество рабов. Рим богател исключительно за счет эксплоатации и разорения своих

колоний. Он сам не создавал новых ценностей, не развивал промышленности и не развивался технически. Как паразит, выкачивал Рим все соки из обширных пределов империи.

Такой порядок не мог быть долговечным. Неизбежно должен был наступить момент, когда сократится приток богатств из колоний, когда неоткуда будет доставать новых рабов. Этот неизбежный конец был ускорен появлением на северных границах Римской империи германских племен. Неудачные для Рима военные столкновения увеличивали внутренний кризис империи, а это, в свою очередь, уменьшало ее военную силу. Но германцы не сразу сломили могущество Рима. На это потребовалось несколько столетий. За это время некоторые племена германцев приобрели колоссальное военное могущество. Они сначала подчинили себе многочисленные соседние родственные племена, а потом, двигаясь на юг и на запад, одерживали победы и над всесильным Римом. Грандиозные военные походы приводили к порабощению огромных областей: создавались своего рода племенные „государства", достигавшие иногда очень больших размеров.

Эти племенные государства называют обыкновенно варварскими королевствами. Так, на окраинах Римской империи к V веку сложились: Тулузское королевство—в пределах Пиренейского полуострова, Бургундское—в бассейне реки Роны, Франкское—в пределах современной Бельгии и северной Франции, Вандальское—в северной Африке, несколько королевств англосаксов—в Британии, Остготское—в северной Италии. Последнее вскоре уступило место Лангобардскому, которое распространилось и на среднюю Италию.

Не все германские племена оседали в результате военных столкновений с Римом.

Некоторые варварские королевства складывались мирным путем, в результате соглашения с римским правительством. Неодинакова была и судьба варварских королевств. Одни из них оказались недолговечными и распадались под воздействием более сильных соседних королевств, другие разрастались за счет слабых. (См. карту № 4 на стр. 120—121).

Особенно сильно разрослось королевство франков. В VIII веке оно охватило своими владениями почти всю западную Европу, как бы восстанавливая пределы разрушенной ранее Римской империи. В это время франкское королевство преобразовалось в империю, при чем было восстановлено старое название „Западно-Римская империя" *) (При Карле Великом в 800 году). Это был момент наибольшего расцвета франкского государства. В 843 году империя Карла Великого распалась на три самостоятельных государства, а вслед за тем пошло и дальнейшее ее раздробление.

Варварские королевства германских племен не являются единственным примером „племенного государства". Более или менее сходные образования наблюдались и в других местах в периоды расцвета племенного строя. Таковы, например, были „государства" монгольских племен,

*) Еще в 395 году Римская империя расслоилась на две части—западную, столицей которой оставался Рим, и восточную—Византийскую. (Город Византия—это современный Константинополь).

отличавшиеся особой грандиозностью: „Государство" Чингиз-хана („Великого хана") и его потомков охватывало в XIII веке почти всю среднюю Азию, Персию и значительную часть Европейской России.

В новых условиях старые общинные порядки германских племен должны были постепенно исчезнуть. И без влияния Рима в германские племена проникало экономическое неравенство, а влияния римской торговли и римских порядков ускорило этот процесс. Приблизительно к V веку Римская империя окончательно разрушилась. На ее развалинах шла теперь новая жизнь.

Тот общественный строй, который окончательно сложился в Западной Европе к VIII—IX веку, в науке называют феодализмом. В следующем параграфе этой главы мы дадим характеристику этого общественного строя, а пока отметим, что феодализм существовал не только в Западной Европе.

Феодализм—это общественный строй, через который проходят на известной ступени развития все народности. Современные передовые капиталистические страны переживали феодализм в прошлом и давно полностью вышли из этой общественной фазы. Другие народности сохраняют до сих пор многие пережитки феодализма, а кое-где феодализм существует и поныне.

В частности в истории России феодализм переживался в XIV—XVI веках. Здесь он наибольшее развитие получил в центральных районах (Московская, Суздальская Русь). Что же касается Киевской Руси, то в ней феодализм начал было складываться в пору оживления торговли по реке Днепру, но не получил полного развития.

Торговля по знакомому нам „великому водному пути из варяг в греки" заглохла, а племена, осевшие на берегах Днепра, стали тесниться кочевниками и уходить с насиженных мест.

Из Приднепровья жизнь перекинулась на север, в бассейн Оки. Здесь и сложился феодальный строй.

На Руси, как и в большинстве других стран, феодализм установился в результате успехов земледелия и скотоводства и оживления торговли.

В Западной же Европе феодализм оказался результатом двойного воздействия. Корни этого нового уклада западной европейской жизни частично уходят в эпоху

торгово-капиталистического Рима, частично в эпоху племенного строя германцев.

С точки зрения Рима новый строй означал понижение производительных сил общества, распад меновых связей, другими словами—шаг назад по пути экономического развития; с точки же зрения былого племенного строя германцев—переход к феодализму был большим шагом вперед.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 11.

Что называют соседской или сельской общиной? Опишите общинное устройство, сохранившееся в северной Индии. Каково положение ремесленников в общинах северной Индии? Почему теперь стало распространяться рабство? Кого обращали в рабство? Какими путями в общество проникло экономическое неравенство? Как происходило закабаление должников? Какие экономические прослойки можно наблюдать в обществе в конце родовой эпохи? Как появилась частная собственность на землю? Каким группам населения она была выгодна? Что такое племя?

В каких формах совершался обмен на первых порах своего существования? Какое участие в развитии обмена принимала военная группа? Что вам известно о племенном строе в древней Руси? Найдите на географической карте „великий водный путь из варяг в греки“. Кто такие были норманны?

Почему земледелие способствовало усилению экономического неравенства у славянских племен? Кого называли „закупами“? Вспомните известные вам сведения о племенном строе германцев. Какие влияния способствовали распаду общинных порядков у германцев? Каковы причины распада Римской империи?

§ 12. Экономический строй феодального общества.

Классовое расслоение.

Выше описывалось, как в общество проникало экономическое неравенство и как это неравенство усилялось вместе с появлением частной собственности на землю. Эта последняя, в свою очередь, быстро возрастала, в особенности под влиянием победоносных военных предприятий. Победители почти всегда присваивали себе земли побежденных. Короли из франкской династии *) каролингов (потомки Карла) имели свыше 200 больших поместий с площадью по нескольк' кв. миль каждое, не считая поместий мелких.

---

*) Франки—одно из племен древних германцев.

То же приходится сказать и о князьях древней Руси. Они владели многочисленными селами с лесными угодьями, с нивами, с покосами и с пашнею. Иван Калита в духовной грамоте (в завещании) перечисляет более 50 принадлежащих ему сел. У его преемников их было гораздо больше. Вел. кн. Василий Васильевич в духовной называет 15 групп сел, принадлежащих ему и членам его семьи. Такие же крупные владения были и у удельных князей: Владимир Андреевич Серпуховской оставил своим наследникам 38 сел; Юрий Васильевич, брат Ивана III, князь Дмитровский—31 село; Иван Борисович Волоцкий более 50. Под самой Москвой у князей было несколько очень крупных сел: Воронцовское, Воробьевское, Красное село, Семчинское и много других. В пределах современной Москвы от Можайской дороги до Тверской, т.-е. от теперешнего Смоленского рынка до Триумфальной Садовой, расположены были деревни, также принадлежавшие московскому великому князю.

Кроме королей и великих князей, крупнейшими землевладельцами были их приближенные и военачальники. Крупнейшим земельным собственником была также и церковь.

В конечном счете подавляющая масса населения попала в зависимость от крупных землевладельцев, утратив права собственности на землю, искони веков ей принадлежащую. Обычно землевладелец присваивал себе землю, не сгоняя с нее бывших ее собственников. Пользуясь своей силой, он заставлял их платить всевозможные повинности и оброки за право пользования присвоенной им землей.

Новый порядок вещей, переходя из поколения в поколение, приобретал постепенно характер „нормального явления". К силе привычки прибавлялось еще влияние церкви, которая со всей мощью своего огромного авторитета делала все возможное, чтобы внедрить в сознание ограбленного населения, что существующие отношения не только нормальны, но установлены самим богом.

Новое расслоение общества—это уже не просто деление на богатых и бедных, это классовое расслоение.

Здесь необходимо пояснить, что понимают под словом класс.

„Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы— это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства“.

(Ленин).

Таким образом, классовое расслоение—это расслоение, основанное, прежде всего, на производственных отношениях и в частности на отношениях к средствам и орудиям производства; старое же экономическое неравенство родового общества, существовавшее до появления частной собственности на землю, было по преимуществу неравенством потребления.

В интересующую нас эпоху основными общественными классами были класс земледельцев, или, как их в то время называли, феодалов *), и класс крестьян.

В экономическом положении между землевладельцами и зависимыми крестьянами было огромное различие, впервые появляющееся в истории общественных отношений. Землевладельцы держали в своих руках основное в то время средство производства—землю. Но на этой земле работали не они сами, а зависимые от них крестьяне. Зато прибавочный продукт, создаваемый крестьянским трудом на земле феодалов, последние присваивали себе. При помощи земли, этого основного средства производства, они таким образом эксплоатировали крестьян.

Посмотрим, каково было положение обоих этих классов: землевладельцев (феодалов) и крестьян.

Условное землевладение.

Как распоряжались своими землями крупные феодалы-помещики?

По тем временам, при очень низкой сельскохозяйственной технике трудно было помещикам вести единое, централизованное собственное хозяйство на своих огромных земельных пространствах.

*) Об'яснение слова „феодал“ см. ниже.


ЗАП.
ЕВРОПА
в конце
VIII в.
(эпоха Карла Великого)
Владения Карла Вел.
Атлантический океан
Северное море
Швеция
Славяне
Франкское госуд-во
Аварское гос-во
Славония
Болгарское гос-во
Кордовский султанат (Омаяды)
Калифат Абасидов
Средиземное море
Саксония
Нейстрия
Аллмания
Каринтия
Бургундия
Астурия
Бискайский залив
Италийское королевство
Адриатическое
Сицилия
Рим
Тулуза
о-ва Балеарские

Карта № 4.

С другой стороны, королям да князьям—этим самым крупным из крупных землевладельцев—необходимо было как-нибудь расплачиваться со своими многочисленными военными помощниками. При том значении, которое в ту пору начинала играть земля, при столь обширных земельных богатствах королей и, наконец, при технической затруднительности вести крупные собственные хозяйства, естественно было практиковать раздачу земель в виде платы за военную службу. В таких случаях земли раздавались, „жаловались“ обыкновенно не в полную собственность, а лишь при условии дальнейшей военной службы.

Так развивалось условное землевладение, являющееся одной из наиболее характерных черт нового общественного строя. Не даром этот строй свое название—феодализм—получил от распространенного в Зап. Европе слова „феод“ *), что означало участок земли, полученный в условное владение; отсюда же происходит уже знакомое нам слово „феодал“: это—помещик, владеющий феодом.

Передача земли в условное владение называлось „бенефицием“. В древней Руси бенефицию соответствовало „пожалование“, а феоду „пожалованная земля“.

Лицо, получившее землю в условное владение, не становилось первоначально полным ее собственником и не могло передать землю по наследству; временно владение могло быть нарушено при прекращении службы. Впоследствии феоды становятся наследственными, и отобрание их оказывается почти невозможным, хотя попрежнему на владельце феода лежит обязанность военной службы.

Феодалы, получившие землю в условное владение, обязаны были нести военную службу, которая в те времена считалась наиболее „благородным“ и „чистым“ занятием. На ряду с такого рода раздачами земель довольно широко практиковалась раздача земель и за „низкие“, „черные“ обязанности. Это был так называемый „прекарий“. Лицо, получающее землю в условное владение в форме прекария, или, как его называли, „прекарист“, являлось в сущности арендатором, в большинстве случаев пожизненным. Арендная плата выплачивалась прекаристом обыкновенно в виде натурального оброка.

---

*) Термин „феод“ вошел в употребление в Западной Европе в XII веке. До этого времени употреблялось выражение „бенефиций“.

Существовала еще одна форма условного землевладения—коммендация (от латинского слова commendo—вручаю). Коммендирующийся, в надежде получить защиту или под

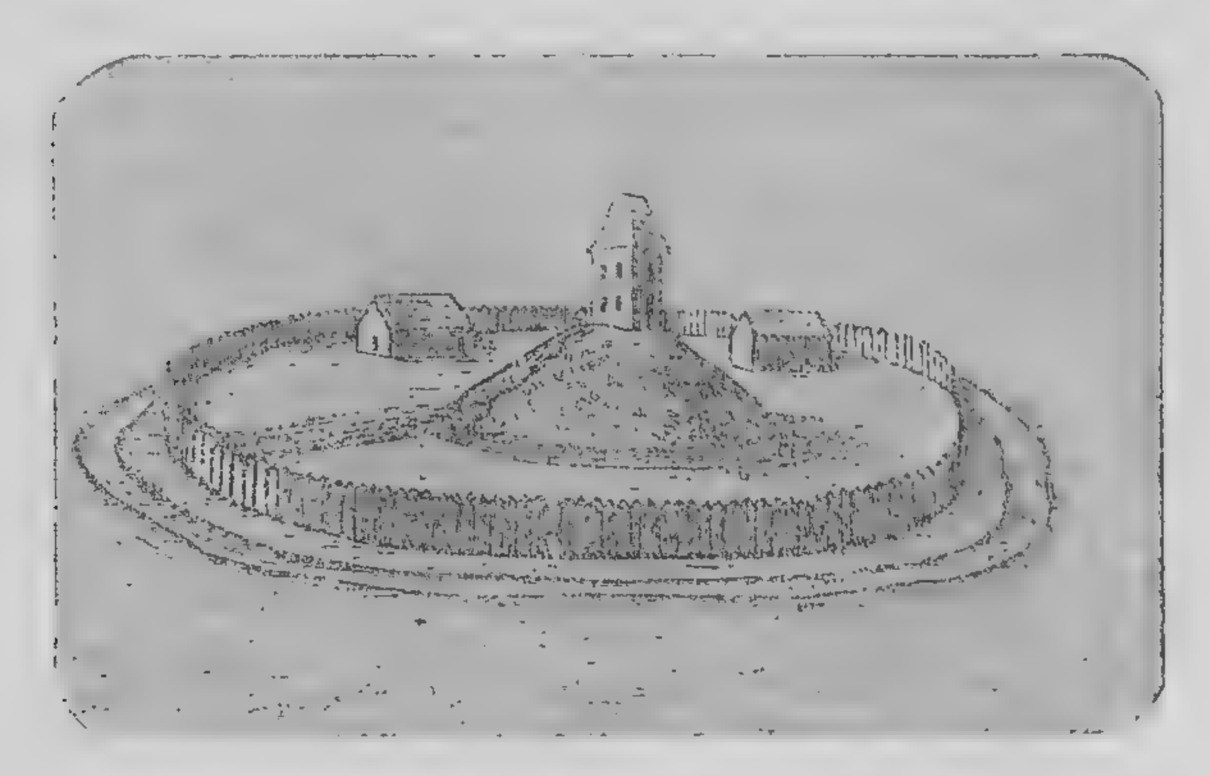


Рис. 27. Замок X века (Западная Европа).



Рис. 28. Замок XV века (Саксония).

страхом насильственного отнятия земли, уступал право собственности на землю, сохраняя за собой, однако, фактическое владение землей. Это владение точно так же было условным. Оно сохранялось лишь при условии выполнения

определенных повинностей, „благородных“ или „низких“, в зависимости от положения коммендирующегося.

Итак, было три основных формы, в которые выливалось условное землевладение: 1) бенефиций, 2) прекарий, и 3) коммендация.

Феодальная иерархия. Феодал получал землю в условное владение не всегда непосредственно от короля. Иногда „пожалование“ производилось и самими феодалами: более сильный и богатый феодал жаловал землю менее сильным и богатым за их службу. Случалось и так, что феодал, получив землю от другого феодала, сам частично раздавал ее более мелким феодалам. В конечном счете складывалась своего рода феодальная лестница, на ступенях которой располагались феодалы разного калибра, разного могущества. Каждая из феодальных ступеней имела свои особые названия.



Рис. 29. Рыцарь XII века.

В Зап. Европе намечалось обыкновенно пять феодальных ступеней: 1) короли, 2) герцоги, дюки, графы и князья, 3) вице-графы или виконты, вице-князья и т. д., 4) бароны и 5) мелкопоместные дворяне. Высшая ступень этой лестницы очень часто стиралась, и феодалы следующей ступени возглавляли феодальную лестницу, которая становилась, таким образом, многоголовой. Член каждой низшей из этих ступеней по отношению к члену высшей ступени, от которого он находился в зависимости, считался „вассалом“, и наоборот, высший феодал по отношению к зависимым от него низшим феодалам назывался „сеньором“. Таким образом, каждый феодал мог быть в одно и то же время и вассалом и сеньором. Так, например, какой-нибудь виконт был вассалом своего графа и одновременно сеньором своих баронов.

На Руси существовала подобная же феодальная лестница с другими только названиями: 1) великий князь,

2) князья, 3) бояре, 4) дети боярские. Впоследствии же у нас появились дворяне, приблизительно соответствующие западно-европейским мелкопоместным рыцарям.

Подобную феодальную лестницу называют обыкновенно феодальной „иерархией“.

Мы говорили до сих пор об установлении феодальной иерархии при помощи земельных раздач. Надо добавить, что очень большую роль играли еще и коммендации (или, как на Руси говорили, „закладничество“), когда коммендирующийся превращался в вассала более сильного феодала.

„Благородные“ повинности.

Какие же повинности должен был нести вассал? Чтобы дать наглядное представление об этих повинностях, воспользуемся одним из сборников феодальных законов, который был распространен во многих западно-европейских странах под названием „Письма гроба господня“ *). В главе „о том, какого рода бывают службы тех, которые обязаны являться на службу к сюзерену **) лично и в каком месте служба должна быть отправляема“, говорилось:

> 1) „Вассал должен являться по первому извещению на коне и в оружии во всякое место королевства... и оставаться на службе до одного года...
>
> И тот, кто обязан служить лично или поставить рыцаря или пешего воина, должен отправлять службу во всем королевстве, если повещение было правильно. 2) Если вассал призван в палату, то он должен ходить с поручениями к тому или к той, кого сюзерен укажет, если только не его противник, или если дело не касается его самого, ибо никто не может показывать против себя, и к тому не может принудить ни сюзерен, никто другой. 3) Вассал должен делать показания в палате, если то прикажет сюзерен... 4) Должен отправиться к убийце, если сюзерен предпишет от имени палаты. 5) Должен по приказанию сюзерена присутствовать при освидетельствовании нанесенных им ударов по поводу которых он обвинен перед палатой. 6) Должен исполнять всякие поручения сюзерена по всему королевству. 7) Должен ходить на раздел земли и воды... 8) Должен заниматься следствиями.

*) Сборник относится к 1099 г.

**) Сюзерен—лицо, раздающее феоды.

9) Должен, наконец, исполнять всякую службу, которую должны нести члены палаты, когда сюзерен распорядится.

Вне пределов королевства вассал должен отправляться и служить только в трех случаях: 1) по случаю брака сюзерена или его детей, 2) для защиты его чести и веры, 3) когда его владение в очевидной опасности или для общего блага всей страны. И тот или те, кого сюзерен повестит сам или через других законным порядком, относительно трех последних случаев службы, получат достаточное содержание, пока они будут на службе: всякий знает, что у вассала нет средств за пределами своей земли. И женщина, если она имеет феод, на котором лежит обязанность личной службы, должна служить сюзерену тем, что выходит замуж по оповещении своего сюзерена, если он оповестил ее, что должна вступить в брак; когда же она вступит в брак, то ее муж обязуется исполнять все вышеупомянутые роды службы".

Крестьянские повинности в феодальную эпоху.

Совсем другого рода повинности лежали на крестьянстве.

Нужно заметить, что положение крестьянства в феодальную эпоху было в разных странах далеко не одинаковым, да и внутри крестьянства каждой страны были разнообразные прослойки. Одно лишь было повсеместно: положение крестьянства менялось не в сторону улучшения, а в сторону ухудшения. Везде крестьянство постепенно утрачивало сначала свои права на землю, а затем все большую и большую долю своих „личных" прав. Там, где феодализм получил наиболее полное развитие, этот процесс ухудшения в положении крестьянства зашел так далеко, что крестьянство попало в полную крепостную зависимость от помещиков-феодалов.

Для характеристики положения крестьян в эпоху феодализма приведем перечень повинностей и налогов, лежавших на французских крестьянах в XI—XIII вв. Их можно сгруппировать в 4 основных категории: 1) налоги, взимавшиеся с лиц; 2) с имуществ; 3) косвенные налоги или пошлины, и 4) монополии или баналитеты. К числу первых принадлежали: а) „Шеваж"—небольшой сбор, являющийся для помещика не столько доходной статьей, сколько признаком

личной зависимости крестьянина; б) „талия“—подушный налог, просуществовавший до конца XVII века; размеры этого налога колебались, но он являлся источником громадных доходов для помещика; в) разные барщины—сельские (на поле помещика), лавочные, строительные, личные услуги и др.; г) воинская повинность в походах и в виде охраны замков, и д) обязанность давать помещику кров и продовольствие. К налогам на имущество относились: а) „ценз“, т.-е. арендная плата, сначала натуральная, потом денежная, б) „шампар“, т.-е. часть урожая, и в) разные налоги с жилища, со скота, домашней птицы и т. д. Пошлины состояли из сборов за провоз груза по дорогам и рекам, за торговлю на базарах и т. д. Что же касается монополий, то они выражались в праве помещика требовать от крестьян, чтобы они сдавали зерно на его мельницу (конечно, за плату), виноград—в его давильню, муку—в барскую пекарню. Сюда же относится и очень тягостное для крестьян исключительное право помещика торговать солью, а также и право суда над крестьянами, которое при помощи разнообразных штрафов и пошлин тоже было источником немалого разорения для крестьян. К этому надо добавить, что крестьяне в большинстве случаев были лично не свободны и не имели права свободно уходить на новое место и что права их на землю тоже были зачастую ограничены: в силу, так называемого, права „мертвой руки“, они, за редким исключением, не могли передавать их по наследству. Кроме того, пользуясь своей силой и никем не ограничиваемые, феодалы всячески могли обирать крестьян и помимо всех „законных“ поборов.



Рис. 30. Сбор десятины.

Вспомним затем, что на шее крестьян лежали еще повинности в пользу церкви,—в первую очередь, так называемая, „десятина“, т.-е. одна десятая часть дохода; что,

наконец, у помещика были еще и другие „права“, в роде права „первой брачной ночи“, или права охотиться на крестьянских полях.

Это право для крестьян было особенно разорительно. Среди возделанных полей помещик устраивал для своего удовольствия садки, где содержались олени, кабаны, зайцы, птицы всех родов. Они выходили оттуда и расхищали соседние поля. Крестьянам же под страхом виселицы запрещалось дотрогиваться до дичи господина. За расхищениями, производимыми животными, следовали расхищения охотников; они наезжали целой командой и со своими сворами и лошадьми вытаптывали посевы, нисколько не заботясь о затраченном труде крестьян.

Таково было положение подавляющего большинства французского крестьянства примерно в X—XII столетиях.

Все только-что сказанное относится прежде всего к главной массе французского крестьянства, но в той или в другой степени и вообще к крестьянам феодальной эпохи. Если в других странах повинности крестьян или „права“ феодалов назывались по-иному, то существо дела при этом мало менялось.

На крестьян феодалы смотрели, как на своего рода вьючное животное, беззащитное и бесправное. Этот взгляд лучше всего можно выразить словами немецкой пословицы: „крестьянин тот же бык, разница лишь в том, что он безрогий“.

Крепостная община.

На ряду с превращением свободного крестьянского населения в зависимое и полусвободное, происходило и перерождение сельской общины. Сплошь да рядом, в результате ссуд скотом, зерном, инвентарем и т. п., закабаленными оказывались не только отдельные крестьянские хозяйства, но и целые сельские общины. Кроме того, очень часто происходила и коммендация сельских общин, целиком отдававшихся под защиту сильного соседнего феодала.

Но наибольший удар свободной сельской общине наносился не закабалением ее и не коммендацией, а простым открытым захватом общинных земель, широко практиковавшимся крупными феодалами. Во всех случаях, когда сельская община утрачивала свою самостоятельность, общинная

организация не только не разрушалась окончательно, но даже становилась более прочной, совершенно меняя при этом свой характер и свои задачи. Феодал стремился создать из общинной сельской организации аппарат для лучшей эксплоатации крестьянства. Чем брать оброк с каждого крестьянина в отдельности, гораздо удобнее было



Рис. 31. Крестьяне работают у феодала на барщине.

иметь дело с общиной, несущей круговую поруку за всех своих членов. Сбор оброков производился выборными сельскими „властями“,—чаще всего старостами,—надзор же за сбором феодалы поручали своим приказчикам.

Разверстка оброков и повинностей производилась между крестьянами из расчета количества рабочих рук, а иногда и рабочего скота. Вместе с тем и сама земля разделялась

между населением в зависимости от этих же условий. Вся земля делилась для этого на отдельные поля с одинаковыми по возможности почвенными условиями. Поля, в свою очередь, разделялись на равные полосы, которые и распределялись между семьями. Создававшаяся чресполосица вынуждала всех крестьян к принудительному севообороту. Всем приходилось одновременно производить посев и одновременно снимать жатву; для этого надо было разводить и одинаковые культуры. Кто запоздал бы снять урожай—тот рисковал целиком его лишиться, так как в большинстве случаев сейчас же после жатвы на поля выгонялся скот, при чем земля, превращаемая в пастбище, не знала, конечно, деления на участки, так как скот немедленно же уничтожил бы не снятый еще хлеб.

В виду того, что земля закрепощенных общин считалась собственностью помещика, находящейся лишь в условном владении крестьян, и так как хозяйственные возможности отдельных крестьянских семейств изменялись (менялось, например, количество рабочих рук), то время от времени происходил передел земельных наделов.

Чтобы внешняя картина подобного землепользования была яснее, приведем описание английского поместья, сделанное одним историком Англии.

«Представим себе,—пишет этот историк,—поместье одиннадцатого века в средней или в южной Англии. В селении, по обе стороны улицы, стояли домики земледельцев, окруженные небольшими дворами... За деревней шла пахотная земля, разделенная обыкновенно на три больших поля: одно под пшеницей или рожью, другое под овсом или ячменем, третье под паром. Каждое поле, в свою очередь, делилось на коны, каждый кон на полосы в 1—1½ акра каждая; полосы эти не были огорожены, а отделялись друг от друга межами, т.-е. полосками нераспаханного дерна; полосы делились между земледельцами так, чтобы участок каждого состоял из нескольких отдельных полос в каждом из трех полей, при чем никто не получал двух смежных полос. Каждый отдельный держатель должен был обрабатывать свои полосы, сообразуясь с севооборотом своих соседей. Кроме пахоты, при селении были еще луга, которые огораживались на время сенокоса и делились на части по жребию, очереди или обычаю, а после сенокоса снова разгораживались для пастьбы скота. В большинстве случаев имелись также земли или лес, отведенные под постоянный выгон, где скот пасся или без ограничения количества, или в количестве, соответствующем величине участка каждого». (Эшли).

Итак, с укреплением феодальных отношений сельская община перестает быть об'единением свободных и самостоя-

тельных крестьянских хозяйств, имеющих лишь общий выгон и другие угодья. Она превращается в единое хозяйство не свободное, а зависимое и обремененное оброками и разными повинностями, с круговой порукой всех своих членов, основанное не на собственности крестьян на землю, а на временном условном землепользовании. **Организация крепостной общины покоится на принудительном севообороте, чересполосице и периодических переделах.**

Общая характеристика положения крестьян.

Наше описание положения феодального крестьянства будет неполным, если мы не укажем на очень низкую технику сельского хозяйства. Земля обрабатывалась очень примитивными способами и быстро истощалась. В самую горячую страдную пору, и при посеве хлеба и при уборке крестьянин вынужден был итти на барщину. От этого страдало собственное крестьянское хозяйство. Несвоевременный посев, поздняя уборка—уменьшали и без того скудный урожай. То немногое, что удавалось собрать с земли, сейчас же расходилось в львиной своей доле на уплату налогов и старых долгов. Остающегося хлеба даже в самые урожайные годы еле хватало до нового урожая. О запасах же не могло быть и речи. Поэтому малейший неурожай вырастал в грозное бедствие—в голод.

Во Франции, например, в XI веке около 70 лет были голодными. Летописи тех времен сохранили потрясающие описания голодных лет. Люди питались травой, древесной корою, падалью, человечиной. Пытались есть глину. Сплошь да рядом разрывали могилы и поедали трупы. Убивали детей или друг друга и ели убитых. Случалось, что человеческое мясо выносилось на продажу... Бедствия голода сопровождались убийственными эпидемиями. Вымирали целые деревни, опустошались огромные области. „Черная смерть“ (так называли эпидемию чумы), которая прошлась по Европе в середине XIV века, унесла с собою от трети до половины всего населения Франции, Англии и Италии.

Кроме голода и болезней был и еще один бич—это бесконечные войны между феодалами. Во время таких войн свой собственный феодал требовал лишних поставок хлеба и других продуктов; к этому присоединялись набеги феодалов другого лагеря, которые все уничтожали на своем пути.

Вот, например, описание жизни крестьян во время одной из многочисленных феодальных войн во Франции.

«Крестьяне не знали больше сна. Живущие у берегов Луары проводили ночи на островах или на лодках среди реки. В Пикардии население скрывалось под землею, выкапывая себе там убежища... Убежища эти представляли собой длинные сквозные коридоры со сводами в 7 или 8 футов ширины, по обоим сторонам которых находилось от 20 до 30 комнат, в середине был колодец, который снабжал эти подземелья водой и воздухом. Вокруг колодца были устроены большие помещения для домашнего скота. При приближении врага туда скрывались деревенские семьи. Женщины и дети гнили там по неделям и месяцам, между тем как мужчины робко выходили посмотреть, взобравшись на колокольню, не покинули ли, наконец, эти воины их деревни.

Но последние часто оставались так долго, что беднякам не удавалось посеять или собрать жатву. Напрасно прятались они под землю, голод настигал их и там. Больше всего пострадали Бри и Бовуази, здесь не оставалось никаких средств к существованию. Все было испорчено и раззорено; имущество сохранилось только в замках». (Мишле).

Но и в мирное время бытовые условия жизни крестьянина приближали его существование к полуживотному уровню. Достаточно представить себе жилище крестьян. Они ютились в маленьких избах, сделанных обычно из глины, с крышей из соломы или камыша. Очаг помещался в избе и дым от него выходил через неприкрытую дверь, или через отверстие, сделанное в крыше. Окон или совсем не было, или они представляли собой отверстия без стекол, затыкаемые, по мере надобности, тряпьем. О прочности такого „здания“ можно судить по такому обычаю: если трое мужчин заступами не могли опрокинуть хижину,—то она считалась сделанной удовлетворительно. В таких жилищах тесных, грязных и закопченных особенно легко распространялись всякие болезни. Больных лечить было некому, да и вообще медицина в те времена была на очень низком уровне. Нищете соответствовало крайнее невежество. Крестьяне полностью находились во власти суеверий.

Вот некоторые из них, относящиеся к сельскому хозяйству. Начинать пахать можно было только после того, как обнесут хлеб и овес с зажженной свечей три раза вокруг плуга; в четверг и в пятницу не следовало ни прясть, ни шить, потому что тогда св. Дева будет плакать. Чтобы куры не пропадали, надо было начертить крест на камине. Чтобы колодезь не пересыхал, надо было в него бросить хлеба; надо было поставить ветку буксуса на корм лошадям, чтобы удалить насекомых; кости кобыльей головы, положенные в саду, прогоняли гусениц; св. Элигий исцелял лошадей; св. Дисидерий уничтожал кротов; чтобы прогнать

прожорливых птиц, надо было там и сям написать на земле Raphael,— это считалось самым верным средством. Тот, кто знал все эти рецепты, считался хорошим земледельцем.

Так в нищете, в непосильном труде, голоде, болезнях и невежестве протекла жизнь феодального крестьянина.

Посмотрим теперь, как было организовано хозяйство отдельного феодала.

Поместное хозяйство.

В центре поместья находился господский дом, обычно окруженный садом. Это местопребывание собственника или его управляющего. Рядом располагались мелкие постройки—жилища челяди. Здесь же помещались скотные дворы, конюшни, птичники, мастерские ремесленников, риги, амбары и тому подобные службы. Все эти строения обносились тесовым или плетеным забором и образовывали усадьбу. Часто рядом с усадьбой помещались церковь и мельница (водяная). Непосредственно к строениям примыкали земли, эксплоатируемые самим феодалом. Они разделялись на пахотные поля, леса, луга, виноградники. Обычной системой земледелия было трехполье. Под озимое чаще всего сеялась рожь, под яровое—пшеница, овес, полба, лен и горчица.

Техника сельского хозяйства была очень низкой. В Западной Европе трехпольное хозяйство упоминается впервые в 771 году в Швейцарии. Но надо думать, что трехполье распространилось лишь в X—XI веках. Сельскохозяйственный инвентарь в это время был очень скуден даже в королевских имениях. На целые поместья приходилось всего по 1 лошади, повозок почти не было. Плугов и борон—было до крайности мало. Пользовались больше одними лопатами и кирками, на целое имение упоминается десятка три серпов и с десяток мотык. По всей вероятности наравне с плужной сохранялась еще и ручная (мотыжная) обработка земли.

Насколько трудно и маловыгодно было в то время вести централизованное хозяйство, покажет следующее письмо помещика к своему управляющему, относящееся к 830 году.

«Во имя отца и сына. Эйнгард своему управляющему.

Весьма удивляемся, почему произошла такая задержка во всем, что мы поручили тебе сделать. Ибо нам стало ведомо, что хлеба, который ты должен был послать в Мюльгейм для помола и для выработки солода, ты не послал вовсе, и прислал ты всего только тридцать свиней, да и тех неважных, посредственных, да еще три меры овощей, только и всего. Мало того, за всю эту зиму мы не видели ни тебя, ни твоего посланного, кто бы доложил, что делается в наших краях. Коли мы не можем получать с Фриулара (название имения) большего прибытка, то не знаем, к чему нам держать этот бенефиций. Так вот, если ты сколько-нибудь дорожишь нашей милостью, изволь исправить свое небрежение и вскоре поставь нас в известность, чего нам ждать от тебя».

Крупный землевладелец не ведет единого хозяйства, но разными способами раздробляет его на мелкие хозяйственные единицы; внутри каждого поместья замечается раздробление сельскохозяйственной культуры. Не только крупные, но и мелкие землевладельцы в слабой степени вели собственное хозяйство. Барская запашка была невелика. Русские феодалы долгое время совсем не знали собственной запашки; в Зап. Европе в пору наиболее чистого феодализма, в IX—X вв., помещик редко когда запахивал больше ¼ своих земель. Все остальные земли раздавались в аренду крестьянам, и помещик получал с них лишь определенный оброк.

Эту своеобразную организацию феодального хозяйства обыкновенно называют поместной или манориальной (от английского слова манор). Поместное хозяйство—это соединение крупного землевладения и мелкой сельскохозяйственной культуры.

Причин для подобной раздробленности сельскохозяйственной культуры было много, но главными надо признать низкую технику сельского хозяйства, недостаток инвентаря и рабочего скота и экономическую нецелесообразность мало-мальски значительного увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. При слабом развитии обмена излишки продуктов все равно некуда было девать. Поэтому помещики ограничивались взиманием натуральных оброков с зависимого крестьянского населения и натуральных же платежей от свободных арендаторов. Все эти оброки и платежи потреблялись помещиками, их многочисленными слугами и гостями, и лишь очень малая доля шла в обмен, для продажи.

Хозяйство, таким образом, было почти замкнутым, по преимуществу натуральным. Это значит что главная масса продуктов производилась не для обмена, а для потребления внутри самого хозяйства. Замкнутый характер хозяйства обусловливался не только тем, что каждое хозяйство само себя кормило, но и тем, что значительная часть промышленных изделий, которые были известны феодальной эпохе, также выделывалась внутри поместья доморощенными ремесленниками.

В этом отношении очень характерны указания, которые мы находим в одной сохранившейся от IX века инструкции относительно управления королевскими поместиями. В этой инструкции между прочим говорилось:

«Пусть всякий управитель в хозяйстве имеет добрых ремесленников, т.-е. кузнецов, знающих также золотое и серебряное дело, шорников, резчиков, плотников, бочаров, рыболовов, птицеловов и птичников, мыловаров, квасоваров, т.-е. таких, которые могут сварить и пиво, и квасы яблочные и грушевые, и иные разные напитки, приятные для питья; пекарей, чтобы печь белый хлеб для нашего стола, людей, хорошо плетущих сети для охоты, рыбной ловли и ловли птицы,—равно и прочих мастеров, перечислять которых было бы долго».

Таким образом предусмотрительный хозяин стремился в своем поместье иметь всех необходимых ремесленников, чтобы ни куда не приходилось обращаться на сторону.

Но это было доступно далеко не всем феодалам. Врядли удавалось сосредоточить все главнейшие категории ремесленников даже в крупных королевских поместиях. Рядовым же феодалам это было еще труднее. Их крепостные ремесленники лишь отчасти удовлетворяли потребности поместья в промышленных изделиях. Остальное приходилось восполнять или пользуясь услугами бродячих свободных ремесленников, которые перекочевывали из поместья в поместье, или обращаясь в город. О городах в феодальную эпоху мы поговорим в следующей главе, здесь же отметим, что известное влияние они все же оказывали на феодальное поместье. На городском рынке покупали различные предметы ремесленного производства, которые были необходимы в хозяйстве и производство которых не удавалось наладить у себя дома. Покупали также соль и кое-какие другие продукты. Наконец в городе можно было достать различные предметы роскоши и редкие продукты иностранного происхождения: например, всевозможные пряности в роде перца или корицы. Спрос на эти продукты в те времена был особенно велик. С другой стороны в городе можно было кое-что и продать из продуктов сельского хозяйства.

Итак, если мы говорим о натуральном характере феодального хозяйства, то лишь в том смысле, что эта форма хозяйства **п р е о б л а д а л а**, но это отнюдь не значит, что в феодальную эпоху обмен совершенно отсутствовал.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 12.

Какое определение класса находим мы у Ленина? Чем классовое расслоение отличается от экономического расслоения в родовом обществе? Какие главные общественные классы существовали в феодальную эпоху? Что такое условное землевладение? Почему оно было распространено в феодальную эпоху? На каких именно условиях совершалась передача земли в условное владение? Перечислите известные вам термины, которыми обозначалась земля, переданная в условное владение? Какими способами совершалась передача земли в условное владение? Какая разница между прекарием и бенефицием? Что такое феодальная иерархия? Перечислите известные вам ступени феодальной иерархии? В чем разница между барщиной и оброком? Какие повинности несли крестьяне в феодальную эпоху? Каково было правовое положение крестьян? Что такое крепостная община? Почему в крепостной общине был принудительный севооборот? Что значит поместное хозяйство? Почему оно было замкнутым? Велики ли были размеры собственных запашек феодалов?

§ 13. Политический строй и идеология феодального общества.

Государственная власть.

Ошибочно было бы думать, что крестьяне совершенно безропотно выносили тяжелое бремя, возложенное на них феодальным укладом жизни. Доведенные до крайности, они нередко пытались избавиться от непосильного гнета. То здесь, то там вспыхивали стихийные крестьянские восстания. Но крестьяне были неорганизованы, не имели оружия, не знали определенного плана борьбы. Феодалы подавляли эти восстания с исключительной жестокостью. Летописец рассказывает, как нормандским крестьянам, восставшим в начале XI века, феодалы отсекали ноги и руки в назидание односельчанам: „чтобы они отклонили своих единомышленников от их затеи и сделали более благоразумными, под страхом испытать еще более тяжелое наказание". О другом восстании говорилось: „взбунтовавшиеся крестьяне восстали против своих господ, но благородные, соединившись с графом Аленом, овладели крестьянскими полями, перебили, разогнали и преследовали восставших, так как они явились в бой без вождей и оружия".

Мы видим, что феодальный строй, внеся в общество классовое расслоение, сделал вместе с тем неизбежным столкновения противоположных классов.

Экономически господствующий класс феодалов утверждал свое господство силою оружия. Чтобы сохранить за

собою власть, феодалы создавали особую организацию принуждения подчиненного класса. Так складывались зародыши государства.

> „Государство,—говорит Энгельс,—есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по видимости, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах „порядка". И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство".

И дальше Энгельс продолжает: „Так как государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия, но вместе с тем, порождено в разгаре столкновения этих классов, то по общему правилу оно является государством наиболее сильного, экономически господствующего класса, который при посредстве его становится также господствующим политически и, таким образом, приобретает новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплоатировать угнетенный класс".

Феодальное государство как раз и „возникло из потребности сдерживать классовые противоречия". Оно действительно было „государством наиболее сильного, экономически господствующего класса". Оно, наконец, принесло феодалам „новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплоатировать угнетенный класс".

Чтобы лучше себе представить, в чем сущность государства, присмотримся внимательно к современному капиталистическому государству.

В самом деле, чем держится сильно развитая государственная власть в современном капиталистическом обществе с резко обозначенным классовым расслоением?—Орудиями и органами принуждения: войском, полицией, тюрьмами, судами, чиновниками, а также систематическим воспитанием народных масс в интересах господствующих классов. Это

воспитание проводится церковью, школой, литературой, искусством, наукой. Все эти средства физического и психического принуждения находятся в руках экономически более сильных, а потому и правящих классов. Но в настоящее время представители правящего класса, имеющие государственную, или, как ее иначе называют, политическую власть, никогда лично не выполняют роли ни полицейских, ни судей, ни тюремщиков. Для всего этого существуют специальные люди, избравшие своей профессией поддержание государственной власти и охрану „порядка". Будучи слепым орудием в руках правящего класса, вся эта армия многочисленных и разнообразных агентов государственной власти внешне теперь как-будто стоит над классами или по крайней мере пытается как-нибудь замаскировать свою классовую природу. Сейчас истинные хозяева государства, магнаты финансового капитала, не выходят на авансцену, а остаются за кулисами. Таким образом современное нам капиталистическое государство и есть такая сила, которая „выйдя из общества", все более и более обособлялась от него и в конце концов „поставила себя над ним". (Конечно только по видимости!).

В эпоху феодализма, при зарождении государственной власти, дело было проще: связь господствующего класса феодалов с государством была нагляднее. Государственный аппарат не был централизован, как это имеет место теперь, а государственная власть была распылена между феодалами. Каждый из них, имея политическую власть, собственноручно ее и осуществлял. Феодал был прежде всего воином, прекрасно вооруженным, всегда готовым силою защищать свое „право". Он был, кроме того, и судьей, он же был тюремщиком, сажая „нарушителей порядка" или просто ему неугодных лиц в башни и потайные подвалы своего замка.

Крупный землевладелец в феодальную эпоху был не только собственником, но и управителем, часто почти государем в пределах своих нередко очень обширных владений. Крестьяне, арендовавшие участки его земли по тому или иному срочному или бессрочному договору, должны были подчиняться его суду и расправе, даже если они и не были его рабами или крепостными людьми. Эти права господ, в связи с крепостным правом, сохранялись в несколько

ограниченном виде и в более позднее время. В феодальную же эпоху господские права суда и расправы находились в своем полном расцвете. При слабости государственной власти они давали сильнейшим владельцам крупных имений независимость от чиновников короля или князя и составляли одно из главных оснований феодального строя.

Боярские и монастырские имения на Руси пользовались такою же независимостью „государства в государстве", как и западные сеньерии: княжеские „волостели" и „тиуны" не имели права „в'езжать" в частные, боярские и монастырские имения для суда и сбора налогов, и бояре и игумены сами „ведали и судили своих людей", т.-е. всех, живущих на их земле.

Привилегированное крупное имение, с этими правами государственного порядка, обозначается во Франции термином сеньерия, в Англии—мэнор, в Германии—Grundherrschaft «земельное господство», а на Руси ему соответствовал термин боярщина.

Бóльшая наглядность классовой природы феодального государства, нежели современного капиталистического, сказывается и в функциях власти. Если капиталистическое государство вынуждено выполнять различные культурные функции—просвещение, здравоохранение и т. п. (нельзя забывать, что в этих „культурных" отраслях капиталистическое государство действует, в конечном счете, исключительно в интересах господствующего класса),—то государство феодальное ограничивалось выколачиванием налогов, податей и всевозможных повинностей из зависимого крестьянского населения, судебной расправой над нарушителями феодального порядка, да вооруженной охраной общественного строя и взаимными военными столкновениями с соседними феодальными государствами, чаще всего из-за земельных владений.

Распыление государственной власти.

Наиболее типичной чертой феодального государства было раздробление государственной власти между множеством лиц, выступавших в роли носителей этой власти.

Короли, возглавлявшие раньше „племенное государство", наделяли феодалов одновременно и землями, уступаемыми в условное владение, и политической властью, которая была тем больше, чем больше был феодальный участок земли. Феодал вместе с землей получал от короля

и известную политическую независимость. Эта независимость зачастую оформлялась в виде особого договора — „иммунитета“, — в котором король отказывался от посылки во владение феодалов своих уполномоченных для сбора налогов и для судебной расправы или предоставлял феодалу другие политические льготы и права. Особо крупные феодалы добивались от королей полного иммунитета и превращались таким образом в совершенно самостоятельных государей. Они сохраняли за собой по отношению к королю только обязанность военной службы, но и эта служба выполнялась ими лишь в зависимости от их собственного желания. Такого крупного феодала, не желающего почему-либо оказать королю военную помощь, было очень трудно как-нибудь к этому принудить. Он сам был для этого слишком силен. Нередко бывало и так, что короли совершенно сходили со сцены, и доселе единое государство раздроблялось на ряд совершенно самостоятельных мелких феодальных владений.

Различные феодалы обладали не одинаковыми политическими правами. Чем выше стоял феодал, тем больше он имел и политических прав. Таким образом, оказывалось, что земельному, экономическому могуществу феодалов вполне соответствовало и их политическое значение.

Степень раздробленности феодального государства можно легко себе представить, взглянув на феодальную политическую карту, например, на карту Франции XII—XIII веков. В то время во Франции насчитывалось около 150 более или менее самостоятельных в политическом отношении феодальных владений и на своего короля французские феодалы смотрели только как на „первого между равными“.

(На карте обозначены далеко не все владения, а лишь наиболее крупные). (См. карту № 5 на стр. 141).

Государственное управление и законодательство.

Лучше всего можно изучить устройство феодального государства на примере организации больших княжеств.

Государственный аппарат таких княжеств почти целиком совпадал с личным хозяйством феодального князя. Его приближенные, ведавшие различными отраслями государственного управления—феодальная администрация,—были в первую очередь личными слугами феодала. Они прежде всего заведывали спальней, гардеробом, столом,



Карта № 5. Пояснения смотри на обороте.

ПОЯСНЕНИЯ К КАРТЕ № 5.

1. Гр. Булонь.
2. Гр. Э.
3. Гр. Ко.
4. Гр. Бессен.
5. Гр. Льевен.
6. Гр. Эвр.
7. Гр. Мортэн.
8. Гр. Алансон.
9. Гр. Перш.
10. Гр. Шартрез.
11. Княжество Роган.
12. Герцогство Мэн.
13. Вик. Бомон.
14. Гр. Вандом.
15. Гр. Блуа.
16. Гр. Шапотьен
17. Вик. Реймс.
18. Гр. Бар.
19. Гр. Анжу.
20. Гр. Лудэн.
21. Гр. Турень.
22. Гр. Сансерр.
23. Вик. Куртэнэ.
23а. Гр. Оксерр.
24. Гр. Тоннерр.
25. Вик. Жалиньи.
26. Гр. Шалонь.
27. Вик. Монтегю.
28. Вик. Тальмон.
29. Кн. Туари.
30. Вик Шатеру.
31. Кн. Бурж.
32. Герцогство Бурбонское.
33. Гр. Марш.
34. Гр. Сентонь.
35. Гр. Ангулем.
36. Княжество Лимозен
37. Гр. Овернь.
38. Гр. Форе.
39. Гр. Перигор.
40. Гр. Бурклуа,
41. Гр. Кагарсен.
42. Гр. Радез.
43. Гр. Жеводан.
44. Гр. Вале.
45. Гр. Биваруа.
46. Гр. Валентинуа.
47. Гр. Диуа.
48. Кн. Савойя.
49. Гр. Женевское.
50. Гр. Шабли.
51. Гр. Аоста.
52. Гр. Тарантез.
53. Гр. Морьен.
54. Маркграфство Суза.
55. Гр. Форкалькер.
56. Вик. Лабурд.
57. Вик. Дас.
58. Кн. Веарнское.
59. Гр. Бигорр.
60. Гр. Коммэнж.
61. Гр. Тулуза.
62. Гр. Фуа.
63. Кн. Альбигойя.
64. Вик. Безье.
65. Герц. Нарбонское.
66. Гр. Мейльгейль.
67. Вик. Узе.
68. Гр. Прованс.

И ряд других более мелких владений, общим количеством до 150.

Сокращения: гр.—графство; кн.—княжество; вик.—виконтство.

винами, конюшней феодала, а затем уже, сохраняя эти первоначальные свои обязанности, они начинают управлять финансами, судом, войском. Этими тремя отраслями и исчерпывались все функции государственного феодального управления. Таким образом, различные государственные ведомства развивались из дворцовых служб. Государственный аппарат укладывался первоначально в рамках дворца.

Из отдельных отраслей феодального государственного управления особо отметим законодательство и суд. Уже в родовом и, особенно, в племенном строе появлялись записи обычаев. Записанные обычаи собирались в сборники, по которым общинные суды производили суд и расправу. К числу таких сборников обычного права надо отнести „Русскую Правду“, составленную в Киевской Руси в X веке, так называемые— „Варварские Правды“ германских племен, относящиеся к VII—VIII столетиям, „Брегонские правды“ ирландцев, сборники кавказских горских племен, называющиеся „адатами“, и т. д.

С укреплением феодального строя, на ряду с такими сборниками, крупные феодалы стали практиковать издание особых указов или, как их называли в Зап. Европе, „ордонансов“. Такие ордонансы издавались в тех случаях, когда старые обычаи противоречили интересам феодалов. Обыкновенно они издавались не единолично феодальным государем, а с'ездом вассалов. Эти с'езды собирались не регулярно, а по мере надобности. В большинстве случаев на них с'езжались только главные вассалы и лишь в редких случаях более широкие круги вассалов. Так, на Руси удельные князья, а позже и великий князь и царь Московского государства, имели при себе „Боярскую Думу“, членами которой были крупные вассалы и с которой князья „думали“ о государственном управлении. Лишь впоследствии боярская дума уступила свое место „земским сборам“, на которые с'езжались кроме крупных вассалов и мелкие, на ряду с торговыми людьми и духовенством.

Интересна организация феодального суда. Суд был прежде всего доходной статьей для феодала. Не говоря уже о судебных пошлинах за решение дела, феодалы чрезвычайно широко практиковали всевозможные конфискации и штрафы Сами короли показывали в этом отношении

пример феодалам. Они издавали законы, дающие право судье взыскивать штраф почти во всех случаях, когда дело разбиралось в суде. Это открывало широкие возможности для феодалов, и они так изощрялись в своем судейском рвении, что нередко судебные доходы оказывались для них наиболее значительными из числа всех других. Право суда жаловалось зачастую как особая милость, в виде бенефиция и передавалось по наследству.

Сборники феодальных законов сохранили нам многочисленные перечисления различного вида штрафов. Во многих случаях штрафы платились на основе круговой поруки поголовно всей общиной, хотя правонарушение было совершено только одним членом. На Руси это была так называемая „дикая вира" (поголовный штраф). Ее платила вервь (община) в пользу князя. Иногда „вира" называлась еще „продажей". Кроме того, штраф взимался иногда и в пользу потерпевшего (так назыв. „головщина").

Феодальный судья прибегал к своеобразным способам установления виновности подсудимого и для разрешения спора тяжущихся. Истина на суде устанавливалась чаще всего путем гадания. Гадали разными способами. Очень распространен был судебный обычай искать правого при помощи „поля", т.-е. поединком. Правым оказывался тот, кто побеждал. Он выигрывал дело, а побежденный, кроме проигрыша дела, платил еще и штраф. На Руси поединок сохранялся в практике суда еще в XVI веке, в Западной же Европе он вышел из употребления в большинстве случаев несколько раньше, примерно в XIV столетии. Но в виде пережитка этот нелепый обычай силою доказывать свою правду сохранился и в новейшее время. У нас в дореволюционное время „вопрос чести" нередко решался на дуэли. Оскорбленный вызывал обидчика на дуэль и дрался с ним на шпагах или стрелялся на пистолетах. Надо заметить, что обычай дуэли сохранялся (а за границей и теперь еще кое-где практикуется) только среди привилегированных классов, которые умышленно сохраняют многие привычки феодального общества.

Приведем в качестве иллюстрации постановления относительно судебного поединка, сохранившиеся в одном из сборников немецкого феодального законодательства (из так называемого „Саксонского зерцала"):

«Каждый может отказаться биться с тем, кто ниже его по рождению... Судья должен дать двух пособников каждому из тех, кто будет биться, а они смотрят, чтобы бойцы снарядились по праву и обычаю: кожи и холста могут они надеть на себя, сколько захотят; голова и ноги у них должны быть спереди неприкрыты, а на руках—ничего, кроме нетолстых перчаток; в руках обнаженный меч, а кроме того они могут опоясаться одним или двумя мечами—это предоставляется их желанию; в другой руке—круглый щит, из дерева только да кожи, а в середке, конечно, может быть выпуклая бляха из железа; поверх доспеха—камзол без рукавов. Об'является „полю“ мир, и поплатится головой, кто станет мешать их бою. Каждому судья дает по человеку, который держал бы ему жезл *); человек этот не должен мешать им ни в чем, разве что кто-нибудь из них упадет, тогда он должен оградить его жезлом, или если кто будет ранен, или сам попросит охраны жезла: но этого он не должен делать без разрешения судьи. После того как «полю» об'явлен мир, они должны просить «поля» по обычаю, и судья должен разрешить его. Железные наконечники своих ножен они должны отломить, разве что судья разрешит им этого не делать. Они должны выступить перед судьей в полном доспехе и поклясться: один, что обвинение, с которым он выступил против другого,—правда, и да поможет ему Бог; другой, что он невиновен, и да поможет ему Бог. К солнцу надо ставить их в одинаковое положение, когда они сходятся в первый раз; если побежден будет тот, кого обвиняли, его подвергают наказанию; если же он одолеет, он свободен от пени и кары».

Кроме поединка на суде прибегали еще к одному виду гадания: к так называемым „ордалиям“. В этом случае обвиняемый должен был опустить руку в кипящую воду или взять ею раскаленное железо. Если на руке не оказывалось явных следов ожога—он считался правым.

Борьба между феодалами.

Короли очень неохотно шли на различные уступки феодалам. Сплошь да рядом феодалы добивались различных „иммунитетных грамот“ и других ограничений королевской власти только в результате упорной борьбы, часто выливавшейся в форму настоящих войн.

О борьбе феодалов с королями сохранилось много рассказов летописцев. Вот, например, рассказ английского летописца Матвея Парижского, относящийся к началу XIII века:

«В год Господа Нашего 1215-й, царствования же короля Иоанна 17-й, означенный король держал курию **) свою на Рождестве в Ворчестере, всего один день, затем спешно направился в Лондон и укрылся в своем замке в Новом Тампле. И пришли сюда к королю вышеуказанные бароны в военном снаряжении и с довольно вызывающим видом, требуя подтверждения некоих свобод... так, как сие написано в хартии короля Генриха I и вышеуказанных законах. Они указывали также, что, в Вин-

*) Символ защиты, служивший для разнимания бойцов.

**) Курия—двор сеньора, в данном случае—королевский двор 1213 г.

честере при снятии отлучения*) он обещал восстановить древние законы и вольности и обязался собственной своей клятвой соблюдать их. Видя, что бароны решили твердо настаивать на своих требованиях и опасаясь их нападения,—потому что они стояли там в полной боевой готовности,—король ответил, что то, о чем они просят, дело большое и сложное, и что он просит у них перемирия до конца Пасхи, чтобы обдумать сие и не умалить ни себя, ни достоинства короны. Наконец, после долгих переговоров и с той, и с другой стороны, король вынужден был согласиться на поручительство архиепископа Кентерберийского, епископа Илийского и Уильяма Маршала, которые обещались, что он, соблюдая закон, в определенный день даст удовлетворение всем. После сего бароны раз‘ехались.

На Пасхальной неделе бароны, о которых мы не раз говорили, собрались в Стамфорде; они хорошо снабжены были оружием и конями и успели увлечь с собой почти всю знать королевства и образовать весьма многочисленное войско, настолько король Иоанн сделался ненавистен всем. Насчитывалось же в этом войске до двух тысяч рыцарей, кроме конных слуг и пехоты, все в добром снаряжении. Начальниками же и главарями этого восстания были: Роберт, сын Вальтера и т. д. и т. д. (всего перечислено 45 лиц): Все они меж собой были связаны клятвой и союзом и за одно с ними был Стефан, архиепископ Кентерберийский. Король же в то время был в Оксфорде, ожидая прибытия своих баронов. В понедельник на Фоминой вышеуказанные бароны собрались уже в Брэкли. Когда это стало известно королю, он послал к ним архиепископа Кентерберийского и Уильяма Маршала, графа Пэмброк и еще нескольких мудрых людей, чтобы они разузнали у тех, что это за законы и вольности, которых они добиваются. Бароны и пред‘явили послам некое писание, состоявшее главным образом из древних законов и обычаев королевства, присовокупив при этом, что если король немедленно не согласится на все это и не подтвердит грамотой, скрепленной королевской печатью, то они сумеют принудить его, захватив его замки, земли и владения... Тогда архиепископ со своими товарищами привез это писание к королю и при нем прочитал его на память главу за главой. Как только король услышал содержание этих статей, он принялся хохотать язвительно и злобно: «Как это бароны удовольствовались такими незаконными требованиями? Что бы им уж потребовать все королевство? Притязания их бессмыслены и ложны и не опираются ни на какое право». И он прибавил со страшной клятвой: «Никогда не соглашусь на такие уступки, которые из меня, короля, сделают раба!».

Рассказ Матвея Парижского относится к тому столкновению английских феодалов с королем, которое в конце-концов завершилось подписанием так называемой „Великой хартией вольностей“ (1215 г.) Это своего рода феодальная конституция, которая во многом ограничивала королевскую власть и существенно защищала права феодалов. Но все же

---

*) 1213 г.

английские короли не утратили полностью своего значения, как это было в других странах. Особенно это относится к Франции, где государственная власть была распылена больше, чем в какой-либо другой европейской стране.

Здесь войны между феодалами были обычным явлением. Каждый феодал стремился построить укрепленный замок. Сначала эти замки воздвигались для защиты от набегов внешних врагов: норманнов, славян, венгров и др., разорявших Западную Европу в IX веке. Впоследствии же они превращались в пристанища авантюристов и разбойников. Это были своего рода осиные гнезда, терроризующие целые округи. Короли тщетно боролись с этим самоуправством феодалов. В капитулярии Карла Лысого, изданном в 864 г., содержалось такое постановление: „Мы хотим и настоятельно приказываем, чтобы каждый, выстроивший за последнее время замки без нашего на то соизволения, а равно укрепления и изгороди совершенно уничтожил их, так как соседи и окрестные жители терпят от них много грабежей и насилий".

Феодальные войны происходили и в других странах. Русские феодалы, например (их называли удельными князьями) в продолжении целых десятилетий вели друг с другом нескончаемые войны из-за земли, из-за крестьян, из-за новых уделов...

Подведем теперь сказанному итоги.

Политический строй феодальной эпохи отличается следующими характерными чертами:

1) политическая власть принадлежит классу крупных землевладельцев;

2) власть эта не централизована, а распылена;

3) организована она иерархически и

4) центральный аппарат государственного управления сливается с дворцовым аппаратом.

Роль церкви в феодальную эпоху.

В феодальную эпоху огромную роль и в хозяйственной, и в политической, и в духовной жизни общества играла церковь. Церковь—на Руси православная, в западной Европе—католическая—сама была крупнейшим феодалом, богатейшим землевладельцем. Богатства церкви слагались из разных источников. Короли и великие князья, а за ними и высшие разряды феодалов широко практиковали дарения земель в пользу церкви, причем раз приобретенные владения прочно задерживались в

руках церкви, потому что церковные земли, как правило, были неотчуждаемы.

Вот образчик дарения в пользу церкви, относящийся к 1035 году:

«Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Конрад, Божией милостью Римский император, *) священный. Да будет известным всем верным Христу и нам, ныне живущим и будущим, как я, Конрад, вместе с супругой нашей императрицей Гизелой, для спасения души нашей, передаем в собственность храму сему, нами во славу и хвалу Божию сооруженному, из вотчин наших 8 деревень в нижнем Пфальце близ Вормса со всеми статьями, как то: рабами, усадебными местами, строениями, землями, возделанными и невозделанными, пашнями, лугами, выгонами, водами, реками, мельницами, рыбными ловлями, полями, лесами, охотами границами и межами, дорогами и тропами, с тем, что есть и впредь найдется, со всеми пользами, какие только записать или назвать можно,—с тем, чтобы аббат этого места с той же властью и пользой, как и мы, впредь этим свободно владел и все, что оттуда получит, обращал бы на потребу церкви и братии. И чтобы дар наш оставался в постоянной и нерушимой силе, мы приказали составить эту хартию собственноручно подтвердив ее приложением нашей печати. «Но, чтобы кто-нибудь из последующих аббатов не требовал от «подданных» больше, чем следует, ни «поданные», забыв за давностью лет свою обязанность, восставая против аббата, не пренебрегли бы исполнением повинностей, следуемых церкви,—мы решили определить, что может требовать, если нужно, аббат и что обязаны исполнять «подданные». Каждый мужчина ежегодно платит по солиду, а женщина по 6 денариев, или же как мужчина, так и женщина работают 1 день в неделю на барщине. Аббат имеет власть также над их еще невступившими в брак детьми: кого хочет, пошлет на кухню, кого захочет—на пекарню, кого захочет—на портомойню, кого хочет—стеречь табуны, вообще, кого угодно—на любую службу. А из женатых, кого угодно и во всякое время, аббат назначает в экономы, в ключники, в таможенники и в лесники. Если же кого из вышеупомянутых аббат пожелает иметь в личном услужении, сделав его своим стольником, или чашником, или воином и даст ему какой-нибудь бенефиций, то пока он будет исправно служить аббату, бенефиций будет за ним, если же нет, то пусть вернет в прежнее состояние. После смерти мужа лучшая голова его скота отойдет к аббату, после смерти жены—лучшая одежда. Если серв убьет серва, пусть уплатит за него 7½ ф. да еще обол. Если женщина выйдет замуж вне поместья, то уплатит свой ценз, т.-е. 6 денариев».

Подобные дарения были чрезвычайно распространенным явлением. Они много способствовали обогащению церкви.

Как крупный землевладелец, церковь сама очень рано начала раздавать земли в условное владение. Это ставило в подчинение от нее множество мелких феодалов с массой

*) Римскими императорами называли себя короли германских племен со времени Карла Великого (742—814 гг.), начиная с IX века).

крестьянского населения. Толпы разоряющегося земледельческого люда охотно шли под защиту церкви, „коммендировались“ под высокую руку какого-нибудь святого. Во время военных передряг многие сдавали в церковь на хранение всевозможные ценности. Жертвовали и на „помин души“ и по всяким другим поводам.

Вместе с материальным богатством возростало и политическое значение церкви. Церковные поместья первые стали получать от королей иммунитеты и добивались податной, административной и судебной независимости.

Судебная независимость церкви сыграла особо выдающуюся роль. При общем упадке государственной жизни и пестроте судебных порядков, практиковавшихся на землях светских феодалов, церковь вырабатывала единое церковное („каноническое“) право, которое своей стройной системой много способствовало укреплению церковной организации. Каноническое право постепенно стало распространяться и за пределами церкви. Все преступления против церкви, против религии, а потом и гражданские и уголовные дела разбирались по этому праву. Церковная юрисдикция (право творить суд) становилась очень широкой.

У церкви были и другие преимущества, способствовавшие как ее обогащению, так и укреплению политического могущества: церковь освобождалась почти от всех налогов, зато население облагалось в ее пользу „десятиной“.

Почему же, спрашивается, церкви удавалось добиться всех этих льгот, чем она заслужила столь щедрые подачки королей и феодалов?

— Да потому, что церковь была самой надежной опорой феодального режима. Всей силой своего огромного авторитета церковь поддерживала систему безжалостной эксплоатации крестьянского населения.

Феодальная идеология.

Церковь прибрала к своим рукам руководство всей идеологической жизнью общества, насквозь пропитала ее религиозным духом. В Зап. Европе в период феодализма особенным авторитетом пользовалось христианство, в частности—католицизм, эта наиболее типичная феодальная религия.

Феодальные влияния на христианство сказались особенно наглядно в создании особой божественной „иерархии“. По христианскому учению во главе всех божеств стоит

„бог-отец“, затем идет „бог-сын“, на ряду с ним стоит „божья матерь“, ниже расположились святые разных рангов— апостолы, великомученики, наконец, просто мученики. В строгой системе выстроены и всевозможные разряды ангелов. Раздробленность феодального общества также сказалась на христианском учении. Каждый округ, каждая профессия имели своих особых святых-покровителей, которые выступали в качестве ходатаев перед высшим божеством.

Церковь создала особую философскую систему— „схоластику“, которая отвлеченными рассуждениями о „потусторонних“ вещах, ссылками на авторитет божества, пыталась оправдать существующий строй и упрочить господство самой церкви. Мысль человеческая тщательно отвлекалась не только от всяких общественных вопросов, но и от предметов практических. „Ученые“ занимались изучением свойств „божества“ и писали глубокомысленные трактаты на тему, например, о том, сколько ангелов может поместиться на булавочной головке.

Церковь усиленно проповедывала идеи аскетизма; чтобы лучше держать народные массы в слепом повиновении, все помыслы человека направлялись в область загробной жизни, подальше от „мирской суеты“. Особенно поощрялись мысли о подвижничестве, благочестивой жизни, и о смирении.

Общественная мысль под опекой духовенства была неподвижна и застойна так же, как неподвижна была и феодальная техника.

В феодальную эпоху не было почвы для развития науки, стремящейся к познанию и к овладению природой. Считалось, что бог в „священном писании“ и в „творениях святых отцов“ изложил всю совокупность доступных человеку познаний. Круг научной мысли почти замыкался изучением священных книг. Главнейшей наукой сделалось богословие. Науки же, занимающиеся изучением природы находились в полном загоне. Даже те науки, которые некоторые народы феодальной эпохи получили от своих более культурных предков (например, народы Западной Европы новой эры от древнего Рима и Греции), приобретают теперь божественный характер, облекаются в таинственные формы. Появляется „бестиалия“— учение о таинственных свойствах

различных животных—или „другая наука"—о таинственных свойствах различных металлов.

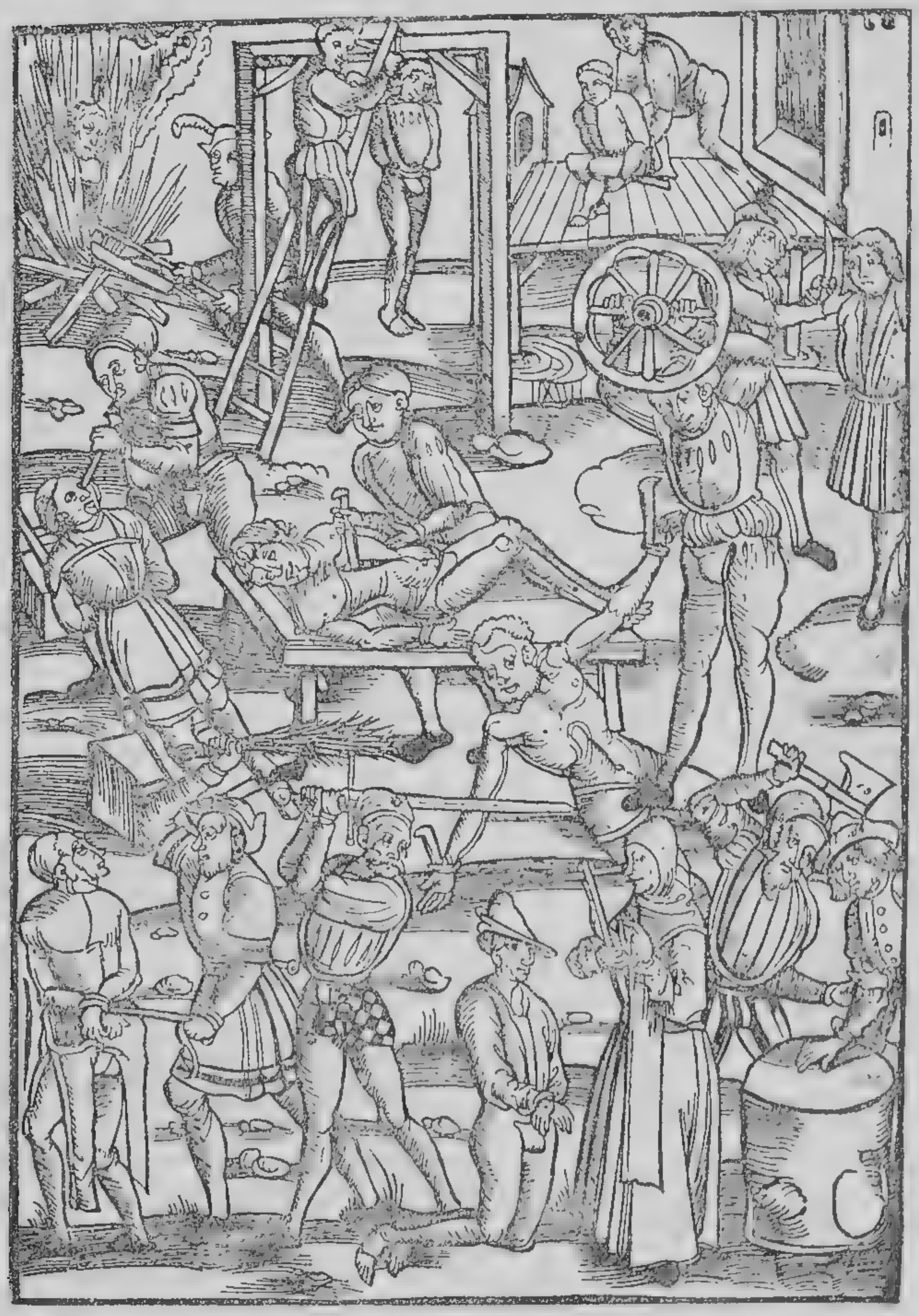


Рис. 32. Изображение наказаний, применявшихся инквизицией. (Из книги 1508 года).

Даже арифметика превращается в изучение таинственных свойств чисел.

Вот как известный ученый IX века Рабан Мавр об'яснял тайный смысл того, что Моисей, Илья и сам Христос постились по 40 дней.

«Число 40 содержит в себе 4 раза число 10. Этим указывается на все, что относится к временной жизни. Ибо по числу 4 протекают времена дня и года. Времена дня распадаются на утро, день, вечер и ночь. Времена года—на весну, лето, осень и зиму. «И хотя мы живем во временной жизни, но ради вечности, в которой мы хотим жить, мы должны воздерживаться от временных условий и поститься». Далее, в числе 10 нам можно распознать бога и творение. Троица указывает на творца, семерка—на творение, которое состоит из тела и духа. В последнем мы опять находим троичность, так как мы должны любить бога всем сердцем, всею душою и всем помышлением. В теле же ясно выступают четыре элемента, из которых оно состоит. «Итак, тем, что указано в числе 10, приглашаемся мы в этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) жить целомудренно и воздерживаться от плотских похотей: вот что значит поститься 40 дней».

Своим авторитетом церковь пользовалась, конечно, с большой для себя выгодой. Развивалось учение, что в разнообразных дарениях в пользу церкви выражается любовь к богу, что сама возможность совершать такие дарения—результат особой милости божества, т. к. при помощи дарения человек может искупить все свои грехи и легче всего достигнуть вечного блаженства в загробной жизни. На этой почве появилась даже продажа так называемых „индульгенций“, т.-е. прощения грехов. За деньги католическая церков „отпускала“ какие угодно грехи и наживала на этом, конечно, огромные капиталы (продажа индульгенций широко практиковалась в Западной Европе, начиная с XI века). Распространялась и другая теория, по которой все земли созданы богом, и ему поэтому и принадлежат; в силу этого дарение земли в пользу церкви—не больше, чем возвращение имущества настоящему владельцу.

Церковь и государство. Сосредоточив в своих руках огромные богатства, церковь для лучшего поддержания господства создала собственную сильную организацию. У католиков она вылилась в форму единой всемирной (в смысле католических стран) иерархической пирамиды, возглавляемой католическим „папой“—правителем всей католической церкви. В Западной Европе папство пользовалось колоссальным влиянием.

Чем больше падала королевская власть в католических странах, тем успешней добивались папы своего главенства

над светской властью. Но слабые места были и у церкви. Епископы не желали полностью подчиняться римской курии (так назывался папский двор) и как истые феодалы добивались своей независимости. В борьбе королевской власти с папами епископы поддерживали королей, за что получали новые льготы и привилегии. Так установился союз между королями и епископами, направленный и против папства и против светских феодалов. Наконец, было и еще одно звено, игравшее очень существенную роль в католической организации—монастыри и их об'единения, которые назывались „конгрегациями" или „орденами". Среди этих „орденов" особенной известностью пользовались бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы и позже—иезуиты. Все эти ордена обладали колоссальнейшими земельными угодьями, вели передовое, хорошо поставленное хозяйство, бойко торговали всевозможными товарами (солью, хлебом, вином, рыбой, ремесленными изделиями и т. д.). Монастыри представляли лакомый кусок, на который с одинаковой жадностью смотрели и епископы и королевская власть. И те, и другие стремились к подчинению себе монастырей. Последние же предпочитали подчиняться непосредственно римской курии. В борбе папства с королями и епископами монастыри были неизменно на стороне папства.

В конце-концов победила все же королевская власть, которая добилась полной независимости от папства, сохранила в своем подчинении епископов и прибрала к рукам монастыри.

Но такое возвышение королевской власти имело место уже в последующую эпоху, когда феодализм сменился новым общественным укладом—эпохой торгового капитала.

Ереси.

Авторитет церкви в феодальную эпоху основывался прежде всего на ее огромных богатствах, затем на ее духовном влиянии, наконец, на ее сильной централизованной организации.

Однако, не все признавали авторитет церкви и безропотно подчинялись ее влиянию. В народных массах назревал протест и против все увеличивавшейся эксплоатации помещиков и против церкви, освящающей феодальный режим. Отсюда—еретические учения. Облекаясь в чисто религиозную форму, еретические движения всегда имели более или менее легко распознаваемую социальную, экономическую подоплеку. В то же время чисто экономические

революционные движения крестьянских масс несколько более позднего времени, как мы в дальнейшем увидим, сохраняли на себе иногда очень заметный налет религиозных требований. Господствующая церковь повсюду энергично и жестоко боролась с еретическими учениями. Но и здесь особенно отличался католицизм. Католическая церковь создала особые суды—„инквизиции“, которые с невероятной жестокостью расправлялись с еретиками. Достаточно было малейшего оговора, чтобы заподозренный был схвачен инквизиторами. В большинстве случаях еретиков сжигали. Раскаявшиеся же могли „примириться“ с церковью, которая при этом конфисковывала имущество „примирившегося“. В одной Испании, где инквизиция получила особенное развитие, было сожжено более 30.000 еретиков и около 100.000 человек „примирилось“ с церковью, лишившись всего своего имущества.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 13.

Какое определение государства дает Энгельс? Чем феодальное государство отличается от современного, капиталистического? Почему государственная власть в эпоху феодализма была распылена? Что такое „иммунитет“? Каковы наиболее характерные черты феодального государственного управления? Перечислите известные вам сборники обычного права. В каких случаях издавались королевские ордонансы? Зачем созывались с'езды вассалов? Что собой представляла боярская дума? В чем заключалась роль церкви в идеологической жизни феодального общества? Как отразился феодальный строй на христианском учении? В каком состоянии находилась феодальная наука? Что называли „индульгенциями“? Как была организована католическая церковь? В силу каких причин возникли еретические учения? Какие цели преследовала „инквизиция“? Какими способами она действовала?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕЙ ГЛАВЕ.

1. В чем различие происхождения русского и западно-европейского феодализма?

2. В какой степени можно говорить о натуральном хозяйстве в феодальную эпоху?

3. Каковы наиболее характерные признаки политического строя в феодальную эпоху?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Кушнер П. И.—„Очерк развития общественных форм“, страница 213—299.

Андреев Н.—„История развития общественных форм“. Отрывки №№ 89—104 и 111—117 (стр. 155—188 и 204—220).

Розенталь Н. Н.—Западно-европейкое средневековье, ч. I. (Хорошее учебное пособие. Состоит из краткого вводного очерка и собрания документов эпохи феодализма).

Преображенский В. Д.—Под знаком креста и меча. (Популярная, небольшая книжка).

Павлов-Сильванский П. П.—Феодализм в древней Руси. (Солидная работа. Изучение ее требует значительной подготовки).

Грацианский Н.—Западная Европа в средние века. (Хрестоматия, состоящая из документов. Хорошее учебное пособие. Пользование им, однако, рекомендуется только под руководством преподавателя, так как книга лишена вводных статей и методических указаний).

Сборник „Обществоведение“ под. ред. Н. Тарасова, т. II, раздел 1. (Преобладание натурального хозяйства. Развитие и расцвет феодализма). (Популярные содержательные статьи).

V. ГОРОД В ФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ

§ 14. Происхождение городов и городской строй.

До сих пор мы говорили о феодальном строе, обращая внимание главным образом на аграрные (поземельные) отношения. Основой феодализма действительно является аграрный строй. Поместье, крепостная община—вот наиболее типичные хозяйственные ячейки в эпоху феодализма. Однако, уже в это время складывались и другие центры жизни—города.

Здесь уместно будет отметить, что с научной точки зрения принято понимать под словами г о р о д и д е р е в н я.

Городом называется поселение, жители которого занимаются или торговлей или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел. Деревня—поселение, где главное занятие жителей—сельское хозяйство.

Приведенные только-что определения показывают, что появление городов возможно только в связи с развитием обрабатывающей промышленности и торговли. И обрабатывающее производство, и торговля стали выделяться в самостоятельные отрасли занятий населения частично в дофеодальную эпоху, частично в период феодализма.

Ремесленная специализация.

Ремесленная специализация зарождалась еще в эпоху господства родовых отношений. Уже в то время распространение металлических орудий производства и возрастающее их разнообразие требовали специальных навыков для использования некоторых из этих орудий. Позже, в эпоху феодализма, когда наибольшее распространение в качестве материала для производства орудий труда получило железо, формы и количество орудий труда стали гораздо разнообразнее. Вместе с тем, увеличилось и количество ремесленных специальностей.

Долгое время обработка промышленных изделий в качестве профессии носила характер подсобных промыслов существовавших на ряду с занятием сельским хозяйством: но с течением времени все эти специалисты в силу тех или иных причин, чаще всего из-за разорения, оставляли сельское хозяйство и занимались исключительно своей профессией. На Руси их называли „непашенными“ людьми. Это были, прежде всего, кузнецы, затем всевозможные лучники, седельники, рожечники, коробейники, деготники, портные, скорняки, кожевники, сапожники, сыромятники, рукавишники и т. д. В большинстве случаев ими делались разорившиеся или, как их называли, „обмолодавшие“ крестьяне, выпужденные сельское хозяйство променять на „рукодельишко“ и попасть в число „бобылей“, то-есть тех крестьян, которые забросили пашню и занялись ремеслом.

Постепенно такие ремесленники перестают быть редким исключением. Они выделяются в особую группу населения. Кузнечное дело, производство сукна, гончарных, слесарных и ряда других изделий—переходят всецело в их руки. Обусловливается это совершенством труда специалистов: работа их выше по качеству, и изделия их, естественно, пользуются предпочтением со стороны помещика и со стороны крестьян, если последние, имея излишки продуктов своего хозяйства, могут их выменивать на произведения ремесленников.

В замкнутое натуральное хозяйство, где все производится для потребления внутри хозяйства, проникают начала товарного производства.

В феодальную пору крестьянин производит хлеб (у скотоводов—разводит скот) для выполнения повинностей феодалу и для личного потребления. За редкими исключениями, продукты его труда не обмениваются на другие продукты, а прямо идут в потребление—его личное или феодала (феодал, получая от крестьянина продукты, ничего взамен этого не дает: между крестьянином и феодалом нет обмена).

Совсем иначе обстоит дело с производством ремесленников. Их изделия меньше всего идут на удовлетворение потребностей их личных или их семьи (отсюда поговорка: „сапожник без сапог“). Часть изделий ремесленников, подобно крестьянским продуктам, в виде повинностей пред-

назначается для потребления помещика. Другая же часть вымениваается ремесленником на необходимые ему продукты. Надо заметить, что и в феодальную пору не все ремесленники были крепостными; существовали и свободные ремесленники, которые обыкновенно переходили из деревни в деревню, из поместья в поместье. Эти бродячие ремесленники, не выполняя никаких повинностей по отношению к феодалу, все свои продукты производили для обмена.



Рис. 33. Мастерская шляпочника (XVII ст.).

Продукты, создаваемые не для непосредственного потребления, а для **обмена** их на другие продукты, называются **товарами**, а производство таких продуктов называется **товарным производством**.



Рис. 34. Оружейник.

Возникновение товарного производства оказало огромное влияние на весь хозяйственный уклад жизни. Дело было не только в том, что сами ремесленники производили товар. Гораздо важнее было то, что и в сельском хозяйстве создались предпосылки для перерождения его из натурального в товарное. Пока не было ремесленников, пока отсутствовали сколько-нибудь **значительные** группы „непашенного“ населения, — производство хлеба не могло стать товарным, так как его некому было сбывать. С выделением ремесла положение меняется.

Ремесленники были не производителями, а потребителями хлеба. И помещик и крестьянин могли теперь производить хлеб для продажи. Города, где жили ремесленники, стали рынками для сбыта хлеба.

Товарное производство хлеба знаменовало разложение натурального хозяйства. Это был очень длительный процесс. О полном разложении натурального хозяйства можно говорить только в отношении к более позднему времени, но уже и в феодальную эпоху возникли первые ростки этого процесса. *Товарное производство и связанный с ним обмен оказались той силой, которая зародилась в феодальную эпоху и постепенно привела к полному разложению старого феодального строя, покоившегося на преобладающей роли натурального хозяйства.*

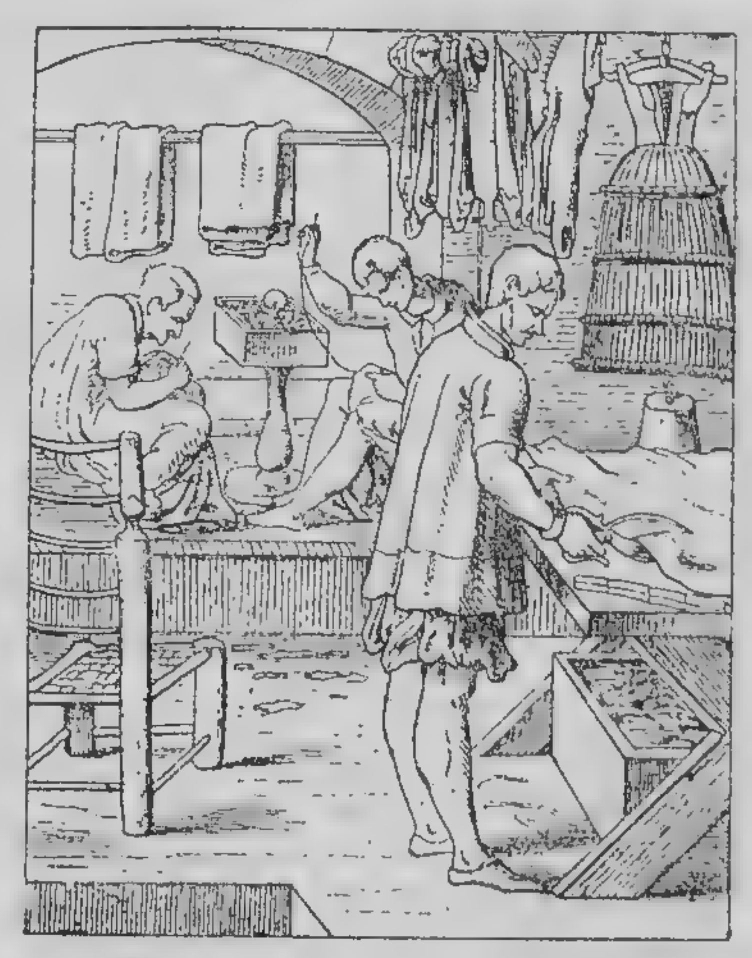


Рис. 35. Мастерская портного.

Торговля.

Обмен проникал в хозяйство не только в результате ремесленной специализации. В предидущей главе уже шла речь о первичных формах обмена, возникавшего между различными племенами. Такой обмен иногда называют „внешним" в отличие от „внутреннего" обмена, порождаемого ремесленной специализацией.

„Внешний" обмен, между прочим, тем отличается от „внутреннего", что в нем раньше всего появился торговый посредник, купец. „Внешний" обмен превратился в торговлю.

Первыми торговцами были военачальники. Иногда они сами заключали меновые сделки с соседними племенами, а иногда посылали для обмена своих дружинников.

Прежде всего и наиболее быстро стала развиваться торговля между племенами, связанными друг с другом удобными торговыми путями. Самыми удобными были

водные пути сообщения: реки, большие озера, моря. Сухопутная торговля при полном отсутствии дороги, редкости населения была очень затруднительна, но иногда водный путь соединялся с небольшими сухопутными промежутками, как, например, в уже известном нам „великом водном пути из варяг в греки“, т.-е. от Скандинавского полуострова до Константинополя (Византии). Часть этого пути проходила по суше и норманские (варяжские) торговцы перетаскивали лодки „волоком“.

Долгое время торговля была по преимуществу меновой, но постепенно все больше значения стали приобретать деньги, как средство обмена. Употребление их было известно на очень ранних стадиях общественного развития, но первые деньги мало походили на современные металлические или бумажные деньги. Первоначально роль денег с успехом выполнял всякий ходкий товар, на который легко можно было выменять любую нужную вещь. Туземцы южной Африки в качестве денег и до сего времени пользуются раковинами. У многих народов в роли денег употреблялся крупный или мелкий скот. Слово „капитал“ произошло от „caput“, что на языке древнего Рима обозначало голову крупного скота, а латинское „pecunia“ (деньги)—от „pecus“—мелкий скот. Поэтому и на металлических древнейших монетах нередко были выбиты изображения быка или овцы. Кроме раковин и скота, можно отметить еще употребление в виде денег меховых шкур (например, в древней Руси и в других лесных странах), кож, хлеба, соли и ряда других предметов. У племен центральной Африки в качестве денег фигурируют стеклянные бусы, ручные и ножные браслеты, яркие материи и особенно соль, которая ценится там очень дорого.

С распространением металлических орудий роль денег начинают играть слитки металлов, которые постепенно вытесняют все другие виды денег. Металлы имеют существенные преимущества: они не портятся, их легко можно дробить на мелкие части и в любой момент превратить в нужные предметы хозяйственного обихода, в украшения или в оружие и инструменты. При значительном распространении денежного обращения постоянное дробление и взвешивание слитков становилось затруднительным, в силу чего перешли к чеканке монеты. Слитки металла

делились на небольшие части определенного веса и величины, на которых выбивался известный чекан, удостоверяющий их вес. Это уже настоящие монеты. Сначала чеканка монеты производилась частными лицами, позже города и государственная власть берут ее всецело в свои руки, ручаясь за правильность отмеченного на монете веса. Многие названия чеканных монет напоминают о своем происхождении из слитков металла. Так слово „рубль" первоначально означало обрубок серебра известного веса. „Ливр" (французское слово) означало сначала весовую единицу, равную одному фунту (это значение слова и теперь сохранилось), а затем монету. Английский „фунт стерлингов" соответствовал фунту серебра, и т. д. В Китае до сего времени помимо иностранных валют вместо денег употребляются слитки золота и серебра. Их делят на куски определенного веса, в зависимости от потребностей торговли. Единственной чеканной монетой в Китае является мелкая медная монета, служащая исключительно для мелочной торговли. Это так называемый „сапек": небольшая медная монета в роде наших, но с квадратным отверстием по середине, через которое монету можно нанизывать на шнурок.

В роли денег выступали многие металлы: медь, железо, золото и, особенно, серебро.

Происхождение городов.

Развитие как внешней, так и внутренней торговли было связано с возникновением и ростом городов.

Как же возникли города?

Как показывает само слово, город был в первую очередь укрепленным местом. „Городить"—значит обносить тыном, огораживать; отсюда—„город", что прежде всего означает ограду около жилья, укрепленное стенами место. В былые времена говорили: „срубить город", т.-е. построить город, обнеся его рублеными бревенчатыми стенами.

Прежде всего укреплялись военные стоянки, расположенные главным образом на границах территории, занятой осевшим племенем. Затем, защищаясь от набегов, огораживал свою усадьбу феодал; то же старались делать отдельные селения.

Укрепления, смотря по местности, делались в виде земляного вала и рва, иногда наполняемого водой; при

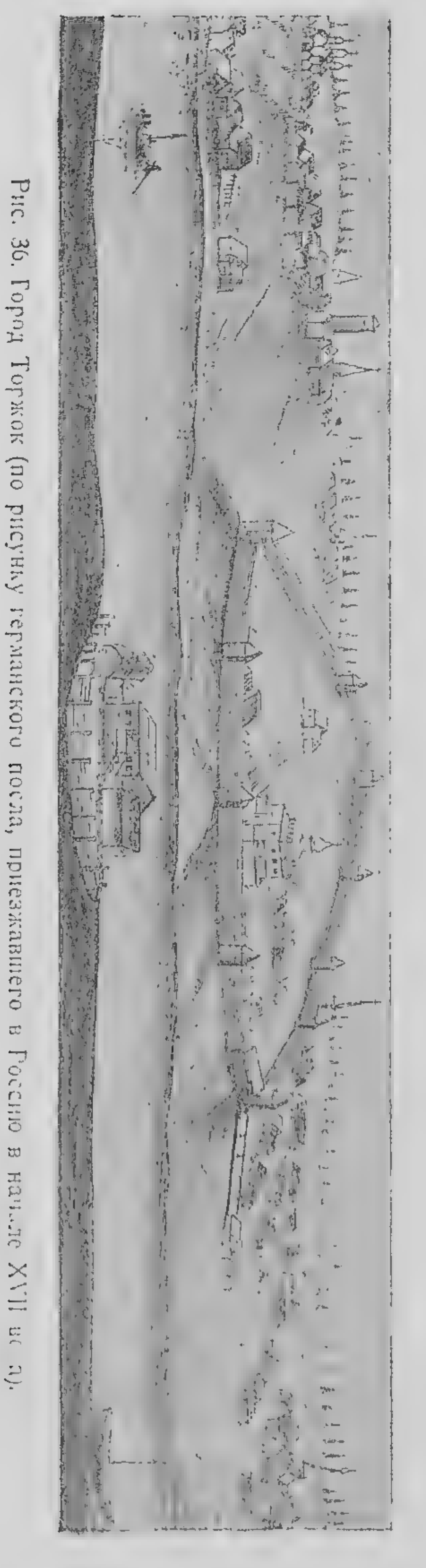


Рис. 36. Город Торжок (по рисунку германского посла, приезжавшего в Россию в начале XVII века).

помощи деревянной ограды; реже из каменных стен. В этих укрепленных местах, особенно у военных стоянок, куда свозилась дань, чаще всего появлялись купцы с иностранными товарами, столь же часто сюда заходили бродячие ремесленники в поисках работы.

Огороженное, защищенное место было лишь первоначальным зародышем, из которого впоследствии стал развиваться город. Ход этого развития всецело зависел от того, какое именно место укреплялось. Если это было место, расположенное вдали от торговых путей,—город, в настоящем смысле этого слова, как центр торговли и промышленного производства, не создавался. Если укрепленные пункты возникали на удобных путях сообщения или, особенно, на пересечении таких путей, то в них быстро начинала развиваться торговля. Она производилась, в первую очередь, на периодических ярмарках. Из года в год приезжали на ярмарку купцы, устраивали здесь склады товаров и нередко избирали данный пункт местом постоянного жительства. Тут же селились и ремесленники разных специальностей, так как сбыт их изделий был обеспечен здесь лучше, чем где бы то ни было. Из

небольшого укрепленного пункта постепенно разрастался настоящий город. Прибывающее население селилось уже за стенами первоначального основного укрепления, и нередко бывало, что вокруг разросшегося города строилось новое кольцо стен.

Именно так разрасталась Москва.

Своим быстрым ростом это первоначально маленькое укрепленное владение незначительного феодального князька было обязано главным образом выгодному положению на пересечении важных торговых путей. Положение на Москве-реке на слиянии с речкой Неглинкой *) вблизи реки Клязьмы, к которой можно пробраться по впадающим в нее рекам и дополняющим их „волокам", и сделало Москву важным перекрестком путей. У города Москвы переваливали по р. Яузе на р. Клязьму (открывавшую путь на Оку и Волгу) все, кто направлялся к Ростову и Болгарам на Волге с юга (из Рязанской и Северской земель) и с запада (из Смоленской земли). Благодаря этому Москва и стала, как картинно говорит один историк, „добрым мостом—распутием для сообщения во все стороны и во все края старинных народных сношений". Это рано сделало Москву крупным торговым центром, население которого быстро увеличивалось.

Еще теперь можно проследить характер и направление роста Москвы. В центре ее находится основное укрепление—Кремль. Место для постройки укрепления было выбрано с точки зрения обороны наиболее удобное: гористый берег реки, покрытый густым лесом. „Боровицкие" ворота, церковь „Спаса на Бору" и теперь еще напоминают о бывших когда-то здесь лесах. Кремль в XII—XIII веке был гораздо меньше современного. Сначала он был окружен деревянным частоколом. Потом были выстроены прочные дубовые стены. В конце XIV в. их сменили каменными. Отсюда и идет название „кремль", или „кремник", т.-е сделанный из кремня или камня. В конце XVI в. итальянские архитектора построили кирпичные стены, существующие и поныне. К востоку от Кремля уже в XV веке пригородили место, к тому времени густо населенное. Первоначально оно было окружено стеной из плотно убитой земли между высокими плетнями из свитых в веревки ветвей, откуда, вероятно, происходит до сих пор сохранившееся название этой части города: „Китай-город" **). Китай-город—торговая часть Москвы. Здесь были склады товаров, за ее стенами на Васильевском лугу (где теперь

*) В настоящее время речка Неглинка заключена в каменную трубу.

**) Кита—это стебель повойного, долгоствольного растения, а также веревка, свитая из этого растения.

расположен Дворец Труда), происходил постоянный торг, здесь, наконец, селились приезжие и местные купцы. К этому времени значение московских князей сильно возросло, и Москва сделалась не только торговым, но и важным административным центром. Сюда стекалось теперь множество бояр и служилых людей. Население города быстро переросло его границы. Вокруг Москвы образовалось множество посадов, населенных купцами, боярами, служилыми людьми, а также многочисленными ремесленниками. В конце XVI века большинство этих посадов было присоединено к городу. Сначала были пригорожены каменной стеной посады, расположенные в пределах современного бульварного кольца. Это был так называемый Белый город. От этих стен сохранились лишь названия их многочисленных ворот: Мясницкие, Арбатские, Никитские и т. д. Вскоре к Москве приобщилось и еще одно кольцо, окруженное земляным валом, общим протяжением в 14½ верст. Линия его соответствует современному Садовому кольцу. Этот вал охватил остальные посады и слободки, населенные по преимуществу более бедным людом. Новая часть города называлась Земляным городом. Дальнейший рост Москвы не остановился и в этих границах. Она продолжала расширяться во все стороны за пределы земляного вала.

Быстрый рост Москвы вызывался ее исключительно-благоприятным торговым положением. Таких городов, как Москва, было мало не только в России, но даже и в З. Европе, где городская жизнь развилась раньше и вообще имела большое значение. Поэтому такие крупные города вначале не могли иметь решающего влияния на народное хозяйство всей страны. Большее значение выпадало на долю городов другого типа, на так называемые „районные“ города. Они были средоточием „непашенного“ населения—ремесленников—и играли поэтому роль внутренних х л е б н ы х р ы н к о в.

Зато большие города, ведущие крупную внешнюю торговлю, оказывались центрами денежного обращения. Отсюда деньги просачивались и в мелкие районные города и в усадьбы феодала. Но в ту эпоху, о которой сейчас идет речь, процесс этот только начинался.

Феодальный город. Город районного типа с небольшим прилегающим к нему округом мало еще отличался от старого феодального поместья: как там, так и здесь был более или менее замкнутый хозяйственный мирок. Но при феодальном поместном хозяйстве вся добывающая и обрабатывающая промышленность сосредоточена в одном месте, с появлением же городов в них концентрируется обрабатывающая промышленность, а добыча сырья и средств пропитания попрежнему остается главным образом в деревне.

На этой почве возникает между городом и деревней не случайный, а непрерывный обмен, который раздвигал пределы хозяйственного мирка.

Развиваясь в торгово-промышленные центры мелких областей, города были так же многочисленны, как и эти области. Район обмена, тяготеющий к таким городам, бывал обыкновенно очень невелик. В Германии к концу XVI века было уже до 2.500 городов. В Восточной Пруссии, где количество их было относительно наименьшее, город приходился, в среднем, на 552 кв. километра,—т.-е. среднее расстояние между городами немногим превышало 20 кл. Наиболее часто расположены были города в юго-западной Германии. В великом герцогстве Гессенском среднее расстояние между городами равнялось приблизительно 10 километрам. В стране франков один арабский путешественник насчитывая в VIII веке около 150 городов, а главным из них он называет Париж. То же приходится сказать и об Англии XIII века, где города находились друг от друга, в среднем, на расстоянии около 10 километров. В России число городов было гораздо меньшее, чем в Западной Европе, и расстояния между ними были на много больше. В Псковской и Новгородской области в конце XVI в. насчитывалось всего до 42 мелких городов и „рядков“, но и население здесь было гораздо реже, чем в Зап. Европе.

Внешность городов была очень непривлекательной. Множество пустырей и разрушенных домов, редкие постройки. Грязные, кривые улицы. Отсутствие мостовых. Убогие, по преимуществу деревянные строения, крытые чаще всего соломой. Только многочисленные сады и лужайки несколько скрашивали общую унылую картину...

Несмотря на то, что в города стекалось множество окрестных сельских жителей, так как жизнь в городе была свободнее и обеспеченнее, населенность городов почти не увеличилась. Об'ясняется это очень низким санитарным уровнем городов. Нечистоты выбрасывались из домов прямо на улицу или спускались в реку. Грязь была непролазная. Антисанитарное состояние городов порождало убийственные эпидемии. Иногда в течение нескольких летних месяцев умирала десятая или даже четвертая часть всего городского населения, а при особо больших эпидемиях порою полностью вымирали целые города.

Эпидемия, частые войны, неумелые врачи и членовредительные наказания,—все это создавало огромное количество неизлечимо больных и калек. Очень много было прокаженных, затем шли слепые, безрукие, безногие, психические больные.

Можно приблизительно предположить, что в среднем каждый десятый обитатель города жил подаянием.

В подавляющем большинстве городов население не превышало нескольких сотен; в очень немногих случаях оно считалось тысячами. За десяток тысяч перевалили только совершенно исключительные города, главным образом те, которые развились в центры не только внутриобластной и межобластной, но и международной торговли.

Среди германских городов XIV—XV века лишь 4 города имели до 20.000 жителей. Это: Нюренберг, Страсбург, Любек и Ульм. Около 10 000 жителей было в Цюрихе, Реймсе, Базеле и в 2—3 других городах. Даже такие города, как Лейпциг или Дрезден, с населением в 3—4 тыс. человек, считались крупными центрами. Население же большинства городов не превышало 1—2 тысяч человек. То же приходится сказать и об английских городах. В XIV веке большинство из них имело менее 5 тыс. жителей. Лишь некоторые имели 5—10 тысяч жителей и только в Лондоне численность населения достигала 35 тысяч. Что касается России, то ее города в XV—XVI вв., особенно на севере, нередко были и того меньше, и население их иногда не превышало нескольких сот человек. В старинном городе Ладоге было, например, всего 400 жителей. Несколько больше были города Московской Руси. В Кашире, например, в то время было 400 дворов торгово-промышленного населения, в Серпухове 600 дворов, в Торопце Смоленской губ.—их было 400 и т. д. В среднем от 1 до 3 тысяч жителей.

Население города по своему социальному составу было разношерстным. Основное ядро состояло из ремесленников разных специальностей. Что же касается торговли, то в мелких районных городах она не имела большого значения. Количество оптовых торговцев в городе редко превышало 15—20 человек. Но и розничных торговцев бывало не очень много. Это вполне понятно, так как ремесленники или работали на заказ, или сами сбывали свои изделия на базаре, точно так же, как и крестьяне, привозившие в город сельскохозяйственные продукты. Кроме занятий торговлей и ремеслом большое значение имели сельскохозяйственные промыслы. Мало-мальски обеспеченное население имело сады, огороды, виноградники или в черте самого города или на

ближайших полях. Нередко занимались и хлебопашеством, не говоря уже о разведении скота.

Особенно это относится к так называемым „мещанам“.

В большинстве случаев мещане были местные старожилы, мелкие землевладельцы или крестьяне. Их участки земли находились в пределах городской черты. С увеличением земельной тесноты они прекращали занятие хлебопашеством, разводили огороды, строили небольшие домики и сдавали их в наймы пришлому люду. Реже такие старожилы превращались в ремесленников.

Кроме этих основных групп населения в городах жили феодалы, многочисленное духовенство, крепостные, вольнонаемные рабочие, военные, множество нищих, проституток, калек и т. д.

Городское управление.

Первоначально городское управление находилось в руках феодалов, иногда светских, иногда духовных. В таких случаях городом правили особые чиновники феодалов. Они судили, взимали налоги и следили за выполнением горожанами феодальных повинностей. Феодалы были чрезвычайно заинтересованы в сохранении городов в своих руках, так как сборы с городской торговли давали огромные доходы. Поэтому феодалы стремились привлечь в свои города как можно больше населения и в особенности купцов. Городам давались всевозможные льготы. Сплошь да рядом феодалы об'являли, что жизнь в городе в продолжение определенного промежутка времени влечет за собою освобождение от рабского или крепостного состояния и делает человека свободным. Сложилась даже поговорка „воздух города делает человека свободным“.

В грамоте, дарованной императором Фридрихом II городу Гослару 3 июля 1219 г. говорилось: „Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет называть его рабом или низводить в рабское состояние“.

И дальше:

„Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, при чем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом не признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет об'являть его своим рабом“.

Давались городам и другие льготы.

В грамоте того же Фридриха II, дарованной городу Любеку, говорилось: „Фридрих Второй, Божиею споспешествующею милостию император Римский, король Иерусалимский и Сицилийский... жалуем...

1. Пусть вышеназванный город Любек будет всегда свободным, а именно особенным городом и имперским местом, зависящим непосредственно от императорской власти, никогда и ни в какие времена не отторжимым от сей власти.

5. Сверх того, мы жалуем им чеканить в самом их городе монету с обозначением нашего имени, каковое право продержится в течение жизни нашей, равно и возлюбленного сына нашего Генриха, славного короля Римского; и за это они будут ежегодно предоставлять курии нашей шестьдесят марок серебра. А с вступлением нового преемника нашего, право чекана монеты при условии того же взноса будет возобновляться на весь срок его жизни. И так, как выше сказано, мы постановили соблюдать относительно монеты преемственно всем нашим потомкам.

6. Сверх того, мы постановляем и жалуем, чтобы ни мы, ни кто-либо из императоров, преемников наших, не требовал от них заложников: соблюдение же верности империи пусть покоится единственно на их присяге, чему и верить.

7. Сверх того, все верные купцы, прибывающие в самый город сушею или морем ради торговых дел своих, пусть всегда прибывают сохранно и уходят безопасно, только бы платили налог, какой полагается“.

Подобные льготы были результатом не только добровольного „пожалования“ феодалов, но и стремления горожан добиться наибольшей независимости от феодалов. Между феодалами и горожанами на этой почве сплошь да рядом возникала борьба.

Сохранилось очень много свидетельств о борьбе городов за свою независимость. Часто, уже добившись учреждения „коммуны“, города вновь утрачивали завоеванные права. Вот, например, приговор королевского суда по делу о восстании жителей французского города Лаона *). Этот приговор прекрасно показывает, в каких острых формах протекала подобная борьба. Из приговора мы узнаем, что граждане лаонские, ударивши в набатный колокол, предварительно заперев городские ворота и оповестив всех своих, „собрались в большом количестве и бросились в церковь святотатственно, без всякого уважения к привилегиям церковным“. Восставшие силой вытащили из упомянутой церкви клерка и „благородных рыцарей, укрывшихся в священном убежище“ для того, чтобы „спасти свою жизнь и избежать преследования врагов, которые до того жестоко избили их, что один из рыцарей скончался от этих побоев“. По словам приговора, лаонцы самовольно нарушили свободное право вышеуказанной церкви в присутствии многих должностных лиц коммуны, эшевенов, присяжных и других властей, которые, вместо того, чтобы воспрепятствовать совершению этого преступления, как они могли и

---

*) На севере Франции.

должны были сделать.—помогали своими советами и поддержкой виновникам злодеяния. Перечислив все эти злодеяния лаонских жителей, приговор гласил: „принимая во внимание следствие по этому делу с допросом всех свидетелей, которые только должны были быть опрошенными,—мы об'являем вышеупомянутых граждан, мэра, присяжных, эшевенов и все другие городские власти лаонские виновными в вышеперечисленных деяниях и лишаем их настоящим постановлением нашим всех прав на коммуну и на общее собрание под каким бы то ни было именем, отнимаем у них совсем и навсегда их колокол, печать, общественную кассу, хартии, привилегии, все уставы судебные, судопроизводство, суд, институт эшевенов, присяжных и все другие коммунальные права".

Этот любопытный приговор позволяет судить о тех льготах, которыми пользовались города—коммуны. Он кроме того показывает, что наличие льгот не всегда, однако, гарантировало горожан от посягательств церкви и феодалов. Только злоупотреблениями со стороны этих последних можно об'яснить восстание лаонцев, осуществленное под руководством выбранных должностных лиц городского самоуправления.

Иногда города добивались полного освобождения и превращались подобно Лаону в независимые самоуправляющиеся „коммуны". Иногда им удавалось лишь отчасти освободиться от власти феодалов и отвоевать себе собственную администрацию и некоторую независимость во внутренней жизни. Очень часто от феодалов удавалось в той или иной степени о т к у п и т ь с я. Но во всяком случае руководящая роль в городской жизни переходила к наиболее зажиточным и влиятельным группам населения, к торговцам, а иногда и к ремесленникам.

Купеческие гильдии.

Торговцы и ремесленники создали своеобразные, очень сплоченные организации. Раньше всего организуется купечество. В Западной Европе первые г и л ь д и и (так обычно назывались купеческие организации) возникли в Англии в X в. Затем они появились в Норвегии, Италии, Франции и других странах, позже в Германии. К XIV в. они были уже повсеместно. В России тоже были купеческие организации, соответствующие западно-европейским гильдиям. Но здесь городской строй получил гораздо меньшее развитие, чем в Западной Европе, и гильдии не играли столь большой роли, как на Западе.

Почвой для создания гильдии были совместные торговые поездки купцов. Купцы отправлялись на ярмарку целыми караванами, а в морские путешествия не отдельными кораблями, а флотилиями, так как путешествия были сопряжены с постоянным риском нападения и ограбления. На дорогах грабили и многочисленные разбойничьи шайки, и

отдельные феодалы и их дружинники. На морях хозяйничали пираты. Сначала купцы соединялись специально для каждого путешествия, но постепенно возникали и постоянные союзы. Итальянские купцы учредили обширную корпорацию (товарищество) под названием „союз итальянских купцов, посещающих ярмарки Шампани и Франции“. Подобные компании нанимали вооруженную стражу для сопровождения каравана. Они договаривались с феодалами, через земли которых предстояло проезжать каравану, о размерах пошлины, добивались обещания, что тюки купцов не будут вскрыты и т. д. Первое время гильдии об‘единяли торговцев, ведущих международную сухопутную или морскую оптовую торговлю. Доступ в них в это время был свободен. Всякий мог присоединиться к группе купцов, отправляющихся в ту или иную страну на ярмарку. Чем караван был многолюднее, чем больше кораблей отправлялось в путь,—тем безопаснее было предприятие. Но те же купцы, вернувшись обратно, продавали свои товары не только оптом, другим торговцам, но и в розницу, непосредственно потребителям. Для этой розничной торговли не требовалось ни риска, ни большого капитала, и поэтому здесь раньше всего появилась конкуренция.

Организации торговцев начинают теперь преследовать совершенно новые задачи—борьбу с конкуренцией. Доступ в гильдии делается крайне затруднительным. В них принимают лиц лишь определенной национальности, обладающих известным имуществом. Создаются и другие ограничения Но гильдии борются не только с конкуренцией купцов, не входящих в организации. Они ведут борьбу и против конкуренции между своими членами. Для этого устанавливаются твердые продажные и покупные цены, определенные дни и часы торговли и т. д. Вместе с тем гильдии берут на себя дело взаимопомощи. Если купца постигло какое-либо несчастие (ограбление, пожар, кораблекрушение и т. д.), организация приходила к нему на помощь. Не малую роль гильдии играли и в политической жизни. Они руководили борьбой городов с феодалами. Полной независимости города добивались не скоро и далеко не во всех случаях, но купечество стремилось ограничить размеры налогов в пользу феодалов и, во всяком случае, установить для них твердые размеры.

Для этого гильдии *) берут на себя прежде всего сбор всех налогов в пользу феодала со своих членов и отвечают перед феодалом за своевременность поступления платежей. Это было выгодно обеим сторонам, и феодал охотно поддерживал влияние гильдейских организаций. В то же время это сильно сплачивало членов гильдии, несущей круговую поруку. Гильдии начинают теперь интересоваться и личной жизнью своих членов, требуя от них „приличного" и „нравственного" образа жизни. В то же время они играют роль своеобразных клубов, в которых организуют регулярные пирушки и попойки. Не даром гильдия иногда назывались „convivia", что значит „пиршества". На ряду с этим гильдии играли и не малую религиозную роль, имея своих святых, свои храмы, свои праздники. Наконец, надо отметить, что гильдии принимали самое деятельное участие в организации городского самоуправления, когда города в той или иной степени добивались независимости от феодалов.

Во главе гильдии стоял совет, избиравшийся на общих собраниях членов гильдии. Кроме того, каждая гильдия имела еще несколько выборных должностных лиц: старшину, казначея и др.

В России купеческие организации не получили такого развития, как в Западной Европе, хотя и здесь купцы соединялись в „артели". Купеческие артели имели свое управление, возглавляемое „старостами" и „тысяцкими" и свои артельные капиталы. В Новгороде мы встречаем, например, Ивановскую купеческую общину. В ее заведывании находился торговый суд, меры и весы. Кроме того, в Новгороде были еще и другие купеческие общины: Побережская, Обонепская, Даньславская, Чудинцовская и другие. Эти общины, между прочим, снаряжали караваны купеческих судов и, для защиты от нападений, организовывали охрану из стрельцов. В Москве купцы были организованы в „сотни" (гостиная, суконная), которые имели своих голов и старшин и пользовались определенными правами в области торговли. Слово же „гильдия" было введено в России много позже, в XVIII веке, при Петре первом. Но под гильдиями с тех

---

*) Слово „гильдия" происходит от gelten, gyldan, geldan - платить—и указывает на самый характер организации, возникшей для упорядочения платежей, вносившихся купцами феодалам.

пор'в России понимались не свободные купеческие организации, а определенные категории купцов, как плательщиков налогов: различали купцов первой, второй, третьей гильдии. Первые платили самые высокие налоги.

Ремесленные цехи.

Организации ремесленников (они обыкновенно называются цехами) появились несколько позже, чем купеческие гильдии. В Италии цехи стали возникать в X—XI вв., во Франции в XI—XII вв., в Англии в XII—XIII вв., в Германии в XIII столетии.

В Западной Европе организации ремесленников повсеместно были и многочисленными и очень влиятельными. Чем больше специализировалось ремесло, расчленяясь на множество мелких самостоятельных профессий, тем многочисленнее были цехи. О распространенности цеховой формы организации можно судить по тому, что в особые цехи об'единялись даже такие специальности, которые никак не могут быть названы ремесленными в обычном смысле этого слова. Зачастую можно было встретиться с цехами нищих, проституток, менял, нотариусов, врачей и т. д.

Главной задачей цехов было устранение конкуренции между отдельными ремесленниками и установление исключительного господства данного цеха на рынке. Для этого они вырабатывали многочисленные правила, обыкновенно записанные в особые сборники—в „цеховые уставы“,—главной целью которых было создать такие условия, чтобы каждый мастер должен был производить не больше и не лучше, чем все другие члены цеха. Цехи стремились поставить всех мастеров в одинаковые условия и строго регулировали все мелочи производства, начиная от закупки сырья и кончая сбытом готовых изделий. Сырье можно было покупать только на рынке, но отнюдь не по дороге к рынку. Каждый мастер должен был лично покупать необходимые ему продукты и только для себя, но никак не для перепродажи. Продажа товаров должна была производиться в определенные часы и дни в мастерской или только на рынке. Мастер не имел права расхваливать свой товар и зазывать к себе покупателя. Запрещалось также переманивать покупателя из лавки другого мастера. Особое внимание обращалось на самый процесс производства. Ремесленник мог содержать только одну мастерскую. Ограничено было число орудий в одной мастерской. При найме учеников и подмастерьев

мастера опять-таки были поставлены в одинаковые условия.

Они не имели права повышать установленную цехами заработную плату и, таким образом, переманивать к себе более искусных подмастерьев. Количество учеников и подмастерьев было строго ограничено. Техника производства была точно определена. Товары предписывалось выделывать только из установленного материала, определенным способом и одинакового размера.

Нарушение всех этих постановлений почти всегда влекло за собой конфискацию изделий и денежный штраф. У парижских ткачей, например, было правило, что „ни один ткач, какое бы сукно он ни ткал, не должен оставлять по обеим сторонам основы более 20 пустых зубьев. Если же он оставит более 20 пустых зубьев, то за каждый зуб платит штраф“.



Рис. 37. Ремесленники XII—XIV вв.

В качестве иллюстрации вмешательства цехов в организацию производства и сбыта ремесленных изделий приводим выдержки из правил производства сукон, выработанных в гор. Шалоне в 1244 году:

„Соглашением граждан-суконщиков Шалона записано, сделано, постановлено и указано следующее: Нельзя делать сукна зеленого, коричневого, синего и красного; в шерсти этих цветов не полагается.

Нельзя вырабатывать никакого сукна вне своего дома.

Никто не может и не должен продавать местную шерсть за шерсть английскую...

Нельзя держать работника или работницу, которые на службе у другого.—Нельзя продавать никакого сукна по окончании ярмарки.—Нельзя ни продавать сукно, ни выставлять его на показ иначе, как внутри рыночного здания. — Отнюдь нельзя приносить огня в амбар в ночь, когда ярмарка, разве это сделает сам хозяин, и нельзя закрывать ставни никому, кроме самих хозяев. — Нельзя везти на ярмарку никаких сукон, если они не упакованы по установленной форме. — Нельзя продавать никакого деревенского сукна под именем шалонского. — Сукна, которые мы продаем в Шалоне, мы никуда не вывозим на ярмарки“...

Если так много внимания уделялось борьбе с конкуренцией между членами цеха, то еще больше цеховые организации заботились о прекращении конкуренции извне. Пользуясь поддержкой феодалов и городских самоуправлений, цехи совершенно запрещали всем, кто не входил в их состав, заниматься соответствующим промыслом. В то же время ограничивалось количество членов каждого цеха и ставился ряд преград для занятия освобождающихся вакансий мастеров.

Впрочем, эти последние запретительные мероприятия цехов стали практиковаться много позже, когда цеховые организации вполне окрепли и приобрели большое значение в жизни города. Первое же время цехи довольно охотно принимали в свой состав всех желающих. Главной их целью в это время являлась взаимопомощь, а также стремление добиться свободы и независимости от феодалов. Они осуществляли эту задачу так же, как и купеческие гильдии, иногда путем открытой борьбы, иногда при помощи откупа. Цехи брали на себя уплату налогов в пользу феодалов. Подобно гильдиям, они ручались за своевременную уплату этих налогов и, благодаря этому, получали известную поддержку со стороны феодалов, Пока шла борьба, цехи охотно увеличивали свою численность. Но когда положение их упрочилось, многолюдность цеха становилась невыгодной, так как вызывала конкуренцию. Только теперь цехи начинают принимать меры против конкуренции.

Членами цеховых организаций были лишь самостоятельные мастера. Но мастера редко работали в одиночку. Обыкновенно они держали подмастерьев и учеников. Количество и тех и других ограничивалось цеховыми уставами и бывало незначительным. Редко когда мастер имел больше 2—3 подмастерьев и 3—4 учеников. Подмастерья получали небольшую плату, ученики же работали в большинстве случаев бесплатно. И мастера, и подмастерья, и ученики жили в одинаковых бытовых условиях: имели общий стол, жили в одной квартире; мастер работал вместе с подмастерьями и учениками, вместе же с ними и прекращал работу в многочисленные праздничные дни. Устраивали общие пирушки. Ученики и подмастерья как бы входили в состав семьи мастера. Все это, несмотря на довольно большую

продолжительность рабочего дня (работали обыкновенно от зари до зари), делало положение учеников и подмастерьев довольно сносным. Имело значение и то, что после определенного количества лет, ученик делался обыкновенным подмастерьем, а затем, пробыв известное количество лет в подмастерьях, он всегда мог рассчитывать стать самостоятельным мастером.

Лишь много позже между мастерами и подмастерьями легла глубокая пропасть.

В России цехи получили еще меньшее развитие, чем купеческие союзы, но и здесь имелись некоторые организации ремесленников. Так, например, в XIV веке в Пскове существовали об'единения ремесленников, стригущих сукна („стригольники"). В то же время в Москве были организации „иконописцев" и „серебреников".

Московские серебреники имели своих выборных старост, которые должны были наблюдать за качеством и отделкой товаров. Мастера обязывались „делать в серебряном ряду образцовые пуговицы серебряные в чистом серебре, и в серебро меди и свинцу не мешать, и приносить свово дела серебряного ряду старостам па оказ". Еще ближе к западно-европейским цехам была организация московских иконописцев. Их работа была строго регламентирована, существовали подробные правила ученичества:

„А которые по се время писали иконы, не учась, самовольством и самоловкою, и не по образу, и те иконы променяли дешево простым людям, поселянам невеждам, ино тем запрещение положите, чтобы учились у добрых мастеров.... И аще которые не престанут от таквого дела, таковые царскою грозою накажутся, и да судятся, и аще они учнут глаголати: мы тем живем и питаемся—и таковому их речению не внимати".

Отличительные признаки ремесленного производства.

Ремесло—это первая форма обособленного промышленного производства. При ремесле работа производится исключительно вручную (отсюда слово „ремесло" иначе „рукомесло"). Технические условия работы отличаются большой застойностью. Орудия труда совершенствуются чрезвычайно медленно. Десятки и сотни лет сохраняются почти без перемен одни и те же, обыкновенно очень несложные, инструменты и одни и те же приемы работы. Зато увеличивается и достигает все большего и большего совершенства ловкость и искусность отдельных мастеров. Вместе с тем растет и

количество ремесленных специальностей, так как каждый мастер, еще будучи учеником и подмастерьем, в совершенстве изучает какую-нибудь узкую отрасль производства. Между отдельными ремесленными специальностями устанавливается некоторое (пока еще незначительное) разделение труда: например, сукно выделывается ремесленниками нескольких специальностей, начиная от прядильщиков и кончая отделывателями сукон. Внутри отдельной мастерской разделение труда тоже не находит себе сколько-нибудь широкого применения. Таковы технические условия ремесла.

Экономическое положение ремесленника характеризуется тем, что он собственник применяемых им орудий производства. Иногда он владеет и материалами, хотя сплошь да рядом материал принадлежит заказчику. Очень важно, что ремесленники самостоятельно, без всяких посредников, сбывают свои изделия непосредственно потребителям, работая на заказ или продавая эти изделия из мастерской и на базаре.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 14.

Кого на Руси называли „непашенными" людьми? Какое производство называется товарным? Перечислите известные вам предметы, выполнявшие роль денег. Каково происхождение слова „город"? Чем город отличается от деревни? Как возникали города? Что способствовало быстрому росту Москвы? Проследите на географической карте торговые пути, на которых стоит Москва. Каковы были обычные размеры города в феодальную эпоху? Из кого состояло население городов? Кто такие были „мещане"? Какие льготы предоставляли городам феодалы? Зачем они давали эти льготы? Откуда происходит слово „гильдия"? Кого об'единяли гильдии? При каких обстоятельствах возникли цехи? Каковы были взаимоотношения между мастерами и подмастерьями? О чем говорили цеховые уставы? Какую цель преследовали цеховые уставы? Опишите отличительные особенности ремесленного производства. Как ремесленники сбывают свои продукты?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Каковы были взаимоотношения между феодалами и городами?
2. Какие задачи ставили перед собой гильдии и цехи?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Кушнер П.—„Очерк развития общественных форм". Стр. 314—343.
Андреев Н.—„История развития общественных форм". Отрывки №№ 105—110 (стр. 192—204).

Лозовик.—„Как произошли города“.(Небольшая популярная брошюра, дает интересный материал из истории городов разных эпох. Непосредственно к городам феодальной эпохи относится лишь частично).

Сборник „Обществоведение“ под ред. Тарасова, т. II, статьи Грацианского: „Городское хозяйство и городская промышленность“, „Торговля в рамках городского хозяйства“ и „Сельскохозяйственная атмосфера в городах и их население“. (Содержательные популярные статьи).

Кабо и Рубин.—„Народное хозяйство в очерках и картинах“, т. I, гл. I „Ремесло“. (Статьи, содержащиеся в этой главе, посвящены главным образом современному ремеслу, как пережитку старых форм производства. Здесь же дается общая характеристика ремесленной системы производства).

Рузер Л.—„От рабовладельческой общины до пролетарской революции“. Гл. XI, XII, XIV и XV. (Рассказы из жизни средневекового французского города, составленные на основании документов. Рассказы обработаны в полубеллетристической форме).

Петрушевский Д. М.—„Очерки из экономической истории средневековой Европы“. Гл. VI. „Средневековой город и его городское хозяйство“. (В главе разбираются спорные вопросы истории западноевропейских городов в эпоху феодализма. Чтение этой работы Петрушевского требует значительной подготовки).

VI. Торговля и промышленность эпохи торгового капитала

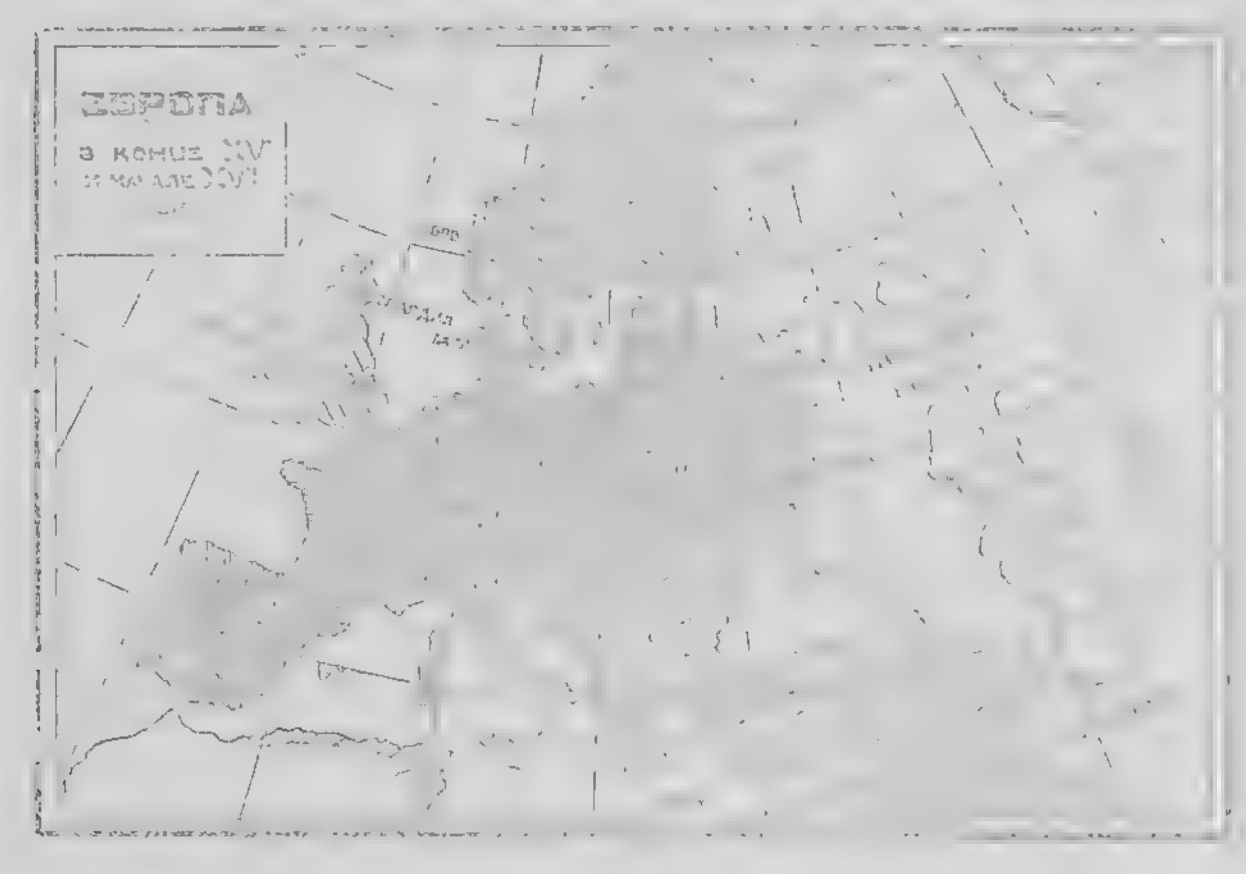
§ 15. Формирование торгового капитала.

Очерченный в предыдущей главе тип городов был характерен для тех местностей, которые стояли в стороне от больших водных путей. Но на ряду с экономически замкнутыми в пределах небольших районов городами существовали и другие города, ведшие торг с другими странами в больших или меньших размерах. Внешняя торговля, имевшая в лице феодалов крупных потребителей заморских товаров, непрерывно развивалась: росли обороты торговли, а вместе с этим возрастало и население торговых городов. Денежное хозяйство прочно утвердилось в городских центрах, а оттуда вместе с заморскими товарами проникало в сельскохозяйственную округу. Вокруг торговых городов попрежнему еще существовал феодальный строй, но он систематически подтачивался теми экономическими отношениями, которые из городов просачивались в деревню. Таким образом, торговые города оказывались чужеродным телом в хозяйственной структуре феодализма, ячейками новых экономических отношений, которым было суждено притти на смену феодальным.

Для развивающейся торговли нужны были товары, увеличивалось поэтому число ремесленников, работавших не на заказчика, а на рынок; вместе с ростом ремесленного населения городов увеличивались и его потребности в съестных припасах, которые горожане приобретали у крестьян и помещиков,—открывался широкий рынок для сельскохозяйственных продуктов, который заставлял товаропроизводителей увеличивать производство.

Рост же ремесленного и сельскохозяйственного производства и включение в хозяйственный круг новых земель привели к новому расширению торговли и изменили ее характер. Вместе с тем особое развитие получило и денежное

обращение. Этими, а также и другими путями в руках отдельных лиц скоплялись большие материальные средства, употребляемые на дальнейшее расширение торговли (как товарами, так и деньгами) и производства. В результате, с XIII—XV веков,—где раньше, где позже,—в Европе начинается разложение, распад феодальных и цеховых порядков. Их место, мало-по-малу, заступает своеобразный строй, создаваемый господством торгового капитала.



Карта № 6. Карта Европы в XV—XVI веках.

Упрочение и расширение экономических связей, благодаря развившимся торговле и промыслам, в корне изменили национально-политический вид Европы. К XIV веку в Зап. Европе обозначились уже следующие основные нации: в Германии—немцы, итальянцы на Апеннинском, испанцы—на Пиренейском полуострове, французы и англичане. Из них последние три нации (испанцы, французы и англичане) образовали каждая отдельное государство; первые две (немцы и итальянцы) распались на много средних и мелких государств. Эти новые государства, сплачиваемые на основе торгового капитала, имели, как мы увидим в дальнейшем, существенно иной характер, чем прежние слабые и разрозненные феодальные королевства, герцогства и т. п.

Расширение торговых связей. Маленький городской рынок, на котором сходились городские ремесленники и крестьяне немногих окрестных деревень, при росте производства оказывается уже недостаточным. К примеру, кузнечным и оружейным цехам требовалось больше металла,—но ведь руду можно найти далеко не везде,—и вот развивается усиленная межгородская торговля железом и медью, свинцом и серебром. Металл привозят подчас из отдаленнейших местностей: в Англию из Германии, в Египет из Европы и т. д. Мало того, в отдельных районах специализируются на особой выплавке и ковке металла и на изготовлении из него изделий. Эти районы вступают в оживленнейшую торговлю с другими городами. Достаточно назвать знаменитые в те времена: толедскую (в Испании) сталь, миланские (в Италии) доспехи и оружие...

Дело не ограничивалось, конечно, металлом и изделиями из него. В круг межгородской и даже международной торговли рано втянулись и фландрское (голландско-бельгийское) сукно, и венецианское стекло, и верхне-немецкое полотно, и северо-итальянские шелковые изделия. В России, несколько позже, Тверь и Рязань торгуют уже с Москвой и Владимиром, Калуга с Литвой.

Параллельно увеличивается значение и крупнейших ярмарок, на которых можно было встретить товары, привезенные со всех концов известного тогда света: и север и юг Европы, и ближайший Восток, и Индия,—все имели тут своих представителей. До середины XIV века самыми знаменитыми из таких ярмарок были шампаньские (Шампань на северо-востоке Франции).

Ясно, что широкая „межрайонная“, а тем более международная торговля, не могли производиться так, как на мелком городском рынке, т.-е. непосредственно между производителями. Здесь уже был необходим специалист посредник—купец, располагающий достаточно солидными оборотными средствами.

Пути сообщения. Возникает необходимость и в улучшении путей сообщения. При господстве феодалов о дорогах никто не заботился, и их просто протаптывали телеги и всадники. Часто товары приходилось перевозить на вьючных лошадях, да и то с опасностью утонуть (в буквальном смысле слова) в „дорожной“ грязи. Феодалы не

только не поддерживали дорог, но нередко нарочно портили их, потому что существовало правило: „что с воза упало, то пропало“, то-есть шло в пользу владельца земли, по которой проезжали. Правда, иногда феодалы, в порыве усердия, строили даже мосты... на сухом месте для того, чтобы обирать купцов помостовой платой. Еще чаще феодалы грабили проезжающих, не заботясь о каком бы то ни было „законном“ обосновании этого прибыльного для них „промысла“.

Состояние дорог еще в XV веке было таково, что в 1414 году римский папа во время путешествия едва не утонул в болоте, куда он свалился вместе со своей колесницей. Для поощрения постройки дорог строителю нередко предоставлялось бесплатное „отпущение грехов“, при чем дорога считалась вполне хорошей, если на ней „могла проехать невеста не зацепив воз с покойником“.

Понятно, что наиболее удобными, готовыми „от природы“, дорогами того времени были водные пути: большие судоходные реки и моря. Заметим, что с начала XIV века при мореходстве начал употребляться компас. На таких водных путях и возникали важнейшие торговые центры.

Средиземноморская торговля.

Средоточием международной торговли на юге Европы очень рано явилось Средиземное море, по которому шла торговля, как с прибрежными странами ближнего Востока, так через них и с отдаленной Индией (этой сказочной, „обетованной землей“ всех торговцев того времени), с Аравией и даже с Китаем. Главными центрами этой торговли в Европе были северо-италийские портовые города, во главе с Венецией и Генуей.

В XV веке из двухсот-тысячного населения Венецианской республики почти 50 тысяч имело непосредственное отношение к мореходству и заморской торговле. Флот республики состоял из 3½ тысяч крупных и множества более мелких судов. Годовые торговые обороты Венеции, даже на теперешние деньги, исчислялись миллионами. Генуэзские купеческие компании, располагавшие собственными вооруженными кораблями, самостоятельно завоевывали колонии, заселяли их и эксплоатировали при помощи труда крепостных и рабов (развалины генуэзских крепостей и посейчас имеются на нашем

черноморского побережья). В середине XIV века генуэзские купцы добрались даже до Китая.

Из других крупных итальянских торговых городов отметим еще Пизу, Амальфи, Флоренцию и Милан. Из французских средиземноморских торговых портов выделялся Марсель, бывший долгое время самостоятельным государством.

Могучий толчок средиземноморской торговле дали так называемые „крестовые походы". Это был ряд массовых экспедиций, происходивших с XI по XIII вв., под лозунгом освобождения „гроба господня" (Иерусалима и Палестины) от власти „неверных"—мусульманских народов.



Карта № 7. Завоевания эпохи крестовых походов.

По существу крестоносцев влекли более „земные" цели, и прежде всего желание пограбить сказочные богатства Востока и прочно овладеть торговыми путями.

В конечном счете крестовые походы окончились неудачно, и турки выгнали из Азии всех европейских поборников религии и наживы. Но значение их все же было очень велико: торговля с Востоком в огромной степени возросла, стала постоянной и прочно закрепилась в руках итальянских купцов; предметы роскоши в массе проникли в Европу, повышая жизненные требования феодалов; стало быстрее разлагаться, устойчивое прежде, натуральное хозяйство, и т. д.

Северная торговля.

От Средиземного моря товары шли на северо-запад сначала сухим путем, а затем по рекам Лех, Рейну и др., близ которых лежали богатые торговые немецкие города—Аугсбург, Нюренберг, Кельн, фландрские—Брюгге и Антверпен.

Центрами северной торговли, изобиловавшими мехами, кожами, лесом, воском, пенькой, позднее и хлебом, были города Немецкого и Балтийского морей. Здесь в XIV столетии ряд немецких городов (Бремен, Гамбург, Любек, Дан-



Карта № 8. Границы Ганзейского Союза и Рейнская дорога к Средиземному морю.

циг и др.) образовали могущественный торговый союз „Великую Ганзу“, овладевшую руководством почти всей северной торговли. Власть Ганзы, объединявшей в общем до 80 городов, простиралась до Лондона в Англии, до Брюгге во Фландрии, до Висби на о. Готланде и до Новгорода на Руси.

Новгород с самых ранних пор занимал исключительное место в русской внешней торговле. В XII—XIV веках, когда внутренняя торговля на Руси была еще очень слаба и хозяйство массы населения оставалось натуральным,

новгородские купцы уже ездили торговать в Ревель, Ригу, Данциг, Любек, Стокгольм и др. В самом Новгороде был „немецкий двор“, где шла оживленнейшая торговля с иностранными, и прежде всего ганзейскими, купцами. Торговое значение Новгорода и всего прилегающего края сильно падает с начала XVII столетия,—в известной связи с закрытием в 1630 г. Ганзейского Союза.

Падение новгородской торговли означало лишь перемещение ее центров: XVI—XVII столетия—это начало особого усиления торговых оборотов Московской Руси. Недаром один иностранный путешественник, посетивший Москву в середине XVII века, писал: „Достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг, в чем удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь, от высшего до низшего, только и думают, только и стараются, как бы чем-либо нажиться... В этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных вместе взятых“. Другой путешественник говорит: „Все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; в Москве более лавок, чем в Амстердаме (в Голландии) или даже в целом ином государстве“.

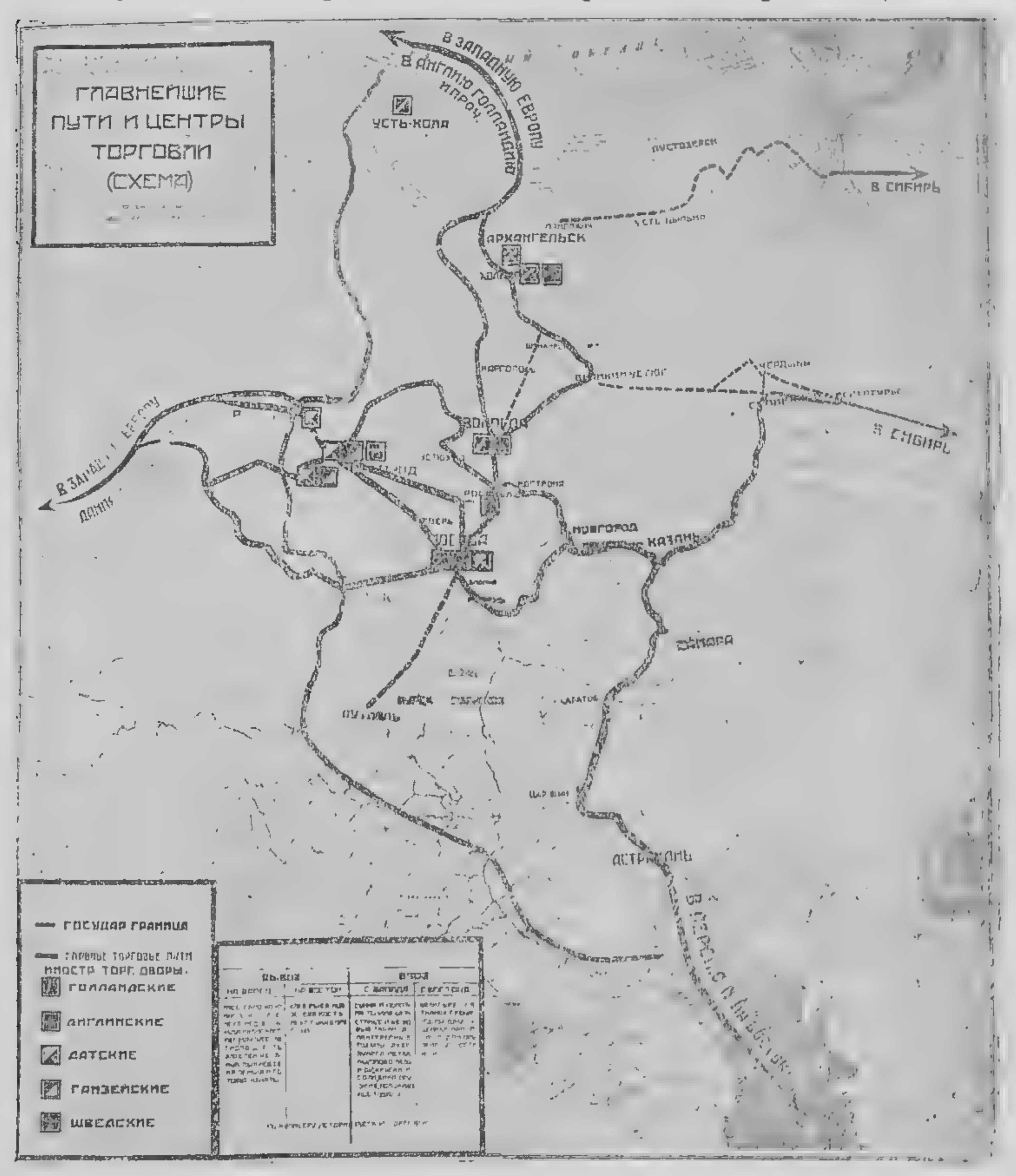
Морская торговля России с XVI века и до Петра I целиком шла через Архангельск, поэтому города Северо-Двинского края имели в то время большое торговое значение. Позднее богатеют приволжские города (Нижний-Новгород и др.); Волга, ведь, служила столбовой дорогой в торговавшую шелком Персию и в Сибирь, с ее пушными богатствами. Завоевание Иваном Грозном Казани и Астрахани передавало в руки русских купцов безраздельное господство над этим торговым путем.

Великие географические открытия.

Но вернемся на Запад. В конце XV века турки завоевали Константинополь и Черноморское побережье; путь через Египет также был прерван. Европейская торговля с Индией и другими азиатскими странами очутилась перед угрозой прекращения. Надо было искать новых дорог.

Со второй половины XV века организуется целый ряд экспедиций, ищущих морского пути в Индию. После ряда неудачных попыток, лишь в 1490-х годах были достигнуты решительные успехи. В 1498 году португалец Васко де Гама, обогнув на своих кораблях Африку, приплыл в Индию. Еще большее значение имело другое путешествие, предпринятое за несколько лет до того генуезцом (на испанской службе) Христофором Колумбом. Правда, Колумбу не удалось добраться до Индии, зато в 1492 году он „нечаянно“

открыл совершенно новый и неизвестный европейцам того времени материк—Америку (В 1000 году в Америке, повидимому, побывали норманны, но это открытие не закрепилось,



Карта № 9. Карта путей русской торговли XVII века.

и было забыто). Затем началось постепенное открытие и колонизация различных частей Америки и, наконец, было совершено первое кругосветное путешествие (Магеллана).

Когда в 1499 г. португальские корабли привезли в Лиссабон непосредственно из Индии первый груз перца и других пряностей, и донеслась весть об этом событии до Венеции, то гордая республика „оцепенела от ужаса“: для „царицы Адриатики“ это было началом конца монопольной власти над восточной торговлей. Когда несколько лет спустя началось разграбление Америки, то стало еще яснее,



Карта № 10. Карта путей арабской торговли.

что мировые торговые центры перемещаются со Средиземного моря в Атлантический океан, что на смену морской приходит **мировая океаническая торговля.**

Главными торговыми странами становятся сперва Португалия и Испания, а затем Голландия и Англия.

В середине XVI века место мирового торгового центра занимает г. Антверпен. „Антверпен поглотал — как тогда говорили, — торговлю других городов“. В течение месяца в

чем совершалось больше сделок, чем в прежнее время в Венеции за два года. При этом товары по большей части не привозились на место, а вместо них присылались образцы, по которым заказывали покупку. Для устройства сделок, осмотра образцов и проч. было выстроено близ порта большое здание „биржа", на котором красовалась надпись: „На

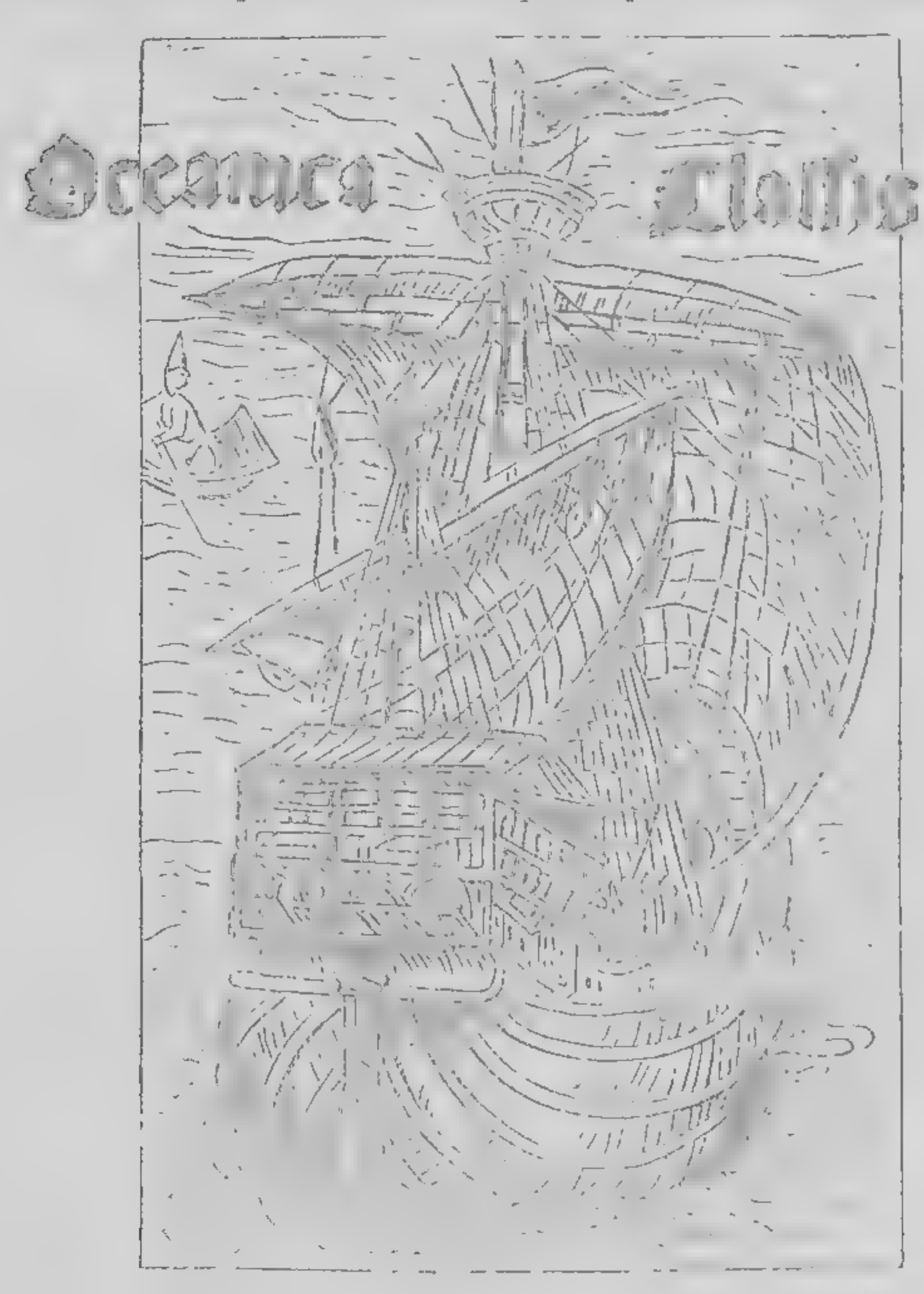


Рис. 38. Корабль времени Колумба.

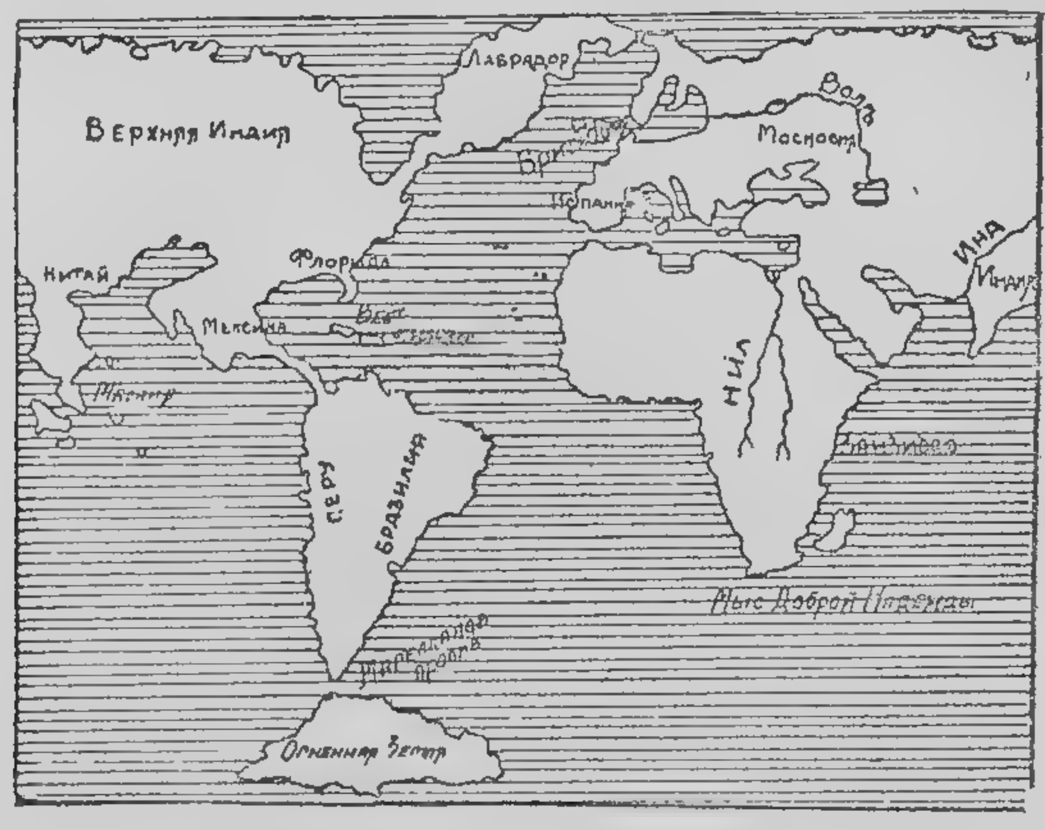
пользу купцов всех наций и языков". На бирже вскоре развились и чисто денежные операции: дача денег взаймы купцам, покупка и продажа долей предприятий, спекуляции в расчете на счастливые случайности в торговле и т. п.

Увеличение торговых оборотов.

Массовый приток удешевленных восточных товаров необычайно расширил и спрос на них. Торговля с Востоком увеличилась во много раз, при чем ее огромные барыши целиком оставались в Европе

(обычным способом расценки товаров была накидка 160—200% к первоначальной стоимости). Из Америки появились новые незнакомые Европе продукты: картофель, кукуруза, табак, какао. Значительно поднялся привоз найденных в Америке в лучших сортах, чем в Азии,—кофе, сахара и хлопка. **Вывоз** же из Европы промышленных изделий во вновь открытые страны начинается позднее, примерно с конца XVII века.

Распространению вширь и вглубь торговых сношений особенно способствовал массовый прилив золота и серебра из Америки в Европу, бедную до тех пор драгоценными



Карта № 11. Карта мира, изданная в 1548 г.

металлами. Открытие и интенсивное использование богатейших рудников Нового Света в огромной степени увеличило количество драгоценных металлов в Старом Свете и вместе с тем резко понизило их покупательную стоимость. Ежегодно, начиная с середины XVI века, свыше 300.000 килограммов серебра и 7.500 килограммов золота выбрасывалось на европейские рынки. В германских же рудниках добывалось всего 22.000 фунтов серебра. (См. карту № 12 между стр. 192—193).

Ограбление вновь открытых стран.

Большое значение, особенно вначале, имело беспощадное **ограбление** (в самом прямом смысле этого слова) туземного населения вновь захваченных местностей. Интересен такой пример: испанцы,

Рис. 39. Пытки туземцев испанцами.

изменническим образом захватив в плен императора Перу, запросили за его освобождение несметное количество драгоценностей. Этот выкуп был им доставлен и оценивался (если перевести его в довоенные рубли) в 20 миллионов. После этого испанцы, не задумываясь, все же убили пленного перуанского повелителя.

Не поддаются описанию жестокости европейских „завоевателей“, при грабеже стиравших с лица земли целые племена и народы. К примеру, на острове Ямайке в 1503 году поселились первые испанцы, а уже в 1558 году все многочисленное туземное население начисто исчезло. Про португальцев туземцы одной из индийских колоний говорили: „Счастье, что бог пожелал, чтобы португальцев было так же мало, как тигров и львов, иначе погиб бы весь род людской“. Катастрофически таяло также население Перу, Мексики и других стран Южной и Северной Америки. Дело дошло до того, что пришлось ввозить в Америку африканских негров, обращенных в рабство.

В 1510 году Лиссабон открывает торговлю черными рабами, а в XVII веке годовой вывоз из Африки этого „товара“ составлял уже 100.000 человек. Такая, весьма прибыльная, торговля ставится на широкую предпринимательскую ногу и является, в частности, одной из основ благосостояния „добродетельной“ Англии. Европа сделалась богатой потому, что целые расы и племена вымерли для нее и целые части света для нее обезлюдели...

§ 16. Деньги и кредит.

Революция цен.

В результате ограбления колоний золотой и серебряный дождь разлился над Европой. В одно столетие с 1500 по 1600 гг. общая стоимость звонкой монеты, обращавшейся в Европе, поднялась с 800 миллионов франков до 3½ миллиардов (франк по довоенному курсу около 37 копеек). Одновременно (вследствие понижения стоимости добычи драгоценных металлов и увеличения количества денег) в пять раз поднялись цены на многие товары. В Испании меньше чем за одно столетие стоимость жизни поднялась в 7 раз.

Заработки же трудящихся слоев населения оставались близкими к прежнему уровню. Точно так же пострадала от

этой „революции цен“ и значительная часть дворянства, жившая отдачей своих земель в долгосрочную („на срок одной жизни или трех“) аренду. Но обеднению и даже прямому разорению одних групп населения соответствовало обогащение другой: рост купеческих капиталов начинает с невиданной еще быстротой итти вверх. Появляются миллионные (по теперешним деньгам) состояния.

Ростовщичество.

Но такие крупные состояния сосредоточивались в одних руках не только благодаря торговле колониальными товарами. Большое значение имела и **„торговля деньгами“—ростовщичество.**

Ломка натурального хозяйства и расширение торговли требовали и огромного усиления денежного оборота. Отдавать деньги „в рост“, т.-е. ссужать их под „божеские“ проценты (200% не были редким исключением), делалось все более выгодным занятием. Им преимущественно занимались купцы, накоплявшие на международной торговле известную толику звонкой монеты.

Ростовщики ссужали деньгами, прежде всего, феодалов, нуждавшихся в них для ведения войн или для увеличения роскоши своей жизни. Обеспечением служили те или иные доходы феодала или его земельная собственность. Брали ссуды и торговцы, иногда и ремесленники, обеспечивавшие возврат долга своими товарами или изделиями. Среди торговцев тоже встречались и ссуды денег или товаров без обеспечения,—в кредит,—под простую расписку.

Однако, „обеспеченные“ ссуды оставались все же преобладающими. В Северной Италии (Ломбардии) возникают даже особые учреждения для выдачи денег под залог разных вещей—„ломбарды“.

Банки

Разнообразие и неустойчивость монетных систем привели к процветанию менял, превратившихся вскоре в первых банкиров (от расчетного стола—„banco“, у которого заканчивались сделки). Кроме обмена денег, банкиры занимались переводом денежных сумм и выдавали векселя—простые и переводные, по которым обязывались уплатить известную им сумму в другом городе: это было особенно важно при дорожных опасностях того времени. Таким менялам-банкирам, как людям надежным, нередко вверялись на хранение свободные денежные

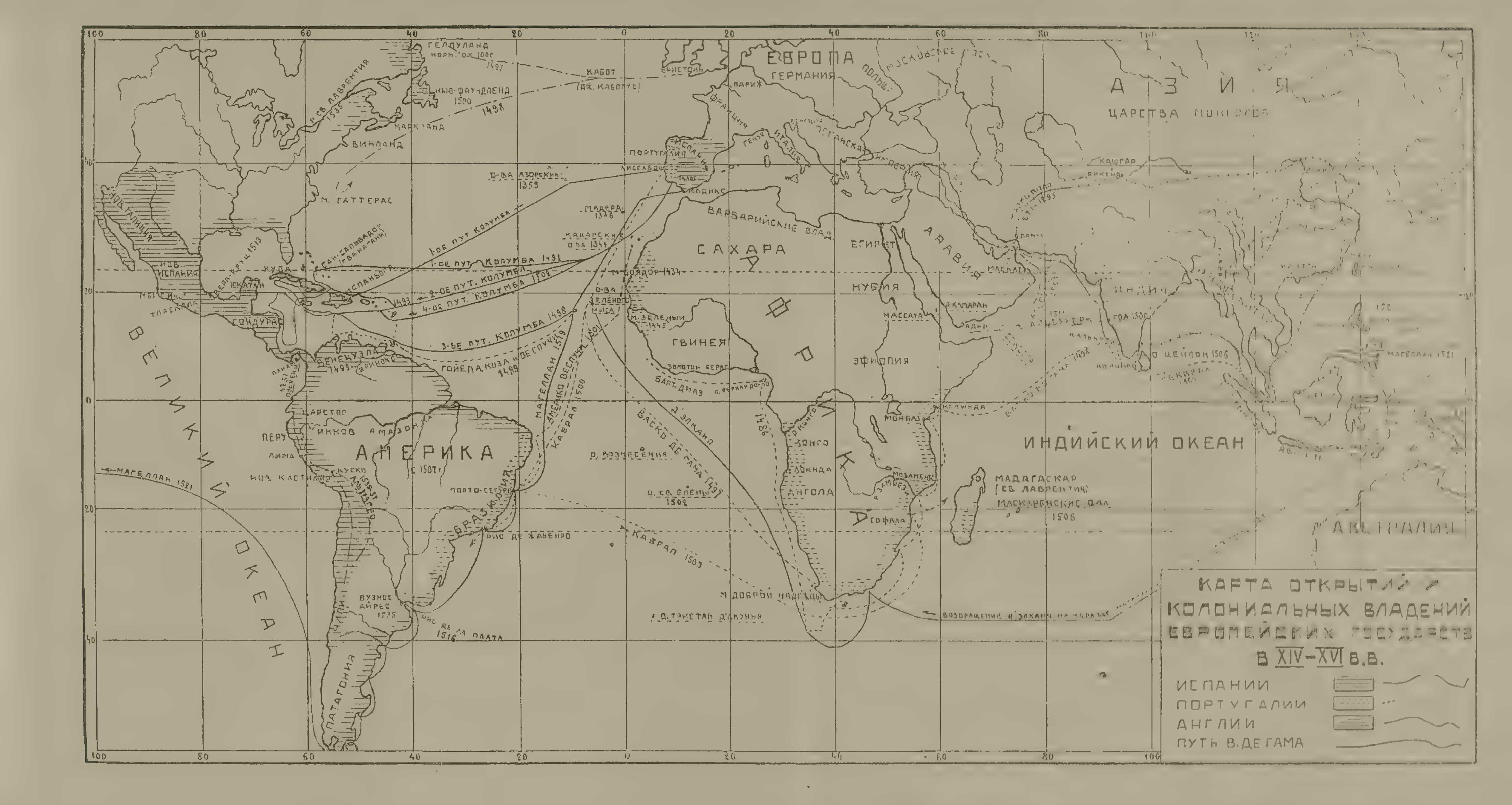
суммы, которые они стали пускать в оборот, пользуясь ими для выдачи ссуд и для товарной торговли (торговля товарами и торговля деньгами обычно об'единялись в то время). Так зарождались современные банки.

Банкирское дело уже в XIV веке достигло больших размеров в Италии (особенно во Флоренции), а несколько позже—в немецких торговых городах (Нюренберге, Аугсбурге). В 1339 году король английский занял у флорентийских банкирских домов Барди и Перуцци 1.355.000 золотых флоринов (1 флорин, переводя на теперешнюю покупную силу, можно приравнять приблизительно к 30 рублям). Заметим, что Англия, об'явив „государственное банкротство", не отдала этих денег, чем и разорила итальянских банкиров и их вкладчиков. Позднее, как крупная международная сила, выступает знаменитая фамилия „мировых банкиров"— флорентийцев Медичи.

Если личное состояние Перуцци в XIV столетии можно оценить примерно в 1½ миллиона на современные деньги, то Медичи в XV в. „стоили" уже 15 миллионов, а немецкий дом Фуггеров в середине XVI века имел уже около 75—80 миллионов рублей. Так быстро росли ростовщически-торговые капиталы!

Подобные крупнейшие капиталисты приобретают огромное влияние на государственные дела. Не говоря уже о Медичи, правивших Флоренцией, — только-что упомянутые Фуггеры провели, путем подкупа желательного для них кандидата в германские императоры, а затем, естественно, использовали его власть в своих интересах. Архиепископ Майнцский сделал у тех же Фуггеров большой заем и, чтобы уплатить долг, занялся усиленной продажей индульгенций (особых „свидетельств", по которым купивший их „получал отпущение грехов"). Продавцов повсюду сопровождали агенты банкира, которые после прочувственной речи проповедника, возвещавшего „царствие небесное", проверяли получку и забирали ее для погашения векселей.

На Руси уже в XIV веке роль банкиров играли московские князья, а впоследствии цари. В частности у нас имеются сведения о ростовщической деятельности Ивана Калиты и Ивана Грозного, потерявшего большую сумму на банкротстве одного из английских купцов. Очень значительна была и роль монастырей, как банкиров (на



КАРТА ОТКРЫТИЙ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XIV–XVI В.В.
ИСПАНИИ
ПОРТУГАЛИИ
АНГЛИИ
ПУТЬ В. ДЕ ГАМА
ЕВРОПА
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
ИТАЛИЯ
АЗИЯ
АФРИКА
АМЕРИКА
АВСТРАЛИЯ
ВЕЛИКИЙ ОКЕАН
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
САХАРА
ГВИНЕЯ
НУБИЯ
ЕГИПЕТ
АРАВИЯ
ЭФИОПИЯ
КОНГО
ЛОАНДА
АНГОЛА
СОФАЛА
МОЗАМБИК
МОМБАЗ
МЕЛИНДА
МАССАУА
МАДАГАСКАР (СВ. ЛАВРЕНТИЯ)
МАСКАРЕНСКИЕ О-ВА 1506
О. ЦЕЙЛОН 1506
ИНДИЯ
КАШГАР
ГЕНУЯ
ВЕНЕЦИЯ
ПАРИЖ
БРИСТОЛЬ
КАБОТ
ЛИССАБОН
КАДИКС
БАРБАРИЙСКИЕ ВЛАД.
ГРЕНЛАНД
НЬЮ-ФАУНДЛЕНД 1500
МАРКЛАНД
ВИНЛАНД
М. ГАТТЕРАС
О-ВА АЗОРСКИЕ 1353
МАДЕРА 1346
КАНАРСКИЕ О-ВА 1344
М. БОЯДОР 1434
О-ВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА
М. ЗЕЛЕНЫЙ 1445
ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ
БАРТ. ДИАЗ
О. ВОЗНЕСЕНИЯ
О. СВ. ЕЛЕНЫ 1502
М. ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ
О. ТРИСТАН Д'АКУНЬЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ Д'ЭЛКАНО НА КОРАБЛЕ
Д'ЭЛКАНО
ВАСКО ДЕ ГАМА 1497
КАБРАЛ 1500
МАГЕЛЛАН 1519
АМЕРИКО ВЕСПУЧЧИ 1501
1-ое ПУТ. КОЛУМБА
1-ое ПУТ. КОЛУМБА 1491
2-ОЕ ПУТ. КОЛУМБА 1493
4-ОЕ ПУТ. КОЛУМБА 1502
3-ЬЕ ПУТ. КОЛУМБА 1498
ГОЙЕДА, КОЗА И ВЕСПУЧЧИ 1499
КУБА
ИСПАНЬОЛА
САН-САЛЬВАДОР (ГВАНАГАНИ)
НОВ. ИСПАНИЯ
МЕКСИКА
ЮКАТАН
ГОНДУРАС
ВЕНЕЦУЭЛА 1499
ЦАРСТВО ИНКОВ
ПЕРУ
ЛИМА
КУСКО
НОВ. КАСТИЛИЯ
БРАЗИЛИЯ
ПОРТО-СЕГУРО
РИО ДЕ ЖАНЕЙРО
БУЭНОС АЙРЕС 1535
РИО ДЕ ЛА ПЛАТА 1516
ЧИЛИ
ПАТАГОНИЯ
МАГЕЛЛАН 1521

Западе церковь также усиленно занималась этими делами). Ко времени Грозного московская старая знать была опутана густой сетью долговых обязательств перед „непогребенными мертвецами“ (монахами), или, как современники называли их менее почтительно, — перед „сребролюбцами ненасытными“.

Откупа.

Мы пока еще не говорили об особом—связанном с ростовщичеством—старинном способе сколачивать крупное состояние,—об откупах. Откупщик, заплатив известную сумму денег феодалу, „покупал“ тем самым у него тот или иной доход (напр., „таможенный“), или налог (напр., подушную подать). Затем откупщик собирал при помощи вооруженной силы этот налог или доход уже в свою пользу. Не трудно представить себе все те злоупотребления и жестокости, которые сопровождали такое выколачивание налогов!

С легкой руки татар, отдача податей на откуп прочно укоренилась и в Московской Руси. Особенно привилась откупная система в отношении сбора питейного налога: продажа водки уже с Ивана III была царской монополией. У нас водочные откупа особенно процветали с XVIII до середины XIX века, когда они, наконец, были отменены. Обычным было соединение торговли водкой с мелким ростовщичеством, что совершенно разоряло наше и без того нищее население.

§ 17. Сущность торгового капитала.

Торговые монополии.

Крупный торговый капитал старался захватить повсюду монопольное положение, то-есть права единственного торговца, силою или „по праву“ исключающего всех возможных соперников.

Португальцы, завладев индийской торговлей, попросту топили все корабли других стран, пытавшихся самостоятельно торговать с Индией. Позже английское правительство выдает различным торговым компаниям „патенты“ на исключительное право торговли: с Россией („Московская компания“ 1554 г.), в Марокко, в Индии (знаменитая „Ост-Индская компания“ 1600 г.), в Балтийском море, в восточной половине Средиземного моря и т. д. К середине XVII века все моря были уже поделены

между такими компаниями. Часто и отдельные товары, например, водка, соль и др., являлись предметом такого исключительного права торговли.

В России первые цари дома Романовых монополизировали в своих руках наиболее ценные предметы сбыта. „Царь— первый купец в своем государстве", говорил один иностранец-современник. Крупное значение имела монополия вывоза икры, рыбы и, в особенности, мехов. Общая ценность царского вывоза исчислялась миллионами рублей (на современные деньги). Громадное значение имела монополия на товары, перевозимые через Россию с Востока, в том числе на персидский шелк. В XVII веке цари попытались нажиться на хлебном вывозе, но широкого размаха это дело не получило, ибо хлеба нехватало и для внутреннего потребления... на винокуренных заводах.

Крупнейшими торговыми капиталистами России XVI века были „гости", от царского имени ведшие торговлю с Востоком и Западом. „Гости",—говорит один иностранец,— эти царские торговые советники и агенты, неограниченно правят торговлей во всем государстве. Эта своекорыстная и вредная коллегия, довольно многолюдная, имеет главу и старшину, и все они занимаются торговлей... Они рассеяны по всему государству и во всех местах, по своему званию, пользуются привилегией покупать первыми, хотя бы они и действовали не за царский счет... Они ради своей частной корысти всюду причиняют различные стеснения торговле. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо, говорят о гостях плохо, и можно опасаться, что „в случае восстания, народ всем гостям свернет шею". Торговые обороты гостей достигали от 20—100 тыс. руб. в год, значит на современные деньги от 300 тыс. до 1½ миллиона.

Торговый капитал. Торговля, принявшая крупный международный характер, быстро проникала во все поры народного хозяйства. Вместе с ней развивались и всевозможные денежные операции и обороты. „Сокровища" больше не плесневели в глухих подвалах феодальных властителей; банкиры нашли им „достойное" применение. В руках отдельных лиц или компаний сосредоточивались значительные средства, большие капиталы. Очевидно, что обладатели этих капиталов при развитом денежно-товарном хозяйстве оказались крупнейшей общест-

венной силой (чему мы уже приводили примеры). Они овладели товарным и денежным рынком и поставили в за-



Рис. 40. Гавань в Амстердаме.

висимость от себя мелких купцов, посредников и менял. Царству непосредственного обмена, бродячих торговцев и

коробейников приходил конец: наступало господство торгового капитала.

За ним стоял ростовщический капитал, обычно тесно связанный с торговым. Промышленный же капитал, в крупных размерах эксплоатирующий „купленную“ им (наемную) рабочую силу, находился еще в зародыше. Мы увидим в дальнейшем, что торговый капитал сумел наложить свою руку и на производство; но здесь он осуществлял свою власть не прямо, не организуя непосредственно производство, а действуя на него косвенно, через свое господство в области торговли.

Откуда же получалась прибыль торговых капиталистов? Поскольку в руках торгового капитала была вся международная (и большая доля межрайонной) торговля, купцы обращали в свою пользу всю разницу в стоимости производства товара в разных местностях. Очевидно (к примеру), что издавна организованное производство сукон во Фландрии, с кадрами искуснейших рабочих и переходившими из поколения в поколение производственными секретами, оказывалось на много более дешевым, чем такое же производство в других странах, специализировавшихся на других изделиях. Искусственное создание монопольного положения уже само по себе давало крупнейшие барыши. Ясно, что если вся торговля каким-нибудь ходким товаром сосредоточена исключительно в руках одной компании, то эта последняя может брать за этот товар цену во много раз превышающую его действительную стоимость. А что сказать о колониальной торговле, в которой излюбленнейшими приемами были: грубый обман (за ничего не стоящие бусы приобретали драгоценные пряности), прямое насилие, примеры которого мы давали выше, спаиванье туземцев спиртом (наши купцы за бутылку водки приобретали соболиные шкурки) или отравление их опиумом (англичане в Китае)?! Немудрено, что прибыль английской „Компании Гудзонова пролива“ достигала временами многих сотен %%! Мы увидим ниже, что насильственное—„розгами помещичьих конюшен“—выколачивание дешевого хлеба из крепостного крестьянского хозяйства, также шло на потребу торговому капиталу. Наконец, все большую роль в создании барышей постепенно начинает играть эксплоатация производства скупщиком и ростовщиком...

Торговый капитал стал играть в Зап. Европе заметную роль уже в XIV—XV веках; но это были еще исключения среди старых, не капиталистических, форм хозяйства. Эпоха торгово-капиталистического хозяйства начинается лишь с XVI века (в России, примерно, на столетие позднее), в результате великих открытий: Америки и морского пути в Индию. Конечно, и без этих открытий торговый капитализм завоевал бы господствующее положение, но это, во-первых, оттянулось бы еще на пару столетий, а во-вторых, торговый капитализм не достиг бы быстро такого огромного размаха и развития.

§ 18. Ремесло в эпоху торгового капитала.

Обмен и производство.

Торговый капитал все шире и глубже захватывал в свои жадные и цепкие лапы область обмена. Ну, а производство,—эта основа основ всего хозяйства? Производство, попрежнему осталось мелким, разрозненным и отсталым. Купец до поры до времени предпочитал скупать, владея рынком, готовые продукты труда мелкого производителя и держать таким способом последнего в полной зависимости от себя, чем обращать его в наемного рабочего.

Ремесленник мог спокойно работать, когда спрос на его изделия был равен и постоянен. Но расширявшаяся торговля с окружными деревнями уже нарушала это условие. Работа на непосредственного городского заказчика сменилась работой на рынок, с его колеблющимся и неравномерным спросом. Здесь трудно уже было обойтись без специально торгового посредника—купца. Но если это было затруднительно при узком местном рынке, то при обмене между городами, а тем более при международной торговле, оказывалось уже совершенно немыслимым обойтись без такого специалиста-посредника, обладающего достаточными средствами. Так повсюду между производителем товаров и их потребителем вставала фигура посредника-купца.

Положение торговца было значительно более выгодным, чем положение ремесленника. Последний, чтобы жить и продолжать производство, должен был немедленно сбывать свои изделия; купец же, располагавший специально

предназначенными для торговли оборотными средствами, мог выжидать наиболее выгодного момента. Ремесленник не знает достаточно хорошо требований рынка и не может развозить своих изделий по отдаленным местам, что может делать купец при своих средствах. Ясно, что ремесленник быстро попадал в известную зависимость от купца, диктовавшего ему свои условия и загребавшего в свою пользу всю прибыль.

Нередко торговец выступал еще и в роли ростовщика, давая в тяжелую минуту ссуду ремесленнику деньгами или, чаще, необходимыми материалами. Здесь зависимость ремесленника становилась еще более ощутимой.

Цехи—торговцы. Бывало и так, что одни цехи попадали в зависимость от других, которые сами мало-по-малу превращались в торговцев. Например, в известном центре оружейной промышленности—Золингене (в Германии)—мастера-оружейники делились на три цеха: 1) кузнецы, 2) закаливальщики и шлифовальщики и 3) выделывавшие ножны и собиравшие готовые части оружия. Продавать неотделанное оружие запрещалось, чтобы не лишить заработка остальные цехи. Выходило, что вся продажа сосредоточивалась в руках последнего цеха, которому, кроме того, было разрешено ездить на ярмарки, тогда как первые два цеха давали клятву никогда не покидать Золингена, чтобы не выдать секретов производства. И вот члены цеха „сборщиков“ превратились со временем из ремесленников в купцов. Они раздавали материал (железо и пр.) кузнецам и шлифовальщикам и получали от них готовые изделия по заранее оговоренной цене.

Иногда и отдельные, наиболее зажиточные, ремесленники делались купцами, но это бывало реже.

Что же оставалось после всего этого от прославленных строгостей цеховых правил? Очень мало: цеховое устройство „трещало по всем швам“. Да это и понятно. Раньше, пока ремесло только становилось на ноги, цехи способствовали его укреплению. Теперь, когда расширение торговли требовало постоянного усиления производства, цехи всякими своими стеснениями и ограничениями, наоборот, мешали такому развитию.

В то время, когда купец подтачивал „извне“ цеховое ремесло, оно ослаблялось и изнутри начавшейся борьбой между мастерами и подмастерьями.

Положение подмастерьев.

Усиливающаяся конкуренция между ремесленниками и, главное, нажим торгового капитала затрудняли положение мастеров: чтобы существовать как раньше, им надо было производить свои изделия дешевле, чем раньше. Отсюда—усиление эксплоатации труда подмастерьев и учеников. О старых, „патриархальных“ отношениях к ним мастера (хотя и сама эта „патриархальность“ значительно преувеличивается буржуазными историками) больше не слышно. Увеличивается рабочий день подмастерьев, уменьшается их заработная плата и ухудшается питание. Но такого ухудшения трудно достигнуть при житье и питании подмастерьев совместно с мастером. Поэтому „стол“, а иногда и „квартиру“ последний старается заменить денежной платой. Раньше подмастерье рано или поздно становился мастером, теперь же это всяческими способами затрудняется, и лишь немногие „избранные“ (больше дети и родственники мастера) достигают самостоятельного положения. Точно так же удлиняются до 8—9, а то и 12 лет сроки ученичества.

Так постепенно подмастерья приближаются к подобию простых наемных рабочих, трудящихся за определенную плату под руководством мастера-предпринимателя. Труд явным образом начинает отделяться от капитала.

„Братства“ подмастерьев.

В ответ подмастерья образовывают свои „братства“—союзы, которые преследуют отчасти цели взаимопомощи, но главным образом стремятся дать отпор мастерам.

Начиная с XV века союзы подмастерьев широко распространяются по всей Европе. Они не ограничиваются одним городом: между подмастерьями одной и той же специальности различных городов начинают возникать свои союзы, охватывающие целый ряд местных братств. Во Франции—правда, позднее—тесное общение существовало не только в пределах того же промысла, но даже и среди подмастерьев различных ремесел: „все они выступали как один человек в поддержании требований, пред'явленных хозяевам“. Хотя братства и не охватывали всех подручных рабочих ремесленника, а только наиболее квалифицированную часть их, и хотя классовому сознанию их было далеко до ясности, тем не менее мы смело можем считать

„братства“ предшественниками, зародышами позднейших профессиональных союзов пролетариата.

Какими же средствами боролись „братства“? Главными были: стачки и бойкот мастера. Уже в XIV в. английские мастера жалуются на то, что подмастерья, „под прикрытием лицемерного благочестия, составляют союзы—заговоры, с целью чрезмерно поднять заработную плату, и действительно успевают в этом. Каждый раз, когда возникает разногласие между мастером и подмастерьем, последний обходит всех подмастерьев этого ремесла и по взаимному соглашению они решают, чтобы каждый отказался работать на своего мастера, пока тот (первый) мастер и его слуга (подмастерье) не придут к соглашению“. При помощи „братств“ такие стачки происходили еще более организованно, несмотря на жестокие преследования. Так, в конце XIV века, в г. Данциге подмастерьям за участие в стачке угрожало отрезание ушей. Нередко какой-нибудь мастер об'являлся „под запрещением“ и ни один подмастерье не имел права к нему наняться.

В большинстве городов было особое помещение товарищества подмастерьев (во Франции оно называлось „матерью“). Пришедший в город подмастерье первым делом являлся в это помещение, где он получал пищу, обыкновенно и небольшое пособие; там вывешен был и список хозяев, нуждающихся в рабочих; если в городе была об'явлена стачка, то пришедший подмастерье получал распоряжение о немедленном уходе из города.

Усложнение классовой борьбы.

Мы видим из всего этого, что ремесленники, чем дальше, тем больше втягивались в *классовую борьбу* и при том на два фронта: мастера сталкивались и с купцами и с подмастерьями.

Если мы прибавим к этому, что и сами купеческие *гильдии* расслаивались на торговцев-капиталистов (крупных оптовиков), с одной стороны, и более мелких торговцев (розничники и др.), с другой,—то мы поймем, насколько расширил и усложнил торговый капитал область классовой борьбы. Поймем также и то, почему с конца XIV века *городские, ремесленные революции* делаются обычным явлением.

Ремесленные восстания.

Городское управление к этому времени оказалось в руках „знати“, состоящей из богатых

купцов, ростовщиков, потомков прежних феодалов и, наконец, из мастеров старинных, влиятельнейших цехов. Не только подмастерья и городская беднота, но даже и огромная масса самостоятельных ремесленников была начисто оттеснена от городской власти. Но дело было не в одном захвате управления, а (и это главное) в эксплоатации „знатью" остальных трудовых слоев городского населения: здесь на первом месте стояла мертвая петля ростовщической кабалы.

Одной из первых крупных городских революций было восстание „чомпи" („оборванцев") в 1378 г. во Флоренции. Здесь власть принадлежала богачам—„жирному народу", организованному в 7 „старших" цехов (состоящих из купцов, менял, ростовщиков, ткачей шерстяных и шелковых материй, юристов и врачей) и в 14 „младших" цехов, игравших второстепенную роль. Весь же „тощий народ"—ремесленники, не приписанные ни к какому цеху, рабочие, беднота и пр.,—представлял собой бесправную и всячески эксплоатируемую массу. Заметим к этому, что во Флоренции, при сильном развитии суконного производства, все подсобные операции—чесанье, мытье шерсти и пр.—находились в руках целого ряда ремесел, совершенно бесправных и не имеющих своей цеховой организации.

Воспользовавшись раздорами среди самих правителей, „тощий народ" поднял открытое восстание против городских заправил и богачей. Характерно, что в числе требований восставших были: двухлетняя отсрочка платежей и замена тяжелых налогов одним подоходным. Развернув знамя с изображением ангела-истребителя, чомпи с оружием в руках и с криками „огня и крови" высыпали на улицу, начали разбивать дома богачей и ростовщиков (воздерживаясь при этом от грабежей и хищений) и, наконец,—во главе со своим предводителем, чесальщиком шерсти, Микелем Ландо—завладели зданием высшего городского управления. Организация власти была изменена, управление пополнено не цеховыми ремесленниками (Микель Ландо получил одну из важнейших должностей), но все это не надолго: вскоре денежная знать взяла назад все уступки, вырванные у нее силой.

Также неудачно оканчивался и целый ряд других ремесленных революций, из числа которых отметим серьезное восстание в Новгороде в 1418 году. Оно и понятно:

наступление торгового капитала шло с неумолимой последовательностью, и не такими разрозненными и бесплановыми вспышками можно было задержать этот процесс.

§ 19. Новые формы промышленности.

Ремесло и „домашняя промышленность".

Торговый капитал не остановился на эксплоатации ремесла: его господство еще более увеличилось с образованием и развитием кустарной или домашней формы производства.

Ремесло—это непосредственное производство на потребителя,—будь то заказчик, будь то покупатель, приобретающий из первых рук самого ремесленника. Кустарь работает не прямо на потребителя, а на неопределенный рынок, точнее же говоря,—на посредника-скупщика.

Обычно купец не только скупает у кустаря готовые изделия, но и снабжает его сырыми материалами. Здесь уже и начало и конец производственного процесса: приобретение сырья и сбыт продукции ускользают из рук самого производителя. При такой организации капиталист диктует кустарю не только цены на товары, но и количество и сорта изделий, которые тот должен произвести к такому-то, определенному купцом, сроку. Тем самым скупщик косвенно влияет и на самую технику производства. Как видим, капиталист является здесь если не формальным, то фактическим распорядителем производства в ряде мелких хозяйств.

Так постепенно создается особая форма капиталистической „домашней промышленности", при которой кустарь получает все материалы из раздаточной конторы предпринимателя-капиталиста и туда же доставляет по определенной расценке готовые изделия. Здесь капиталист по существу уже не покупает изделий, а выдает кустарю вознаграждение за его труд над чужими материалами,—вознаграждение, приближающееся к типу заработной платы наемного рабочего.

Кустарные промыслы обычно возникают раньше всего в деревне, как подсобное занятие крестьян. В деревне не было цехового ремесла, сопротивлявшегося так или иначе наступлению торговых капиталистов. С другой стороны,

деревенскому работнику более чем трудно самому сбывать свои изделия. Вот почему здесь сразу появляется скупщик, быстро затягивающий кустаря в свои сети.

Кустари работают отдельно друг от друга, каждый у себя на дому, с помощью своей семьи, они разрозпены, не об'единены ни в какой союз,—все это делает их особенно легкой добычей для эксплоатации Такой кустарь, имея обычно свой участок земли, мог довольствоваться меньшей платой, чем ремесленник, поэтому при конкуренции и побеждал его.

Ремесленники, в свою очередь, обращались к властям с жалобами на свое положение и с просьбами оградить их от нежелательной конкуренции. Так, ткацкий цех немецкого города Ульма писал в начале XVI ст.: „Среди сельских ткачей много лиц сомнительной репутации и не отбывших надлежащим образом срока ученичества. Они занимаются также другими ремеслами и полевыми работами; от этого страдают цеховые ремесленники; производство бумажных тканей должно быть на будущее время монополией ткацкого цеха, и всякий, желающий заниматься этим ремеслом, должен приобрести право гражданства в городе за 22 гульдена и заплатить 4 гульдена в цех“.

Однако, с увеличением зависимости ремесла от торгового капитала, оно и само, как мы уже видели, приближалось вплотную к кустарничеству. Часто затруднительно провести границу между попавшим в зависимость цеховым ремесленником и настоящим кустарем.

С другой стороны, в городах все чаще появляются „тайные“ или „незаконные“ ремесленники, стоящие вне цехов. К XVIII веку число их даже стало превышать число цеховых мастеров; так, в Вене всего $^1/_3$ мастеров принадлежала к цехам. Вот в среде таких неорганизованных ремесленников торговый капитал и находил прежде всего благоприятную почву для насаждения и в городе зависимой от него домашней промышленности.

Домашнюю форму производства мы можем наблюдать в Зап. Европе уже с XIV века, в особенности в области производства сукна и в некоторых металлургических промыслах. Чем дальше, тем больше она развивалась и достигла своего расцвета к XVIII столетию.

Домашнее производство в России.

Рано возникла она и на Руси. Так, из одной грамоты XIV века мы узнаем, что уже тогда организацией кустарной промышленности занимались наши монастыри: „а лен даст игумен в села и, они

прядут". В XVII—XVIII веках у нас это было уже массовым явлением. Многие районы славились тогда тем или иным видом своих промыслов; назовем, к примеру: павловские замки, астраханские панцыри, холмогорские сундуки, вяземские сани и т. д.

Кроме того, в России существовало и своеобразное крепостное кустарничество. Во многих местностях: „не было почти ни одного помещичьего дома, где бы не было нескольких ткачей для тканья полотен, которые в Москве продают аршин по пятьдесят и по шестьдесят копеек; многие помещики сим большие барыши получают". И немудрено: русские полотна в конце XVIII века были предметом широкого сбыта за границу; в 1793—94 гг. их вывезли на 10 миллионов рублей (по довоенным ценам). Домашняя промышленность является переходным типом от торгово-капиталистической организации, основанной на эксплоатации торговцем мелких и, до известной степени, самостоятельных хозяйств, к промышленно-капиталистической, построенной на эксплоатации в крупном масштабе наемных рабочих-пролетариев, окончательно потерявших свою хозяйственную самостоятельность и трудящихся под непосредственным руководством предпринимателя *).

Эпоха торгового капитала знала и предприятия этого второго типа; однако их было еще сравнительно немного и они отнюдь не занимали господствующего положения. Мы говорим о „мануфактурах" и о горных заводах.

Горное дело в Зап. Европе.

Есть промыслы, которые возникают в форме ремесла, но с течением времени становятся технически возможными только в виде крупного производства. Так, горное дело, пока можно было ограничиваться поверхностной выработкой руды или россыпей, не превышало сил отдельной семьи. С углублением же разработки становится необходимой сложная система шахт с под'емными машинами, действовавшими водой и вентиляционными приспособлениями. Точно так же мелкое производство поневоле сменялось крупным, при переходе от кузнечного производства железа к технике доменной печи.

*) Торговый капитал отнимает или покупает у непосредственного производителя продукт его труда; промышленный же капитал покупает рабочую силу производителя.



Рис. 41. Система насосов в старинном руднике.

Немудрено, что в развитом горном деле Германии XVI века, по словам современника: „кто желает заниматься этим промыслом, тот должен иметь или деньги, или здоровые руки, ибо копать, шурфовать и т. д. должны или очень богатые, или очень бедные“, иначе говоря—или капиталисты, или пролетарии.

Добыча металлов всего ближе стоит к торговле и к деньгам, потому она развилась в непосредственной связи с появлением и ростом торгового капитала. Развитие международной, в особенности восточной, торговли потребовало резкого увеличения добычи в Европе драгоценных металлов. С XIV—XV веков начинается усиленная разработка руды, быстро ставшая на путь крупного производства, руководимого торговым капиталом. Крупнейшими горнопромышленниками Германии XV—XVI вв. были известные уже вам Фуггеры, во Франции—богатейший купец Жак Кер.

На рудниках Кера все рабочие-рудокопы были разделены на смены, каждая из которых работала под землей 6—7 часов. В определенный час все рабочие соответствующей смены должны были собраться у входа в шахту, взять у особого сторожа свечи, с которыми они работали под землей, и все вместе по данной команде спуститься вниз. Кто опаздывал хотя бы на минуту, не допускался в рудник и наказывался вычетом одного дня из заработной платы. Такие же штрафы были за самовольное оставление работ, и т. п. Инструменты выдавались рабочему управлением рудника, и он отвечал за их целость. Мы видим здесь уже нечто отличное от отношения скупщика к кустарям: там ему дела не было, кто, как и когда работал, лишь бы он получил во время готовый продукт; здесь хозяин или его „приказчики“ командуют „армией“ наемных рабочих, связанных строжайшей дисциплиной и во всех мелочах производства подчиненных воле капиталиста.

Горное дело в России.

В России дело добычи и обработки руды стало развиваться с XVII века. Так, в 1626 году был приглашен один английский инженер, который „своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую, и серебряную, и медную, и дорогое каменье, и места такие знает достаточно“. Вскоре близ Тулы были оборудованы иностранцами железоделательные заводы, занятые главным образом удовлетворением военных потребностей, а

также литьем колоколов. Интересно, что одновременно около Тулы занимались выплавкой чугуна и выделкой железных изделий и кустари, с которыми подчас не могли соперничать новые „заводы“. Добыча и выплавка руды несколько позже началась также в Олонецком крае и по рекам Ваге, Шексне и Костроме.

Но основным горнозаводским центром был, конечно, Урал. Уральские горные заводы вывозили даже за границу миллионы пудов высокосортного железа. Вся уральская руда была в руках крупнейших богачей и на первом месте— Строгановых и Демидовых. Вольнонаемного труда еще в XVIII веке на Урале вовсе не было; обработкой руды занимались крепостные. О величине производства можно судить по тому, что только к 9-ти Пермским заводам было „приписано“ 25 тысяч крестьян мужского пола.

Крепостные рабочие, приписанные к заводам, назывались „посессионными“; они составляли, так сказать, принадлежность, живой инвентарь предприятия, вместе с которым (но не раздельно) их можно было покупать и продавать. Тяжелейшие условия жизни и труда таких рабочих приближались к условиям существования каторжан или рабов.

Мануфактура; общая характеристика.

Но не только в горном деле развивалось крупное производство: начиная с XVI—XVII ст. оно стало проникать и в другие отрасли промышленности. С этого времени в ряде европейских стран— где раньше, где позже—начинают учреждаться мануфактуры, производившие ткани, предметы роскоши (кружева, ковры, шелковые чулки), стекло, оружие и пр.

„Мануфактура“ обозначает по-русски „рукоделие“. Это показывает, что в мануфактуре работа попрежнему, как в ремесле и кустарном промысле, производилась вручную, без помощи машин. Существенное же отличие мануфактурного производства от мелкого заключалось в об‘единении под одной кровлей, в одном помещении, принадлежащем капиталисту, нескольких десятков или сотен мастеровых, работающих по найму под непосредственным контролем этого капиталиста, на его материале и посредством его орудий. Мануфактура—это конец торгового капитала, это начало капитала промышленного, непосредственно организующего производство при помощи наемной рабочей силы.

Однако мануфактура не смогла окончательно победить ремесленника и кустаря, не смогла вытеснить мелкого производства; она так и осталась лишь „предтечей“ того коренного переворота всего общественного хозяйства, который произвела в конце XVIII века механизированная фабрика.

Причины появления и преимущества мануфактуры.

Мануфактуру вызвал к жизни быстрейший рост торгового капитала и увеличивающееся несоответствие между потребностями непрестанно развивающейся торговли и медленно нарастающей продукцией домашнего и ремесленного производства. Вновь открытые страны, с своей стороны, начали, хотя и не сразу, пред‘являть огромный спрос на промышленные изделия,—спрос, который не поспевало удовлетворять мелкое производство. Большие требования к промышленности пред‘являли и вновь образованные постоянные армии и большой военный флот. Под влиянием всего этого торговый капитал взялся за „усовершенствование“ домашней промышленности.

Усовершенствование вначале заключалось в простом об‘единении разбросанных по своим избам кустарей в мастерской капиталиста и в снабжении их орудиями труда. При этом предприниматель мог, по желанию, быстро расширять производство; затем он выгадывал на доставке кустарю сырья и на получении от него изделий, на количестве орудий и на лучшем использовании материалов. Мы уже не говорим о повышении производительности труда при совместной работе и о возможности полного контроля над производством, что повышает качество изделий.

Но это была лишь первая ступень мануфактуры; в дальнейшем ее основное преимущество заключалось не в простом об‘единении однородных ремесленников, а в дробном разделении труда между ними. Производство одной вещи разбивалось на несколько мелких операций, каждая из которых сосредоточивалась в руках одного рабочего, так что фабрикат на пути к окончательной отделке проходил несколько рук.

Возьмем широко распространенный пример с мануфактурным производством булавок. Один рабочий на такой мануфактуре тянет проволоку (других дел он не делает), затем

передает ее другому, который только выравнивает ее, третий же разрезает ее на части, четвертый заостряет, пятый обтачивает головку и т. д. Таким образом, труд сработать булавку делится примерно на 18 различных дел. А результат? Результат тот, что ремесленник изготовлял около 20 булавок в день, тогда как на каждого из мануфактурных рабочих приходилось по 4.800 булавок (но не забудем, что это высшая ступень, которой мануфактуры достигли далеко не сразу и далеко не все).

В некоторых случаях мануфактурное разделение труда шло по другому пути. В одной мастерской об'единялись разнородные ремесленники, каждый из которых и раньше работал только над одним каким-нибудь делом. Таково, к примеру, мануфактурное производство холодного оружия, над которым последовательно работали: кузнецы, закаливальщики, шлифовщики, мастера, изготовляющие отдельные части и, наконец, сборщики.

Как и где возникли мануфактуры.

Мануфактуры возникли различными путями: или они,—и это проще всего,—вырастали из об'единявшегося домашнего производства; или, изредка, из мастерской богатого ремесленника, намного увеличившей количество подмастерьев и учеников; или, наконец, они основывались торговым капиталом заново, на „голом месте". В последнем случае в очень многих странах значительную роль играли иностранцы. Так, большинство французских мануфактур XVII века было основано выходцами из Италии и Голландии, привезшими с собой секреты производства высокосортных тканей, ковров, кружев, зеркал и стекла. Не меньше значения имела иностранная техника и отчасти капитал в образовании русских мануфактур.

Короли и цари всячески поощряли мануфактурное производство. Оно обслуживало военное дело, удовлетворяло потребности в роскоши придворного дворянства и, главное, открывало большие возможности для увеличения государственных доходов. Мануфактурам нередко присваивались монопольные права на производство тех или иных товаров в данной местности или, реже, в целом государстве. Для учреждения мануфактур выдавались особые патенты. Если мы вспомним монополии и всяческие стеснения цехов, а также торговые монополии и откупа, то

мы поймем, что в эпоху торгового капитала стремились (в противоположность промышленному капитализму) к известному ограничению свободы конкуренции и частной инициативы.

Кроме субсидий и пожалованья всяческих привилегий (особых прав), мануфактуры нуждались и в простой защите от цехов, всеми силами боровшихся с новыми, ненавистными конкурентами. Вот почему большинство мануфактур основывалось вне пределов установившейся цеховой власти: в селах, в недавно возникших городах, в предместьях. При этом в селах были нередки еще предприятия смешанного типа: наполовину мануфактура, наполовину раздаточная контора для кустарей. К примеру, на богемской мануфактуре графа Вальдштейна работали только 30 ткачей в центральной мастерской, а 400 ткачей работали по своим домам; пряжу же доставляли в виде барщины 3.000 крепостных.

Кроме мануфактур с свободными наемными рабочими, Западная Европа знала еще крупные предприятия, обслуживаемые принудительным трудом. „Поощрение безделья,—как говорил один ученый того времени,—противоречит божественному порядку в природе". Едва ли из-за таких „душеспасительных целей", но во всяком случае торговый капитал усиленно занялся „воспитанием к полезному труду" нищих, бродяг, преступников, детей-сирот и даже умалишенных. „В исправительном работном доме в Нюренберге,—рассказывает современник,—где находились нищие, бродяги, проститутки, сироты, все эти лица занимались прядением, а также шлифованием стекол, при чем всех, даже беременных женщин, стариков, больных и умалишенных, беспощадно заставляли работать; весь же доход поступал в пользу заведующего заведением, который усматривал в этом вознаграждение за ту жалкую пищу, которую он давал им".

Производительность труда во всех этих „работных домах", „домах призрения" и тюрьмах была настолько низка, что невольно возникает вопрос: какой смысл имело существование таких заведений рядом с развитыми капиталистическими предприятиями? Дело однако об'ясняется просто: для мануфактур нехватало вольнонаемных рабочих.

Причины, задерживавшие развитие мануфактур.

Мелкие производители, эксплоатируемые торговым капиталом, в большинстве еще перебивались кое-как своим „рукоделием“ и не шли на мануфактуру, предпочитая оставаться в привычной домашней обстановке. Да и производительность большинства мануфактур не лишала еще кустарей возможности с ними бороться. Только появление машин повысило производительность труда настолько, что мелкие производители, работавшие на дому, оказались вынужденными итти на ненавистную фабрику, с техникой которой они были бессильны конкурировать.

Сам капиталист нередко предпочитал менее производительную, но зато более „спокойную“ для себя домашнюю систему, В самом деле, при кризисе и внезапном сокращении производства, при такой системе страдали в первую голову не предприниматели, а кустари. К тому же с ними, разбросанными по сотням изб и деревень, легче было справиться, чем с об'единенными в единую массу наемными рабочими. Если мы прибавим к этому недостаточное еще в то время количество свободных крупных капиталов и сопротивление цехов, то мы поймем причины сравнительно слабого развития мануфактурного производства и сохранения господствующего положения за домашней промышленностью, этим оплотом торгового капитала.

Мануфактура в России.

В России, несмотря на ее общую хозяйственную отсталость, мануфактура, в особенности в начале XVIII века, получила значительное развитие. Причиной этого было как отсутствие цеховых стеснений, так— и это главное—своеобразное решение „рабочего вопроса“. Русские мануфактуры, так же, как и горные заводы, были в решающей доле основаны на труде крепостных крестьян. Например, полотняная мануфактура Тамеса в Москве при своем основании получила в качестве источника „живого инвентаря“ целое село Кохму в Шуйском уезде, с 641 крестьянским двором.

Кроме крепостных, на производство забирались „бедные и малолетние, которые ходят по улице и просят милостыню“, „убогие люди“, беглые дворовые и, наконец, „бабы и девки, которые по делам за вины свои наказаны“.

В Западной Европе вольнонаемный труд в мануфактуре был правилом, принудительный—исключением. В

России как-раз наоборот. В этом причина и крайне низкого уровня производительности труда и качества изделий на русских мануфактурах того времени.

Мануфактурное производство сукна начинает организовываться у нас еще во времена Бориса Годунова. В конце XVII века в Московском государстве существует уже ряд крупных предприятий по производству: шерсти, сукна, бархата, полотна, кожи, стекла и мыла. Но расцвет наших мануфактур относится к началу следующего—XVIII века, когда под покровительством и при субсидиях Петра I возникает множество таких предприятий. Достаточно сказать, что к концу жизни Петра I в России насчитывалось уже 233 мануфактуры.

Часть этих предприятий принадлежала казне (металлургические, оружейные и др. заводы), большая же часть— торговым капиталистам. Многие мануфактуры были очень крупными: на Казанской суконной „фабрике“ *) Микляева „с компанейщиками“ числилось 40 станов и 587 человек мастеров и рабочих; на казенной парусной фабрике в Москве было 1.152 рабочих; на шелковых мануфактурах компании Евреинова в 1728 г. работало до 1.500 мужчин и женщин. Большая часть этих „петровских мануфактур“ оказалась, однако, недолговечной и закрылась к концу XVIII века...

Приведем характерное описание одной из больших прядильно-ткацких мануфактур петровского времени, данное современником: После обеда г. Тамсен (владелец мануфактуры) повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные на прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати, и самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково... Замужние женщины были в шапках... а девушки простоволосы, как обыкновенно ходят здешние простолюдинки, т.-е. с заплетенными косами и с повязкой из ленты или тесьмы... После того мы прошли еще в другие мастерские, где не было уже той чистоты, напротив воняло почти нестерпимо. В заключение, Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработная их плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта“...

---

*) Раньше „фабрикой“ называли всякое крупное предприятие, хотя бы и основанное на ручном труде. И обратно, сейчас механизированные текстильные фабрики нередко, по старой памяти, величают мануфактурами.

Были у нас и помещичьи деревенские, крепостные, мануфактуры полукустарного типа. „В последние годы,—писал один наблюдатель начала XIX века,—появилось новое несчастье для бедного русского мужика—суконные и



Рис. 42. Ярославская мануфактура в 1731 г.

другие фабрики... Помещики помещают сотни крепостных в жалкие лачуги и силой заставляют работать... Я вспоминал, с каким ужасом говорили крестьяне об этих заведениях; они говорили: „в этой деревне есть фабрика“, как если бы они хотели сказать: „в этой деревне чума“.

Пережитки старых форм производства.

С появлением машинного производства мануфактура закончила свои дни. В Англии это случилось уже в конце XVIII века, в других странах такое отмирание длилось дольше,—вплоть до второй четверти XIX столетия. Ремесло и домашнее производство оказались несколько более живучими. Не говоря уже о России, в которой мелкое индустриальное производство до последнего времени играло значительную роль,—даже в „передовых" капиталистических странах сохранились пережитки старых производственных форм.

Ремесло особенно живуче в производстве, требующем особых специальных качеств и навыков работающего, напр., в художественной промышленности; также сохраняется оно в починочном деле (сапожники, слесаря и др.), в извозном промысле и немногих других. Домашнее производство до сих пор существует в мировых промышленных центрах, вроде Лондона, Парижа, Нью-Иорка... Чем же это об'яснить? Исключительно „удобствами" крайней эксплоатации труда при домашней системе; она так и называется англичанами „потогонной", или „системой выжимания пота". В особенности охотно применяется эта система в швейном деле. В дореволюционной России, в Московской губернии, были целые деревни, занятые пошивкой вещей для крупных фирм Мандль и Альшванг, торговавших готовым платьем.

Но для конца XIX—XX веков все это уже *пережитки*, так или иначе влачащие свое существование на ряду с безусловным господством *крупной капиталистической фабрично-заводской промышленности*.

Обратно, для эпохи торгового капитала характерна именно *смешанная система хозяйства*: *обмен* в руках капитала, *производство же* хотя и зависит в общем от этого капитала, но распылено еще в своей массе среди огромного числа мелких и, в известной доле, самостоятельных хозяйств; чисто капиталистическая организация промышленности занимает еще второстепенное положение.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к §§ 15—19.

Как и почему расширялся городской рынок? Какое значение приобретают ярмарки? Какой характер получила торговля? Каковы были главные пути и центры европейской торговли? Что такое крестовые

походы, и каково было их значение для хозяйственной жизни Европы? Какую роль в торговле Руси играл Новгород? Куда переместились торговые центры на Руси с XVI столетия?

Почему начались поиски морского пути в Индию? Когда и кем была разрешена эта задача? Какое открытие было сделано попутно с этими поисками? Каково было значение этих открытий в смысле: развития торговых оборотов, развития денежного обращения и уровня товарных цен? Что такое колонии? Какова была участь вновь приобретенных европейцами колоний?

Какие формы ростовщичества были распространены в то время? Каково происхождение первых банков? Кто на Руси играл роль первых банкиров? Что такое откупа? Что такое торговые монополии?

Что такое торговый капитал? Каковы характерные признаки капиталистической торговли? Назовите основные способы получения прибыли торговцами-капиталистами? Что такое „эпоха торгового капитала“? Когда она началась в Европе? Каково соотношение торгового капитала с ростовщическим, с промышленным?

Как и почему торговый посредник проник в ремесленное производство? Как отразилось это проникновение на цеховом устройстве и на положении подмастерьев? Какими способами пытались бороться подмастерья? Каковы были их организации? Какими причинами вызывалось и в какие формы иногда выливалось (пример) движение угнетенных слоев городского населения?

В чем отличие ремесла от домашнего кустарного производства? Почему торговый капитал поддерживал кустарное производство? Какое это значение имело для ремесла? Как было организовано горное дело в эпоху торгового капитала? Где был центр русского горного дела?

В чем отличие мануфактурного производства от ремесленного и кустарного? В чем преимущества мануфактуры для капиталиста? Какими путями возникали мануфактуры? Когда появились и как развивались мануфактуры в России?

Имело ли мануфактурное производство капиталистический характер? А горное дело? Кустарное производство? Ремесло? Как шло, таким образом, подчинение производства капиталу?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

Что такое торговый капитал? Как зарождались капиталистические отношения в области промышленности? Какие пережитки экономики торгового капитала наблюдаются в эпоху промышленного капитализма?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УКАЗАНИЯ.

Кушнер. — „Очерк развития общественных форм“, стр. 365—452.

Андреев. — „История развития общественных форм“, §§ 118—131, 140—151, 126 и 155.

Розенталь.—„История Европы в эпоху торгового капитализма“, изд. „Прибой“.—Небольшая и нетрудная книга, делящаяся на две части: первая—изложение самого автора и вторая—хрестоматийный, документальный материал.

Тарасов (ред.).—„Обществоведение“, изд. „Сеятель“, т. III.

Ляшкевич. — „Торговый капитализм“, изд. Свердловского ун-та.—Сборник документов и подлинных материалов. Весьма важен для более углубленной работы. Разд. I.

Большаков и Рожков. — „История хозяйства России в материалах и документах“. Госиздат. Вып. I, разд. III и вып. II, разд. I,— Того же характера, что и предыдущий сборник, но только специально по русской истории и только в области хозяйства.—Для углубленной работы.

Покровский. — „Русская история“, т. II или „Русская история в самом сжатом очерке“.—Для ознакомления с историческими фактами.

Маркс. — „Капитал“, т. III, ч. I, гл. XX и т. I, гл. XXIV (без мелкого шрифта и примечаний).—Необходимо для уяснения понятия торгового капитала и его соотношения с промышленным капитализмом.— Требует значительной подготовки.

Кулишер. — „История экономического быта Зап. Европы“, отд. III, разд. III и IV.—Большое количество материала. Однако книга требует критического, марксистского подхода.

VII. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ
и КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ЭПОХИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА

§ 20. Общая характеристика сельскохозяйственного строя.

Торговый капитал постепенно захватывал в свои руки промышленность, все более полно и непосредственно эксплоатируя труд ремесленника, кустаря и работника мануфактуры. Однако, в общем строе народного хозяйства тех времен первое место занимало еще сельское хозяйство, а не обрабатывающая промышленность. Вот почему особенно важно для нас проследить за теми изменениями, которые внесли появление и развитие торгово-капиталистических отношений в сложившуюся (в феодальную эпоху) поместно-крепостную систему.

Распадение натурального хозяйства.

Рост городов создал, как мы уже знаем, рынок для продуктов сельского хозяйства. Горожане нуждались в хлебе и других продуктах питания, развивающиеся промыслы—в техническом сырье. Крупные и мелкие сельские хозяева начинают охотно продавать в города продукты, оставшиеся у них за удовлетворением собственных потребностей. Заметим, что сельское хозяйство далеко не сразу превратилось в чисто товарное, т.-е. работающее целиком на рынок; оно еще долгое время сохраняло свой преобладающий потребительский (для себя, для своих нужд) характер, и речь шла именно об излишках.

Но так или иначе, замкнутость — „натуральность“ — сельского хозяйства была нарушена. Продавая на городском рынке свои произведения, земледелец получал взамен: или продукты ремесленного труда, которые он раньше производил в собственном хозяйстве, или заморские товары, о которых он раньше вообще не мечтал, или, наконец, деньги. С повсеместным ростом денежных оборотов, торговля на деньги являлась наиболее привлекательной для сельского хозяина. На деньги можно все купить на любом рынке,

притом тогда, когда это почему-либо наиболее желательно; деньги легко хранить, притом они не портятся и „кушать не просят“...

Начавшееся разрушение натурального хозяйства и проникновение денег в деревню быстро отразились на всем сельскохозяйственном (аграрном) строе. При натуральном хозяйстве что толку, что хлеба и других продуктов будет получаться все больше и больше? Ведь потребление как-никак ограничено, а перележит добро—сгниет. Теперь же дело менялось. Каждый лишний пуд пшеницы или льна—это деньги, а деньги—это городские или даже восточные товары.

Отсюда—настойчивое стремление феодалов-помещиков к расширению и интенсификации (увеличению производительности) хозяйства и все растущая жадность их к деньгам. Этими основными стремлениями определялась вся „аграрная политика“ феодалов, которая дала однако различный результат в разное время и в разных странах, в зависимости от местных и своеобразных условий.

Общими явлениями для Зап. Европы XIII—XIV столетий были: полный или частичный перевод натуральных повинностей в денежные; отмена или выкуп наиболее тяжелых феодальных обязательств личного характера; кое-где полное превращение крепостных порядков в отношения арендного типа; стремления к усовершенствованию техники земледелия.

Помещику нужны были деньги, выжать же их из старого крепостного хозяйства он не мог, поэтому-то он и пробовал перестроить его на новый лад (денежные повинности, аренда). С другой стороны, растущая городская промышленность нуждалась в рабочей силе, и города охотно принимали беглых крепостных. Напомним, кстати, что по тогдашним обычаям „самый городской воздух делал людей свободными“, и беглец, укрывавшийся в течение определенного времени в стенах города, превращался тем самым в вольного человека. Поэтому для помещиков создавалась угроза лишиться своих крепостных, что несколько сдерживало до поры до времени их эксплоататорское рвение (отсюда—ослабление личной зависимости).

Земледельческая техника.

В связи с ростом спроса на хлеб и техническое сырье, вставала необходимость и в некотором улучшении земледельческой техники, положение которой в то время было крайне печальным.

Старинный плуг был неповоротливым деревянным орудием, не режущим и оборачивающим пласты земли, как современный плуг, а роющим землю на подобие того, как это делают крот или свинья. Это рытье притом было настолько поверхностным, что его правильнее назвать царапаньем. Но и такой плуг был далеко не общим достоянием. К XIII веку во Франции плуг считался необходимым лишь для распашки поля в 60 акров (около 20 десятин), но этого размера наделы отдельных крестьян-земледельцев обычно не достигали. Иногда, впрочем, плуг составлял



Рис. 43. Пахота старинным плугом.

общинную собственность. На ряду с плужной обработкой нередко была и ручная, при помощи заступа и мотыги. Такие местности, с преобладающей ручной обработкой, назывались „раем для лошадей и адом для людей“. Борона обыкновенно отсутствовала, поэтому оставшиеся на поверхности семена становились пищей птиц, а дурные травы не выпалывались, серпом же вырывались в лучшем случае лишь верхушки их.

Трехполье упоминается уже в 771 году (в Швейцарии), но сравнительно широкое распространение его относится к XII—XIII векам. С переходом к трехполью связано и некоторое улучшение и облегчение плуга и смена быков запряжкой лошадей (с XIV века). На ряду с трехпольем часто продолжал существовать и перелог, так что были земли, которые давали урожай всего 8—9 раз в столетие. Но и трехпольное хозяйство велось хищнически: из года в год

возделывались одни и те же, истощающие землю, злаки; кормовых трав не сеяли; паровые поля, на которых пасся общинный скот, „превращался в железо"; искусственных удобрений не знали, навоза же было мало, да нередко и его не использовывали по назначению, а выбрасывали в реки или попросту на улицу, заражая воздух и не принося пользу земледельцу.

Такая отсталость техники об'яснялась отчасти распорядками крепостной общины, с ее принудительными севооборотами, чересполосицей и общинными угодьями, отчасти непроизводительностью крепостного подневольного труда, при котором человек, не имея для себя никакой выгоды, работает из-под палки на ненавистного помещика-эксплоататора. При росте хлебной торговли, помещик и здесь пришел к экономической выгодности замены крепостных отношений другими, более свободными.

Начатки раскрепощения. Таким образом, распадение натурального хозяйства ознаменовалось в XIII—XIV столетиях раскрепощением крестьян в ряде зап.-европейских стран. Прежде всего это, естественно, случилось там, где больше всего была развита городская жизнь—в Италии и во Фландрии. В Испании крепостное право также исчезло в конце XV столетия.

Освобождение начиналось обычно с перевода натуральных повинностей в денежные. Так, в одном из старинных документов мы читаем, что „зависимые владельцы, в силу обыкновения, несли в пользу помещика службы зимние, летние и осенние, исполняя и личные поручения и отправляя подводную повинность". Затем для этих лиц „все эти службы заменены были денежными рентами так, что за каждую из трех летних и зимних работ положено было по динарию, а за каждую из осенних по $1\frac{1}{2}$ динария; за доставку чего-либо с лошадьми—один динарий, пешему—$\frac{1}{2}$ динария". Одновременно обычно выкупались и все т. н. дурные обычаи (право „первой ночи" право „мертвой руки" и т. п.), при чем за их отмену феодал получал или единовременную сумму или определенную ежегодную ренту.

Освобождение в некоторых местах происходило стихийно и разновременно, по инициативе отдельных лиц, во многих же местах определялось единовременно—путем законодательных актов. Так, например, городские власти Флоренции в 1289 году постановили: „чтобы никто, кто бы он ни был... не мог, не смел и не думал лично или через посредника, тайно или открыто... приобретать навсегда или на время зависимых людей („верных"), колонов, постоянных или условных, крепостных и оброчников... Все верные и другие люди, находящиеся в зависимости, их имущество, дети и потомки об'являются свободными по их положению

и состоянию"... Но это освобождение также не было бескорыстным: „отныне верные и другие (зависимые люди) могут беспрепятственно выкупать себя, своих детей и потомков и свое имущество"... говорится в конце этого документа.

Своеобразно проходил процесс раскрепощения во Франции, Англии и Германии, в трех странах, имевших важнейшее значение в дальнейших исторических судьбах Зап. Европы. Вполне своеобразна была судьба крестьянства и в России.

§ 21. Сельскохозяйственный строй и движение крестьян в Англии.

В Англии к середине XIII века господствовали общинные порядки, при чем во главе общины находился помещик—лорд, сама же она состояла отчасти из свободных людей и рабов, в главной же массе—из крепостных. Крепостные обслуживали потребности лорда натуральными приношениями (зерном, курами, яйцами и пр.), еженедельной барщиной и разными „помогами"; был целый ряд и чисто личных повинностей. Господская земля при этом была лишь долей в общих „чересполосных" полях и угодьях, и лорду поневоле приходилось сообразовываться с отсталыми хозяйственными приемами крестьянской общины.

Все это соответствовало потребительскому характеру барского хозяйства, но отнюдь не отвечало новым, предпринимательским интересам помещика. И вот, он начинает требовать взамен всяческих приношений и работ денежных платежей, на которые нанимает вольных рабочих из среды малоземельных и безземельных крестьян. Труд таких рабочих более производителен и не стеснен укоренившимися обычаями. Ту землю, которую лорд не хотел обрабатывать при помощи наемных рабочих он отдавал в аренду, обычно денежную и краткосрочную.

С другой стороны, лорд начинает стремиться выделить свое хозяйство из общинного, для чего захватывает в полное и нераздельное владение свои пахотные земли, а затем и общинные угодья. Этот захват сопровождается обведением изгородью или канавой открытых раньше

общинных полей и получает поэтому название „огораживанья“. Примеру лорда начинают следовать и более богатые крестьяне. В результате огораживанья, вместо хозяйства единой общины, получился целый ряд самостоятельных хозяйств, в той или иной степени работающих на рынок.

К середине XIV века крепостное право понемногу исчезает в Англии, и лично зависимые крестьяне мало-по-малу превращаются в свободных арендаторов различного типа. Однако, в этот момент делается попытка повернуть назад весь процесс раскрепощения и снова притти к подневольному труду. Эта попытка об‘ясняется дальнейшим ростом товарности сельского хозяйства, натолкнувшимся на страшный кризис, потрясший хозяйство Европы.

В 1337 году в итальянские портовые города вместе с роскошными тканями и коврами была завезена с Востока чумная зараза. Она быстро начала распространяться по Европе, переходя из Италии во Францию, из нее—в Германию и Англию. Едва ли человечество видело эпидемию более грозную, чем эта „великая черная смерть“, вплоть до 50-х годов неутомимо косившая в Европе свою страшную жатву. Целые селения и города вымирали, поля превращались в пустоши, уцелевшие жители в ужасе разбегались, дальше и дальше разнося заразу. Черная смерть обошлась Европе в 25 миллионов человеческих жизней; Германия, Франция и Англия потеряли в результате ее от $^1/_3$ до $^1/_2$ своего населения.

Тем временем города, меньше, чем деревни, пострадавшие от чумы, требовали хлеба в таком количестве, которое не могло им доставить подорванное сельское хозяйство. Хлебные цены в городах непрерывно росли, и делались даже попытки ввоза хлеба из-за границы. Помещики за счет покинутого и разоренного крестьянского хозяйства округляли свои владения, стремясь увеличить торговлю хлебом. Но здесь они наталкивались на огромную трудность: для сельского хозяйства нехватало рабочих рук. Деревни обезлюдели и от чумы, и от массового ухода в города. Естественно, стала расти и заработная плата наемных рабочих.

В ответ на это английские помещики добились издания особого „устава для рабочих“, устанавливающего заработную плату не свыше бывшей до чумы и предо-

ставляющего лордам право насильно брать на работу всякого человека, не занятого в ремесле или в торговле и не имеющего земли. Одновременно многие лорды сделали попытку вернуться, в виду недостатка и дороговизны рабочих рук, к прежнему подневольному труду своих бывших крепостных.

Восстание Уота Тайлера.

Все это вызвало бурное возмущение крестьянской массы. Последней каплей, переполнившей „чашу терпения", было введение поголовного налога и те жестокости, которые сопровождали его сбор. В 1381 году вспыхнуло сильнейшее крестьянское восстание, одним из главарей которого был кровельщик Уот Тайлер. Крестьяне восставали целыми округами, десятки тысяч их брались за оружие и шли к Лондону, по дороге сжигая и громя имения феодалов и выпуская из тюрем заключенных.

Чего же хотели восставшие? Ответим словами одного современника—дворянина, который пишет между прочим: „Злодейский сей народ (крестьяне) начал подыматься и восставать, ибо, по его словам, его держали в слишком тяжком рабстве; в начале же мира никаких крепостных не было, и никто не мог стать крепостным, разве, что он повинен был в измене своему сеньору, как дьявол богу; они же не таковы, ибо они не ангелы и не духи, но люди, подобные своим господам, а с ними обращаются, как со скотом; этого они дольше переносить не хотят и не могут, а хотят „быть заодно"; „если же будут пахать или совершать другие работы на сеньора, то желают за это получать плату". Полное и окончательное уничтожение крепостных порядков, установление постоянной небольшой денежной платы за пользование землей и повсеместная в Англии свобода торговли (характерно!)—таковы были основные требования восставших.

Повстанцам, при поддержке городской бедноты, удалось захватить Лондон и принудить короля принять все их требования. Но это была простая уловка: когда большая часть крестьян, поверив обещаниям—разошлась по домам, король изменнически убил вождя восставших Уота Тайлера и истребил значительное число их. Затем феодалами было собрано большое войско, окончательно покончившее с мятежем. „Тогда были воздвигнуты виселицы там, где их не

было и раньше, но и их было недостаточно для осужденных. Ужаснулся народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня“... Восстание Тайлера, несмотря на свою неудачу, показало лордам силу крестьянства и до известной степени способствовало дальнейшему ходу раскрепощения, окончательно закончившемуся в XVI веке.

Крепостные порядки рано исчезли в Англии, но с их исчезновением начали быстро таять и крестьянские земли: огромные массы английских крестьян пролетаризировались (подробнее об этом в последней главе). На ряду с этим и вместе с ростом торгового капитала шло и возрастание богатства крупнейших помещиков, из феодалов превратившихся в предпринимателей капиталистического типа.

§ 22. Сельскохозяйственный строй и движение крестьян во Франции.

Во Франции распадение натурального хозяйства к началу XIV века привело к знакомым уже нам последствиям: к переводу натуральных повинностей в денежные и к уничтожению тяжелой личной зависимости крестьян.

Раскрепощение крестьян происходило во Франции по особым единичным и коллективным „отпускным грамотам“, которые выдавались сеньорами за особую плату. Этот выкуп нередко был не под силу крепостным, и они от него отказывались. Тогда их силой принуждали к платежам: ведь сеньору при товарном хозяйстве нужны были деньги!

Освобождение крестьян выражалось прежде всего в отмене прав феодала: на наследство, остающееся после смерти крестьянина (право „мертвой руки“), на налог, платимый за разрешение вступать в брак, и на всякие произвольные поборы; было уничтожено и право „первой ночи“ феодала по отношению к жене крепостного. Одновременно уничтожались (но не всегда и не везде) и другие „дурные обычаи“, в роде тех, по которым крестьяне обязаны были ловить блох в господских постелях, кормить лягушек в барских прудах и т. п. Отменялись и различные права феодала на самую личность крепостного. Вместе с тем тяжелая

барщина и произвольный натуральный оброк заменялись определенными—обычно денежными—платежами, при сохранении лишь сравнительно небольших натуральных обязательств. Благодаря всему этому крепостной превращался в лично свободного поселянина.

Но не надо думать, что тем самым он становился независимым хозяином своей земли. Хотя он и мог распоряжаться землей достаточно свободно, но собственником ее он не признавался: тот участок, на котором сидел крестьянин и который он обрабатывал своим трудом, считался собственностью феодала или короля,—собственностью, лишь переданной на известных условиях в пользование поселянина. Этими условиями и являлись упомянутые уже платежи и обязательства, которые были достаточно разнообразны, в зависимости от местных условий и времени. Если крестьянин продавал свою землю, то тем самым он освобождался от этих повинностей, которые переходили на нового владельца: все обязательства были связаны с землей, а не с личностью крестьянина, как это было раньше. При крайней низкой земледельческой технике французского крестьянства тех времен, все эти платежи ложились тяжелым бременем на его маломощное хозяйство.

Еще более ухудшалось положение крестьянина сохранением за сеньором (помещиком) целого ряда особых прав, связанных опять-таки с его „верховной собственностью" на землю. Хочет поселянин продать свое зерно—он наталкивается на агентов сеньора, взимающих с него ярмарочные и рыночные пошлины; переправляется он через реку—с него берут дорожный сбор; надо оградить ему свои посевы от дичи—перед ним исключительное право сеньора на охоту и на разведение голубей, выклевывающих крестьянские поля; необходимо ему размолоть зерно—он обязан везти его на господскую мельницу; он нередко не имеет права даже испечь хлеба в собственной печи.

Жакерия.

Пережила Франция в середине XIV века и попытку вернуться к чисто крепостным порядкам и, как следствие этого, массовое восстание крестьян—„Жакерию" (от презрительного прозвища крестьян: „Жак-боном", или по-русски—„Яшка-простофиля").

Основные причины и характер этого движения были схожи с английскими. Но к „черной смерти" присоединились

во Франции и ужасные опустошения от „столетней войны“, которую вели французские феодалы с английскими. Эта война длилась с середины XIV в. до середины XV в.; значит, в описываемую эпоху она была еще в начале, но уже очень сильно дала о себе знать. Сначала англичане имели значительный успех и захватили почти всю Францию, однако в дальнейшем французам удалось их изгнать из своей страны. Основной причиной войны была богатейшая Фландрия (центр суконного производства), которую обе стороны мечтали захватить. В конце-концов, в результате чумы, войны, неурожаев целые области обезлюдели, поросли мелким лесом, кустарником и бурьяном, и там, где некогда красовались многолюдные поселения, сплошь и рядом ютились одни только дикие звери. „Англичане посеяли во Франции лес“, как говорили тогда.

Восстание произошло в 1358 году, и к нему быстро присоединились до 100 тысяч человек. Возмущение крестьян совпало с революционным выступлением парижских ремесленников и бедноты, под предводительством торговца Этьена Марселя. И то, и другое выступление окончилось полной неудачей. Для подавления крестьянского восстания французские и английские феодалы на время позабыли свою вражду и соединенными силами обрушились на общего классового врага. Месть феодалов была ужасна: „жаков“ избивали тысячами, сжигали их живьем, не отличая правого и виноватого, не щадя стариков и детей. За один месяц было убито до 20 тысяч крестьян.

Дальнейшие судьбы крестьянства.

После Жакерии процесс раскрепощения продолжался своим чередом, но окончательного освобождения от феодального гнета крестьяне достигли лишь во время „великой революции“ конца XVIII века. До тех же пор на подавляющей массе французского крестьянства тяготел описанный нами выше порядок „сеньоральной зависимости“.

Но Франция не пережила и того массового обезземеления крестьянства, которое наблюдалось в Англии. Не пережила она и английского улучшения земледельческой техники, до конца XVIII века находившейся во Франции в жалком состоянии. Эти особенности развития об'ясняются тем, что Франция не была в те времена втя-

нута, подобно Англии, в международную торговлю продуктами сельского хозяйства. Вот почему проникновение капитала в эту область было крайне незначительным, и мелкое, зависимое от сеньора крестьянское хозяйство оставалось основой французского земледелия.

§ 23. Сельскохозяйственный строй и движение крестьян в Германии.

В Германии судьбы крестьянства были различны в западной и восточной ее частях.

На Западе (старо-немецкие земли) начиная с XIII—XIV веков происходило знакомое уже нам перерождение крепостных порядков в состояние „сеньоральной зависимости“. Но после „черной смерти“ здесь так же, как и в Англии и во Франции, начались попытки вернуть старый, чисто крепостной, уклад. Мы знаем, что в Англии и во Франции такие попытки не остановили, в конечном счете, процесса раскрепощения. Но не то было в Германии (западной): здесь хотя и не вернулись целиком старые, чисто феодальные, порядки, однако надолго установился строй, представляющий собой нечто среднее между „сеньоральной зависимостью“ французских крестьян и старым крепостничеством.

Особенно тяжелым оказалось положение крестьян к концу XV—началу XVI веков. Помещики, подталкиваемые торговым капиталом, захватывали обширные земли, увеличивали барщину и оброки, ограничивали права передвижения крестьян, стараясь их снова прикрепить к земле. Все эти несправедливости крепостников „юридически обосновывались“ учеными законниками, вызывавшими к себе острую ненависть крестьян. Эту ненависть разделяли с юристами церковники и купцы. Первые, кроме обычных помещичьих повинностей, требовали еще „десятины“ в пользу церкви; купцы же, об'единяясь в компании, скупали за бесценок сельскохозяйственные продукты и в то же время вздували цены на необходимые крестьянам промышленные изделия. Те же купцы выступали зачастую и в качестве ростовщиков.

Великая крестьянская война.

Как и в других странах, крестьяне ответили на поворот к старым порядкам рядом восстаний, которые закончились в 1524 году единым мощным движением, известным под именем: „великой крестьянской войны“.

Крестьянское восстание, поднявшее сотни тысяч людей, возникло почти одновременно во всех западных областях Германии. Крестьяне, вооружившись чем попало, собирались в отряды, разорявшие помещичьи и монастырские усадьбы и наводившие ужас на охваченных паникой феодалов. К крестьянам присоединились некоторые города; им везде сочувствовала городская беднота; на их сторону перешло даже несколько знатных рыцарей. Многие крупные феодалы, при виде мощи широчайшего народного движения, были уверены в скором конце своей власти.

В разных районах крестьяне действовали независимо друг от друга и выставляли различные требования. Однако, во всех требованиях были и свои общие черты. Передадим последние словами современника.

„Крестьяне хотят, во-первых, принадлежать только одному Христу и не хотят знать никаких других господ; во-вторых, они решительно отказываются от всякой барщины и не хотят давать ни кур на масляницу, ни малой десятины (с овощей и плодов); они говорят, что это совершенно противно братской любви и что ни один текст евангелия не говорит о таких обязанностях; в-третьих, они и слышать не хотят ни о каких налогах, податях и оброках; в-четвертых, по их мнению, все речные воды, все леса, птицы воздушные и разная дичь должны быть предоставлены всем в полное распоряжение, потому что все это сотворено для пользы и нужд всех людей“.

Очень характерны в приведенных словах ссылки на евангелие, Христа и т. п. Дело в том, что религия была в то время единственной всеобщей (универсальной) идеологией. Поэтому почти все общественные движения феодальной и торгово-капиталистической эпох проходили под внешними лозунгами религиозного характера, прикрывавшими истинную классовую сущность борьбы. Приведем, для иллюстрации способа изложения революционных требований того времени, один из тезисов знаменитых „Двенадцати статей“ этого манифеста восставших крестьян. (Приведенный выше отрывок представляет собой краткое резюме общих требований этого же манифеста, появившегося в феврале 1525 года). Обращаем внимание на

бесчисленные ссылки на священное „писание“, на которое, в свою очередь, ссылались и дворяне, беспощадно подавляя восстание.

„Итак, христианин, читай внимательно эти тезисы и глубже внимай и обсуждай их...

. . . В-третьих, до сих пор было в обыкновении считать нас чужой собственностью, но это противно священному писанию потому, что Христос своею божественною кровью всех нас искупил и всем нам даровал спасение (Ис. 53, 1 Петр 1, Коринф. 7, Рим. 13), начиная от последнего пастуха до могущественнейшего монарха. Вот почему священное писание говорит, что мы свободны, и мы хотим на самом деле быть свободными (Премудр. 6, 1 Петр. 2). Это не значит, что мы хотим необузданной воли и не признаем никаких властей. Мы должны жить по заповедям,



Рис. 44. Крестьянский отряд.

а не по внушениям греховной плоти (5 Моис. 6, Матф. 4), мы должны любить Бога, как своего творца, и познавать его в ближних, которым мы обязаны доставлять все то, что сами желали иметь бы, по слову Спасителя на тайной вечере (Лука. 4, 6 Матф., 5 Иоан. 13)... Итак мы не нарушаем покорности, потому и вы должны, с своей стороны, поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами“...

Одним из вождей восставших был бывший священник Фома Мюнцер, проповеди которого носили яркий коммунистический характер. Мюнцеру удалось даже организовать своеобразную коммунистическую общину в городе Мюльгаузене, которая более 2-х месяцев держалась против феодалов.

Крестьянская война, несмотря на ее размах, окончилась так же, как восстание Тайлера и Жакерия. Крестьяне

были плохо вооружены, действовали разрозненно, не сообразуясь со своими товарищами, легко поддавались предательской лжи врагов. Феодалы заманивали толпы крестьян самыми широкими обещаниями и затем, когда крестьяне, поверив этим обещаниям, складывали оружие и направлялись по домам, их безоружных избивали целыми массами.

Весной 1525 г. восстание было подавлено. При этом крестьян истязали самым бесчеловечным образом, сжигали главарей на медленном огне, сдирали с живых людей кожу, сметали с лица земли целые селения. До 100 тысяч человек крестьян пало жертвой лютой ненависти помещиков и их приспешников.

В дальнейшем положение крестьян Западной Германии еще более ухудшилось. Феодальные порядки были отменены здесь лишь в самом конце XVIII и начале XIX веков.

Закрепощение в восточных областях.

В Восточной Германии (славянские земли, колонизованные немцами) развитие шло несколько по-иному. Пока здесь было много свободной земли и мало рабочих рук, крестьяне-переселенцы, платя небольшие денежные суммы и отбывая незначительную барщину, почитались *свободными людьми*.

Такие „вольные“ порядки продолжались до XV—XVI столетий, когда *крупная хлебная торговля*, развивавшаяся на побережьи Балтийского моря, резко изменила картину. Помещики, раньше помышлявшие больше о войне и охоте, сразу почувствовали вкус к торговле и ненасытную жажду денег. Они стали захватывать пустопорожние земли и скупать или иным, часто насильственным, способом прибирать к рукам крестьянские участки. Таким путем быстро увеличились размеры поместий. Но для крупного хозяйства нужны и многочисленные рабочие руки. Вольнонаемных рабочих в тех краях было неоткуда взять, поэтому помещики пошли по самому простому для них пути: принудительного прикрепления крестьян к земле и уничтожения их личной свободы.

Таким образом к XVII веку в восточной половине Германии окончательно установились тягчайшие крепостные порядки, которые, по словам современника, не оставляли крестьянину „ничего кроме жизни в голоде и нищете“. Помещики основывали свое благоденствие на хлебной торговле, получение же хлеба—на подневольном барщинном

труде, превратившемся для крестьян (по словам того же современника) в „египетскую казнь“, в мучения, „которых не могли бы придумать даже турки и другие язычники“.

Мы сейчас увидим, что подобные порядки почти в то же время установились и в России.

§ 24. Сельскохозяйственный строй и положение крестьян в России.

Развитие капиталистической торговли сельскохозяйственными продуктами во всех тех странах, где почему-либо оказывался недостаток рабочих рук для помещичьих имений, неизбежно приводило к установлению или возвращению (хотя бы временно) тяжелой крепостной зависимости крестьян. В этом отношении особенно характерна Россия, с ее огромными пространствами и неисчерпаемым запасом земель для колонизации; здесь суровые крепостные порядки, установившиеся с XVIII века, были даже не возвращением к старине, а чем-то новым, привнесенным в русскую жизнь ростом торгового капитала.

Русское крестьянство к половине XV века было в значительной мере обезземелено, и большинство крестьян того времени „садилось“ на чужие земли—государевы, боярские, монастырские. Садясь на чужую землю, крестьянин заключал с землевладельцем особый договор—„порядную грамоту“, что обычно сопровождалось получением от помещика ссуды или „подмоги“ на хозяйственное обзаведение. Крестьянин, живший на правах зависимого арендатора, мог уйти от землевладельца, но предварительно вернув ему ссуду и заплатив особое „пожилое“ и „повоз“. Самому крестьянину по его маломощности это трудно было сделать: он фактически оказывался обычно неоплатным должником. Такова была цепь, привязывающая крестьянина к земле. Хотя она и была тяжела, но до крепостной зависимости от нее было еще достаточно далеко. Крестьянин, как-никак имел право ухода, да кроме того мог при случае перейти к другому землевладельцу, нуждавшемуся в рабочей силе и согласному заплатить за него „боярское серебро“ и другие пошлины. Надо сказать, что это и практиковалось довольно часто.

Крестьянин был обязан помещику незначительной барщиной (дней 8—10 в году) и натуральным оброком в виде хлеба, баранины, сыра, яиц и пр. Пока на Руси господствовало натуральное хозяйство, такой порядок вполне удовлетворял землевладельцев, большинство которых было крупными и знатными феодалами.

Но вот в хозяйственной жизни Московской Руси XVI века произошел чрезвычайно важный перелом: натуральная система заколебалась, и на смену ей выступили начатки товарно-денежного хозяйства.—Именно „начатки“, ибо работа еще шла не целиком, а лишь отчасти на рынок. К этому времени сильно развивается ремесленное производство, представители которого нередко сидят целыми деревнями и платят подати уже не хлебом, а изделиями своего промысла. Эти „непашенные люди“ наполняют также многочисленный ряд „погостов“, „рядков“ и маленьких городов, с населением в 400-800 человек. Они же селятся и в таких центрах, как Москва с ее двухсоттысячным, во времена Грозного, населением. (По одной Ярославской дороге в Москву ввозилось ежедневно до 700 возов со с‘естными припасами). Ясно, что в связи с ростом производства и городского потребления быстро развивается торговля, о характере и размерах которой мы уже знаем (см. главу VI).

Последствия проникновения торгового капитала в сельское хозяйство были очевидны. Помещик начал с перевода негибкого натурального оброка в денежный, который скоро достиг в неземледельческих областях 75% всех платежей. Правда, в земледельческих районах деньги составляли всего 20%, но зато остальной оброк был тоже не старого типа: помещик начал требовать не раз навсегда установленного количества хлеба (хлеб был товар, то-есть те же деньги), а известной доли урожая, доходящей до его половины. Заметим к этому, что хлебные цены за 50 лет увеличились почти в 10 раз.

Однако, помещику оброка было мало: он сам начал „производить“ сырье, всячески увеличивая незначительную раньше барскую запашку. Для такой запашки нужны многочисленные рабочие руки; отсюда—стремление помещика во много раз увеличить тяжесть барщинного труда. Одновременно, увеличившийся спрос на хлеб толкал к

улучшению земледельческой техники: в это время происходит в России переход от перелога к трехполью.

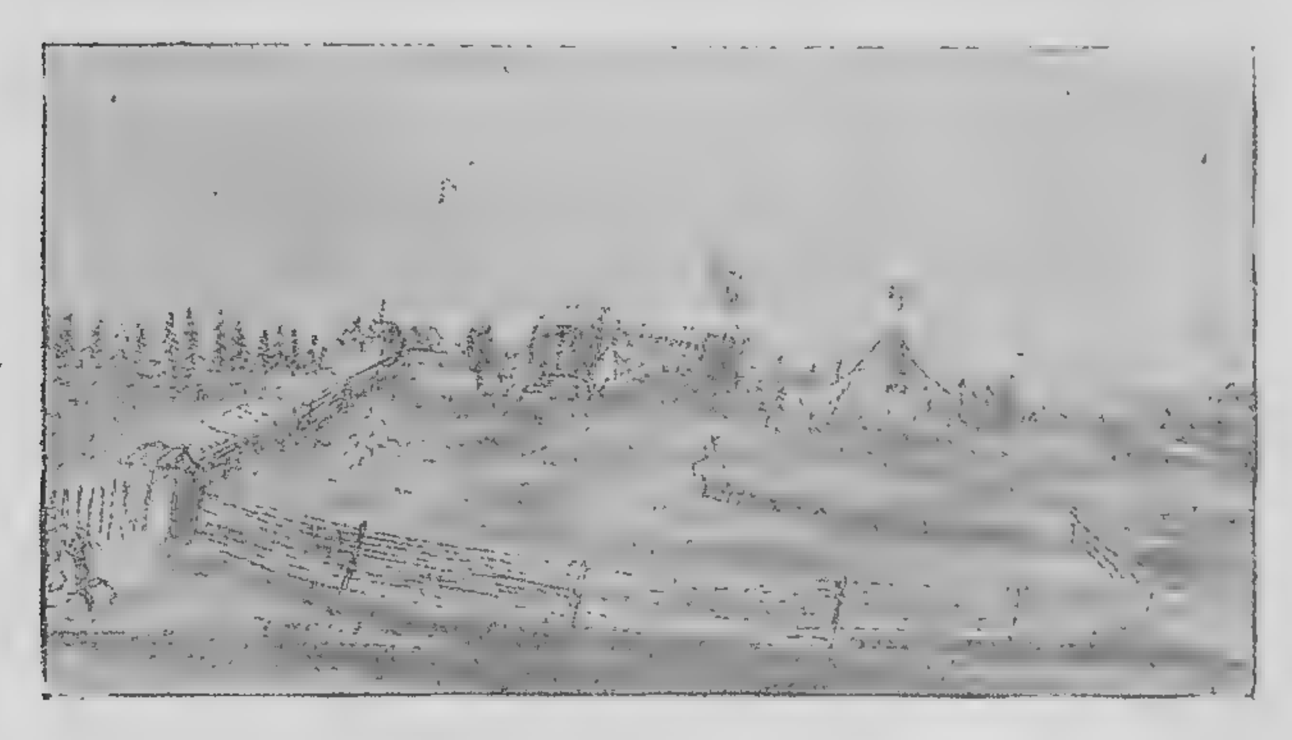


Рис. 45. Боярская усадьба.

В результате всего этого, старые формы прикрепления крестьянина оказались совершенно недостаточными. Для помещика выяснилась необходимость надежно и



Рис. 46. Село.

„навсегда" прикрепить крестьянина и притом не только к земле, но и к своей личности. Полная крепостная земельная и личная зависимость,—вот к чему стремился

русский землевладелец конца XVI и начала XVII веков; это и было достигнуто, но только уже не старыми, знатными феодалами, а новым классом среднего, служилого дворянства.

К этому времени класс землевладельцев распался на две, а вернее—даже на три части. В него входили, во-первых,—бояре, потомки бывших князей и других крупных феодальных землевладельцев, полные собственники родовых, полученных от предков, имений—вотчин („отчин", от отца полученных). Во-вторых—мы видим новых, мелких и средних землевладельцев—дворян (от слова „двор"—придворный), владельцев полученных от государства под условием службы поместий, которыми они не имели права распоряжаться (продавать и т. п.) и оставлять по наследству. В дальнейшем эта разница между „поместьем" и „вотчиной" мало-по-малу сгладилась. Третьей частью было церковное, главным образом монастырское землевладение. Оно было очень велико. К примеру, Кирилло-Белозерский монастырь (не из богатейших) имел в XVI веке 20.000 десятин пашни, а прочей земли ему принадлежало столько, сколько имеет сейчас небольшое самостоятельное государство.

Крупное (феодальное) и мелкое (дворянское) землевладение.

Первая половина XVI века ознаменовалась кризисом нашего феодального, „боярского" землевладения, не смогшего быстро приноровиться к резко изменившимся хозяйственным условиям. Служебные обязанности и придворные отношения не способствовали уменью и охоте князя или боярина входить во все мелочи сильно усложнившегося земледельческого хозяйства. С другой стороны, содержание обширного „двора", массы тунеядной челяди и дружины, при необходимости покупки хотя бы части продуктов, разоряли крупного феодала. Средний же дворянин не только не тратил деньги на свою службу, но еще сам получал за нее жалованье. Он сам входил во все подробности своего небольшого хозяйства, которое вообще легче организовать, чем крупное. Борьба государственной власти с феодалами („опричина" Грозного, см. след. главу) еще более помогла победе мелкопоместного дворянина.

Но если старые „вотчины" не сумели использовать денежного хозяйства, то новые „поместья" переисполь-

зовали его. Новые землевладельцы, хищнически эксплоатируя имения, старались выжать из них побольше денег в наикратчайший срок. Падение ценности денег (ср. Зап. Европу в то время) подталкивало их на этот путь. К концу XVI века это хищническое хозяйство столкнулось с собственным своим неизбежным результатом: землю некому стало обрабатывать. Распуганное новыми порядками крестьянство разбредалось куда глаза глядят—и на далекий север, и в степь, а всего больше на Оку и Волгу.

Мелкопоместное дворянство страдало не только от этих „уходов“, но и от „переходов“ своих крестьян к переманившим их более богатым собственникам. Вот почему при-



Рис. 47. Русские крестьяне XVII века.

крепление крестьян и началось с запрещением таких „свозов“.

Закрепощение.

В конце XVII века в „порядных“ *) уже часто встречается условие „крестьянству и впредь быть крестьянством“, „государю своему крепким быть безвыходно“. Несколько позже частных договоров появился целый ряд государственных законов, ограничивающих поначалу только переход крестьян, а затем и окончательно закабаляющих их помещику. Первые „указы“ появились в 1590-х годах, закончилось же это законодательство „Соборным Уложением“ царя Алексея Михайловича Романова в 1648 году.

По „Соборному Уложению“ крестьяне были навсегда прикреплены к земле, при чем это прикрепление

*) Крестьянская порядная, это—договор, условие, которое заключалось, с одной стороны, собственником земли, а с другой,—крестьянином, который на эту землю „садился“ для пользования ею.

распространялось на считавшихся прежде вольными жен и детей, братьев, племянников и других родственников зависимого землепашца. Крестьяне одновременно были отданы в полную личную зависимость от помещика. Был допущен перевод крестьян из одной вотчины в другую, обмен людей, дробление семьи и т. д. Господин получил право суда и расправы над своими крепостными. Уложение постановило при этом: „не верить крестьянам-изветчикам в доносах на господ ни в каких делах, кроме государевой измены". Все же обязанности и повинности крестьян остались без всяких определений и подчинялись поэтому произволу „барина". На имущество крестьянина закон смотрел, как на собственность землевладельца. Вскоре жизнь пошла еще дальше, и началась купля-продажа крестьян без земли, т.-е. крестьяне были превращены в настоящих рабов.

Крестьяне, как и на Западе, ответили на такой нажим рядом восстаний, из которых наиболее замечательны: движение Болотникова в начале XVII века (в „смутное время") и Степана Разина в конце того же столетия.

Восстание Разина.

Восстание Разина было казацко-крестьянским,—недаром оно вышло с вольного казачьего Дона, а затем распространилось на крестьянские области Поволжья. Казаки вообще играли очень активную роль во всех народных движениях XVII—XVIII веков.

Казаками назывались вольные, воинственные поселенцы, ушедшие или убежавшие за рубеж Московского государства, туда, где власть царя существовала только по имени. Там предприимчивые, смелые люди основывали вольные поселения, занимаясь главным образом рыболовством и промысловым хозяйством, а также не брезгуя и набегами на татар, турок, персиян и т. д. Правда, и самим казакам приходилось все время обороняться от татарских орд, но это только сплачивало их в своеобразную военно-бытовую организацию. Крупнейшими казачьими центрами были: Запорожье, Дон и Урал. Московское государство боялось, с одной стороны, казаков, а с другой,—нуждалось в них для защиты от татар. Отсюда—двойственная политика, только озлоблявшая казаков, видевших от государства или утеснения, или натравливанье на соседей.

Но вернемся к восстанию Разина, загоревшемуся, как сказано, на Дону, а затем перекипувшемуся на Нижнюю

Волгу. Здесь тоже было много горючего материала: Волга была главным торговым путем Московской Руси, и вдоль нее скоплялось множество безземельного люда—грузчиков, бурла-



Карта № 13. Разиновщина—карта ее распространения.

ков, торговых служащих, ремесленников и т. д. Волжское крестьянство эксплоатировалось сильнее, чем где-либо в другом месте: земли у помещиков было много, хозяйство было товарного типа, а рабочих рук мало.

Степан Разин легко собрал вокруг себя множество недовольных из числа всех этих групп и захватил Астрахань. Дальше пал Царицын (Сталинград), и восставшие двинулись вверх по Волге по направлению к Москве. Однако под Симбирском они были наголову разбиты новыми, по-заграничному обученными, Московскими войсками. Разин был захвачен в плен и казнен в Москве.

Как на Западе, так и у нас борьба крестьянства, связанная с развитием торгового капитала, оказалась тщетной.

Торговый капитал и крепостничество.

Беспрерывно возраставший у нас купеческий торговый капитал великолепно использовал крепостную систему. Ограбление купцами крестьян, правда, шло косвенно, через помещика, но зато организованно и верно. Помещик выжимал из крестьянина все, что было возможно, и, даром получая от него излишки (только ли излишки?!) продуктов его труда, поставлял на рынок до последнего предела удешевленный хлеб. Здесь его скупали купцы для дальнейшей перепродажи. Помещик, конечно, при этом получал добрую долю торгового барыша в свою пользу (купцы жаловались, что даже слишком добрую,—им мало оставалось). Когда, со второй половины XVIII века, Россия вышла на широкую дорогу заграничной хлебной торговли, пресс крепостной зависимости стал завинчиваться еще туже. Вообще, чем бойчее шла торговля сельскохозяйственным сырьем, тем тяжелее было положение крепостных, ибо тем больше выгод сулила их эксплоатация.

К середине XVIII века крепостное хозяйство сложилось в таком виде: крепостные отбывали в пользу владельца: 1) барщину или „изделье“, 2) платили денежный оброк и, кроме того, 3) доставляли помещику разные мелкие так называемые „столовые запасы“ и случайные поборы.

Барщина состояла: 1) из работы на барском дворе, 2) полевой работы—„страды“, и наконец, 3) „повоза“, т.-е. обязанности доставлять на крестьянских подводах всякие сборы и хозяйственные продукты на барский двор, а часто и на рынок, отстоящий порою на сотни верст.

В центре барщины, естественно, стояли полевые работы.—„По большей части почитается за правило,—говорится в „Наказе для прикащика“ 1770 года,—чтобы крестьянин столько же земли пахал на господина, сколько он для себя вспахать может или сколько под собой имеет... Легче и способнее сего для них (крестьян) быть уже не может, ибо часто

случается, что они и гораздо более половины на господина пашут". Встречались и „такие строгие помещики, которые крестьянам и одного дня в неделю на себя работать не дают". В последнем случае крестьяне превращались в безземельных рабов, получавших от владельца пропитание натурой или „месячину".

До пяти месяцев длилась барщинная „страда" летом, и до 2½ — зимний „повоз". Но барин находил, что и за всем тем у мужика все же остается слишком много свободного времени. „От праздности крестьяне не только в болезнь приходят, но и вовсе умирают,—писал один помещик,—спят довольно, едят много, а не имеют муциону". Чтобы обеспечить крестьянину этот „муцион", самое простое было выгнать его на заработки в город и заставить заниматься на месте кустарным промыслом. И то и другое, как отчасти мы уже знаем, широко практиковалось при крепостном строе.

Но говоря о заработках „на стороне", мы уже говорим об оброке. На черноземе господствовали барщинные имения; в более же промышленных и менее плодородных районах — оброчные. Крестьяне предпочитали оброк барщине, потому что при нем они были более независимы от барина; но из этого отнюдь не следует, что при такой системе хозяйства помещики меньше эксплоатировали своих крепостных.

Никаких границ в определении величины оброка помещик не знал и знать не хотел. Единственной границей было: брать столько, сколько выдержит крестьянское хозяйство,—брать как можно больше. Вот один пример помещичьей энергии и уменья в выжимании оброка. В Московской губернии была Гуслицкая волость, которая раньше принадлежала к числу „государевых", а затем перешла к помещикам Лопухиным. Государевы чиновники, тоже, вероятно, не щадившие крестьян, получали с нее всякими поборами 3,000 руб., а помещики сумели из нее выжать в пять раз больше—целых 16.000 руб.

Легким в начале XIX века считался оброк в 60 руб. с „тягла", т.-е. самостоятельной крестьянской семьи. Но, как мы только-что заметили, многие помещики, не довольствуясь этим, своими непосильными поборами выбивали из крестьян последнее. Недаром один губернатор (сам дворянин-помещик) заметил по поводу таких оброков: „что же затем у крестьянина оставаться может к содержанию домоводства в порядке". Разумеется, ничего не оставалось,—другими словами, крестьянин должен был весь прибавочный продукт, без остатка, обращать на уплату оброка.

И оброчная, и барщинная системы сводились к одному—они выжимали из крестьянского хозяйства весь производимый в нем прибавочный продукт и тем тормозили его дальнейшее развитие. Сколько ни бейся крестьянин, он при крепостном строе не мог выбиться из своего жалкого существования. Бывали, конечно, отдельные исключения, но они лишь подтверждали общее правило.

Жизнь крестьянина в XVIII веке. Известный писатель конца XVIII века Р а д и щ е в дает нам яркую картину той обстановки, в которой жил тогда русский крестьянин:

„Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы: четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, при коей лучшая защита от холода, это дым, всякое утро, зимою и летом, наполняющий избу; окна, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень еле пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одной из них всякой день есть пустые щи), деревянная чашка и кружки, тарелками называемые, стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая лучина как будто в тумане или за завесой кажется. К счастью кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки с лаптями для выхода. Что мы крестьянину оставляем? То, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух. От'емлем нередко у него не токмо дар земли—хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает от'яти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов от'яти у него постепенно. С одной стороны—почти всесилие; с другой—немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и по желанию своему истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме".

Помещичье управление. Уже из слов этого отрывка видно в с е с и л и е д в о р я н и н а - п о м е щ и к а в с в о е м и м е н и и. Он был „царь и бог" для своих крепостных. Управление помещика было построено по типу самодержавного государства. Во главе—помещик, вводящий в жизнь свои постановления через центральное учреждение, называемое „д о м о в о й к о н т о р о й". Отсюда рассылались приказы по деревням, здесь же получались донесения должностных лиц и просьбы крестьян. Главными должностными лицами являлись п р и к а з ч и к и и л и у п р а в и т е л и. Обычными были всяческие злоупотребления могущественных приказчиков, которых зачастую сами помещики нелестно именовали: „двухголовыми архибестиями", „ночными хищными волками", и которых обещали при случае „раздавить как лягушек".

Власть помещика не ограничивалась только требованием с крестьян повинностей и платежей. Помещики вмешивались в о в с е п р о я в л е н и я ж и з н и своей „крещеной собственности". Барин „издавал" полицейские распо-

ряжения, регулирующие до мелочей жизнь крестьян, отдавал по своему усмотрению девушек замуж и женил юношей, требовал от крестьян исполнения религиозных обря-

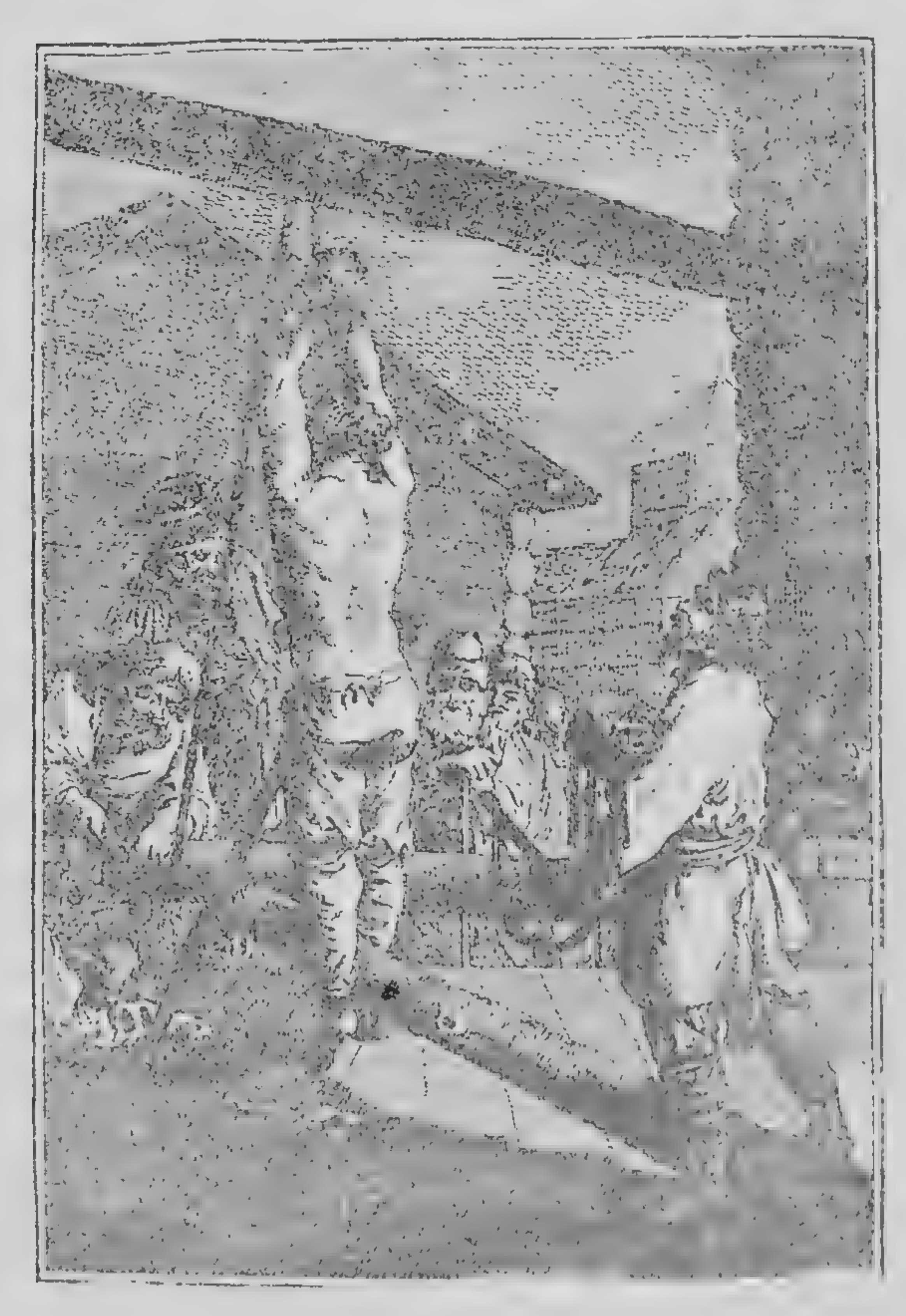


Рис. 48. Наказание кнутом.

дов, переселял их из одного имения в другое, иногда обращал дворовых в актеров своего театра, нередко забирал девушек в свой „гарем“ и пр. и пр.

Суд и расправа. В имениях господствовал свой помещичий **суд и расправа** и своя дворянская **полиция**. Только за важнейшие уголовные дела крепостные подлежали государственному суду, в остальном же их судили сами помещики. Помещики имели право не только телесных наказаний по отношению к крепостным, не только могли запороть их до полусмерти, но могли („за дерзкое поведение“) сослать их даже на каторжные работы.

Не довольствуясь такими правами, дворяне далеко выходили за их пределы. Один из тысячи возможных примеров. В 1767 г. в Орловской губернии помещик Шеншин соорудил особое здание для пыток. Главным орудием его была дыба: „пытаемый за руки прикреплялся к верхней части дыбы; к ногам привешивалось бревно, которое сначала само действовало своей тяжестью, потом, по указанию помещика, его начинали потряхивать сперва слабо, потом все сильнее, сильнее. Ноги и руки пытаемого вытягивались, кости вывихивались, сухожилия лопались. При этом велся допрос по вымышленному „преступлению“. После дыбы для потерпевшего готовились новые испытания: ему палили ноги горящим веником, секли кнутом и батогами“... Ряд лет безнаказанно измывался этот зверь над своими людьми. Да и кому было наказывать таких помещиков, когда суд и вообще вся власть была в руках самих же помещиков, во главе с „самодержавным“ царем.

Мы уже не говорим о тех „рядовых“ измывательствах над личностью крепостного, которые были самым обычным явлением, в роде: разлучения родителей и детей, принудительных браков, вымениванья людей на собак, продажи их по газетным об‘явлениям...

„Продаю за недорогую плату крестьянскую семью: мужчину, бабу с двумя подростками мужского пола 14 и 12 лет. Здесь же продаются почти новый тарантас и барские сани“. (Из газеты „Московские Ведомости“ за 1797 г.). Цены на людей были невысоки: за хорошего, взрослого работника платили 100—120 рублей; за красивую девушку—25 руб.; но мы имеем сведения и о продаже двух девушек за 5 рублей. В то же время за породистого борзого щенка платили до 3.000 рублей.

Крепостная община. В XVIII веке в России, по инициативе помещиков, складывается **крепостная община**. Община выбирала своих должностных лиц и отвечала за своих сочленов по „**круговой поруке**“. Крестьяне отвечали один за другого, а весь „мир“ за всех, кто бы ни был виноват. Для помещиков и для государства (при сборе налогов) такой порядок был, очевидно, очень удобен.

Первой особенностью этой общины были **переделы** крестьянских наделов с тем расчетом, чтобы приблизительно уравнивать их (помещик собирал повинности с тягла, поэтому ему было выгодно их уравнять для простоты расчетов). Но земля не равна по своим достоинствам,

отсюда разбивка ее на полосы разного качества с тем, чтобы в каждый надел входили полосы и получше и похуже. Так получилась чересполосица. С этим очевидно свя-



Рис. 49. Пугачев в клетке.

зан и принудительный севооборот, т.-е. ведение каждым той же системы хозяйства, что и у всех других.

Пугачевщина.

Крестьяне отвечали на помещичьи притеснения побегами, иногда убийствами господ или поджогами усадеб, рядом мелких волнений... На фоне этого постоянного глухого брожения ярко выделяется грозная „пугачевщина“, о которой долго еще с трепетом вспоминали дворяне.

При усилении хлебной торговли, во вторую половину XVIII века, барщина порою доходила до того, что крестьянину приходилось работать на помещичьем поле всю неделю, уделяя своему жалкому наделу только ночи, праздники и воскресные дни. Особенно силен был гнет в хлебородных, но бедных людьми Поволжских губерниях. В соседних же Уральских областях дело еще усложнялось невероятной эксплоатацией рабочих и крестьян на местных „горных заводах“, озлоблением яицких казаков (Яик—река Урал) против атаманов и властей и беспримерными насилиями над башкирами. Страшным озлоблением, царившим в этих местах, воспользовался Емельян Пугачев, донской казак по происхождению, поднявший восстание в 1773 году на Уральских заводах, среди яицких казаков и степных башкир. Заводы снабдили Пугачева артиллерией, ядрами, порохом и работали на него. Так с целой армией Пугачев явился на Поволжье.

Он обещал в своем манифесте: освобождение крестьян от крепостной зависимости, возвращение им всей их земли и угодий, отмену подушной подати и рекрутчины, устранение всех дворянских и чиновничьих насилий. Пугачев призывал крестьян помогать ему, и самим „ловить, казнить, вешать помещиков—противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян“.

Все Поволжье стало на сторону Пугачева; крестьяне толпами стекались под его знамена; города при его приближении высылали к нему депутации с хоругвями и хлебом-солью. Запылали помещичьи усадьбы: народ, грозно и беспощадно убивая и разоряя своих притеснителей, мстил за свои обиды. Отзвуки „пугачевщины“ докатились до центральных губерний, где дворянство, дрожа от страха, с минуты на минуту ждало „холопьего бунта“. В Москве и в Туле волновались „фабричные“ и „мастеровые“... Пугачев, удерживаемый казаками, не пошел однако в центральную

Россию, а остался в Поволжье. Это было для него несчастьем, так как правительство Екатерины II, мобилизовав все силы и лучших своих генералов (Суворова), понемногу победило восстание, не успевшее распространиться на коренные помещичьи области.

Многих помещиков истребил Пугачев, много страху нагнал он на дворянство, но, в конце-концов, разбитый правительственными войсками, был выдан казаками и казнен в Москве 10 января 1775 года.

Крестьянское восстание было подавлено с варварской жестокостью, целые деревни были „сбриты" карательными отрядами. И еще долго у деревень красовались виселицы и колеса на „страх злодеям и преступникам подлого состояния".

Крепостной строй просуществовал в России до середины XIX века. Его падение об'яснялось нарождением у нас промышленного капитализма.

Итог.

Итак, в части стран,—в России в первую очередь,—торговый капитал усилил крепостную зависимость, а вместе с ней и классовую борьбу крестьян против помещиков. В других странах он или сохранил, вызывавшие постоянные волнения крестьян, пережитки феодального гнета, или—„в лучшем случае"—повел к постепенному обезземелению крестьянства. Лишь в немногих местах начавшееся с проникновением капитала раскрепощение было доведено до полного завершения (в Нидерландах, к XVII в.—в северных провинциях).

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к §§ 20—24.

Что такое натуральное и товарное хозяйство? Как шло внедрение денег в сельское хозяйство? Как переход к денежно-товарному хозяйству отразился на земледельческой технике и на положении крестьян?

Как шло раскрепощение крестьян в Англии? Что (и когда) помешало этому процессу? Чем было вызвано и какие имело результаты „восстание Уота Тайлера"? Когда крепостное право окончательно исчезло в Англии?

Какими своеобразными чертами отличался процесс раскрепощения во Франции и к какому положению крестьян он привел? Каковы причины и результаты „Жакерии"?

Чем об'ясняется различие в судьбах крестьянства в западной и восточной Германии? Чем была вызвана „великая крестьянская война"? Каковы были требования крестьян? Чем закончилось это движение?

Какова была дальнейшая судьба крестьян в средней и западной Германии? А в восточной Германии?

В чем своеобразие судьбы крестьян в России в эпоху развития торгового капитала? Чем его можно об'яснить? Как шло закрепощение крестьян в России (главные этапы)? Каково различие между вотчинным и поместным землевладением? Которое из них развивалось в связи с торговым капиталом? Когда совершилось окончательное закрепощение? Каким образом крестьянство пыталось бороться с угнетением? Кто такие были казаки? Почему они являлись застрельщиками народных движений тех эпох? Как торговый капитал использовал крепостничество? Каковы были главные обязанности крепостных крестьян? Что такое крепостная община? Каковы были общие причины, характер и результаты „Пугачевщины"?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ко всей главе.

Как отразилось внедрение торгового капитала в сельское хозяйство на положении крестьян (обычный ход процесса и отклонения от него)? В чем основная причина неудачи крестьянских восстаний? Были ли крестьянские движения эпохи торгового капитала прогрессивными или реакционными (способствовавшими развитию общества или задерживавшими таковое)?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УКАЗАНИЯ.

Кушнер.—„Очерк развития общественных форм", стр. 381—390, 436—471.

Андреев.—„История развития общественных форм", стр. 249—266.

Розенталь.—„История Европы в эпоху торгового капитализма".

Тарасов (ред.).—„Обществоведение", т. II, стр. 184—211 и т. II, отд. II, раз. I. (I изд.).

Ляшкевич.—„Торговый капитализм", отд. I, разд. V и отд. II, разд. II.—Подлинные документы („Двенадцать статей" и др.).

Викторов.—„История крестьянских движений XVII—XVIII веков". Изд. Свердловского ун-та.—Очень содержательная хрестоматия для углубленной работы.

Большаков и Рожков.—„История хозяйства России в материалах и документах". Вып. I.—Документы, характеризующие русское сельское хозяйство и положение крестьян в XV—XVI вв. То же для XVIII века в вып. II.

Покровский.—„Русская история" в полном (т. II) или сжатом очерке.

Энгельс.—„Крестьянская война в Германии".—Марксистская установка в анализе крестьянских движений тех эпох.

Кулишер.—„История экономического быта Зап. Европы", отд. III, гл. II—IV.—Об общем положении сельского хозяйства. Много материала, но требуется критический подход.

VIII. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
И ИДЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА

§ 25. Государство.

Экономика и политический строй.

Каждому экономическому укладу общества соответствует определенный политический строй. В феодальную эпоху меновые связи были незначительны, хозяйство распыленным. Феодальное поместье или небольшой город, окаймленный узким районом в несколько кв. километров, вели самостоятельную изолированную хозяйственную жизнь. В таких условиях не могло появиться сколько-нибудь крупного, централизованного государства. Государственная власть распылялась так же, как дробилось хозяйство. Что ни поместье, то почти самостоятельное государство. Феодал-землевладелец был маленьким царьком в своих владениях, вершителем судеб всего подвластного ему населения.

Класс феодалов господствовал в области экономических отношений, он же безраздельно и полностью держал в своих руках всю полноту власти политической.

Иначе обстояло дело с того времени, когда в хозяйственных отношениях укоренилось влияние торгового капитала.

Замкнутое, обособленное хозяйство сменилось широкими меновыми связями не только межрайонными, но и международными. Начало формироваться хозяйство национальное.

Потребность в сильном централизованном государстве.

Старая феодальная политическая система оказывалась теперь огромным тормозом для дальнейшего развития меновых связей. Как, в самом деле, могла процветать торговля, когда страна была раздроблена на множество карликовых обособленных феодальных государств, из которых каждое имело свои судебные порядки, свою монетную систему, свои единицы различных измерений? Кроме того, распыленная феодальная власть совершенно не гарантировала безопасности

торговли. На морях хозяйничали пираты, дороги были полны разбойниками, и сами феодалы зачастую не брезгали грабежом проезжего богатого купца. Но главным бичом для торговли были всевозможные поборы и налоги, которыми феодальные правители без всякой меры облагали купцов за провоз товаров или за производство торговли. Кажется, каждый шаг купца, хоть как-нибудь связанный с торговлей, облагался каким-либо особым сбором. Изобретательность феодалов в этом отношении была поистине изумительной. Способ же взимания поборов был очень прост: феодалы загораживали дорогу или реку и пропускали купцов не иначе, как за плату. Пошлины взимались под самыми различными предлогами и названиями: при переезде каждой границы, за провоз товаров по рекам, по мостам и дорогам, за право производства торговли, за остановки в пути и т. д., и т. п. В некоторых местностях З. Европы феодалы взимали особый налог за поднимаемую на дороге пыль, за колеса повозки или за ее дышло, за помятую траву и т. д. Не менее разнообразны были пошлины, взимаемые русскими феодалами. Эти пошлины назывались „мыт". Вот некоторые из этих мыт: „перевоз", „отвальные" и „причальные" (при проезде через реку), „мостовщина" (при проезде через мосты), „костки" и „головщина" (с лиц, сопровождающих товар), „лабазные", „амбарные", „гостиные" (за хранение товаров) и т. д.

Размеры пошлин были разнообразны и зависели от сорта товара, от личности купца и ряда других условий. Иногда они взимались деньгами, иногда натурой.

В 1218 г. каждый иностранный купец, везший пряности в Англию через город Сент-Омер, обязан был давать кастеляну фунт перцу. В Монтлери с пешего еврея взималось столько же, сколько со всадника или с вьючной лошади; с другой стороны, духовные или дворяне обыкновенно совсем освобождались от сборов. Иные сборы были не столь обременительны, сколь оригинальны: когда жонглер подходил к воротам Парижа, он обязан был лишь спеть один куплет перед привратником; человек, показывавший дрессированную обезьяну, давал представление и этим уплачивал свою пошлину.

Не трудно понять, какой вред приносили торговле подобные порядки. Вновь нарождающийся класс торговой буржуазии не мог мириться с подобной системой. Торговая буржуазия стала бороться за создание крупного, сильного, централизованного государства. Государство должно было быть теперь гораздо более сильным, чем раньше, в

феодальную эпоху. Если раньше классовые противоречия ограничивались противоречиями интересов феодалов-землевладельцев, с одной стороны, и крепостных крестьян, с другой, то теперь, кроме того, появились и новые все обостряющиеся противоречия между торговым капиталом и эксплоатируемыми им ремесленниками и кустарями, между различными прослойками феодалов, между феодалами и торговой буржуазией.

В этих условиях, то затихая, то вспыхивая и превращаясь в революции, происходила никогда непрекращающаяся классовая борьба.

Характер этой борьбы налагал свою печать на государственную организацию общества. И феодалы и торговая буржуазия являлись классами эксплоататоров. Чтобы сохранить за собой это положение, надо было обладать реальной силой, государственной властью,—этим „аппаратом принуждения“. Тот класс, экономическое преобладание которого было в данной местности более бесспорным, захватывал в большей степени государственную власть в свои руки. При этом могли быть разные сочетания классовых сил, порождающие не одинаковые формы государства. В большинстве случаев буржуазии приходилось в значительной степени разделять свою власть с феодальным дворянством, при чем последнее играло обыкновенно преобладающую роль. Государство такого типа, где оба эти класса делили между собой политическую власть, называют обыкновенно *дворянско-купеческим* государством.

Создание дворянско-купеческого государства.

В борьбе за установление сильной центральной власти торговый капитал главного своего врага имел в лице крупных феодалов. Но были у торгового капитала и союзники. В отдельных случаях он получал поддержку со стороны церкви, конкурировавшей с крупными светскими феодалами, но чаще всего на помощь приходило мелкопоместное дворянство. Интересы этих мелких землевладельцев находились в резком противоречии с интересами крупных феодалов. Борьба между ними велась прежде всего из-за земли, а затем из-за рабочих рук. Мелкопоместное дворянство готово было поддержать торговый капитал в его борьбе с крупными феодалами. Начиналась совместная борьба за уничтожение могущества отдельных феодалов и за создание сильной цен-

тральной государственной власти *). Прекрасным примером такого сочетания классовых интересов является страничка из русской истории, известная под названием „опричины". Здесь сильная центральная власть в лице русского царя Ивана Грозного боролась с феодальной аристократией, т.-е. с крупными землевладельцами (с боярством), опираясь, с одной стороны, на торговый капитал, а с другой—на мелкопоместное дворянство („опричину").

К середине XVI в. московские князья успели столь значительно выдвинуться из среды прочих русских князей, что они оказались центром, вокруг которого происходило „собирание" русского государства. Уже великий князь Иван III успел добиться „самодержавия". Он первый стал именовать себя в сношениях с иностранцами „государем всея Руси". Удельные князья утратили при нем право чеканить монету, право самостоятельно сноситься с иностранными государствами. Во время царствования Ивана III (1463—1505 г.) значение боярства было уже сильно поколеблено, но впоследствии оно вновь делает попытку вернуть себе былое значение. Этому способствовало некоторое изменение социального состава боярства. Теперь, с укреплением власти московского великого князя, многие бывшие самостоятельные великие русские и литовские князья идут к московскому князю в качестве его бояр, образуя его верхний слой. Это были Пеньковы—ярославские, Шуйские—суздальские. Ростовские, Патрикеевы—литовские. Вместе с бывшими великими князьями к московскому князю в бояре шли и бывшие удельные князья—Воротынские, Одоевские, Оболенские, Пронские и другие. Подчинившись московскому великому князю, это новое знатное боярство стремилось в „боярской думе" сохранить остатки своего былого политического значения. Эта аристократическая прослойка боярства готова была при каждом удобном случае усилить свое значение. Когда в 1533 году умер великий князь московский Василий III, его наследник Иван IV был еще трехлетним младенцем. Правление государством полностью перешло в руки бояр, верней—небольшой ее группы, которая называлась „избранной радой". Правление этой группы столь беззастенчиво осуществляло интересы крупного землевладения и так сильно увеличило эксплоатацию крестьянства, что в конце-концов вспыхнуло народное восстание, поддержанное и дворянством.

Дворяне имели много поводов для вражды с боярством. Их интересы во многом были противоречивы. Прежде всего дворяне были далеко не удовлетворены величиной своих земельных владений и с завистью смотрели на колоссальные владения крупных бояр. Кроме земельной тесноты недовольство дворянства вызывалось и нехваткой рабочих рук, так как богатые землевладельцы сманивали к себе крестьян. Вражда,

*) Не малую услугу государям оказало изобретение пороха. Применение огнестрельного оружия началось с конца XIII в. Оно увеличило назначение пехотных войск. Усилился спрос на наемные войска. Это нанесло непоправимый удар военному могуществу феодалов.

начатая из-за земли и из-за рабочих рук, обострялась в виду неодинакового отношения дворян и бояр к внешней политике государства. Бояре не находили большой выгоды в завоевательных военных предприятиях московских князей. Они скорее противились подобной политике, так как она приводила к новому усилению московского князя—победителя. Иначе на дело смотрели мелкопоместные дворяне. Для них война была главным источником существования. За военную службу они получали земли, на войне они обогащались грабежами. Не приходится удивляться, что они всячески поддерживали военные устремления московских князей.

В начале царствования Ивана IV противоречия в интересах бояр и дворян обострились до последней степени, и правление „избранной рады", как мы уже сказали, вызвало открытое восстание.

В этот момент силы были более или менее равны, и правящее боярство вынуждено было пойти на известные уступки. В 1550 году был созван первый земский собор. Дворяне получили важную уступку: местное управление было передано почти полностью в их руки. В тех областях, в которых местное население, руководимое дворянством, того желало, введено было земское самоуправление. Наместники и „волостели" там совсем уничтожались, и вместо них для управления всеми делами население выбирало „излюбленных" (т.-е. выборных) старост с „целовальниками" (присяжными). При этом старосты почти всегда выбирались из дворян, так что власть на местах на деле перешла к дворянству. Кроме того, вместо старого „корма", получавшегося наместниками и волостелями, население теперь вносило в царскую казну особую денежную подать—„кормленный окуп", которая шла на уплату жалованья дворянам за исполнение военной службы.

За счет этой уступки бояре выговорили себе огромные права в государственной власти. В принятом в 1550 году „Судебнике"—этой своеобразной русской феодальной конституции—царская власть была сильно ограничена в пользу боярской думы: без боярской думы царь *) не мог установить ни один новый закон.

Это была настоящая феодальная реакция. Долго она продержаться не могла, так как против боярского правления выступало не только дворянство, но и все увеличивающий свое значение торговый капитал. Мы уже знаем, почему торговому капиталу было выгодно поддерживать сильную власть самодержца против боярского правления.

Опричина.

Опираясь на московское купечество, а главное—на дворянство, Иван IV начинает борьбу с боярством. В 1564 году все государство было разделено на „опричину" **) и „земщину". Боярская дума управляла земщиной, докладывая царю лишь о важнейших делах. Опричиной же управлял единолично царь без вся-

*) Иван IV в 1547 г. „венчался на царство"; с этого времени московские великие князья стали называться „царями". (Слово „царь" происходит от имени римского императора Цезаря).

**) Термин „опричина"—означает „удел". Так в XIV веке назывались владения, выделявшиеся в полную собственность княгиням-вдовам.

кого вмешательства бояр. Территория земель, взятых в опричину, или „двор“, как она потом называлась, постепенно росла и в конце-концов, в 70-х годах XVI в., охватила половину всего московского государства.

В состав опричины вошли города и уезды, расположенные по торговой дороге на север (Александровская слобода, Вологда, Тотьма, Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск), по пути к Балтийскому морю (Новгород, Ст. Русса, Бежецкая и Обонежская пятины), по дороге в Литву (Можайск, Вязьма, Болхов, Карачев и др.), наконец на восток (место по среднему течению Волги от Ярославля до Балахны, а также Суздаль и Шуя) и владения князей ярославских, белозерских, ростовских, стародубских, суздальских, черниговских, северских (Воротынских, Одоевских и проч.).

Один перечень территорий, взятых в опричину, показывает классовую природу этого мероприятия.

Под непосредственной и безраздельной властью московского царя были сосредоточены земли, имеющие большое торговое значение, так как через них проходили главнейшие торговые пути, а также уезды и части уездов, где были расположены владения бывших удельных князей или их потомства. Ясно, что за спиной царя, вводившего опричину, стоял торговый капитал, а также и дворянство, стремившееся к ослаблению боярской аристократии. Как только тот или другой город с уездом отбирался в опричину, все землевладельцы этого уезда лишались своих имений, раздававшихся опричникам, и должны были подыскивать себе взамен их земли в уездах, принадлежавших к земщине.

Кроме того, опричина была прекрасным способом полицейской борьбы с боярами.

Опричники привешивали к седлу метлу, „выметать измену“, и собачью голову в знак верности царю и готовности загрызть его изменников. Возглавляемые Малютой Скуратовым, опричники действительно были жестокой политической полицией, но главное значение опричины было все же в вызванных ею социальных изменениях: опричина отнимала у бояр их земли, а вместе с тем и их политическое значение.

Опричина сломила боярство. Царское самодержавие одержало решительную победу, от которой выиграло одновременно и дворянство и торговый капитал.

Внешняя политика Ивана IV (Грозного) также была направлена в сторону интересов этих классов. Упрочившаяся самодержавная власть получила возможность осуществить

крупнейшие военные завоевательные предприятия. Прежде всего была получена Казань, которой владели татары. Взятие Казани открыло дорогу на восток, дало в руки Москвы ключ к Волге,—этой величайшей торговой дороге, связывающей Запад с Востоком. Вслед за Казанью пала Астрахань, тоже находившаяся под властью татар. Волга целиком была освобождена для московского торгового капитала, который получил теперь свободный выход к Каспийскому морю. В это же царствование была присоединена и Сибирь, завоевание которой не вызвало больших трудностей, так как население там было крайне редкое и находилось на очень низкой ступени развития. Зато стремление на запад, к выходу в Балтийское море, не увенчалось успехом. Война с Литвой, к которой присоединились Польша и Швеция, была Москвой проиграна.

Увеличение эксплоатации крестьянства.

Дворянство и представители торгового капитала, завладев властью, воспользовались ею, чтобы увеличить эксплоатацию крестьян. Дворяне получили в свои руки богатые боярские вотчины и начали грабить сидевших на боярских землях крестьян. Если раньше крестьяне должны были кормить одну боярскую семью, то теперь, после раздела боярской вотчины между многими дворянами, на шею крестьян сели десятки дворянских семей. При очень низкой сельскохозяйственной технике это приводило к полному разорению крестьян. Они толпами стремились покинуть насиженные земли, чтобы спастись от непосильной эксплоатации. Чтобы задержать крестьян на земле, дворяне добились от правительства издания указов, ограничивающих право крестьян уходить с земли. Крестьяне были окончательно прикреплены к земле. Все же бегство крестьян продолжалось. Многие из них пробирались далеко к южным окраинам московского государства и образовывали здесь (юг современной Рязанской, Тульской, Калужской губ., а также губернии Орловская, Воронежская, Черниговская) вольные казацкие поселения. Здесь жизнь была свободна, но во всей остальной России положение крестьян становилось все более и более невыносимым. Оно ухудшалось не только от возрастающей эксплоатации помещиков, но и оттого, что хищническая система сельского хозяйства истощала землю, и урожаи из года в год падали. Начался жестокий голод.

„Смутное время“ и возвышение династии Романовых.

То там, то здесь вспыхивали крестьянские восстания. Твердая государственная власть начала утрачивать свою устойчивость. Боярство поспешило использовать положение, чтобы вернуть в свои руки власть. Было поднято вооруженное восстание и сидевший на престоле Борис Годунов *) был свергнут, а на его место посажен выдвинутый боярами Шуйский.

Шуйский подписал грамоту, ограничивающую власть царя в пользу бояр. Самодержавие было ограничено, но это ни в какой степени не облегчало положения крестьян. Недовольство их попрежнему возрастало. И на этот раз поддержать крестьян решили дворяне. Они надеялись использовать крестьянские восстания с целью свергнуть боярского царя. Началась гражданская война („смутное время“).

Отчасти мы уже знакомы с этой войной. Мы знаем, что крестьяне сначала возглавлялись беглым холопом Болотниковым **) и что это движение было сломлено благодаря измене дворян, которые побоялись слишком далеко заходящего выступления крестьян. На сцену вслед за Болотниковым выдвинулся самозванец, выдававший себя за убитого царевича Дмитрия, потом польский королевич Владислав. Сначала Владислав выдвигался дворянами, но когда Шуйский был свергнут, боярство перешло на сторону Владислава и на престоле вновь оказался боярский царь.

Гражданская война продолжалась уже несколько лет. Купечество чрезвычайно страдало от „смуты“, так как торговля почти совершенно замерла. В конце-концов купечество образовало „партию порядка“. Вождем ее был нижегородский купец, торговавший мясом („говядарь“) Кузьма Захарьев-Сухорукий ***). Были собраны огромные средства. На них наняли большую хорошо вооруженную дворянскую армию, во главе которой стал князь Пожарский. Армия справилась и со вспышками крестьянского движения и с боярской кликой, засевшей в Москве. Земский собор (т.-е. то же дворянство и купечество) избрал в 1613 году на престол нового царя из династии Романовых. С этого времени

*) Борис Годунов в 1598 г. был выбран на престол на земском соборе, где руководящая роль всецело принадлежала дворянству. Это произошло после смерти бездетного царя Федора Ивановича.

**) См. предыдущую главу.

***) В истории он больше известен как Минин (это было его отчество).

в России окончательно упрочился дворянско-купеческий государственный строй.

Русская торговая буржуазия пришла к власти в твердом союзе с дворянством. Однако, союз с мелкопоместным дворянством был нужен нарождающейся буржуазии не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он сулил установление сильной единой власти. В тех же странах, где мелкопоместное дворянство не было связано с центральной властью, а стремилось лишь к разделу земель крупных феодалов, что привело бы к еще большему политическому раздроблению,—буржуазия не только не поддерживала движения против феодальной аристократии, но, наоборот, становилась на ее защиту. В Германии, например, во время крестьянской войны буржуазия нисколько не поддерживала рыцарей в их борьбе с крупными феодалами, так как рыцари стремились не к государственному единству, а к тому, чтобы самим превратиться в самостоятельных правителей захваченных у крупных феодалов, земель.

Меркантилизм.

В тех странах, где торговый капитал быстро завоевывал преобладающую роль в народном хозяйстве, ему удавалось добиться от правительства политики, благоприятствовавшей дальнейшему процветанию торговли.

В это время выработалась особая система экономической политики, известная под именем „меркантилизма“ (от слова mercator—купец). Европа на протяжении XVI—XVIII столетий знала много примеров энергичного проведения политики меркантилизма. Особенно яркими проводниками такой политики были Кольбер, первый министр французского короля Людовика XIV, Петр I в России, Фридрих Великий в Пруссии, Кромвель в Англии.

В виду возрастающего значения денег, меркантилисты главной экономической задачей государственной власти считали привлечение в казну наибольшего количества наличных денег. С этой целью и в полном соответствии с интересами торгового капитала всемерно поощрялась внешняя торговля. При этом все внимание было направлено на сохранение „благоприятного баланса“, т.-е. перевеса вывоза над ввозом, в результате чего в стране должно было умножаться количество денег. Лучшим средством для этого считалось уничтожить конкуренцию иностранного капитала. С этой целью прежде всего устанавливались

покровительственные таможенные тарифы (так называемая система „протекционизма“). Затем издавались специальные законы, ограничивающие иностранное судоходство. Например, в Англии в 1651 г. был издан знаменитый „навигационный акт“ (т.-е. закон о мореплавании), направленный главным образом против конкуренции Нидерланд. Этот акт требовал, чтобы все товары, ввозившиеся в Англию, транспортировались лишь на английских судах или на судах той страны, которая производила эти товары. Таким образом навигационный акт поощрял английское судоходство и наносил большой удар Нидерландскому торговому флоту, так как Нидерланды вели с Англией почти исключительно транзитную торговлю.

Все мероприятия вызывали конкуренцию между странами, которая выливалась зачастую в военные столкновения. Поэтому эпоха меркантилизма всегда была связана с многочисленными войнами из-за торговых путей и из-за колоний.

Так Англия вела с Нидерландами упорную борьбу, которая была вызвана изданием навигационного акта. Правителем Англии в это время был Кромвель—один из ярких представителей политики меркантилизма.

Во Франции такая же политика проводилась в середине XVII века. Первый министр французского короля Людовика XIV Кольбер разработал целую программу мероприятий правительства, составленную в духе идей меркантилизма. В ней между прочим говорилось: „Я думаю, что легко согласиться с тем принципом, согласно которому лишь избыток денег в государстве создает его величие и мощь“.

Государственная деятельность Кольбера в этом направлении была настолько характерна, что нередко французский меркантилизм обозначается термином „кольбертизм“. Отличительная черта экономической политики Кольбера заключается в усилиях вызвать расцвет торговли и промышленности преимущественно мерами положительного характера—премиями, субсидиями предпринимателям, распространением технических знаний, улучшением путей сообщения, развитием торгового мореплавания. Протекционизм отрицательного свойства — в смысле ограждения туземной промышленности от иностранной конкуренции высокими таможенными пошлинами—ставился Кольбером

на втором плане. Для содействия торговле и „мануфактурам" Кольбер ежегодно ассигновывал 1 млн. ливров; ему хотелось развить во Франции производство всех тех продуктов, которые привозятся из-за границы. Он подробным образом регламентировал индустриальное производство (44 регламента для мануфактур с 1666 по 1683 г.). По примеру Голландии, и Англии, Кольбер обратил особенное внимание на колониальную политику, обогатив Францию обширнейшими владениями в различных частях света (Канада, Луизиана, Гвиана, Пондишери в Ост-Индии и пр.).

Для поощрения колониальной торговли Кольбером были созданы Ост-индская и Вест-индская торговые компании, которые получали от первого министра множество льгот.

В итоге всех этих мероприятий торговый капитал во Франции достиг такой степени процветания, на которую он после Кольбера уже никогда больше не поднимался.

В России политика меркантилизма особенно энергично проводилась в начале XVIII века Петром I. Прежде всего он вернулся к осуществлению давнишнего стремления русского торгового капитала, которое уже при Иване Грозном неудачно пытались провести в жизнь: при Петре I велась ожесточенная война с Швецией за выход к Балтийскому морю—за „окно в Европу". Подобно Кольберу, Петр I стремился насадить в России всевозможные производства, оживить торговлю, завести флот и т. д.

Мы видим, что меркантилисты не только боролись с иностранной конкуренцией. Они всеми способами поддерживали „отечественную" промышленность и торговлю. Из-за границы ввозились мастера всевозможных специальностей. Искусственно насаждались новые производства. Кольбер завел, например, во Франции выделку чулок по английскому способу, зеркал и кружев—по венецианскому, пытался ввести выделку металлических изделий по германскому способу. Отдельные производства и виды торговли поощрялись всевозможными льготами и преимуществами. Принимались меры для снабжения промышленных мануфактур достаточным количеством рабочей силы (вспомним огромные русские мануфактуры с „посессионными" крестьянами). Для облегчения торговли строились портовые сооружения, торговый флот, проводились сухопутные дороги.

Государственный аппарат. Уже в феодальную эпоху при незначительных пределах государства, совпадающих порою с границами поместья, главе такого государства—феодалу—было не под силу лично выполнять все несложные в то время функции государственной власти. Ему приходилось поручать это особым уполномоченным. Создание крупного централизованного государства во много раз должно было увеличить количество таких уполномоченных. Появилась целая армия чиновников, которые выполняли обязанности судей, сборщиков налогов и других представителей государственной власти. Государство сделалось бюрократическим *). В руках чиновников были не только все местные органы, но и руководящие государственные учреждения.

Выборное начало совсем было устранено из государственного аппарата. Все должности, от сельских и городских до общегосударственных, замещались лицами не по выбору, а по назначению. Многие, особенно высшие, должности переходили из рук в руки по наследству. Другие—государство продавало, извлекая из подобной продажи не малое пополнение своей тощей казны. За свою работу чиновники получали жалование, но главным источником существования для них являлось обыкновенно не жалованье, а „доходы" от должности. Бывало даже и так, что должности, считавшиеся самыми выгодными, совсем не оплачивались жалованием из расчета на „доходы" чиновника, который, конечно, грабил население без всякого зазрения совести. При таких условиях взяточничество стало неот'емлемым спутником бюрократического образа правления.

Главные функции такого государства сверху донизу укладывались в два управления: финансовое и административное. Государство взимало налоги с населения и всей тяжестью своего механизма давило на низшие классы, поддерживая и охраняя все более расширяющуюся эксплоатацию их со стороны землевладельцев и молодой буржуазии. Весь аппарат государственной власти стоял на-страже интересов правящих классов. Чтобы порабощенные массы не возмутились и не вышли из повиновения, были учреждены спе-

---

*) Слово „бюрократия" происходит от французского bureau (бюро), что значит письменный стол, а также кабинет, комната, где стоит этот стол, и от греческого cratos (сила). В буквальном русском переводе „бюрократия" означает „столо-правление" или „кабинетовладычество".

циальные отряды войск для внутренних усмирений („жандармы“—во Франции, „стрельцы“—в России).

На ряду с этим усилился полицейский гнет. Органы сыска и надзора приобрели огромное значение. Вся жизнь общества, вплоть до домашнего быта, в той или иной степени находилась под назойливым надзором государственной власти, ее полицейских агентов. Вмешательство в личную жизнь населения доходило до того, что регламентировалась одежда каждого сословия, количество украшений,



Рис. 50. В приказе.

формы и размеры прически и т. п. Петр I, например, требовал от своих „подданных“ обязательного бритья бород, штрафуя и наказывая „преступников“, не желающих подчиняться его указам. Полицейщина стала непременной принадлежностью государства.

Другой его характерной чертой было господство тайного делопроизводства. Судопроизводство почти всегда было совершенно тайным. У нас в России многие учреждения так и назывались „тайными“, а одно время (с 1725 по 1730 г.) даже во главе государственного аппарата стоял „Верховный

Тайный Совет“. В этой „канцелярской тайне“ ясно сказывалось влияние на государственный аппарат торгового капитала, который всегда старался сохранить „коммерческую тайну“. Вся эта сложная, тяжелая машина возглавлялась монархом. В России это был царь, во Франции—король, в других странах имелись иные названия. Власть монарха считалась неограниченной, абсолютной. Это конечно, не значит, что за спиной монарха не стояли определенные классы. Неограниченность королевской власти означала, прежде всего, полное отсутствие каких-либо гарантий, которые могли бы оградить порабощенное население от произвола верховной власти. С другой стороны, абсолютизм государя противопоставлялся недавней его зависимости от феодалов.

Сословный строй. Лучшей опорой абсолютной монархии было разделение всего населения на сословия. Сословия не следует смешивать с классами. В то время как принадлежность человека к тому или иному классу определяется его ролью в процессе производства, сословие представляет собой группу лиц, об'единенных одинаковым правовым, юридическим, положением. Это, конечно, не значит, что сословия стоят вне зависимости от классов. В основе каждого сословия обязательно имеется классовое содержание. Сословия лишь закрепляют за различными классами разные права и обязанности, соответствующие экономическому положению класса. Возьмем, к примеру, класс землевладельцев: этот наиболее старый господствующий класс раньше всех создал особое сословие—дворянство. Конечно, в отношении к отдельным лицам не всегда бывало полное соответствие их сословного и классового положения. Бывали случаи, когда какой-нибудь прокутившийся или промотавший в карты свое состояние дворянин попадал в положение босяка, которого никак нельзя было признать за представителя господствующего класса. Но такие случаи были исключениями. Сословие в целом всегда соответствовало определенному классу.

Сословия зародились еще в феодальную эпоху. Наибольшее свое развитие они получили в эпоху дворянско-купеческого государства. Впоследствии, при господстве промышленного капитализма, сословия потеряли свое значение и были уничтожены правящей промышленной

буржуазией, но в отдельных случаях они просуществовали очень долго. Например, в России сословия были уничтожены лишь после Октябрьской революции советской властью. Она окончательно упразднила их одним из первых своих декретов.

В эпоху торгового капитала обыкновенно были три сословия; 1) дворянство, 2) духовенство и 3) так называемое „третье сословие“. Классовая основа первых двух сословий была одна и та же: это были землевладельцы. В третье же сословие входили горожане в лице купечества и ремесленников. Что же касается крестьянства, то оно первоначально стояло как бы вне сословий, лишенное чуть ли не всех прав, но зато обложенное колоссальным бременем всевозможных налогов. Позже, однако, и крестьян стали причислять к третьему сословию.

Первые два сословия считались привилегированными. Они имели множество преимуществ. Только выходцы из этих сословий могли занимать различные государственные должности, они освобождались от унизительных и тяжелых наказаний, они судились особенными законами и т. д. Но главное преимущество „привилегированных“ заключалось в том, что они не платили почти никаких налогов.

Например, во многих областях Франции дворяне не платили подушного военного налога. Затем поголовный налог платился дворянами в гораздо меньшем размере, чем горожанами и крестьянами: были местности, где с дворянина брали вшестеро меньше поголовного налога, чем с простого, не привилегированного, человека. Точно так же и другими податями дворяне были обложены легче, чем горожане и крестьяне. Что касается духовенства, то оно не платило вообще никаких прямых налогов, а вносило в казну так называемый „добровольный дар“ всего в 2—3 миллиона в год, но бывало, что и этот добровольный дар не платился или, собрав его, духовенство выпрашивало у правительства часть собранного себе обратно. Приблизительно такие же преимущества встречались и у привилегированных сословий других стран.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 25.

Почему торговый капитал на заре своего возникновения стремился к централизованной государственной власти? Какой класс препятство-

вал созданию сильной централизованной власти? Из-за чего сталкивались интересы мелкопоместного дворянства и феодальной (боярской) аристократии? Кто входил в „избранную раду“ в начале царствования Ивана IV? Зачем была учреждена „опричина“? Какие земли входили в „опричину“? Какие классы боролись в период смутного времени? Представителем каких классов явилась династия Романовых Всегда ли буржуазия поддерживает мелкопоместное дворянство в его? борьбе с крупными феодалами? Приведите пример, где этой поддержки не наблюдалось. В чем заключаются наиболее характерные особенности системы меркантилизма? С какими целями в период меркантилизма ведутся войны? Вспомните главнейших представителей системы меркантилизма. Каково значение „навигационного акта“? Какими способами меркантилисты стремились поднять национальную промышленность? Какие задачи ставило перед собой дворянско-купеческое государство? Почему многие государственные учреждения того времени назывались „тайными“? В чем отличие „сословия“ и „класса“? Кто входил во Франции в „первое“, „второе“ и „третье“ сословия? В чем заключались обыкновенно привилегии дворянства? Вспомните известные вам привилегии русского дореволюционного дворянства.

§ 26. Борьба буржуазии за политическое преобладание.

Политические стремления буржуазии не ограничивались созданием сильной централизованной государственной власти. Буржуазия снабжала правительство деньгами и, естественно, стремилась к контролю над расходованием государственных средств, тем более, что обыкновенно это расходование производилось с изрядной расточительностью. Однако, косвенного влияния на государственную власть, которое достигалось системой откупов и монополий, было недостаточно. Всякого рода монополии попадали в руки немногочисленной группы купцов, которые добивались монополий или в силу своего исключительного богатства или благодаря каким-либо личным связям с придворными кругами.

Остальная же масса буржуазии не только ничего не получала от системы монополий, но, наоборот, очень много из-за нее лишалась.

Чем многочисленней и богаче становился класс буржуазии, чем больше увеличивалась его экономическая роль,—тем энергичней делались политические домогательства этого нового класса.

Революция в Нидерландах.

Иногда буржуазии удавалось добиться полного политического преобладания. Это случалось в тех странах, где развитие торгового капитала происходило особенно быстро и где в то же время в прошлом феодализм по тем или иным причинам не имел достаточно глубоких корней. В таких странах торговая буржуазия имела под ногами достаточно прочную экономическую почву и в то же время не могла встретить сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны класса землевладельцев. Это открывало возможности к созданию такого государственного строя, где политическая власть полностью и безраздельно находилась бы в руках торговой буржуазии.

Примером чисто торгового государства могут служить Нидерланды. Колониальная торговля приносила этой стране особенно большие барыши, и Нидерланды превратились в богатейшую и притом густо населенную страну с большим количеством городов. На небольшой, сравнительно, территории, в тысячу с лишним квадратных миль, было до 3 млн. жителей. Здесь находилось около 6½ тысяч селений, 150 торговых местечек и свыше 200 городов. Некоторые из этих городов вели колоссальную торговлю. Например, Антверпен в середине XVI столетия имел привоз разных товаров стоимостью до 40 млн. дукатов в год. Во многих районах была сильно развита промышленность, зато роль феодального землевладения была здесь в большинстве районов сравнительно незначительной.

Однако, и здесь буржуазии далеко не сразу удалось осуществить свои политические вожделения. Тормозом являлись не местные феодалы, а иноземное владычество. Нидерланды были страной, подвластной Испании. Испанские наместники с толпами приближенных и многочисленными военными отрядами выжимали не мало соков из этой богатой страны. Достаточно указать, что Нидерланды выплачивали Испании в начале XVI века в среднем около 4 млн. золотых гульденов в год.

Первое время нидерландское купечество получало известные выгоды от связей с Испанией. Деньги платились не даром, а за всевозможные торговые преимущества. Но когда в одно из царствований эти преимущества были в значительной степени отменены, нидерландская буржуазия не пожелала дальше терпеть испанского владычества. Началась

борьба. С переменным успехом она тянулась долгие годы. На сторону нидерландской буржуазии в отдельные моменты борьбы переходило местное дворянство и население городов. В то же время буржуазия разных городов, ведя совместную борьбу против господства испанцев, заодно конкурировала друг с другом и взаимно старалась подорвать торговое могущество городов-конкурентов.

В конце-концов, спустя несколько десятилетий, ценой полного разорения одних районов другие добились победы. В числе пострадавших оказался и Антверпен. Он сошел со сцены, зато на его место выдвинулся другой город — Амстердам.

Амстердам входил в состав союза северных нидерландских городов, об‘единившихся в самостоятельное государство под названием „Соединенные штаты Голландии“. Об‘единение было достигнуто на с‘езде в городе Утрехте в 1579 г. Здесь представители северных провинций подписали соглашение (так называемую „Утрехтскую унию“), которое и послужило началом существования „Соединенных штатов Голландии“.

В этом новом государственном образовании буржуазии удалось, наконец, осуществить свое полное политическое господство. Города, входившие в союз, представляли собой в политическом отношении аристократические торговые республики, в которых власть находилась в руках небольшого количества наиболее богатых купцов. Во главе каждого города стоял совет из 30—40 человек, должности которых были пожизненны; они сами пополняли свой состав, и места в совете вследствие этого становились наследственными. Из депутатов аристократических городских советов и отдельных провинций составлялись генеральные штаты, заседавшие в Гааге.

Девизом новой республики было—„все ради прибыли“. Амстердамские „отцы города“ в одном официальном постановлении как-то заявили: „Торговля должна быть свободной. Если ради прибыли надо даже пробраться через ад,—следует рискнуть, хотя бы при этом обгорели паруса“. И действительно, торговые обороты республики быстро пошли в гору. Особенно много способствовала делу основанная в 1602 г. Нидерландская Ост-Индская компания, которая приносила своим акционерам немалые доходы, достигающие иногда 50,

70% в год. Нет нужды говорить, ценой какого беспощадного ограбления колоний достигались эти торговые барыши!

Нидерландская революция—это первая буржуазная революция. Она открыла собой целую эпоху других революций



Карта № 14. Нидерланды в начале XVII века. Клетками показана республика Соединен. штатов; вертикальными полосками—отвоеванная голландцами область; горизонтальными—области, оставшиеся за Испанией. 1—Голландия, 2—Зеландия, 3—Фландрия, 4 Брабант, 5—Люксембург.

где буржуазия боролась за политическую власть. Первая революция оказалась для буржуазии наиболее удачной. Следующие не давали ей столь полноценных побед и кончались обыкновенно вынужденным соглашением с другими классами.

Английская революция XVII века.

Это приходится прежде всего сказать об английской буржуазной революции, которая протекала во многих отношениях иначе, чем в Нидерландах.

Здесь было совсем иное соотношение классовых сил. До XVI века в Англии земледелие и скотоводство оставались главнейшими отраслями хозяйства. Продукты ее производства, особенно шерсть, скупались иностранными купцами, и лишь в конце XV века организовалась для зарубежной торговли первая английская купеческая компания под характерным названием „Искатели приключений“. Теперь английские купцы рука об руку с пиратами стали проникать в отдаленные моря, омывающие Западную Европу. В Англии началась новая эра капиталистического развития.

На своем пути торговая буржуазия Англии встречала многочисленные препятствия. Прежде всего, вся торговля была опутана сетью монополий и исключительных привилегий. Не говоря уже о наиболее выгодной внешней торговле, которая полностью находилась в руках нескольких купеческих компаний, даже внутренняя торговля во многих своих отраслях попала в распоряжение монополистов. В середине XVI века в числе монопольных товаров были: соль, мыло, уголь, вино, железо, кожа, табак, пиво, бочки, сельди, масло, стекло, порох и множество других.

Другим тормозом в деле экономического развития страны являлись недостатки английского государственного аппарата. Он находился в руках дворянской аристократии. Это был старый враг буржуазии. Только теперь, в довольно развитом торгово-капиталистическом обществе, дело обстояло несколько иначе, чем при его зарождении. Первоначально феодальная аристократия была против сильной центральной власти, которая опиралась главным образом на торговый капитал. Впоследствии, когда королевская власть вполне окрепла и сопротивление феодалов было окончательно сломлено, роли переменились. Разоряющиеся крупные феодалы и их потомки примирились с утратой былой политической самостоятельности. Они утешились тем, что шли на службу к королю в качестве придворных, и мечтали теперь лишь о сохранении за собой новых теплых местечек при королевском дворе. Буржуазия же, недавно поддерживавшая сильную государственную власть (пока была угроза ограничения и раздробления ее со стороны феодалов), теперь сама стремилась ограничить королевскую власть.

Расточительность двора, произвол королевских чиновников, несправедливости налогового обложения, торговые

монополии,—все это вызывало возмущение не одних только буржуазных кругов.

Страна испытывала экономический кризис и число недовольных быстро увеличивалось. В середине XVI века оппозиция стала группироваться вокруг парламента. Депутатами так называемой „нижней палаты“ были имущие



Карта № 15. Англия в начале революции. Заштрихованное в клетку—области, ставшие за парламент; заштрихованные прямыми линиями—области, ставшие за короля.

классы города, среднее и мелкое дворянство и отчасти зажиточное крестьянство. Все это были главные налогоплательщики, и при финансовых затруднениях короли вынуждены были обращаться в нижнюю палату за разрешением на сбор новых налогов. На этой почве, в условиях давнишнего недовольства между парламентом и королем, начался длительный конфликт, который, в конце-концов, превратился летом 1642 г. в гражданскую войну. На стороне короля были крупные феодалы и значительная часть среднего дворянства

(так называемые „джентри“). За парламентом шла торговая буржуазия, мелкое дворянство, иногда крестьяне, которые в общем переходили из одного лагеря в другой, а также горожане в лице ремесленников, рабочих (например, портовых грузчиков), мелких торговцев и просто городской бедноты.

Численно силы королевских войск были незначительны, но это была по тем временам прекрасная армия военных-профессионалов. Отряды же парламентские были гораздо многочисленнее, но они были лишены опытного руководства,



Рис. 51. Карл I, король Англии, обезглавленный перед своим дворцом.

в них почти не было конницы, хромало вооружение. Борьба поэтому затягивалась, и первое время перевес был не на стороне парламента. В конце-концов, под влиянием революционного воодушевления низших слоев населения и после реформы командования армии победа стала склоняться на сторону парламентских войск. Король был пленен, а позже, после неудачной контрреволюционной попытки, обвинен в государственной измене и в 1649 году казнен.

Но в стане победителей не было единомыслия. Классовая пестрота приводила к резким разногласиям. Они имели место с самого начала революции.

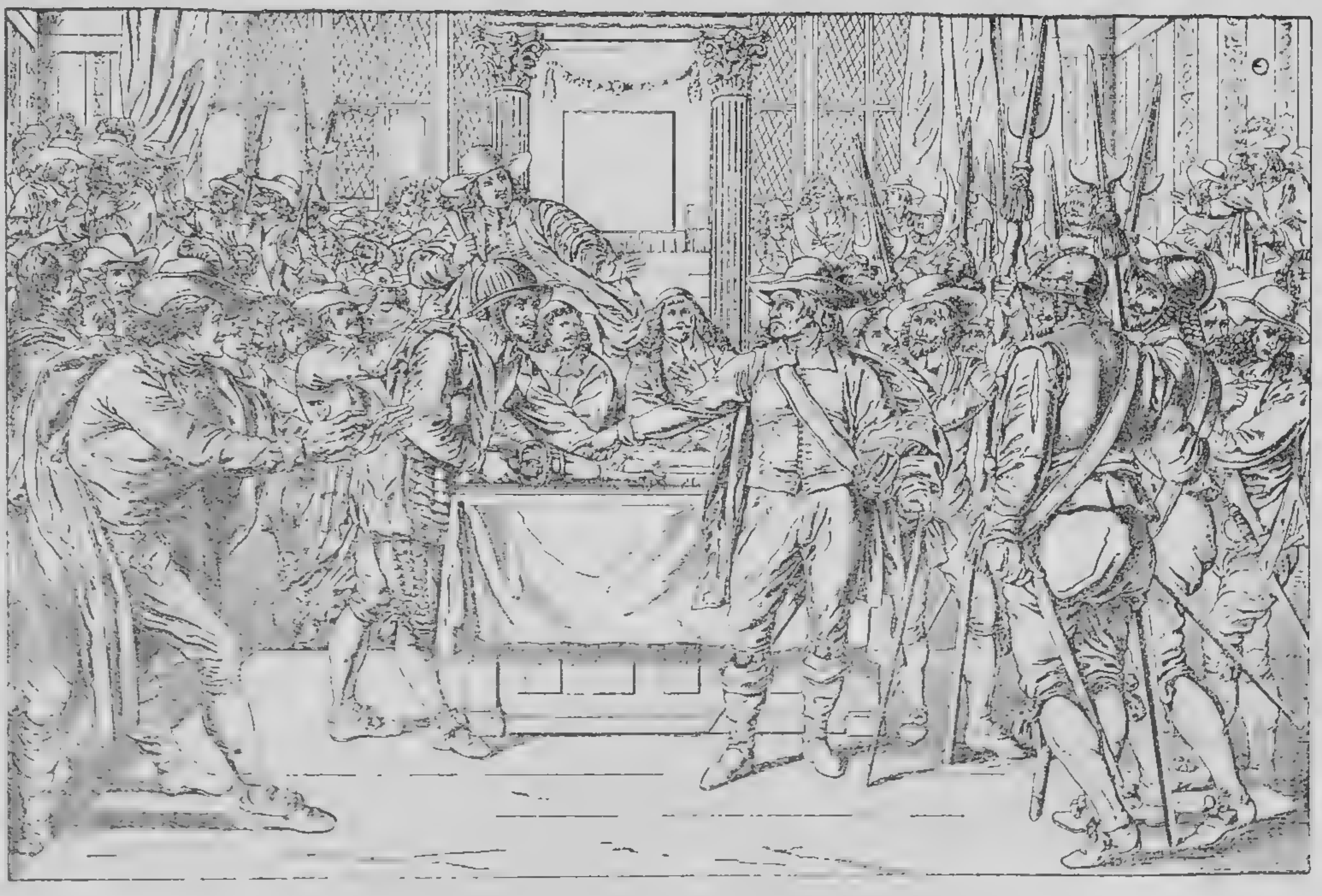


Рис. 52. Кромвель разгоняет старый парламент.

На правом фланге находились представители парламентского большинства, принадлежавшие по преимуществу к крупной торговой буржуазии, называвшиеся пресвитерианцами *). Когда были уничтожены старые торговые монополии, они не нашли ничего лучшего, как вместо упраздненных монополий, выгодами которых им лично не приходилось пользоваться,—ввести новые, прибрав их, конечно, к своим рукам.

В оппозиции к пресвитерианцам в парламенте находились индепенденты **) (независимцы). Они требовали роспуска старого парламента и созыва нового, более демократического. Борьба между пресвитерианцами и индепендентами закончилась победой последних. Индепенденты, возглавляемые Кромвелем, осуществили казнь короля, и с 1649 г. в Англии на несколько лет установилась республика.

Политика Кромвеля отвечала интересам одной только буржуазии. Им были проведены важные мероприятия в интересах английского торгового капитала. Особое значение имело издание „Навигационного акта“ (1651 г.). Этот закон, как мы видели, был направлен против нидерландской конкуренции и вызвал большое оживление английского судоходства.

В области политического устройства Кромвель распустил старый парламент и поставил на его место так называемый „малый парламент“ или „Конвент“. Однако, фактическим властителем был не Конвент, а сам Кромвель, присвоивший себе звание „протектора“. На самом же деле он был полновластным военным диктатором.

Свою военную силу Кромвель направлял не столько против представителей старого строя, сколько против революционно-настроенного народа. Народные массы пошли за парламентом против короля в надежде на улучшение своего тяжелого экономического положения. Однако, итоги революции принесли полнейшее разочарование. Революция возглавлялась буржуазией, которая, конечно, ровно ничего

*) Пресвитер—священник; пресвитерианцы—защитники такого церковного устройства, при котором сохранялось бы священство.

**) Помимо всех других разногласий между индепендентами и пресвитерианцами были разногласия и по религиозным вопросам, которым в то время придавалось очень большое значение.

не сделала для облегчения народной нужды. Это дало повод к возникновению революционных народных течений.

Появилось течение левеллеров (по русски „уравнителей"), которые выдвигали требования однопалатной системы ежегодно избираемого парламента и всеобщего избирательного права. Кроме этих политических требований на их знамени было написано—„земля тем, кто на ней работает". Это означало конфискацию помещичьих земель и передел их между крестьянами и арендаторами на началах уравнительности.

Идеи левеллеров пользовались огромной популярностью в самых широких массах населения, и когда разоренное крестьянство и городская беднота, доведенные до отчаяния нищетой и голодом, подняли восстание, — оно проходило под флагом левеллеров. Восстание было жестоко подавлено.

Это случилось в первый год республики и явилось расплатой победившей буржуазии с народными массами за их поддержку в борьбе против старого строя. В то же время восстание левеллеров являлось серьезным предостережением для буржуазии. Она увидела, что кроме помещиков у нее есть гораздо более серьезный и опасный враг—эксплоатируемый народ. Страх перед новым восстанием был настолько велик, что буржуазия ради упрочения своих сил предпочла пойти на соглашение с землевладельцами.

После смерти Кромвеля и некоторого периода феодальной реакции, когда вновь была восстановлена монархия, крупнейшая английская торговая буржуазия столковалась с дворянством. Сделка была заключена между ториями (так называли себя дворяне—сторонники безусловной власти короля) и вигами (партией буржуазии, требовавшей ограничения королевской власти).

В 1688 году обе эти партии из-за страха повторения революции согласились на приглашение нового короля Вильгельма (Уильяма) III Оранского, который подписал „декларацию о правах", положившую начало парламентскому строю Англии нового времени. Эта декларация сводила роль короля к нулю, превращая его в ширму, за которой свободно могли хозяйничать истинные господа положения—представители крупнейшего землевладения и не менее крупной буржуазии.

Такой тип государственного устройства, когда королевская власть ограничена парламентом, называют конституционной монархией. В эпоху торгового капитала классовой основой конституционной монархии служил блок (соглашение) крупного землевладения и крупной торговой буржуазии. Эти классы диктовали свою волю и парламенту и королю.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 26.

Какими способами буржуазия влияла на государство абсолютной монархии? Опишите экономическое положение Нидерланд в середине XVI века. В каких отношениях Нидерланды находились с Испанией? Против кого главным образом боролась нидерландская буржуазия во время революции XVII века? Что такое Утрехтская уния? Как была после революции организована государственная власть в Соединенных штатах Голландии? Опишите экономическое положение Англии в середине XVI века. Что в это время препятствовало капиталистическому развитию Англии? Из-за чего началась гражданская война? Кто поддерживал королевскую власть? Какие классы шли за парламентом? Какие классовые прослойки были в рядах английской буржуазии? Чем кончилась гражданская война? Интересы какого класса защищал Кромвель? Как была организована им государственная власть? Кто такие были левеллеры? Какие требования они выставляли? Чем кончилась английская революция? Кто такие были виги и тори? Какой государственный строй называется конституционной монархией?

§ 27. Идеология эпохи торгового капитала.

Гуманизм. Торговый капитал принес с собой небывалое оживление умственной жизни. На долю молодого класса буржуазии выпала здесь большая революционная роль. Буржуазия разрушила непоколебимый доселе авторитет церкви, сковывавший всякое проявление живой мысли.

В Западной Европе, в особенности в Италии и в Германии, а также в Англии и во Франции, широкое распространение получил так называемый гуманизм *). Гуманисты выступили с протестом против власти церкви над всем католическим миром. Класс „деловых“ людей, для которого личная инициатива была превыше всего,—класс, другими словами, торговой буржуазии,—не мог не выставить

*) Humanus - человеческий; гуманизм—движение за основные права человека.

требований полной независимости человеческой личности. Первыми с горячей проповедью такого рода идей выступили итальянские гуманисты: Петрарка *) и Леонардо Бруни **).

Школа.

Последний, между прочим, положил начало новым течениям педагогики. В своем трактате „О воспитании юношей“, который считается первым серьезным теоретическим трудом по педагогике, он обрушился на старые методы воспитания. Он указывал на значение физического воспитания и на необходимость обращать внимание на индивидуальные свойства учеников. Он не решился вполне



Рис. 53. Урок анатомии в Болонье (по итальянской гравюре XVI в.).

отказаться от религиозного воспитания, но зато со всей энергией нападал на весь тот хлам суеверий, которым забивались головы в старых школах.

Во многих местах гуманистам удавалось создавать светские школы. Особенно велико было влияние новых течений в университетах. Освобождение школы от рутинной опеки церкви оказалось одной из предпосылок для успешного развития научной мысли.

Книгопечатание.

Другой предпосылкой было чисто техническое достижение—изобретение книгопечатания. Оно осуществилось не сразу. Еще в X веке китайцы заменили труд

*) 1304—1374 гг.
**) 1369—1444 гг.

переписчика гравированием на дереве. Вместо того, чтобы переписывать несколько раз один и тот же текст, они вырезывали его в обратном виде на деревянной доске, покрывали доску краской и прикладывали к ней листы бумаги или материи. В Европе, совершенно независимо от Китая, этот прием стал впервые практиковаться в Голландии в начале XV века. Около 1420 года голландец Костер начал практиковать составление доски для производства оттисков из разделенных букв. Он рассчитывал переставлять буквы, смотря по надобности, и таким образом пользоваться одним и тем же запасом их (шрифтом) для воспроизведения многих текстов. Но дерево было недостаточно прочным материалом, чтобы служить для такой цели. В 1436 г. уроженец Майнца, Иоган Гутенберг, сделал, наконец, последний шаг в изобретении книгопечатания. Он отлил металлические буквы и устроил пресс для приготовления оттисков. В 1450 г. он издал первую печатанную книгу—библию на латинском языке.

Искусство книгопечатания оказалось могучим орудием в руках науки. Последняя шла вперед, подгоняемая все расширяющимися потребностями новой промышленности и торговли. Наука пришла на смену богословию и схоластике.

Наука.

Наука всегда стояла в тесной зависимости от практических потребностей жизни. Астрономия, например, возникла из потребности ориентироваться по звездам в море и в степи, а также из потребности в точном делении времени. Химия появилась на почве роста промышленного производства, в особенности горного дела. Предки химиков, так называемые алхимики, старались найти способ превращения металлов в золото. Ботаника опиралась первоначально на сведения о лекарственных растениях и лишь потом стала интересоваться всем растительным царством. География развилась на почве торговли. Торговые народы древности (например, карфагеняне, финикияне и др.) были и лучшими географами. В феодальную эпоху этой наукой интересовались гораздо меньше, и лишь в XV столетии, в пору огромного оживления торговли, снова начала процветать и география. Математика, эта, казалось бы, наиболее отвлеченная наука, целиком выросла из практики. Она возникла ради измерения полей (геометрия значит землемерие), постройки и измерения емкости сосудов и еще раньше ради счета скота.

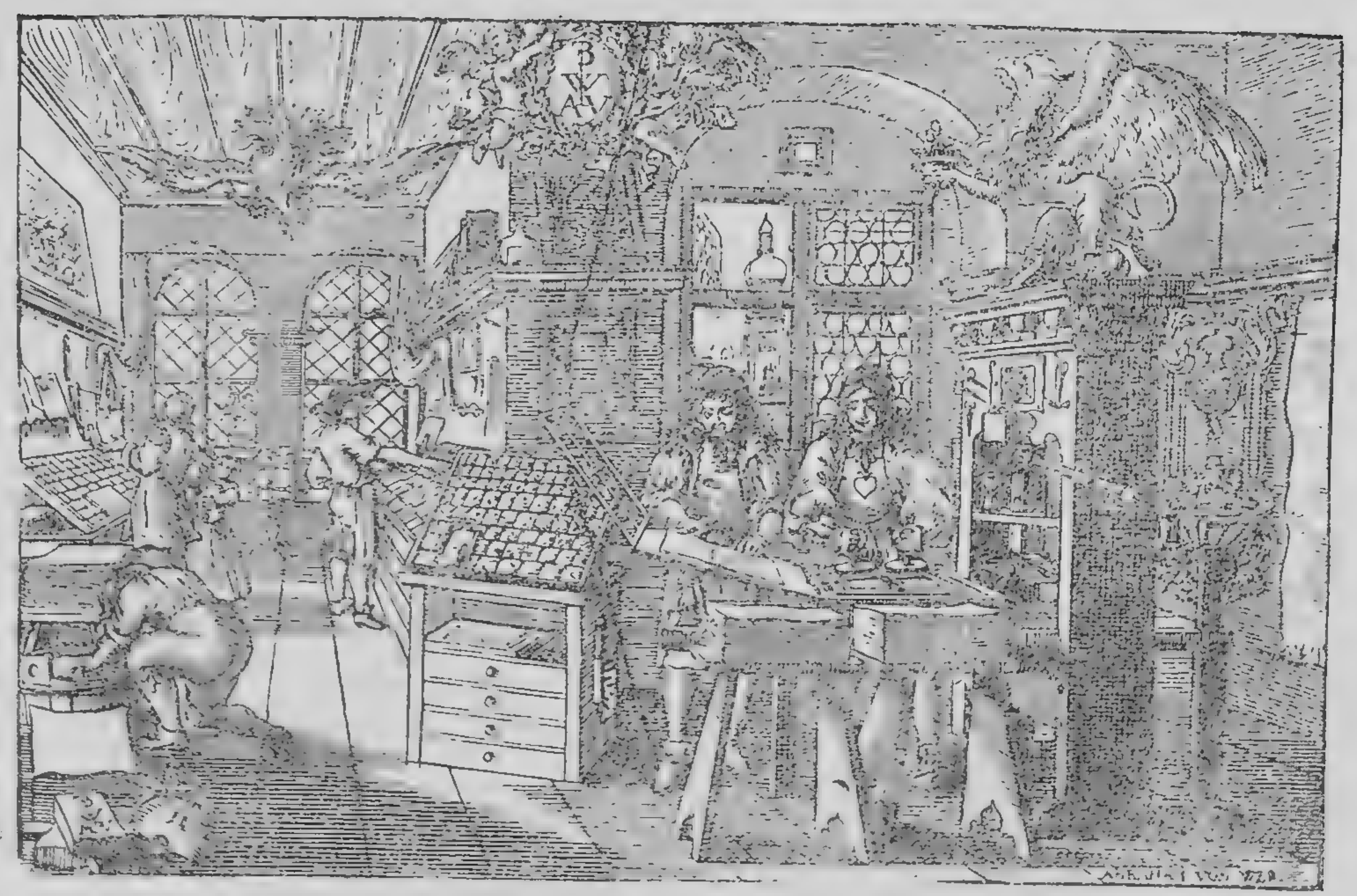


Рис. 54. Внутренний вид голландской книгопечатни.

То же приходится сказать и об общественных науках. Их связь с экономическим укладом жизни, с характером классовой борьбы—очевидна.

Естественные науки.

В эпоху западно-европейского торгового капитализма особенно значительные успехи сделало естествознание. На первом месте здесь надо поставить астрономию. В этой науке произошел полный переворот, совершенно изменивший все прежние представления о строении вселенной. Еще греческие астрономы, которые сами были современниками эпохи греческого торгового капитализма, за 3 века до нашего летосчисления учили, что в центре вселенной находится солнце, вокруг которого вращается земля. Но потом египетский астроном Птоломей (II в. новой эры) изложил новую систему мира с неподвижной землей в центре вселенной. Эта птоломеева система получила признание и поддержку со стороны христианского учения. С тех пор мысль о неподвижности земли казалась истиной совершенно бесспорной и к тому же освященной признанием церкви и авторитетом „святых отцов". Поэтому, когда знаменитый польский ученый Коперник (1473—1543 гг.) выступил с гипотезой о вращении земли в ряду множества других планет вокруг солнца, то это имело значение полной революции во всем мировоззрении. Гипотеза Коперника вскоре получила полное подтверждение в научных опытах, при помощи телескопа проделанных итальянским ученым Галилеем (1564—1642).

Новому учению, прежде чем добиться общего признания, пришлось преодолеть упорнейшее сопротивление церковного мракобесия. Церковь не брезговала никакими средствами для уничтожения вредного учения. Около двухсот лет все книги, в которых упоминалось о вращении земли вокруг солнца, считались еретическими, запрещались, а иногда предавались торжественному сожжению. Величайший ученый и мыслитель Джордано Бруно, сделавший из открытия Коперника философские выводы, опасные устоям христианства, был сожжен на костре.

Из других достижений естествознания и математических наук отметим открытие сделанное в начале XVII века англичанином Вильямом Гарвеем (1587—1657).

Его считают основателем современной физиологии. До Гарвея медицина признавала учение Галлена,

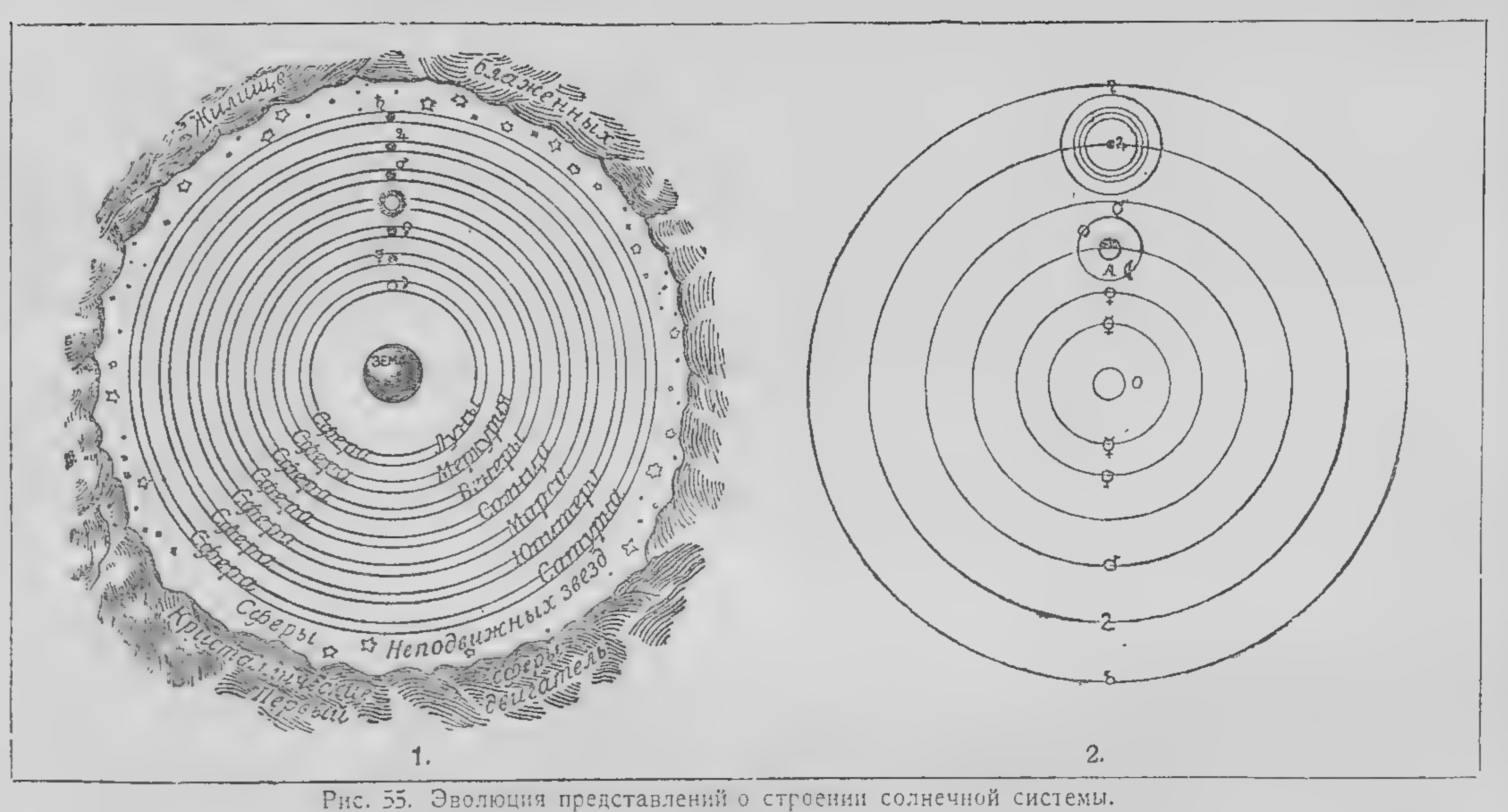


Рис. 55. Эволюция представлений о строении солнечной системы.

1. Солнечная система по Птоломею (в центре — неподвижная земля).

2. Солнечная система по Копернику (по рисунку Галилея). Малые круги — орбиты спутников планет. Обозначения: ◯ — солнце, ☿ — Меркурий, ♀ — Венера, А — Земля, ♂ — Марс, ♃ — Юпитер, ♄ — Сатурн.

по которому в теле по венам протекала кровь „грубая", выходящая из печени и служащая для питания тела, а по артериям кровь одухотворенная, выходящая из сердца и дающая жизнь. Гарвей анатомировал кур, собак, свиней и, наконец, открыл, что кровь совершает свое обращение через сердце и легкие, где получает кислород, разносит его по всему телу и возвращается в сердце, чтобы опять пройти через легкие.

Главная заслуга Гарвея состоит, однако, не в открытии кровообращения, а в том экспериментальном методе, которым он пользовался и который положил основание научной физиологии. Из других работ Гарвея огромное значение имеют его исследования в области эмбриологии (наука о зародыше). Он отверг господствующее до него учение о самопроизвольном зарождении и вместо того обосновал эволюционную теорию рождения всех животных из яйца.

Другим величайшим ученым этой эпохи был Исаак Ньютон (1643—1727). Ньютона считают прежде всего основоположником современной механики. Он сформулировал три аксиомы или закона движения, из которых вытекает вся механика и физика. В области математики ему принадлежит изобретение метода исчисления бесконечно малых, из которого развилось диференциальное и интегральное счисление. Далее Ньютон известен как основатель небесной механики, открывшей законы так называемого всемирного тяготения. Только этот закон позволил найти истинную причину движения земли и других планет. Наконец, отметим работы Ньютона по оптике, до сего времени лежащие в основании этой науки.

Очень большое значение имели открытия английского физика и, главным образом, химика Бойля *). Он установил зависимость упругости газа от занимаемого им об'ема (так назыв. закон Бойля и Мариотта). Ему же принадлежит мысль, что первоначальных элементов, из которых состоят все виды вещества, не 4, как учил древний греческий мыслитель Аристотель и как продолжали думать до XVII века, а больше и открыть их можно будет лишь при дальнейшем разложении сложных веществ.

*) 1627—1691 гг.

В области физики исключительное значение имели также открытия, сделанные учеником Галилея Торичелли, который сконструировал первый барометр, обогатив, таким образом, физику и метеорологию одним из важнейших измерительных приборов, и вместе с тем впервые установил верный взгляд на возможность осуществления пустоты и роль воздушного давления. Опыты Торичелли,

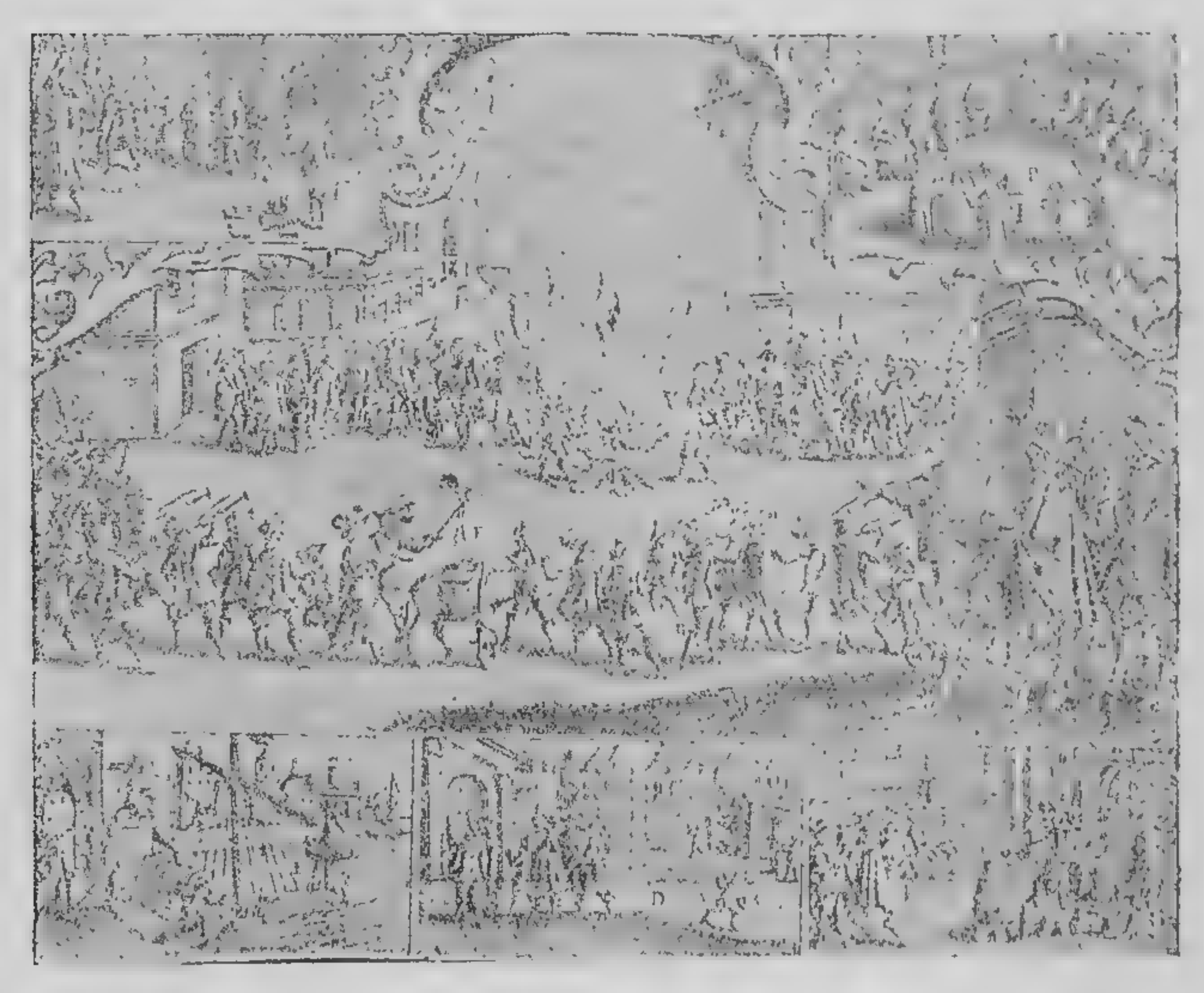


Рис. 56. Сожжение еретических книг.

продолженные французским математиком Паскалем, в значительной степени лежат в основе современной метеорологии.

Все эти ученые работали в очень благоприятной обстановке развивающейся промышленности и расширяющегося обмена, и их научная деятельность была отражением перемен, происходивших в хозяйственном положении общества.

За перечисленными только что наиболее крупными учеными шли целые школы их учеников, разрабатывавших разнообразные отрасли науки и поднявшие естественные науки до исключительно высокого уровня.



Рис. 57. Римский форум (проект реконструкции).

Бэкон. Общий расцвет научной мысли оживил и науку о науках—философию. Здесь прежде всего приходится указать на английского ученого Фрэнсиса Бэкона *). С его именем связаны очень существенные достижения методов научной мысли.

Величайшая заслуга Бэкона состоит в начатой им разработке нового опытного метода научного исследования. Бэкон утверждал, что схоластика была бесплодна и бессодержательна. От книг, говорил он, следует обратиться к природе, от умозрения—к наблюдению и опыту. Ценность знания определяется его практической применимостью; знание становится силой лишь тогда, когда оно открывает путь к техническому овладению природой. Предлагая свой новый метод, Бэкон расчитывал дать человеку такое орудие, которое помогло бы ему, независимо от природных способностей, делать новые изобретения и открытия, подобно тому, как с помощью линейки и циркуля и неискусный человек может чертить прямые линии и правильные круги.

Прежде чем приступать к изучению природы, писал Бэкон, следует освободить свой ум от предрассудков, очистить его от призраков и тогда приступить к собиранию фактов. Это первый шаг научного познания. Собрав же и проверив на опыте массу фактов, можно сделать общие заключения. Мысль должна итти от частностей к общему путем наведения или индукции. Отсюда и название метода Бэкона—„индуктивный метод“.

Изложению своего метода Бэкон предпосылает классификацию наук. Соответственно трем душевным способностям человека Бэкон устанавливает три класса наук: памяти соответствует история, воображению—поэзия (отнесенная также к наукам), рассудку—философия. Классификация Бэкона, как первая попытка в своем роде, заслуживает внимания. Несмотря на свои очевидные несовершенства, она оказалась очень живучей и удержалась вплоть до XIX ст., вытесненная более совершенными классификациями.

Декарт. В той же области методов научной мысли очень много было сделано великим французским мыслителем Рене Декартом **). Наиболее совершенной наукой Де-

*) 1561—1626 гг.

**) 1596—1650 гг.

карт считал математику. Он утверждал, что тот способ научных построений, которым пользуются математики, применим и всеми другими науками. Этот метод научного исследования Декарт называл методом истинной дедукции. Декарт — основоположник философской школы рационалистов (ratio значит разум), веривших в неизменную силу человеческого разума. Он работал во многих областях науки и главным образом в области математики. Здесь ему принадлежит одно из самых блестящих мест. Он ввел систему алгебраических обозначений и употребление отрицательных чисел и количеств, он сделал целый ряд других открытий, но, главное, ему принадлежит изобретение аналитической геометрии.

Томас Мор.

Остановимся еще на одном имени—на Томасе Море *). Томас Мор—крупнейший государственный чиновник Англии, одно время лорд-канцлер,—первый из мыслителей заметил оборотную сторону нового общественного строя: нищету, неизбежную спутницу богатства. „Справедливо ли,—писал он,—что богатый ювелир, ростовщик, ничего не производя, живут со всеми удобствами, среди праздности и пустых занятий, тогда как поденщики, носильщики, ремесленники, земледельцы—находятся в нищете, едва добывая себе недостаточную пищу? Между тем, они работают так долго и так упорно, что и скотина едва ли перенесла бы подобную работу; и их труд так необходим, что ни одно общество не могло бы существовать без него хотя бы один год“. В другом месте он писал: „Обуздайте корыстолюбивый эгоизм богача; отнимите у него возможность накоплять богатства и присваивать себе доходы! Изгоните праздность!“ Далеко не будучи революционером-практиком, даже скорее политик-реакционер, он тем не менее нарисовал заманчивую картину коммунистического общества, лишенного всех отрицательных последствий частной собственности—этой основы капиталистического строя. Свою работу (она появилась в 1516 году) он назвал „Утопия“ **), что по-гречески значит „несуществующее место“ .С тех пор всякую фантастическую картину будущего строя стали называть утопией; отсюда же ведет свое название „утопический социализм“.

*) 1478—1535 гг.

**) Полное название книги Мора следующее: „Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии“.

Маккиавелли. Из других представителей общественных наук этой эпохи надо упомянуть флорентинца Маккиавелли *). Он пытался создать науку о государстве и политике. Для Маккиавелли государство—высшее, что существует на земле. Подобные идеи были вполне созвучны эпохе, когда сильное централизованное государство приходило на смену политической раздробленности феодализма. Главный завет политической мудрости Маккиавелли: пусть тот, кто стремится к высокой цели, считает все средства хорошими. Соображения частной нравственности неприложимы к политике. Государь должен быть, смотря по надобности, жесток и коварен, потому что он окружен опасностями. Честность, скромность и кротость были бы для него плохой поддержкой. Великим мастером в политических делах Маккиавелли признавал Цезаря Борджиа, который начал ни с чего и сумел энергией, ловкостью, изменой и жестокостью создать себе могущественное княжество.

Маккиавелли можно считать идеологом поднимающейся буржуазии, которая, прийдя к власти, но боясь феодальной реакции, провозглашает идею буржуазной военной диктатуры.

Меркантилисты. Зависимость теоретической мысли в области общественных наук от текущих потребностей политической и экономической жизни находит себе подтверждение еще на одном примере. Когда в экономической политике господствовала система меркантилизма, появились специальные теоретики, которые с „научной точки зрения“ оправдывали эту политику. Меркантилизм, как теория, был первой школой политической экономии — науки о капиталистическом обществе. Меркантилисты учили, что деньги являются главнейшим средством для развития хозяйственной жизни в стране. Не отличаясь особенной глубиной взглядов, меркантилисты ограничивались изучением вопросов о способах привлечения в страну денежного капитала.

В качестве главных представителей теории меркантилизма можно назвать в Англии — Томаса Мэна **), в России — Посошкова ***), в Нидерландах — Гуго Гроция ****). Этот последний был, впрочем, более известен не как экономист, а как

*) 1469—1527 гг.
**) 1571—1641 гг.
***) 1653—1726 гг.
****) 1583—1645 гг.

историк, юрист и государствовед. Гуго Гроций — типичный представитель буржуазной идеологии, был основоположником новой школы „естественного права". Он отвергал старое учение об абсолютном божественном праве верховной власти и выдвигал идею о происхождении государства путем первоначального договора между обладающими равными правами людьми,—договоре, который налагает обязательства и на правительства и при известных условиях может быть расторгнут.

Научные общества.

В это время наука приобрела начала коллективности. „Я ударил в колокол, который призвал умных людей собираться вместе",—так говорил Фрэнсис Бэкон. И действительно. В то время возникли ученые общества, вокруг которых об'единялись крупнейшие люди науки. Это было прежде всего Лондонское Королевское Общество, основанное вскоре после смерти Бэкона. Затем шла Парижская Академия Наук. Лондонское Королевское Общество стало международным научным центром. Когда исполнился первый пятилетний юбилей этого общества, его официальный историк, говоря о задачах общества, заявлял: „Увеличивать власть человека над природой и освобождать его от рабства предрассудка — поступки более почтенные, чем порабощение целых империй и наложение цепей на выи народов".

Наука в древних капиталистических странах.

До сих пор речь шла о развитии наук в эпоху торгового капитализма западно-европейских народов. Но можно привести сколько угодно примеров из истории других народов глубокой древности и более нового времени. Везде, где бы торговый капитализм ни приходил на смену феодальным отношениям, новые хозяйственные условия приводили к быстрым успехам науки. Еще за 20 веков до нашей эры в Месопотамии развился торговый капитализм. В связи с увеличением денежного обращения, проведением каналов в бассейне рек Тигра и Евфрата и другими проявлениями расширяющегося торгового оборота, уже тогда возникли науки: астрономия, география, математика, языкознание. Астрономы занимались вычислениями расстояний между планетами и скорости движения луны и солнца. Географы составили карту мира. Математики изучили квадраты, кубы и кубические корни. Были составлены словари, грамматики, хрестоматии.

В Греции IV — V вв. старого летосчисления научное оживление было заметно главным образом в области философии. Здесь достаточно назвать имена: Сократа и Платона, родоначальников еще до сего времени не вполне изжившей себя философской школы, называемой идеалистической; Демокрита — родоначальника противоположной материалистической школы; Аристотеля, положившего основание логике, науке о законах человеческого мышления. Из других общественных наук, кроме философии, большие достижения имелись у истории, представленной Фукидидом. Многое было сделано греками и в области математики и естественных наук. Тот же самый Аристотель провел различие между арифметикой и геометрией. Гиппократ и его школа заложили первые основы научной медицины. Они учили, что нельзя лечить человека, не исследовав всей его природы; им принадлежит ряд научных работ по женским болезням, по хирургии, по эпилепсии и др.

Искусство.

Не меньшее оживление в эпоху торгового капитала обычно наблюдалось и в различных отраслях искусства.

Англия имела величайшего писателя Шекспира. Италия дала миру ряд непревзойденных художников и скульпторов: Тициана, Микель Анджело Буонаротти, наконец, Леонардо-да-Винчи, который был не только величайшим художником, но и гениальным мыслителем. Он указал на опыт, как исходную точку естествознания. Он имел обширные математические сведения: ввел геометрическое построение, доказывал невозможность квадратуры круга, определял поверхность, как предел тела, линию —как предел поверхности. Он отвергал „перпетуум мобиле“ (вечный двигатель) за 350 лет до того, как это было сделано окончательно Майэром и Гельмгольцем. В механике на сотню лет ранее других он открыл законы жидкостей, трения, определения света и звука, как волнообразного движения. Он определил шарообразную форму земли. Он занимался анатомией, изобретал летательный аппарат и т. д., и т. д.

Испанская литература обогатилась Сервантесом, автором Дон-Кихота Ламанчского, а живопись такими исключительными мастерами, как Веласкез и Мурильо. Голландская живопись была представлена Рубенсом, Ван-Дейком и Рембрандтом.



Рис. 58. Заглавный лист к „Российской грамматике“ Ломоносова.

Исключительно пышно расцвело, искусство в древней Греции— эпохи преобладания торгового капитала. Прежде всего, необычайно богатой была греческая литература. Трагедии Эсхила, Софокла и Эврипида, комедии Аристофана, лирика Анакреона,—все это непревзойденные образцы художественной литературы, которые считаются классическими. Столь же богатой была архитектура, которая создала неподражаемые по красоте сооружения, и скульптура, имевшая своими главными представителями Фидия, Праксителя и Скопаса.

Древний торгово-капиталистический Рим также пережил свой „Золотой век“ искусства. Особенно известны поэты Гораций и Овидий Назон. Оба они жили в первом веке старого летосчисления. В это же время Рим, получая огромные богатства из своих многочисленных колоний, украсился и грандиозными архитектурными сооружениями. До нашего времени дошли остатки этих сооружений, по которым можно восстановить картину Рима тех дней (см. рис. 57 на стр. 280—281).

Что касается России, то и она с упрочением торгового капитализма пережила некоторое оживление в области науки и искусства.

Мы укажем здесь на Ломоносова. Он был первым русским поэтом, он же был и первым русским ученым. В своем „Слове о явлениях воздушных“ Ломоносов дал полную теорию образования грозовых туч, чем положил основание научной русской метеорологии. Не менее важно открытие, которое сделано было Ломоносовым в мае 1761 года при наблюдении прохождения Венеры через солнце. Эти наблюдения привели Ломоносова к заключению о существовании атмосферы вокруг Венеры. Таким образом, Ломоносову первому принадлежит честь этого открытия, до которого европейские астрономы дошли самостоятельными наблюдениями только тридцать лет спустя.

Оставляя в стороне поэтические произведения, большинство которых в духе времени было по содержанию похвальными гимнами русскому императорскому двору, отметим, что Ломоносову принадлежит заслуга составления первой „Российской грамматики“ (см. рис. 58 на стр, 287).

Впрочем, Ломоносов и другие деятели молодой русской науки и искусства (его сверстники) не типичны для изучаемой нами эпохи; они хотя и были детьми торгового капитализма, но находились под большим влиянием Западной Европы, в которой в то время совершался переход к новой общественной эпохе—к промышленному капитализму.

Религия.

Нам остается сказать несколько слов по поводу перемен, которые происходили в эпоху господства торгового капитала, религиозной жизни общества.

В своем месте (глава о феодализме) мы уже видели, что религия в значительной степени способствовала сохранению господства правящих классов. Феодалы многим были обязаны церкви. В этом отношении особенно характерной была католическая церковь, подчинившая своему влиянию почти всю Западную Европу.



Рис. 59. Микель Анджело Буонаротти.

Однако с течением времени религия начинает утрачивать многие свои позиции. Промышленный рост общества создал очень благоприятную обстановку для научной мысли, а наука— величайший враг религии. Неверие проникает прежде всего в высшие слои общества, которым только, собственно, и была доступна наука. Но эти верхи общества прекрасно отдавали себе отчет сколь полезную роль играет религия для всех тех, кто эксплоатирует темные массы крестьянского населения или городской бедноты. Недаром же один из величайших буржуазных мыслителей—француз Вольтер,—который сам был настоящим атеистом и не верил ни в бога, ни в черта, утверждал, что „если бога даже и нет, то его необходимо выдумать“.



Рис. 60. Леонардо-да-Винчи.

Однако широчайшие круги населения оставались еще под значительным влиянием религиозного мышления. Все классовые бои, которыми так изобиловала эпоха торгового

капитала, проходили под религиозными лозунгами. На первый взгляд могло показаться, что и великая крестьянская война в Германии и английская революция XVII века главную сущность свою имели в религиозных разногласиях борющихся сторон. Так именно и повествовали о событиях этого времени буржуазные историки, которые не умели или не хотели распознать классовой сущности описываемых ими событий. Для этих ученых великая крестьянская война в Германии сводилась к реформации, т.-е. к борьбе за церковную реформу. Для нас же основой всех революционных движений эпохи торгового капитала служат экономические противоречия в положении различных классов. Религиозная же оболочка всех этих движений об'ясняется привычкой людей того времени мыслить религиозными образами.

Однако известное значение имела все же и борьба за церковную реформу. Старая форма церковной организации, выросшая на почве феодальных отношений, не соответствовала уже больше потребностям нового общественного строя. Из рядов поднимающейся буржуазии выростает стремление реформировать церковь, приспособить ее организацию, религиозный культ и даже религиозное учение к своим потребностям. Появляются отдельные реформаторы, которые начинают поход против старой католической (в Западной Европе) церкви. Здесь особенно известны имена Мартина Лютера и Кальвина. Они оказались основоположниками двух новых христианских систем — лютеранства и кальвинизма.

В то время как буржуазия стремилась приспособить господствующую церковь на свой лад, в рядах крестьянства и городской бедноты распространялись всевозможные сектантския учения, глубоко насыщенные экономическим содержанием. Здесь нередко встречались коммунистические секты, которые религиозными соображениями желали оправдать свое стремление к экономическому переустройству общества. Таковы например, были „анабаптисты“ или „перекрещенцы“ во время крестьянской войны в Германии.

В России реформационная волна была менее заметной, но и здесь нашли себе место широчайшие народные сектантские движения, например, „духоборов“ и „молокан“,

которые свой протест против существующего общественного строя выражали, прежде всего, в отрицании различных сторон внешнего культа казенной православной церкви.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 27.

Против чего боролись гуманисты? Какую роль играло изобретение книгопечатания? Каковы были первые способы книгопечатания? Приведите примеры зависимости науки от практических потребностей жизни. Перечислите известные вам важнейшие достижения естественных наук в эпоху торгового капитала. В чем заключалась гипотеза Коперника? Как католическая церковь относилась к учению Коперника? В чем состоит главная научная заслуга Фрэнсиса Бэкона? Почему Декарта называют „рационалистом"? В чем состояло учение Маккиавелли? Каково содержание „Утопии" Томаса Мора? В чем заключались теоретические взгляды меркантилистов? Вспомните главнейшие достижения науки древних торгово-капиталистических стран. Каково было состояние искусства в эпоху господства торгового капитала? Какова главнейшая заслуга Ломоносова? Оставалась ли неизменной религия в эпоху торгового капитала? Из каких классов общества исходило стремление к реформе церкви?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕЙ ГЛАВЕ.

1. Какими путями буржуазия в эпоху торгового капитала оказывает влияние на государственный аппарат?

2. Чем об'ясняется неодинаковый исход английской и нидерландской революции?

3. Почему церковь боролась с наукой?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Кушнер П. — „Очерк развития общественных форм", стр. 479—581.

Андреев Н. — „История развития общественных форм". Хрестоматия. Отрывки №№ 161—175 (стр. 314—340).

Ляшкевич Л. — „Торговый капитализм". Хрестоматия, стр. 166—273.

Ленин. — „Государство и революция". (Можно ограничиться одной первой главой книги, в которой выясняется классовая сущность государства. Книга доступна только для подготовленного читателя).

Преображенский В. Д. — „Происхождение современных государств Европы", чч. I и II. (Две популярных брошюры. Первая рассказывает о ранней фазе торгово-капиталистического государства, которую автор называет „сословной монархией"; вторая—об абсолютной монархии).

Сборник „Обществоведение" под ред. Тарасова, т. III, статьи: „Меркантилизм", „Экономическая политика торгового капитала и меркантилизм", „Утопия Мора, как отражение новых экономических отношений", „Классовые группировки в Англии", „Английская революция XVII века и ее результаты", „Уничтожение феодальных вольностей королев-

ской властью и сохранение привилегированного положения дворянства во Франции". (Все статьи написаны достаточно популярно).

Конради. — „История революций", тт. I и II. (Речь идет об английской и нидерландской революциях. История этих революций изложена с очень большими подробностями. Изложение не трудное).

Покровский М. Н. — „Очерк истории русской культуры", ч. I, раздел 2-ой и ч. II. (В высшей степени содержательная, марксистская книга, требующая, однако, от читателя некоторой подготовки).

IX. ПЕРЕХОД к ЭПОХЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА

§ 28. Промышленная революция.

Процесс „так называемого первоначального накопления капитала“.

В предыдущих главах речь шла о развитии капиталистических отношений. Народы, вступившие на путь капиталистического развития, прежде всего должны были пережить „так называемый процесс первоначального накопления капитала“.

„Открытие залежей золота и серебра в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное место охоты на чернокожих—такова была утренняя заря капиталистической эры производства. За ней идет торговая война европейских народов, театром которой был весь земной шар“...

„Различные моменты первоначального накопления следуют один за другим... Местом действия их является Испания, Португалия, Голландия, Франция, Англия. В Англии к концу XVII века они систематически об'единяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным социальным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический“... В таких выражениях Маркс характеризует процесс „первоначального накопления капитала“.

В чем же сущность этого процесса? Она заключается в том, что производители, доселе самостоятельные, насильственно лишаются (экспроприируются) орудий и средств производства. Насилие—основа этого процесса, грабеж—главное его орудие.

Поэтому злою насмешкой звучат слова Маркса, когда он грабеж называет столь невинным словечком „накопление“. Не даром же он говорит не просто о первоначальном накоплении капитала, а о „так называемом“ первоначальном накоплении *).

В итоге—небольшая кучка захватчиков сосредоточивает в своих руках земли и всевозможные богатства.

Захватчики становятся единственными полными хозяевами почти всех орудий и средств производства. Впоследствии колоссальные богатства этой группы дают ей возможность возводить всевозможные промышленные сооружения, фабрики и заводы, проводить железные дороги, строить огромные океанские суда и т. д. Такова судьба захватчиков и грабителей, незначительного меньшинства населения.

Зато подавляющее большинство населения разоряется, лишается всего. Единственное, что остается у этой массы,—рабочая сила. Лишь продавая ее собственникам орудий и средств производства, ограбленные массы могут влачить теперь свое жалкое существование.

Рождаются новые классы: буржуазия и пролетариат (капиталисты и рабочие).

Очень часто момент рождения пролетариата совпадает с его освобождением от всевозможных видов крепостной и феодальной зависимости.

В былые времена землевладелец-феодал, эксплоатируя подневольных крестьян, заставлял их работать на себя силой оружия. Теперь представители нового класса эксплоататоров-капиталистов не могут силой заставить на себя работать. Да им этого и не надо. Пролетариат — „свободен“. Рабочий, с точки зрения закона, волен итти работать у капиталиста или не итти. Но если закон ему разрешает не работать на другого, то голод гонит под ярмо. Не продавая своего труда, рабочий, лишенный орудий и средств производства, умрет с голоду.

На языке экономистов это различие в положении рабочего эпохи капитализма и феодального крестьянина обозначается особыми терминами: говорят, что феодальный

*) Маркс направлял свою насмешку против тех буржуазных ученых, которые об'ясняли происхождение богатств класса капиталистов трудолюбием и бережливостью их предков. Маркс доказал всю лживость этих слащавых басен.

крестьянин эксплоатируется под влиянием внеэкономического принуждения, в то время как пролетарий подвергается принуждению экономическому.

Приведем несколько примеров первоначального накопления.

Обезземеливание крестьянства. „Огораживание" земель в Англии.

Мы уже видели в предыдущих главах, как происходило ограбление колоний.

Этим дело далеко не исчерпывалось. Первоначальное накопление происходило и на родине торгового капитала. Жертвой экспроприации здесь были главным образом крестьяне. Посмотрим, что пришлось, например, пережить английскому крестьянству.

Еще до середины XVIII века в Англии сохранялся довольно многочисленный класс мелких самостоятельных земледельцев. Отчасти это были мелкие собственники-крестьяне, отчасти наследственные арендаторы, „держащие" от дворян небольшие клочки земли. И для тех, и для других основой хозяйства были не только возделываемые ими участки земли, но и общинные земли. Роль общинных выгонов была особенно велика, в виду большого значения скотоводства.

Насильственное обезземеливание крестьян широко практиковалось уже в XVI веке. В это время быстро развивалось шерстяное производство. Родиной его была Фландрия (в пределах современной Бельгии). Для фландрских шерстяных мануфактур требовалось много шерсти, и ее ввозили из Англии. Кроме того, производство шерстяных тканей расширялось и в самой Англии. Достаточно сказать, что в то время, как в первую четверть XVI века из Англии ежегодно вывозили по 85.000 кусков сукна, — в третью четверть того же века вывоз сукна возрос до 125.000 кусков в год.

Естественно, что при таком спросе на шерсть цены на нее все время шли в гору. Помещики (лорды), в погоне за выгодным сбытом шерсти, стремились, где только можно было, разводить овец. Прежде всего они сгоняли арендаторов с насиженных арендных участков земли и обращали возделанные ими пашни в пастбища для скота. Пользуясь своей силой, помещики зачастую не ограничивались отобранием арендуемых участков земли, но захватывали и собственные крестьянские участки. Там, где еще недавно пахали кре-

стьяне, паслись теперь стада овец лордов. Известный английский писатель того времени, Томас Мор, писал по этому поводу, что „овцы пожрали людей“.

„Овцы эти, повсюду смирные нетребовательные животные, говорит Мор, у нас оказываются до того жестокими и прожорливыми, что бросаются на людей и прогоняют их с земли, с насиженных мест, домов и деревень. Ко всем местам, где собирается нежная и драгоценная шерст, спешат знатные богачи и даже достопочтенные аббаты (священники), чтобы оттягать себе участок земли... на протяжении многих миль в окружности они лишают почву всякой обработки и обращают ее в пастбище, они сравнивают с землей дома и целые деревни, оставляя только церкви, да и то с тем, чтобы устраивать в них хлева для баранов. Жадный владелец окружает стеной („огораживает“) пространство в несколько тысяч десятин земли; честных крестьян выгоняют из домов: одних обманом, других силой, в лучшем случае длинным рядом притеснений и судебных волокит. И вот, семейства крестьян кочуют по полям и дорогам: мужчины, женщины, вдовы, и сироты, отцы и матери с малыми ребятами. Что же им остается дальше? Воровство, а вслед затем—виселица... А в чем же состоит их преступление? Да только в том, что они не могут найти себе никакой работы, которой они только и добиваются изо всех сил“.

Впоследствии насильственное обезземеливание крестьянства несколько затихло для того, чтобы в XVIII веке вновь вспыхнуть с удвоенной силой. Теперь помещиков прельщала возможность на отнятых землях увеличить не только стада овец, но и размеры запашки, так как быстро растущие города (конец XVIII в. и начало XIX в.) пред‘являли огромный спрос на хлеб. Всего в XVIII столетии было огорожено свыше 3.500.000 акров земли.

К этому времени помещик успел утратить старые формы своей феодальной власти, но ту же власть он осуществлял теперь в другом виде: при посредстве парламента. Парламент, руководящая роль в котором всецело принадлежала помещикам, издает ряд указов, в силу которых то в той, то в иной области надлежало произвести раздел общинных земель. При этом, раздел обыкновенно производился не по количеству дворов общины, не по количеству

работоспособных людей или едоков, а пропорционально имеющимся у отдельных участников общины земельным наделам. Сам помещик тоже считался одним из участников общины: но у него одного обыкновенно земли было больше, чем у всего крестьянства округи. Поэтому при разделе больше половины общинной земли шло помещику. Затем значительная часть выпадала на долю крестьянского кулачества. Остальная же масса крестьянства при разделе получала или совсем малые участки земли или же ничего не получала. Ничего не получали так называемые „коттеджеры", т.-е. крестьяне, имевшие только „коттедж" (избу), но не имевшие собственной пашни или пастбища. Зачастую они при разделе лишались и своих усадебных участков; так как они не имели земельных наделов, их избы сносили и их самих выселяли. К сказанному надо добавить, что в большинстве случаев парламент назначал комиссаром для проведения раздела местного помещика, который, конечно, делил землю так, как это ему было выгодно, выкраивая себе лучшие участки и „округляя" свои владения. Отобранную у крестьян землю помещик окружал изгородью (отсюда—„огораживание"). В конечном счете, крестьяне насильственно лишались своего основного средства производства—земли. Происходил тот же грабеж, что и во времена Томаса Мора, но теперь этот грабеж освящался законом, он совершался именем парламента. Это был, по словам Маркса, „парламентский грабеж".

Однако, еще в XIX веке нередко бывали случаи, когда ограбление крестьян производилось даже без видимости законности.

Очень характерный случай описан Марксом. В Шотландии *) некая герцогиня Сютерлэнд за несколько лет довольно просто расправилась с многочисленным крестьянством, населявшим ее огромные владения. С 1814 по 1820 г. 15.000 жителей, составлявшие около 3.000 семейств, были дважды изгнаны с насиженных мест и совершенно разорены. Все деревни были разрушены и сожжены, все поля превращены в пастбища. Для расправы были посланы британские солдаты. Одна старая женщина, отказавшаяся покинуть свою избушку, погибла в пламени. Таким образом, эта герцогиня присвоила себе 794.000 акров **) земли, которые с незапамятных времен принадлежали местным крестьянам. Изгнанным обывателям она отвела за плату на берегу моря около 6.000 акров, по 2 акра на семейство. Эти 6.000 акров до тех пор были невозделаны и не приносили владельцам никакого дохода. Всю похищенную землю она разде-

*) Шотландия—северная часть Англии.

**) Акр=0,37 десятин

лила на 29 крупных овечьих ферм. 15.000 человек были заменены 131.000 овец. Выброшенные на берег моря, крестьяне стремились просуществовать рыбной ловлей. Они жили, по выражению одного английского писателя, наполовину на суше, наполовину на воде; но они питались только впроголодь и от земли, и от моря. Однако, запах рыбы ударил в нос герцогине. Она почуяла здесь нечто прибыльное и сдала морской берег в аренду крупным капиталистам Лондона. Крестьяне были вторично изгнаны.

„Освобождение“ крестьян в России.

В России до середины XIX века господствовало крепостное право. Развившееся вместе с торговым капиталом, оно к этому времени перестало уже соответствовать изменившейся экономической обстановке, и ряд причин подготовлял его падение. Прежде всего, в Западной Европе к этому времени укрепилось крупное производство, развилась городская жизнь и чрезвычайно поэтому расширился хлебный рынок. Ряд западно-европейских стран уже не мог удовлетворяться своим собственным хлебом и нуждался во ввозном хлебе. Русские помещики стали вывозить хлеб за границу. Цены на хлеб значительно поднялись, и помещики уже не удовлетворялись малопроизводительным подневольным трудом крепостных, а стремились перевести свое хозяйство на вольнонаемный труд. Им выгоднее было бы производить большее количество хлеба, даже оплачивая труд, чем при бесплатном труде крепостных получать хлеба гораздо меньше.

Была и другая причина, заставлявшая помещиков и правительство, всецело защищавшее их интересы, торопиться с ликвидацией крепостных отношений. Крестьянские восстания со времени Пугачевского бунта не переставали беспокоить власть имущих. Страх, что, если крестьян не освободят „сверху“, они сами освободят себя „снизу“,—ускорил развязку: была проведена реформа, которую называли „освобождением крестьян“. 19 февраля 1861 года был подписан манифест, отменяющий крепостное право.

Наконец, была и еще одна причина, способствовавшая реформе. Нарождавшаяся уже промышленность испытывала много неудобств из-за отсутствия „свободных“ рабочих. Надеялись, что реформа сможет дать эти рабочие руки.

Эти надежды оправдались. Реформа была проведена так, что крестьяне были „освобождены“ не только от крепостной зависимости, но и от земли. Полученные ими земельные наделы были, с одной стороны, крайне незначительны,

а с другой—эти наделы были обложены очень высокими выкупными платежами. Выкупные платежи в большинстве случаев даже превышали существовавшие в то время рыночные цены на землю. В Московской, например, губернии десятина земли, уступленной крестьянину, стоила 26 рублей, а заплатить за нее крестьянин должен был 51 р. 33 к. Местами (на севере, в Олонецкой губернии) выкупные платежи были вчетверо и впятеро выше дохода с крестьянского надела. Кроме того, крестьяне платили еще и подушную подать. В итоге многие тысячи крестьян не могли вынести бремени высоких платежей и всевозможных налогов, разорялись и лишались, в конце-концов, своей земли. Крестьяне пролетаризировались.

Появление машин.

Куда же девались миллионы обезземеленных крестьян? Часть из них оставалась работать на земле в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков) у помещиков. Многие не выдерживали бедствий разорения, безработицы и нищеты. Тысячи гибли от голода и болезней. Наконец, часть разоренного крестьянства находила себе применение на фабриках.

Фабрики—это новая форма промышленного производства, основанная на использовании машин. Переходной ступенью к фабрике была знакомая нам мануфактура. Уже в мануфактуре рабочие работали в одной мастерской, и между ними широко применялось разделение труда. Не было только машин, и труд попрежнему оставался ручным.

Каждый из работников мануфактуры должен был производить только определенную часть операций, требуемых изготовлением данного продукта. Такое разделение труда вызвало появление инструментов с очень тонким разделением их видов, предназначенных для различных операций производства. В одном Бирмингаме, например, изготовлялось до 500 сортов молотов, предназначавшихся для различных надобностей. Но вся беда была в том, что рабочий, как бы он ни был опытен, мог одновременно пользоваться лишь одним каким-нибудь инструментом. Делались, правда, попытки заставить прядильщика работать одновременно на двух прялках. Но работа одновременно обеими руками и ногами требовала такого колоссального напряжения и виртуозной ловкости, что из подобных попыток ничего не выходило. Вопрос был разрешен лишь с изобретением м а ш и н ы.

Анализ понятия машины.

Но что же такое машина? Чем она отличается от ремесленного инструмента?

— Математики и механики,—говорит по этому поводу Маркс,—считают инструмент простой машиной, а машину—сложным инструментом. Они не видят здесь никакого различия по существу и называют машинами даже самые простые механические средства, например: рычаг, наклонная плоскость, клин и т. д. Если для механиков и математиков нет надобности проводить резкое различие между машиной и инструментом, то социологам, изучающим историю развития общественных отношений, такое различие проводить безусловно необходимо, так как появление машины создает совершенно новые общественные отношения.

Очень часто, желая установить это различие, говорят, что движущей силой инструмента служит человек, а движущей силой машины—посторонняя человеку сила природы; например: пар, вода, ветер, электричество или сила животных.

Но, приняв подобное различие, пришлось бы признать, что запряженный быками плуг, применявшийся еще в феодальную эпоху, был машиной, а круговой станок Клоусена, делающий 96.000 петель в минуту,—простой инструмент. Пришлось бы также швейную машину, когда она приводится в движение рукой или ногой, считать простым инструментом, но мы должны были бы считать ее настоящей „машиной", лишь только она была бы нами приведена в движение электрической энергией. Пришлось бы, наконец, считать, что машинное производство появляется раньше, чем ремесло, так как силой животных человек стал пользоваться раньше, чем появились различные ремесла.

Различие между машиной и простым инструментом надо искать не в этом.

Всякая вполне развитая машина состоит из трех механизмов: двигательного, передаточного и исполнительного.

Двигательный механизм или сам порождает свою деятельную силу, как паровая машина, калорийная машина, электро-магнитная машина и т. п., или получает энергию извне, непосредственно от какой-либо силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крылья ветряной мельницы от ветра, и т. д.

Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, бесконечных ремней и всякого рода промежуточных приспособлений и снарядов, регулирует движение, изменяет, где нужно его направление, превращая его, например, из перпендикулярного в круговое, переносит и распределяет его на различные части исполнительного механизма.

Исполнительный механизм—это последняя, самая важная часть машины, выполняющая основное назначение всей машины в целом. Если ближе присмотреться к исполнительному механизму (рабочему механизму), то в нем не трудно узнать те же орудия и инструменты, которыми работали ремесленник, кустарь и мануфактурный рабочий. Конечно, вид этих инструментов и орудий теперь иногда сильно меняется, но все же: как в лесопильной машине не распознать старую пилу, в чулочной—спицы, в прядильной—веретена?

Как только орудие перешло из рук человека к механизму,—машина заменила собой простой инструмент. При этом не имеет решающего значения, исходит ли движущая сила машины от самого человека, или берется она извне: от силы ветра, или воды, или, наконец, вырабатывается какой-либо другой машиной. Показательно в этом отношении, что самая первая, правда, еще очень несовершенная, прядильная машина, изобретенная в 1735 году Джоном Уайтом, приводилась в движение ослом; но изобретатель, рассказывая о своем изобретении, ни слова не упомянул об осле, он говорил: „моя машина для того, чтобы прясть без пальцев".

Промышленная революция в Англии.

С тех пор, как торговый капитал подчинил себе не только весь сбыт товаров, но в значительной степени и их производство, промышленность получила большой толчок. Особенно быстро развивались те ее отрасли, которые были обеспечены наиболее широким рынком для сбыта продуктов. Здесь капиталисты старались развернуть как можно шире производство; здесь раньше всего применялась мануфактурная организация промышленности; здесь же раньше всего вводились всевозможные технические усовершенствования, могущие ускорить или удешевить производство и тем сделать его для капиталиста более выгодным.

В иных случаях техника делала исключительно быстрые успехи. Совершенствовались и способы и, главное, орудия



Рис. 61. Машина Гаргревса „Дженни“.

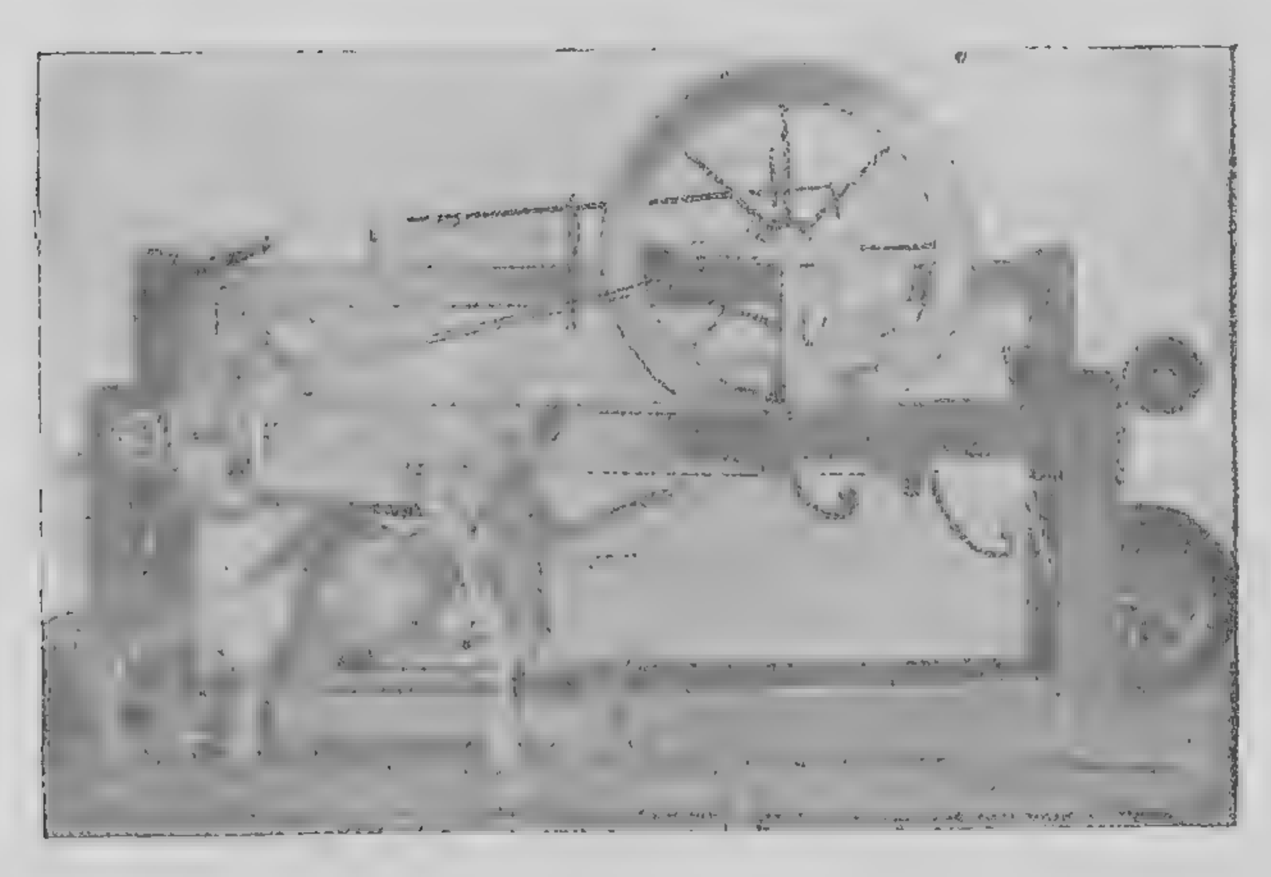


Рис. 62. Мюль-машина Кромптона.

производства. Так было, например, в Англии в конце XVIII и в начале XIX веков. В это время в Англии больше, чем

где бы то ни было, возросло значение торгового капитала, основавшего свою силу на колониальном могуществе. В конце XVII века внешняя торговля Англии делала обороты до 6 млн. фунтов стерлингов в год, а к концу XVIII века обороты внешней торговли достигли 90 млн. фунтов стерлингов в год. В это же время усилилось проникновение торгового капитала почти во все отрасли производства. Поэтому именно здесь техника развивалась быстрей, чем в других странах, и в сравнительно незначительный срок настолько переродила старые способы и орудия производства, что время это стали называть „эпохой промышленной революции".

Особенно быстрые успехи делала текстильная промышленность. При этом выделка ткани шла значительно быстрее, чем выделка пряжи. В среднем, на одного ткача работало три прядильщика, но и они не поспевали за работой ткачей, и последние то и дело испытывали своеобразный „прядильный голод". Всеобщее внимание было направлено на уничтожение этого „голода", пока, наконец, не удалось сконструировать прядильную машину, в которой сразу приводилось в движение несколько веретен. Первая такая машина, изобретенная неким Гаргревсом *) и названная им в честь своей дочери „Дженни", представляла собой снаряд, приводимый в движение рукой, но имевший, в отличие от простой ручной прялки, от 16 до 18 веретен. Через несколько лет „Дженни" была усовершенствована Кромптоном, который сконструировал так называемую „мюль-машину", приводимую в движение водой. Теперь одна машина уже имела несколько десятков веретен. Производство пряжи ускорилось в 200 раз. В результате не только исчез недостаток пряжи, но теперь уже тканье начало отставать от прядения, пока, наконец, в самом конце XVIII века не был изобретен ткацкий станок, ускоривший производство ткани, примерно, в 40 раз. Сначала прядильные и ткацкие машины применялись в хлопчато-бумажном производстве; позже они появились и в производстве шерстяных материй.

Новые прядильные машины приводились в движение водой. Однако, широкое применение машин стало возможным лишь тогда, когда в качестве двигательной силы началось

---

*) Гаргревс взял патент на эту машину в 1770 г.

применение силы пара. Сила пара была известна давно но только в XVIII веке впервые удалось ее использовать в качестве полезной двигательной силы. В начале века один англичанин, кузнец Ньюкомен, устроил паровой насос для выкачивания воды из каменноугольных шахт. Машина Ньюкомена имела слишком много недостатков: она пожирала массу топлива, работала медленно и с большими перебоями. Лишь через 50 с лишком лет, в 1765 году, ее сменила гораздо более совершенная паровая машина, изобретенная инструментальным мастером Джемсом Уаттом. С этого времени паровые машины начали распространяться чрезвычайно быстро. Нужда в них теперь испытывалась не только в угледобывающей, но и в текстильной промышленности, а потом и в других отраслях.

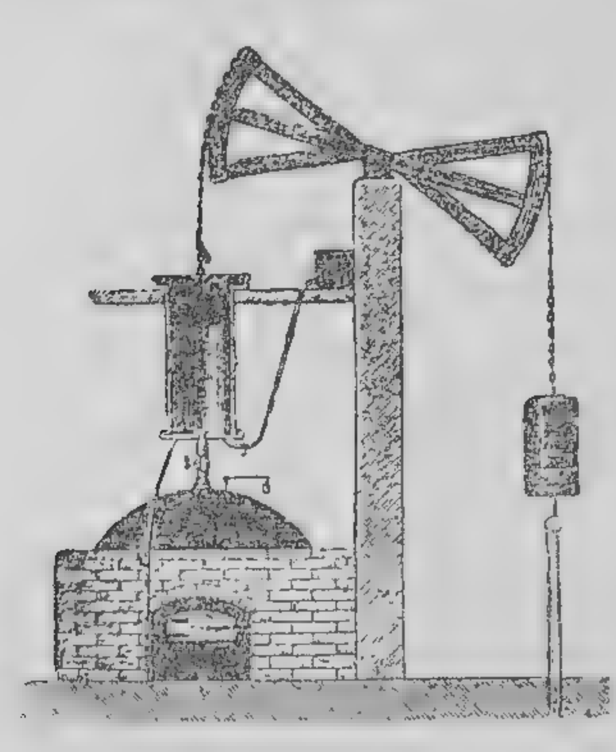


Рис. 63. Паровая машина Ньюкомена.

Постепенно машины проникают во все отрасли производства. Очень быстрый рост текстильной промышленности привел к полному преобразованию и смежного—химического дела (главным образом в области белильной и красильной). Распространение паровых машин вызывало усиленное потребление угля. Поэтому быстро росла угледобывающая промышленность. Устройство прядильных и особенно паровых машин создало огромный спрос на металлы: чугун, железо, сталь и медь. Начинает итти в гору металлургическая промышленность, которая до этого времени в Англии была в большом загоне. Под влиянием большого спроса на металл, в результате ряда усовершенствований, пришли к выделке железа пудлингованием (1784 г.): этот способ увеличил производительность труда в 10 раз и значительно сократил расход на топливо. Еще раньше научились выплавке чугуна не на деревянном, а на каменном угле, после чего только стало возможным массовое производство чугуна. Наконец, в те же годы был найден способ выделки



Рис. 64. Первый поезд на Нюренберг-Фюртской железной дороге 7 декабря 1835 года.
(Копия современного рисунка).

высокой по качеству стали (это так называемый „тигильный способ", он долгое время оставался секретом англичан).

Массовое производство тканей и особенно угля и металла остро поставило вопрос о путях сообщения. В результате Англия покрывается сетью огромных каналов, сооружение которых, в свою очередь, давало пищу металлургическому производству.

А спустя немного времени в области транспорта достигаются новые огромные успехи: в 1807 году пускается в плавание первый пароход*), и, наконец, в 1825 году открывается первая железная дорога (сначала длиной всего лишь в 12 верст).

Изобретения— историческая необходимость.

Мы приводили выше имена нескольких изобретателей. Не следует преувеличивать значения этих имен. История техники показывает, что ни одно важное изобретение, получившее широкое распространение, не может быть приписано полностью таланту или изобретательности одного человека, но „каждое,—говорит один исследователь,—представляет собой соединение многих последовательно совершившихся изобретений; в большинстве случаев удачное изобретение является только несколько более долговечным из ряда многих подобных же попыток. Современный прядильный механизм, которым мы пользуемся, составлялся из сложности почти 800 изобретений. Теперешняя кардная машина есть продукт почти 80 патентов. Такова история большей части изобретений".

Экономические потребности направляют усилия многих на усовершенствование какого-либо одного важнейшего момента производства. „Общий уровень знания века приводит многих к получению одинаковых решений, и вот то решение, которое несколько лучше приноровлено к условиям действительности, выходит победителем, и изобретатель или человек, осуществивший, а в некоторых случаях даже похитивший идею изобретения, увенчивается славой великого изобретательного гения".

Следует также отметить, что изобретения второй половины XVIII века и начала XIX в. возникли из чисто практических потребностей. Недаром почти все изобретатели

*) Первый пароход был построен не в Англии, а в Америке. Имя его изобретателя—Фультон.

первых машин были люди не науки, а практики, часто простые рабочие, без специальной научной подготовки. Но эти изобретения стали возможны лишь при известном уровне, достигнутом к этому времени в области естествознания и точных наук. Без открытия Торичелли законов давления воздуха, сделанного в 1643 г., без предварительного теоретического изучения свойств теплоты и устройства точных приборов для ее измерения (градусник Фаренгейта в 1714 г., Реомюра—1730 г. и Цельсия—1741 г.), изобретение паровой машины было бы невозможно. Но и естественные науки, в свою очередь, получили могучий толчок к развитию благодаря тому, что практические задачи, выдвигавшиеся развивавшейся машинной техникой, ставили перед наукой новые задания. Утилизируя успехи техники, достигнутые в индустрии, наука направляла и ускоряла их в дальнейшем. Промышленная революция не была создана успехами естественных наук, но обязана им своим размахом и результатом.

Экономические последствия промышленной революции в Англии.

Торжество машины вызвало колоссальное увеличение размеров производства. В 1740 году в Англии производилось 17.350 тонн железа, а в 1806 г.—258.206 тонн. В 1750 г. добывалось около 4½ млн. тонн каменного угля, а в 1795 г.—около 10 млн. тонн. В 1753 году в Нортумберленде и Дургеме работало 14 каменноугольных копей, а в 1836 г.—76 копей. Средний годовой ввоз хлопка в пятилетие 1771—1775 г. равнялся 4.764.589 фунтов, а к пятилетию 1796—1800 г. он достиг 11.430.272 фунтов в год. То же приблизительно наблюдалось и в других отраслях промышленности. Англия надолго становится главным и, в сущности говоря, почти единственным поставщиком фабрикатов на мировом рынке. Это приводит к необычайно быстрому развитию оборотов английской внешней торговли:

Годы.	Размер вывоза из Англии в млн. фунт. стерл.	Увеличение.
1811—1820	35,5	+ 6%
1821—1830	48,8	+37%
1831—1840	79,8	+63%
1841—1850	131,8	+65%

К этому времени различные отрасли промышленности требовали такого большого количества машин, что в конце-

концов производство машин само сделалось машинным. Но с тех пор уже вполне сложился новый общественный строй: началась эпоха промышленного капитализма.

Появление пролетариата. На ряду с быстрым ростом производства менялся и характер его организации. Старое распыленное домашнее и ремесленное производство заменялось крупной фабричной индустрией. Еще до появления паровой машины, когда пользовались силой воды, строились фабрики, где в больших корпусах работали сотни рабочих. Теперь же на фабрики собирались гораздо более значительные массы рабочих. Пока основным источником силы была вода, фабрики были рассеяны по течению рек, но затем, когда вода была вытеснена паром, фабричное строительство всецело перенеслось в города. Отсюда—очень быстрый рост городов. Население Манчестера, например, с 1801 по 1841 г. возросло с 35 тысяч человек до 353 т. человек, т.-е. в 10 раз. Соответствующим образом менялось и соотношение городского и сельского населения. В 1770 г. в Англии было 40% сельского населения; в 1811 г. процент этот упал до 35, а в 1841 г. до 26.

До сих пор речь шла об Англии. Здесь система промышленного производства зародилась раньше всего. Здесь же она скорее всего подчинила себе все отрасли народного хозяйства. Но и другие страны одна за другой переходили к новым способам производства. Из Англии машины перекочевали во Францию, несколько позже они появились в Германии, потом в других странах З. Европы, в Америке, в Восточной Европе—в России, в Японии и т. д.

Везде, где бы ни устанавливалась фабричная система производства, она производила огромные изменения во всем укладе жизни страны. Новые условия производства перестроили классовую структуру общества. Появился новый класс—класс пролетариата.

Пролетариат или рабочий класс—это класс людей, лишенных орудий и средств производства. Рабочий, не в пример крепостному или рабу, лично свободен. Он волен работать и не работать. Но это кажущаяся свобода. Экономически рабочий вынужден продавать свою рабочую силу.

Новым фабрикам нужны были рабочие руки,—много рабочих рук. Но фабриканты никогда не испытывали в них

недостатка. Кадры пролетариата быстро пополнялись, главным образом, двумя путями. С одной стороны, это были обезземеленные, разоренные крестьяне, с другой—разоряющиеся ремесленники и кустари.

Машины очень быстро сделали совершенно невыгодными старые ремесленные и кустарные формы производства. В той отрасли, где появилась машина, работать вручную не имело никакого смысла. Машина производила во

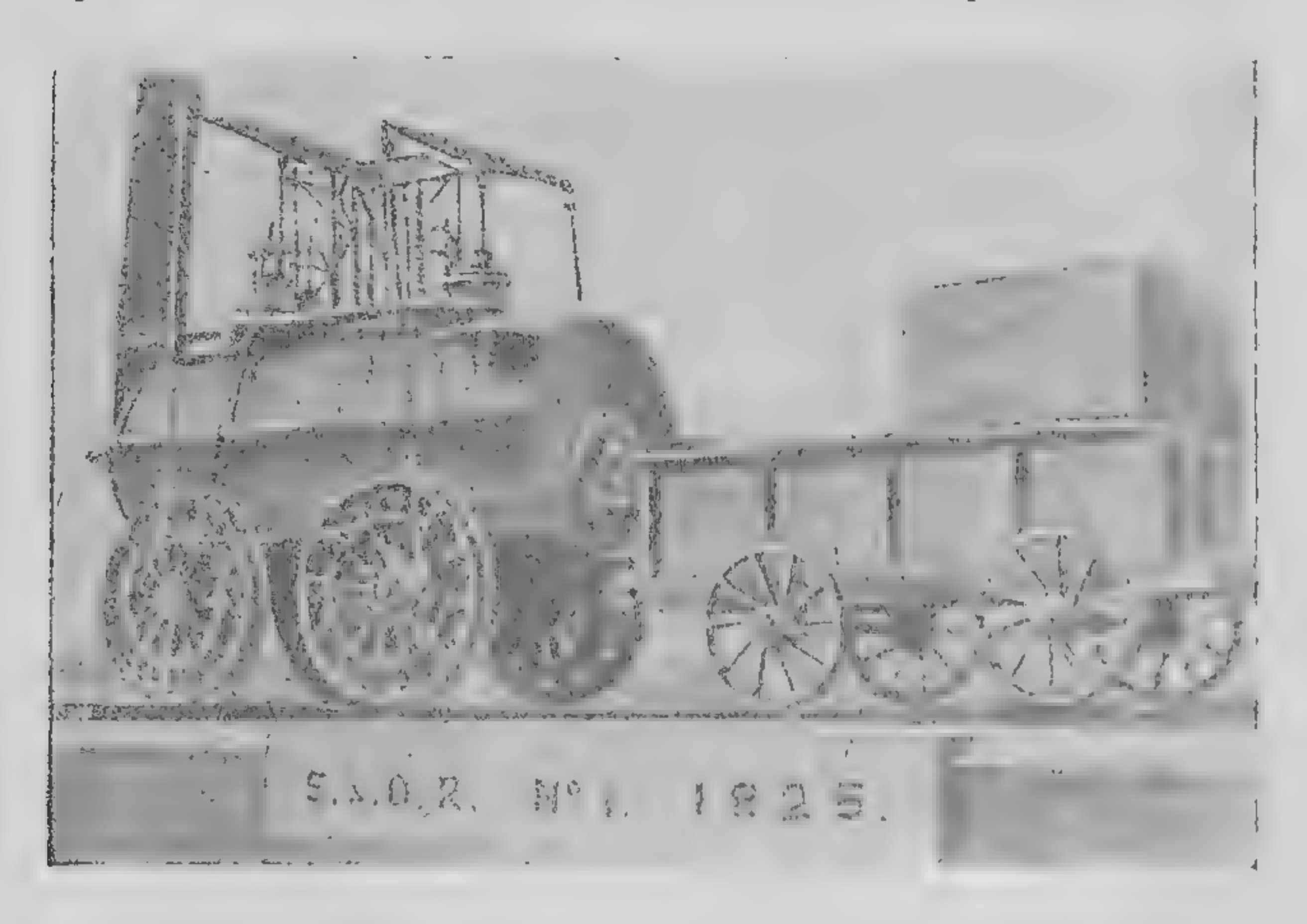


Рис. 65. Один из первых паровозов, построенный Георгом Стефенсоном.

много раз дешевле и в большинстве случаев на много лучше, чем это можно было сделать старым способом. Так, например, в Англии цена пряжи за 50 лет, с 1780 по 1830 г., упала с 35 шиллингов за 1 фунт до 3 шиллингов. Нелепо было бы теперь производить пряжу практиковавшимися раньше способами.

Но что же было делать огромной армии ремесленников и кустарей, которые не только в этой отрасли производства, но и во многих других, должны были выдержать непосильную конкуренцию с машинами?

Обзаводиться дорого стóящими машинами им, конечно, было совсем не под силу. Они сначала работали в убыток,

надеясь на лучшие времена, затем продавали свой скарб и даже инструменты и, наконец, лишившись всего, что имели, вынуждены были итти на соседнюю фабрику искать там работы в качестве наемных рабочих.

Число желающих получить работу на фабриках было так велико, что за фабричными воротами всегда оставались огромные толпы безработных. Армия безработных неизменно возрастала, и как ни много строилось новых фабрик, а число желающих получить работу увеличивалось все же на много быстрее.

Женский и детский труд.

Положение еще больше ухудшалось оттого, что на фабрике широчайшее применение получил женский и детский труд.

Предприниматели охотно вовлекали в работу женщин и детей, т.-к. их труд оплачивался дешевле, чем труд мужчин. С другой стороны, голод не только гнал на фабрику женщин, но заставлял посылать туда и совершенно малолетних детей.

Таким образом, экономические причины—нужда масс и выгода для фабрикантов—вызывали огромное увеличение женского и детского труда. Новые же технические условия этому лишь способствовали, так как машины в большинстве случаев не требовали от рабочего сколько-нибудь значительной физической силы. Часто они не требовали и длительной выучки, как это имеет обыкновенно место в большинстве ручных производств.

Положение рабочего класса.

Если неизмеримы были бедствия, нищета и голод в среде безработных, то даже и те „счастливчики", которые попадали на фабрику оказывались в неописуемо тяжелых условиях.

Фабриканты широко пользовались безработицей. Зная, что они всегда могут найти сколько угодно желающих работать, они доводили эксплоатацию до последних пределов. При этом предприниматели не встречали в те времена никаких преград. Рабочие еще не были организованы, не имели никаких союзов, которые могли бы защищать их интересы, и не добились еще от государства издания законов в области охраны труда. Голод заставлял их соглашаться на любые условия, лишь бы получить работу.

Рабочий день удлинялся все больше и больше и достигал 16 и даже 18 часов; заработная плата падала, и ее

хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду. Прокормить же на заработную плату еще и семью было совершенно невозможно.

Особенно тяжело было положение женщин и детей. „Одна работница имеет двух дет[illegible]дший ребенок—грудной, а за ним смотрит старший. В 5 час. утра она уходит на фабрику и возвращается в 8 час. вечера. За день молоко вытекает из грудей и пропитывает насквозь платье. У другой работницы трое детей. В понедельник она в 5 час. утра уходит из дома и возвращается лишь в субботу в 7 час. вечера, и тогда ей столько нужно сделать для детей, что она ложится не раньше 3 часов. Часто она возвращается вся промокшая от дождя и должна работать в таком состоянии. „Мои груди,—говорит третья,—причиняли мне страшную боль, и я была вся мокрая от молока". Очень распространено в фабричных округах применение наркотических средств для успокоения детей, и в этом обычае лежит главная причина частых смертных случаев от судорог".

Так описывал один из членов английского парламента условия труда английской работницы, при чем описание это относится к несколько более позднему времени, когда законы отчасти уже ограничивали эксплоатацию рабочих. А раньше положение было еще хуже.

А вот описание условий детского труда. Оно взято из отчетов местных властей одного промышленного немецкого района, в котором раньше всего стало вводиться фабричное производство. Краски в этом официальном документе не только не сгущаются, а, наоборот, скорее смягчаются.

„Во всех отраслях текстильной промышленности,—читаем мы в одном из таких отчетов,—а также на фабриках бронзовых изделий, бумаги, фарфора и пр. массы детей в самом нежном возрасте, начиная уже с 4-летнего, изнурялись непосильным трудом, и после 10-ти, 12-ти и даже 14-ти часов работы за жалкую поденную плату в несколько грошенов, им предоставлялось развлекаться в течение своего короткого отдыха водкой, табаком, развратом и азартной игрой. Бледные лица, одутловатые щеки, распухшие губы и крылья носа, опухоли шейных желез, злокачественные сыпи и припадки астмы отличают эти несчастные создания в отношении здоровья от других детей того же народного класса, но не работающих на фабриках".

Не лучше было положение детей в английской промышленности. Вот несколько выдержек тоже из одного официального документа.

„1. Встречаются случаи, когда дети начинают работать даже в возрасте трех и четырех лет. Большинство детей начинает работать с девятого года жизни.

2... Начиная с пятилетнего возраста и старше, дети уже массами работают в мелких и крупных заведениях...

20... Почти повсюду дети работают столько же, сколько взрослые, иногда 16, даже 18 часов без перерыва...

30... В большинстве случаев физическое развитие детей очень серьезно пострадало под совокупным вредным влиянием подобной преждевременной работы, длины рабочего дня и недостаточного количества

питания и одежды; в большинстве они кажутся удрученными, хрупкими, имеют бледный цвет лица и болезненный вид, малорослы и производят впечатление поколения с ослабленными физическими силами...

32... Болезни, главным образом встречающиеся среди них и к которым они более восприимчивы, чем дети того же возраста и сословия, но которые не вынуждены работать, следующие: болезненные явления органов питания, искривления и вывихи позвоночника, изуродование членов и болезни легких, кончающиеся истощением и чахоткой".

Протесты против машин.

Трудящиеся массы переживали время, которое по справедливости можно назвать „эпохой отчаяния".

Поэтому вполне естественно, что эти массы, еще совсем не организованные и столь мало развитые, первую свою ненависть обрушили не на капиталистов-эксплоататоров и не на капиталистическую систему общественных отношений, а на видимую непосредственную причину своих бедствий— на машину. Им казалось, что все дело **только** в технических переменах, в появлении машины. Разглядеть новые экономические отношения, при которых немашинное производство сделалось уже невозможным, они не могли. Отсюда вполне понятное стремление вернуться к старым способам производства и помешать губительному, как им казалось, распространению машин. И чем хуже становилось положение, тем больше была ненависть против машин.

Сначала пытались прибегнуть к защите со стороны государства. Разоряющиеся ремесленники и кустари стремились добиться запрещения дальнейшему распространению машин. Посыпались петиции о запрещении машин. Вот несколько примеров, число которых можно было бы увеличить во много раз.

В 1776 г. прядильщики шерсти просят запретить употребление прялок „Дженни". Через несколько лет они обращаются к парламенту с жалобой на „купцов, которые, особенно в городе Галифаксе и Лидсе, начали устраивать фабрики, а другие подражают им, выстраивая большие фабрики для пряжи и тканья шерсти".

В 1794 г. чесальщики шерсти подают петицию, в которой говорят, что „одна машина, наблюдаемая одним рабочим и обслуживаемая 4 подростками, делает столько же работы, сколько 30 человек, работающих прежними способами"; чесальщики просят запретить употребление этих машин. А вот суконщики, собравшись на митинг, постано-

вляют сократить число ткацких станков, могущих принадлежать одному лицу, до 5, а число прядильных машин до общего количества всего лишь 150 веретен.

Очень любопытна мотивировка этого постановления.

1) «Домашняя промышленность в высшей степени благоприятна развитию сыновних, родительских и братских чувств, процветанию семейного счастия и развитию нравственных и гражданских чувств, фабричная же система стремится к разрушению этих чувств и устоев; 2) суконщики являются многочисленной корпорацией людей, производство и труд которых составляет их главное и часто единственное прирожденное право и источник существования, поэтому производство это должно быть обеспечено за ними и оберегаемо, как самая святая собственность».

Английский парламент выделил особую комиссию, которая рассмотрела ряд таких петиций и все их отвергла, постановив, что

«Законодательство не может совершить ни одного акта, стесняющего свободу промышленности или абсолютное право личности располагать своим временем и трудом»...

Безрезультатность петиций вызвала новые формы протестов. В 1758 г. 100.000 человек сожгли машину для стрижки овец. Через несколько лет была сожжена лесопильня и мельница. Это были первые вспышки. Вслед за ними начались настоящие бунты против машин. Особенную известность приобрело движение так называемых „леддитов" *), которое вспыхнуло в начале двадцатых годов прошлого столетия и в течение трех лет бушевало во многих районах Англии. Главнейшими застрельщиками были не фабричные рабочие, а разоряющиеся кустари, по преимуществу чулочники, но к ним присоединились массы рабочих шерстяной и хлопчатобумажной промышленности. Суровые преследования парализовали движение. Еще в 1769 г. был издан первый суровый закон против разрушителей механических приспособлений. По этому закону разрушители машин и зданий, в которых те находились, приравнивались к поджигателям и карались смертью. Затем подобные законы неоднократно повторялись, а во время движения леддитов террор достиг небывалых размеров и движение было подавлено.

---

*) Восставшие получили название «леддитов», не то по имени первого рабочего, разрушившего вязальный станок, не то по фамилии какого-то фантастического генерала, именем которого восставшие подписывали свои воззвания.

Бунты против машин являлись, таким образом, стихийным (не организованным) протестом против новых порядков.

Они были повсеместным явлением, где впервые водворялось фабричное производство. Они были особенно многочисленны и упорны в Англии, были и во Франции и в Германии и в других странах.

Разрушение машин и поджог фабрик, естественно, ни в какой степени не улучшали положения трудящихся; они вызывали лишь чрезвычайно жестокие преследования против „бунтовщиков“: за „злонамеренную порчу машин“, как мы видели, грозила смертная казнь.

Однако, нет худа без добра.

Восстания против машин явились своего рода боевым крещением пролетариата. Не принося непосредственной пользы, эти восстания многому научили рабочих: они увидели, что надо бороться не с машинами, а с владельцами машин. Этот урок был кровавым и мучительным.

Класс пролетариата рождался в борьбе и страданиях.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ к § 28.

Что такое процесс первоначального накопления капитала? Какими способами совершается этот процесс? Что называют „огораживанием земель“? Почему этот процесс усилился в конце XVIII века? Какое участие в обезземеливании крестьян принимал английский парламент? Почему была проведена реформа 1861 года в России? К каким результатам привела эта реформа? Откуда пополняются кадры пролетариата? Из каких частей состоит машина? Чем машина отличается от простого инструмента? В каких отраслях промышленности впервые появилась машина? Как применение машин отразилось на размерах производства? Чем фабричная система производства отличается от ремесленной, кустарной и мануфактурной? Почему фабричная система производства способствовала расширению женского и детского труда? Опишите положение пролетариата на заре капитализма. Почему столь велика была безработица? В чем рабочие видели главный источник своих бедствий? К каким способам рабочие прибегали в надежде улучшить свое положение?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. В чем различие между „экономическим“ и „внеэкономическим“ принуждением?

2. В какой связи находились технические изобретения с достижениями науки?

3. Можно ли считать революционным движением борьбу рабочих против машин? (Для ответа на этот вопрос желательно ознакомиться с дополнительной литературой).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Моносов С.—Зарождение промышленного капитализма в Англии.

Захер Я. М.—Промышленный переворот в Англии и его последствия, гл. I, II, III. (В конце книги приложены документы. К нашей теме относятся первые 9 документов, по изд. 1924 г.).

Фридлянд Ц. и Слуцкий А.—Хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы. Гл. I. (Краткое изложение вопроса. Приложено много ценных документов. Речь идет о промышленной революции в Англии).

Фридлянд Ц.—История Западной Европы. Ч. I. Лекция 1-я

Лукин.—Учебник по истории новейшего времени, гл. I.

Маркс К.—Капитал. Т. I; гл. 13 и 24 (13 глава говорит о характере машинного производства, 24 — о „так называемом первоначальном накоплении капитала").

Все книги указаны в порядке возрастающей трудности.

X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 29. Вопрос о внекапиталистическом пути развития.

Мы проследили основные этапы развития общества и довели наш обзор до зарождения промышленного капитализма. Мы описали первобытность и родовой строй—эти начальные этапы развития человеческого общества, характеризующиеся отсутствием классового расслоения; затем речь шла о первой форме классового общества,—о феодализме и о его разложении и, наконец, подробнее всего остановились на эпохе торгового капитала, которая рассматривается нами не как особая формация, а как начальная, переходная ступень в развитии капитализма *).

Сейчас перед нами возникает вопрос: всегда ли и всякое ли общество должно пройти через все этапы развития, через все формации или возможен переход от низших форм к высшим минуя промежуточные стадии. В частности особый интерес представляет этот вопрос применительно к отсталым народностям настоящего времени, недостигшим еще капиталистической стадии. По какому пути должно итти развитие этих народностей? Ждет ли их в будущем неизбежный капитализм, или они могут перейти к социализму непосредственно из своего отсталого состояния?

Вопрос о внекапиталистическом пути развития имеет в настоящее время огромное практическое значение,

---

*) Как уже указывалось во введении изучение развитого капиталистического общества (промышленный капитализм, и империализм, как высшая стадия капитализма), а также последующих более высоких общественных формаций (социализм и коммунизм) не входит в задачи нашего курса.

но этот вопрос возникал и раньше. В конце прошлого века первым русским марксистам пришлось вести упорную борьбу с так называемыми „народниками“, которые считали, что в России того времени капитализма еще нет и, что эту стадию общественного развития Россия может и должна избежать, перейдя непосредственно к социализму, при чем зародыш социализма они видели в русской земельной общине.

Возрожая народникам, русские марксисты (Ленин, Плеханов) утверждали, что говорить о каком то особенном пути русского развития не приходится. С цифрами в руках они доказывали, что капитализм в России не только будет, но уже начал развиваться. Однако этим вопрос не исчерпывался. Интересно было знать, невозможен ли переход к социализму, минуя капитализм, только в данной исторической обстановке, или речь должна итти о непреложном законе, имеющем силу во всех решительно исторических условиях.

Некоторые указания на этот счет мы находим в письмах Маркса и Энгельса, которые были втянуты в русский спор запросами народников. Основоположники научного социализма считали, что русская земельная община сама по себе могла бы быть некоторым зародышем для того, чтобы спасти Россию от ужасов капитализма и привести ее непосредственно к социализму, но для того, чтобы этот скачек мог совершиться нужен был по их мнению какой-то толчек извне, нужно было, чтобы сначала разрушился капитализм в тех странах, где он получил свое исходное развитие—т.-е. в странах Западной Европы.

„Несомненно, писал Энгельс русскому народнику Даниэльсону (литературный псевдоним Николай—он), что земельная община.... заключала в себе кое-какие зародыши, которые при известных условиях могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. ...Но первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне,—в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало“.

Таким образом Энгельс, который в данном случае вполне был солидарен с Марксом, теоретически не отрицал возможности внекапиталистического пути развития, хотя и не склонялся к позиции народников, считая, что в обста-

новке того времени **без толчка извне** такой путь развития был невозможен *).

То о чем Энгельс в 90-х годах прошлого века мог говорить предположительно, Ленин спустя четверть века имел возможность утверждать с полной категоричностью.

После великой октябрьской революции сложились вполне реальные условия для внекапиталистического пути развития отсталых народов. Огромная страна, где победил пролетариат, где началось строительство социализма стала тем самым „толчком извне“, о котором в свое время писал Энгельс и которого не хватало русской земельной общине.

Ленин не один раз высказывал свои мысли о возможности внекапиталистического пути развития для отсталых народов.

Вот, например, что он говорил в 1920 году на II конгрессе Коминтерна, когда он делал доклад от имени Комиссии по национальному и колониальному вопросам:

„можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей.... Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран, отсталые страны могут перейти к советскому строю, и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития“. (Собр. соч., изд. II, т. XXV, стр. 354).

Приведенные только-что взгляды принадлежат к числу основных идей ленинизма; они включены и в недавно принятую (на VI конгрессе) программу Коммунистического Интернационала. Здесь в разделе „борьба за мировую диктатуру пролетариата и колониальные революции“ говорится:

„При наличии центров социализма, в лице советских республик и их возрастающей экономической мощи, отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно об'единяются с индустри-

*) В другом письме к тому же Николай-ону Энгельс, не отказываясь от приведенных только-что слов, утверждает более определенно, что русская земельная община уже вступила на путь разложения и поэтому ей не суждено сыграть роль зародыша нового общественного строя.

альными очагами мирового социализма, втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного прогресса“.

Итак, колониальные народы теперь могут миновать путь капиталистического развития, если они на него еще не вступили, и быстро изжить капитализм, если он уже успел пустить там свои корни, но не получил полного развития.

Ну, а как обстоит дело с отсталыми народностями СССР?

Здесь возможности внекапиталистического развития еще более бесспорны.

В первые годы после октябрьской революции Ленин указывал на те предпосылки, которые необходимы для торжества социализма даже в наиболее отсталых районах нашей страны, где „царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость“.

Основным условием для перехода к социализму Ленин считал электрификацию. Именно тогда был выработан исторический план электрификации нашей страны, что и явилось первой ступенью подлинного строительства социализма. С тех пор прошел какой-нибудь десяток лет—промежуток времени ничтожный,—а между тем как много успело измениться!

Победившим пролетариатом проделана гигантская работа. Началась не только электрификация, но и всесторонняя, планомерная перестройка основ народного хозяйства, началась быстрая индустриализация, переводящая нас на наивысшие ступени технического развития. Индустриальные центры подчиняют себе все более широкие и даже самые отсталые районы, втягивая их в социалистическое строительство.

Сейчас уже не приходится ставить вопрос, возможно ли внекапиталистическое развитие для отсталых народностей нашего Союза. Это развитие—непосредственный переход к социализму—совершается на наших глазах.

Мы живем в период первой пятилетки строительства социализма.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ К § 29-му.

В чем заключался спор между марксистами и „народниками"? Какое значение придавали „народники" русской земельной общине? Какова была точка зрения Энгельса на вопрос о возможности непосредственного перехода к социализму, минуя капитализм? При каком условии Энгельс считал этот переход возможным? Как смотрел Ленин на вопрос о возможности внекапиталистического развития для колониальных народностей? Что сказано на этот счет в программе Коминтерна? При каких условиях Ленин считал возможным переход к социализму отсталых народностей нашего Союза?

РИСУНКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В ТЕКСТЕ.

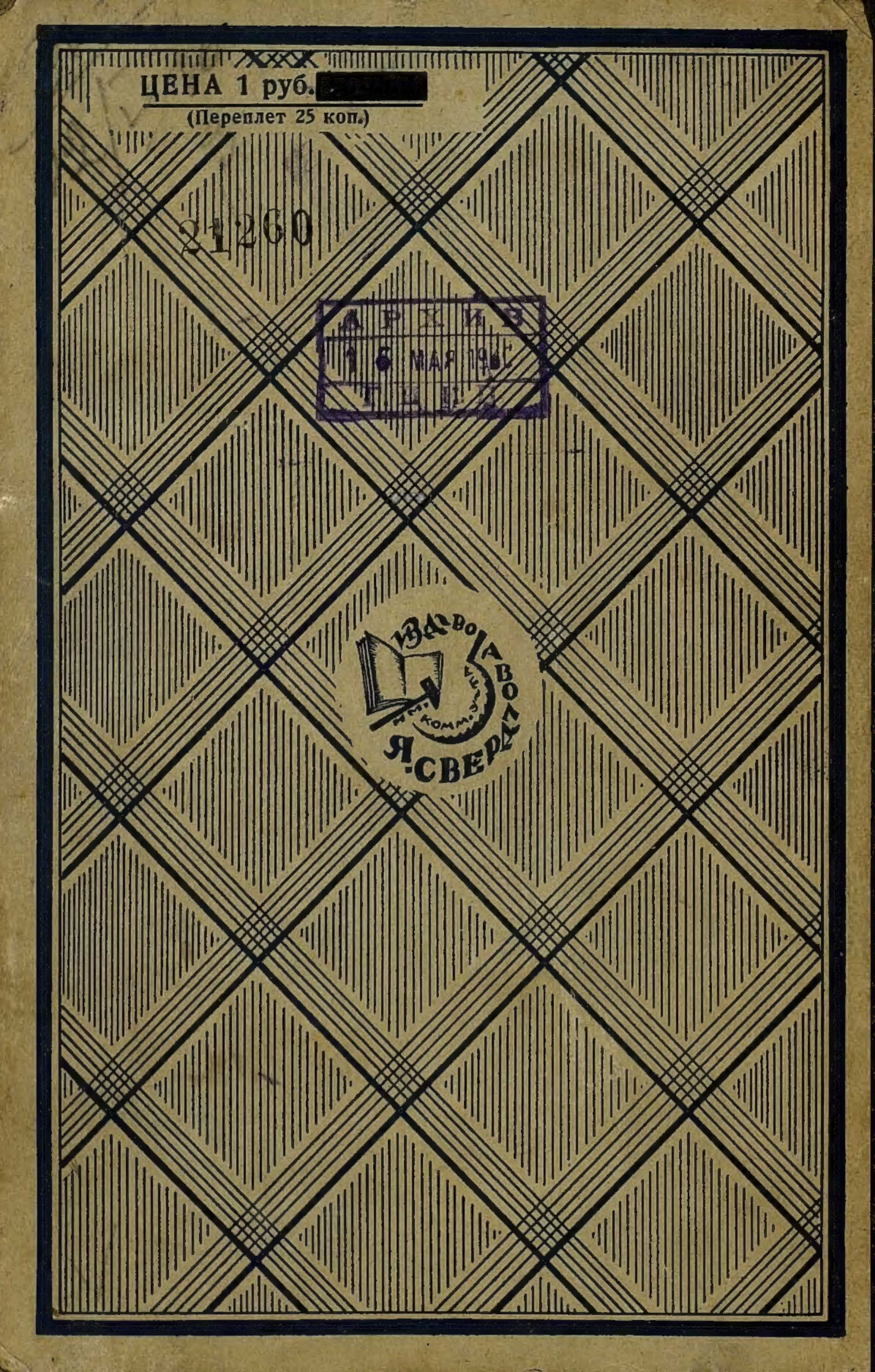
КАРТЫ, ПОМЕЩЕННЫЕ В ТЕКСТЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

21260

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, „ГСП 2“—Ильинка, 21, Изд-во НКВД. Телефон 64-71.


ЦЕНА 1 руб. [redacted]
(Переплет 25 коп.)
21260
АРХИВ
МАЯ